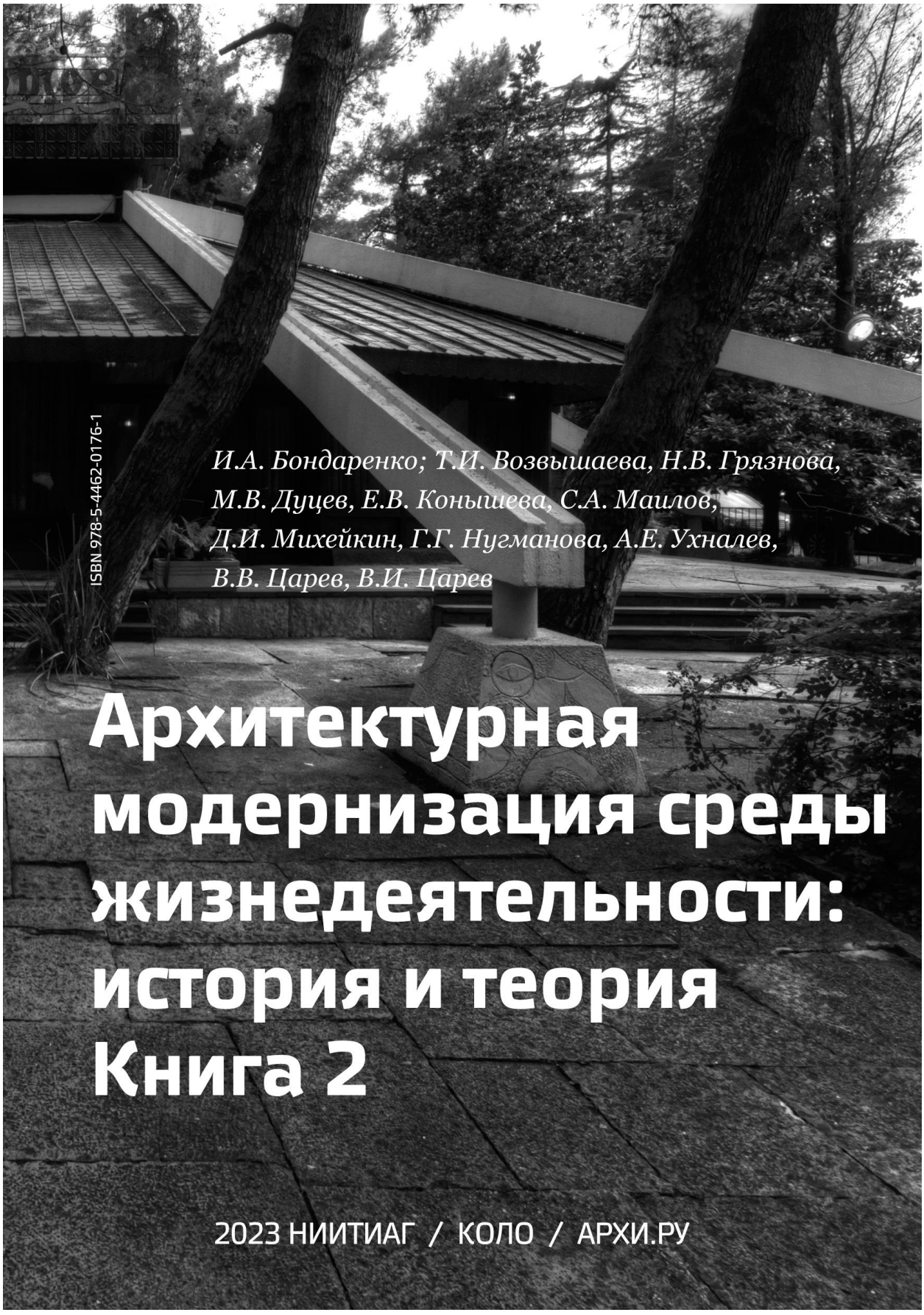


ISBN 978-5-4462-0176-1

И.А. Бондаренко; Т.И. Возвышаева, Н.В. Грязнова, М.В. Дуцев, Е.В. Конышева, С.А. Маилов, Д.И. Михейкин, Г.Г. Нугманова, А.Е. Ухналев, В.В. Царев, В.И. Царев

Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория Книга 2

2023 НИИТИАГ / КОЛО / АРХИ.РУ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
(Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ)

И.А.БОНДАРЕНКО, Т.И.ВОЗВЫШАЕВА, Н.В.ГРЯЗНОВА, М.В.ДУЦЕВ, Е.В.КОНЫШЕВА, С.А.МАИЛОВ, Д.И.МИХЕЙКИН, Г.Г.НУГМАНОВА, А.Е.УХНАЛЕВ, В.В.ЦАРЕВ, В.И.ЦАРЕВ

АРХИТЕКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

КНИГА 2

МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Архи.ру – Коло

2023

УДК 72.03
ББК 85.11
Р39

Исследование проведено по Плану фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2022 год. Тема № 1.1.6.1. Научный руководитель И.А.Бондаренко

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
Печатается по решению Ученого совета НИИТИАГ
Рецензент:
Доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН Г.А. Птичникова

Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Книга 2 / Ответственный редактор-составитель И.А. БОНДАРЕНКО.

М.–СПб.: Архи.ру – Коло, 2023.

Книга подготовлена по материалам второго этапа трехлетнего коллективного исследования, посвященного широкому кругу исторических и теоретических проблем модернизации среды жизнедеятельности средствами архитектуры и градостроительства. Она состоит из четырех частей: Искусство освоения естественной среды: традиции Древности и Средневековья; Программная модернизация городов, деревень и межселенных территорий Российской империи; Революционные и эволюционные преобразования жизненной среды в XX столетии; Современные поиски решения проблемы повышения качества среды жизнедеятельности средствами архитектуры. Работа нацелена на выявление причин и следствий профессиональной деятельности в области средоформирования, а также на выработку убедительных критериев оценки ее результативности. Для архитекторов, градостроителей, управленцев, педагогов и учащихся.

ISBN 978-5-4462-0176-1

© – коллектив авторов
© – филиал ФБГУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ

На обложке: Здание ресторана «Золотое руно», г. Пицунда, Республика Абхазия. Конец 1960-х — начало 1970-х (до 1974 года). Авторы не установлены. Фотография: Д.И. Михейкин, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ *(И.А.Бондаренко)* 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИСКУССТВО ОСВОЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ: ТРАДИЦИИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ГЛАВА I.1.
ОСВОЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ: ОБ ИСХОДНОЙ МОТИВАЦИИ СТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА *(И.А.Бондаренко)* 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПРОГРАММНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ, ДЕРЕВЕНЬ И МЕЖСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА II.1.
ЛАНДШАФТ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДЫ САКТ-ПЕТЕРБУРГА *(А.Е.Ухналев)* 30

ГЛАВА II.2.
ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) *(Н.В.Грязнова)* 50

ГЛАВА II.3.
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ПЛАНОВ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ *(Г.Г.Нугманова)* 91

ГЛАВА II.4.
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МИНУСИНСКА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИДЕИ И РЕАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ *(В.И.Царев, В.В.Царев)* 128

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ В XX СТОЛЕТИИ

ГЛАВА III.1.
ПЛАНИРОВОЧНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОГО КВАРТАЛА В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ» УРАЛА) *(Е.В.Конышева)* 147

ГЛАВА III.2.
ГОРОД-КУРОРТ ПИЦУНДА - УНИКАЛЬНЫЙ ПРИМЕР МОДЕРНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ 1950-х – 1960-х ГОДАХ *(Д.И.Михейкин)* 160

ГЛАВА III.3.

ТЕМА ДРУЖЕЛЮБНОГО ГОРОДА И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРХИТЕКТОРА В КОНЦЕПЦИЯХ И ПРАКТИКЕ РИЧАРДА РОДЖЕРСА *(Т.И.Возвышаева)* 190

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ АРХИТЕКТУРЫ

ГЛАВА IV.1.
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ МАСШТАБНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ПРИАНГАРЬЯ *(И.А.Бондаренко, В.И.Царев, В.В.Царев)* 212

ГЛАВА IV.2.
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУРОРТНОЙ СРЕДЫ КИСЛОВОДСКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ *(С.А.Маилов)* 230

ГЛАВА IV.3.
О СТОЛКНОВЕНИИ ЗАЩИТНИКОВ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ С ТРАДИЦИЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДЫ *(И.А.Бондаренко)* 243

ГЛАВА IV.4.
ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДЫ *(И.А.Бондаренко)* 253

ГЛАВА IV.5.
МОДЕРНИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА – В ДИАЛОГЕ С ИДЕНТИЧНОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ НИЖНЕГО НОВГОРОДА) *(М.В.Дуцев)* 261

ГЛАВА IV.6.
ПОТРЕБНОСТЬ В РЕВИЗИИ МОДЕРНИСТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕЛОСТНОСТИ ГОРОДА *(И.А.Бондаренко)* 287

ЗАКЛЮЧЕНИЕ *(И.А.Бондаренко)* 294

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемая работа представляет собой второй этап выполнения начатого в 2021 году трехлетнего коллективного исследования. Ее актуальность определяется тем, что многие города и села претерпевают сегодня значительные, подчас, радикальные преобразования, которые носят фактически полустихийный характер, несмотря на существование генеральных планов, градостроительных регламентов и архитектурных проектов, выполняемых профессионалами и согласуемых со всевозможными инстанциями. Предопределенная законом охрана объектов природного и культурного наследия осуществляется не в полной мере. Сложнейшие проблемы реконструкции исторически сложившейся планировки и застройки городов, субурбий и сел решаются без должного научного сопровождения. Совсем вольно заказчики и архитекторы-проектировщики относятся к модернизации/реновации районов относительно недавнего массового индустриального домостроения.

Создается впечатление, что общей теории этого вопроса нет и не может сложиться, коль скоро в истории бывало по-всякому, а сегодня все стремительно меняется, переосмысливается и переоценивается. Однако, профессиональный долг требует не пускать преобразовательную деятельность на самотек, а искать новые действенные способы разумного управления ею. В этом нуждаются и социум, и природа, подвергающаяся все большему натиску со стороны сокрушительной строительной индустрии.

Исходя из этого сформулирована общая цель работы: выявить наиболее существенные побудительные мотивы и механизмы архитектурно-градостроительных преобразований среды жизнедеятельности в исторической ретроспективе и теоретически осмыслить современные подходы к ее модернизации.

На 2022 год были поставлены следующие исследовательские задачи:

- Изучить аксиологию преобразовательно-благоустроительной деятельности человека в рамках традиционной материальной культуры и мировоззрения;
- Проанализировать мотивацию противопоставления и сближения искусственных архитектурно-планировочных образований и естественной среды жизнедеятельности;

- Выявить и разобрать показательные исторические прецеденты модернизации городской среды под воздействием изменяющейся идеологии, социально-экономических условий и архитектурно-градостроительных программ;

- Продолжить разработку актуальных проблем сохранения и современного использования историко-архитектурного и градостроительного наследия в условиях роста и реновации городов.

Полученные в 2022 году результаты исследования раскрывают неизвестные и неосмысленные ранее в должной мере закономерности и особенности средоформирующей и модернизационной деятельности архитекторов и градостроителей, начиная с древности, затем Российской империи, СССР и вплоть до нашего времени. Установлены как преемственные связи, так и радикальные отличия в подходах к проблеме сохранения и модернизации среды. Определены факторы, предопределившие эти сходства и отличия. Научная новизна данного этапа работы заключается в выявлении изменяющихся мировоззренческих основ и технических возможностей профессиональной деятельности в области средоформирования. Это дает основания для выработки новой стратегии умеренной модернизации урбанизированной среды, повышающей ее качественные характеристики при сохранении устойчивых признаков идентичности. Практическая значимость полученных результатов состоит в их нацеленности на прямое и опосредованное воздействие на творческие поиски и проектную практику современных архитекторов и градостроителей, которым надо помочь освободиться от устаревших шаблонов и научиться находить новые перспективные решения, опираясь на позитивный профессиональный опыт, накопленный в ходе истории. Результаты проделанной работы могут стать подспорьем и для подготовки новых нормативно-правовых документов. Они будут востребованы в сфере профессионального образования и переподготовки кадров архитекторов, градостроителей и управленцев.

Книга состоит из четырех основных частей. Первая часть посвящена глубинным традициям формирования и эволюции искусства освоения и преобразования естественной среды. В нее включена только одна, но основополагающая глава, раскрывающая мотивацию строительной деятельности человека, обустраивавшегося в той или иной природной ситуации и преобразовывавшего ее, исходя из своих практических нужд и религиозно-мифологических воззрений и верований.

Вторая часть включает рассмотрение программных преобразований природы, систем расселения и городов Российской империи. Здесь четыре главы, первая из которых раскрывает принципы формирования пространственной структуры Санкт-Петербурга,

органично вписавшейся в ландшафт дельты Невы. Вторая характеризует беспрецедентный опыт формирования идеализированной системы соподчиненных и взаимосвязанных городов Тамбовской губернии XVIII-XIX веков. Третья – на досконально изученной документальной основе представляет реальную картину практического осуществления имперской программы перепланировки уездных городов Казанской губернии сообразно регулярным планам. Четвертая повествует о том, как задумывалась и осуществлялась модернизация относительно небольшого сибирского города Минусинска.

В третьей части анализируются революционные и эволюционные преобразования жизненной среды, имевшие место в XX веке. Первая глава этой части посвящена существенному переосмыслению и переустройству традиционного городского квартала в советском градостроительстве конца 1920-х – начала 1930-х годов. Вторая - детальному разбору советского образцово-показательного архитектурно-градостроительного объекта 1960-70-х годов, а именно: курорта Пицунда, где была осуществлена масштабная и очень творческая модернизация исторического природного и культурного наследия. Третья глава характеризует вклад в теорию и практику современной архитектуры и градостроительства прославленного английского архитектора Ричарда Роджерса.

Четвертая часть содержит наиболее актуальные теоретические разработки, нацеленные на поиск новых средств решения проблемы повышения качества среды жизнедеятельности средствами архитектуры и градостроительства. В первой главе заостряется внимание на трагических последствиях для историко-культурного наследия крупномасштабных преобразований природной среды Приангарья. Во второй - критикуется происходящая у нас на глазах деградация архитектурно-природной среды Кисловодска и других городов-курортов Кавказских Минеральных Вод. Третья глава носит историко-теоретический характер. В ней разбирается вопрос о столкновении сторонников противоположных взглядов на проблему модернизации исторически сложившейся и обладающей культурной ценностью среды и делается вывод о необходимости достижения баланса между противоположными интенциями. В четвертой главе раскрывается коллизия между музеефикацией памятников архитектуры и их активной включенностью в окружающую среду, подвергающуюся в той или иной степени модернизации. Пятая глава посвящена критическому разбору новейшего опыта реновации знаковых общественных пространств Нижнего Новгорода с точки зрения поддержания органической целостности и своеобразия/идентичности архитектурно-природной среды этого уникального исторического города. В шестой главе содержится аргументированный

призыв к осуществлению ревизии устаревших модернистских представлений о целостности городской планировки и застройки.

В заключении приводятся общие итоги исследования за 2022 год, формулируются промежуточные выводы и намечаются задачи последнего - третьего этапа коллективной работы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСКУССТВО ОСВОЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ: ТРАДИЦИИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ГЛАВА I.1.

ОСВОЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ: ОБ ИСХОДНОЙ МОТИВАЦИИ СТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Перед нами стоит задача – попытаться восстановить хотя бы в общих чертах логику начальной творческой деятельности людей, нацеленной на освоение диких природных ландшафтов и на создание пригодных для жизни стоянок, поселений и городов. Материал для такого исследования дают как археологические раскопки, так и относительно поздние градостроительные объекты, сохраняющие в себе признаки глубоко традиционного отношения к антиномии «естественное - искусственное». Особое значение имеют этнографические и фольклорные свидетельства о том, каковым был образ мысли человека древности и средневековья, как он выстраивал взаимоотношения с окружающим миром, чем мотивировал свою строительную деятельность.

Претендовать на полноценное раскрытие всех этих вопросов невозможно, тем более, в небольшом по объему тексте. Но приближаться к их пониманию надо: они неслучайно вызывают интерес и порождают всевозможные догадки и фантазии. Ощущается потребность в рассмотрении фундаментальных основ нашей профессии в свете традиционной культуры и мировоззрения. Этого недостает современной теории архитектуры, страдающей от засилия поверхностных модернистских шаблонов. В свою очередь, знания специфических архитектурных традиций нужны и для развития той большой науки о человеке и обществе, которой занимаются историки, этнологи,

филологи, культурологи. Данная работа основывается, преимущественно, на древнерусском материале, хотя носит обобщающий историко-теоретический характер.

Принято считать, что в первобытные времена человек еще не имел развитого абстрактного мышления и был вынужден самым примитивным способом приспосабливаться к условиям местности, напоминая животных. Вдаваться в обсуждение этой темы сейчас затруднительно. Замечу только, что животные приспосабливаются к местности и приспосабливают эту местность под себя вовсе не случайным образом. У каждого их класса, семейства и вида имеется своя врожденная программа действий. Иногда эта программа включает удивительные по сложности и совершенству «архитектурно-строительные проекты». Вряд ли человек отличался отсутствием такой программы, хотя ему предстояло пройти особый путь долгого и трудного саморазвития. Обычно противопоставляют инстинктивность поведения зверей разумной деятельности человека, породившей цивилизацию. Но ведь и у людей есть животные инстинкты, и у зверей – свой разум. В последнее время биологи все чаще отмечают осмысленность поведения всевозможных живых организмов[1] .

В своем докладе на конференции «Вопросы всеобщей истории архитектуры – 2022» А.М.Бучка, ссылаясь на западных ученых, занимающихся изучением работы мозга и констатирующих извечное существование в воображении человека неких геометрических архетипов, высказал предположение о том, что округлые и ортогональные планировочные структуры поселений, а также абстрактные орнаменты появились благодаря желанию запечатлеть в реальности такого рода архетипические видения, наверняка наделявшиеся сакраментальной значимостью[2]. Не отрицая важности такого рода нейропсихологических исследований, хочу заметить, что никакие жрецы и шаманы не смогли бы сохранять свой авторитет, если бы рядовые члены общины не понимали смысла происходящего. Все эти геометризованные формы служили знаками, обеспечивавшими необходимую коммуникацию между людьми, и они находили свои аналогии во множестве вполне реальных и природных, и рукотворных объектов. Интересно, конечно, размышлять о роли «коллективного бессознательного» в культуре и

[1] Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности: эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения». №1. Изд. Стереотипное. М.: URSS, 2022. – 272 с.

[2] Бучка А.М. Источник геометризма в искусстве и зодчестве. На примере нефигуративных изображений и древней архитектуры // Материалы научной конференции «Вопросы всеобщей истории архитектуры» 2022 года. Archi.ru

искусстве древности, однако, для раскрытия существа архитектурно-строительных и художественных традиций требуется отыскивать в них рациональное зерно.

Не будем, все же, погружаться в слишком далекие времена, ибо нам недостает достоверных знаний о них. Начнем с того, о чем могут свидетельствовать артефакты и отголоски той материальной и духовной культуры, которая обобщенно именуется традиционной.

В первую очередь надо отметить весьма развитый уже в эпоху палеолита культ животных, многие из которых остались запечатленными в наскальных рисунках с удивительным художественным мастерством. Людям приходилось жить среди животных и отвоевывать у них пространство для себя. До свойственного нам тотального отмежевания человека от дикой природы было еще очень далеко. Можно полагать, что главная задача тех незапамятных времен состояла в выстраивании определенного порядка в отношениях между всеми обитателями населяемой человеком местности. Отсюда, по-видимому, и берут начало сказочные сюжеты, представляющие животных человекоподобными - говорящими, действующими и властвующими.

Существует понятие тератеизма, означающее не только религиозное поклонение животным, но и символическое установление генеалогических связей между ними и человеческими родами[3]. Недаром животные, как и люди, делились на своих и чужих. Первые давали помощь и защиту, от вторых исходила опасность. Это поясняет мотивацию одомашнивания некоторых представителей фауны. Развитие культа предков, тем самым, происходило в тесном взаимодействии с культом животных, становившихся тотемными. Понятно, что священных животных нельзя было убивать, хотя некоторых из них приносили в жертву, вкушая их мясо на ритуальных трапезах с целью угождения богам и сближения с ними («причащения»). Но были животные, считавшиеся «нечистыми» и запрещенными для использования в пищу. С жестокими хищниками приходилось сражаться, на иных животных охотились, каких-то укрощали и приручали, а то и просто держали в неволе, откармливали, украшали и делали объектами поклонения.

Наделением избранных животных статусом первопредков и покровителей человеческих родов можно объяснить появление зооморфных черт в формах древних жилищ. Археологами обнаружены первобытные постройки из костей мамонтов, покрывавшиеся шкурами, увенчивавшиеся рогами. Реконструкции их не всегда

[3] Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Составитель С.А.Ратнер-Штернберг. Под ред. Я.П.Алькора. Изд. 3-е. М.:ЛЕНАНД, 2018. – 597 с. С.191-196.

бесспорны, но по большому счету убедительны, коль скоро хорошо известно, как много признаков зоо- и антропоморфизма несут в себе традиции зодчества, причем, не только народного, но и совсем позднего, академического.

Сейчас уже не вырезают конские головы на концах бревенчатых охлупней, однако, по-прежнему называют коньками гребни двускатных кровель. Стены зданий с дверями и окнами стали теперь абстрактно-геометрическими, но продолжает жить понятие фасада, то есть лицевой поверхности. Важно заметить, что фасады–лица бывают передними, боковыми и задними. А сквозные проемы в стенах все еще могут ассоциироваться и с глазами, и со ртами или пастями, «заглатывающими» и «изрыгающими» входящих и выходящих, как это описывается в волшебных сказках[4]. Сами слова «окна», «око», «очи», также как «ворота» и «рот», имеют общие корни. У зданий есть «крылья» и «крыльца», «подошвы» и «пояса», «бровки» и «лбы», «венцы» и «маковки». Русские церкви, как известно, увенчивают «главы» на цилиндрических барабанах, именуемых по старинке «шеями».

Биоморфизм древних построек говорит о том, что люди стремились находиться под защитой своих могущественных прародителей и иметь возможность укрываться внутри них. Так дети прячутся под юбкой матери, котята под телом кошки, птенцы в гнезде под наседкой, а мальки некоторых рыб – в ротовой полости самки. Выход из дома мог ассоциироваться, тем самым, с рождением человека, появлением его «на свет Божий», а вход – с возвращением в материнское лоно для подкрепления сил и последующего возрождения. Существовали ритуалы укрепления здоровья новорожденного при помощи его «допекания» или «перепекания» в печи, которая уподоблялась матери, а также исцеления больных путем протаскивания через священные расщелины и отверстия в камнях и деревьях[5]. И скотину перед весенним выпасом старались защитить магически, ограждая, например, специально начертанным на земле кругом с «воротами», сделанными из двух срубленных и связанных вершинами березок с укрепленными на них иконами. До нас дошло наставление: «Скот загонять и выгонять через эти «ворота» и при этом жечь «христовску свечу»»[6].

Весьма показательны в этой связи легенды о заглатывании героя демоническим существом, вследствие чего он попадает в иной мир, откуда выносит, по возвращении,

[4] Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство ЛГУ, 1986. С.63-64.
[5] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. – 240 с. С.53-54.
[6] Дурасов Г.П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине каргополья в XIX – начале XX в. / Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. С.265-282. С.274.

тайные знания (достаточно вспомнить библейского пророка Иону). Такие легенды встраивали локальные земные реалии в глобальную картину вселенского мироустройства.

Нельзя не обратить внимания на то, что образы животных издревле заполнили собой почти все звездное небо, на котором был даже выделен особый пояс зооморфных персонажей, названный по гречески Зодиаком. Впрочем, в этот пояс вошли и антропоморфные образы, а многие созвездия, ассоциируемые со зверями, рыбами, змеями и птицами, расположились за его пределами, и ниже, и выше. В целом небосвод оказался подобен всеохватной поверхности мировой горы, населенной бессмертными звездными существами.

Одушевленными представлялись людям языческой древности и деревья, и водные источники, реки и озера, горы и скалы, сама земля и отдельные камни. Это принято называть анимизмом, создававшим почву для развития пантеистического мировоззрения[7]. Все пространство казалось тогда наполненным не только видимыми и осязаемыми живыми организмами, но и незримыми бестелесными духами, которые могли проявлять то благосклонность, то враждебность по отношению к человеку. А могло ли быть иначе в условиях жизни в гуще природы, где всегда на чеку масса настороженных глаз, ушей и носов диких животных, внимательно следящих за происходящим и готовящихся скрыться или напасть?

Знаменателен тот факт, что многие элементы ландшафта до сих пор носят «анатомические» наименования, а именно: хребты и горбы, рога и отроги, макушки и косы, лбы и взлобья, бровки и носы, губы и языки, мысы и устья, зубъя и пропасти, подножия и подолы, рукава и колени, пупы и уступы. Характерные изломы рельефа явно ассоциировались с частями тел мифологических существ, достигавших грандиозных масштабов. Такие топонимы, как «Медведь-гора», говорят о весьма развитом народном воображении, согласно которому зооморфные гиганты покоятся на земле. Они некогда замерли, окаменели, вросли в почву, но в урочный час могут и проснуться, ожить, расправиться во весь рост, начать буйствовать.

Хтонические существа есть и в недрах земли, и в самом ее основании. Вспомним легенды о том, что земля утверждена на четырех китах или на гигантской черепахе, лягушке, рыбе и т.п. В сказке «Конек-горбунок» красочно и не без юмора представлен образ «Чудо-юдо рыбы-кита», на которой и село стоит, и бор растет, мальчишки пляшут,

[7] Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Составитель С.А.Ратнер-Штернберг. Под ред. Я.П.Алькора. Изд. 3-е. М.:ЛЕНАНД, 2018. – 597 с. С.231-238.

мужики пашут и т.п. Землетрясения традиционно объяснялись тем, что обитатели подземного мира гневаются и угрожают тем, кто находится наверху.

Все это содержит древнегреческая мифология, согласно которой изначальная земля - «широкогрудая» Гея - породила широко разлившееся море, высоко поднявшиеся горы и само небо – Урана, ставшего ее супругом. От этого брака родились шесть сыновей и шесть дочерей – могучих титанов, а также три одноглазых великана – циклопа и три пятидесятиголовых и сторуких великана – гекатонхейера. По велению отца эти страшилища были заключены в утробу матери, что обрекало ее на мучения [8]. Кончилось дело тем, что младший из титанов – Кронос – оскопил Урана и покончил с его властью над миром. Началась эпоха царствования титанов. Но пришел конец и этой эпохе, когда возмужал Зевс. Он заставил отца изрыгнуть проглоченных им детей – «кронидов», которые стали олимпийскими богами. Эти уже вполне антропоморфные боги пришли на смену титанам после изнурительной борьбы, именуемой «титаномахией». Один из заметных следов этой борьбы – титан Атлас, поставленный богами на край света для поддержания небесной тверди. Он превратился в гору, которая по сей день носит его имя (на северо-западе Африки).

Экскурс в греческий эпос помогает приблизиться к пониманию специфики отношения к природным ландшафтам в древности. Мало того, что мир казался тогда густо населенным весьма своенравными существами самого разного облика, ранга и могущества. В нем усматривались отпечатки событий начальных времен, как счастливых, так и трагических. Поэтому природа не могла восприниматься, как сейчас, - романтически-умиротворенно, будто единое сбалансированное, всегда прекрасное, гармоничное целое. А раз так, то требовалось умение не только отыскивать наилучшие участки ландшафта, но и целенаправленно преобразовывать, приспосабливать, благоустраивать их - из высших соображений, которые совпадали с жизнеустроительными интересами человека.

Сходные мысли порождает китайское предание о том, как дух вод Гун-гун так ударил в гневе хвостом по горе Бучжоушань, служившей западной опорой вселенной, что мир покосился. Начался страшный пожар и наводнение одновременно. Тогда первопредкам Нюй-ве и Фу-си пришлось исправлять ситуацию: залатывать пробоину в небосводе, устанавливать новые опоры для него и прочее[9].

[8] Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Просвещение, 1954. С.17-18.
[9] Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т.2. / гл.ред. С.А.Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1992. С.232-233.

На Руси и на более широких просторах Евразии, а также и Америки, была распространена в разных вариациях замечательная этиологическая легенда о том, как Бог создавал землю посреди мирового океана. Ему для этого был нужен комочек грунта со дна. Достать его Он послал водоплавающую птицу, под видом которой скрывался сам Сатана. Птица нырнула, набрала в клюв землю и не с первого раза, но все-таки, вынесла ее на поверхность. Бог начал рассеивать эту землю, а она стала расти. Завистливый помощник решил утаить часть драгоценного материала у себя во рту. Но и припрятанный грунт пошел в рост, отчего пришлось его судорожно отхаркивать. Вот причина того, что чистая и ровная земля, сотворенная Богом, покрылась буграми и неудобьями. В одной из записей этой легенды есть такие уточнения: «Взял Саваоф эту землю и рассеял в восточную сторону, и стала чудная, прекрасная земля. И спросил Саваоф сатану: «Вся ли тут земля.» - «Вся», - сказал сатана, а сам держит частицу за щекой. А земля за щекой стала расти-прибывать, а щеку стало раздувать.

Видит сатана, что не обмануть ему Саваофа: взял да рассеял ту землю в северную сторону, и стала тут земля холодная, каменистая и нехлебородная»[10].

А в русских духовных стихах закрепилось представление о том, что «все неудоби земные – такие, как болота, горы и овраги, - созданы дьяволом, чтобы поминал его недобрым словом всякий, кому доведется попасть в труднопроходимые места»[11]. Недаром в народе горы с остроконечными скалистыми вершинами именовались «чертовыми городищами»[12]. Хотя горы с гладкими вершинами тоже могли считаться «нечистыми». На таких «лысых» горах ведьмы по ночам устраивали шабаши. Были кручи, принадлежащие драконам, наподобие «Змея-Горыныча» из русских сказок, другие же горы, наоборот, почитались как «божии», «святые», «красные» - подобия самого небесного купола. На них создавались святилища, строились храмы и крепости.

На приведенную выше легенду оказала влияние христианская вера в великого Бога-Творца и свергнутого с небес бывшего первого ангела. Вместе с тем, чувствуется ее языческое происхождение, хотя бы потому, что действующие лица здесь имеют свои зоны ответственности. Светлому небесному божеству не гоже погружаться в пучину морскую и достигать преисподней. Для этого есть существа низшие.

По большому счету, как это убедительно показал в своей книге Луи Отекер, языческие божества довольно четко подразделялись на «хтонических» и «уранических»,

[10] Народная проза / Сост., вступ.ст., подгот.текстов и коммент. С.Н.Азбелева. – М.: Русская книга, 1992. – 608 с. С.454.
[11] Мильков В.В., Милькова С.В. Апокрифическое выражение мифологических воззрений // Древняя Русь: пересечение традиций. М.: Скрипторий, 1997. С.203-249. С.223.
[12] Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. – 653 с. С.614.

происходящих от Геи и Урана[13]. А еще они делились на светлых и темных. На память приходят и славянские Белобог с Чернобогом, и индийские боги и асуры, и многие другие пары противоборствующих божественных и демонических сил, окрыленных и пресмыкающихся. Нельзя не вспомнить о стойких дуалистических верованиях, например, богомилов, а также о базовой философской китайской бинарной оппозиции «инь-ян».

Принципиальное значение имело осознание человеком того, что противоположности существуют в мире не по-рознь, а образуя неразлучные пары. Пространство жизни заключено между землей и небом, мраком ночи и светом дня, между направлениями вверх и вниз, вперед и назад, вправо и влево. Это были не надуманные, а врожденные, вполне естественные понятия, предопределенные структурой трехмерного пространства. На их основе формировался весьма выразительный образ вселенной, который издревле ассоциировался с неким первозданным одушевленным существом. Известны мифы о создании мира из тел Имира, Тиамат, Пуруши, Пань-гу, Адама-Кадмона. Здесь уместно привести цитату из русской Голубиной книги, пусть и относительно позднюю, но прекрасно передающую суть пантеистических воззрений глубокой древности: «У нас белый свет взят от Господа, / Солнце красное от лица Божия, / Млад-светел месяц от грудей Его, / Зори белыя от очей Божьих, / Звезды частыя – то от риз Его. / Ветры буйные от Свята Духа ….. У нас мир-народ от Адамия; /Кости крепкия от камени; /Телеса наши от сырой земли; /Кровь-руда наша от черна моря»[14].

Стойкость такого рода космологических воззрений подтверждает сравнение вселенной с человеческой головой, содержащееся во вполне каноническом «Шестодневе» ранневизантийского епископа Севериана Габальского. Вот цитата из этого источника, в переводе на современный русский язык: «Обрати внимание на премудрость Творца. Имеешь же и [ты] в себе самом образ [того] творения. Только посмотри на голову свою и сравни ее с небом, что в вышине, - там над языком есть [нечто] подобное второму небу, которое твердь. Поэтому по-гречески оно называется «ураниск», а на болгарском языке называется «лалока». Так же и выше [находится] подобный невидимым [сферам] головной мозг, невидимый [нами], тогда как внизу – доступный зрению язык. Соответственно высшее небо можно только помыслить, тогда как нижнее – [увидеть] и описать

[13] Louis Hautecoeur. Mystique et architecture symbolisme du cercle et de la coupole. Paris, 1954.
[14] Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ.ст. Н.И.Толстого; Послесловие С.Е.Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л.Топоркова. - М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). – 192 с. С.66-67.

словами»[15]. Нельзя не обратить внимания на декларируемое здесь размежевание вселенной на мир зримый и осязаемый и мир недоступный для простых смертных - незримый, горний.

Возвращаясь к теме биоморфизма архитектурных сооружений, надо заметить, что в традиционных домах улавливаются, преимущественно, черты сходства именно с головой, имеющей рот, глаза-очи, лоб. Двускатные кровли напоминают женские платки, а шатровые – мужские шлемы, шапки, колпаки. Можно, конечно, вспомнить и столбы - «ножки», которые ставились иногда под углы. На длинных, как у журавля или цапли, погруженных в воду «ногах» устраивали особое - свайное жилище. Однако, чаще обходились без угловых опор и, наоборот, заглубляли строение в землю. Получалось что-то похожее на огромную голову сказочного витязя из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» (!).

Такое приземистое жилище с покатым верхом было сродни кургану, холму или горе, в очертаниях которой тоже присутствовали антропоморфные черты, как это было отмечено выше. Пещера – пространственная полость внутри горы – оказывалась природной аналогией интерьера здания. И она могла ассоциироваться, как с ротовой полостью живого существа, так и с воздушным пространством, заключенным между небом и землей. Подтверждением тому служат фольклорные уподобления небосвода высочайшей горе[16].

Как видно, человек ощущал себя живущим внутри огромного космического организма, вбирающего в себя великое множество когда-то порожденных или сотворенных существ. Причем, каждое такое существо виделось не только обитателем и принадлежностью вселенной, но и ее более или менее полноценным, самодостаточным подобием, то есть вселенной в миниатюре - «микрокосмом», заключенным в «макрокосме». Отсюда исходила идея множественности миров, либо соседствующих, либо входящих друг в друга по «принципу матрешки».

Интересная малоисследованная тема - «гибридизация» признаков разных существ в искусстве древности и средневековья. Не углубляясь в нее, выскажу лишь догадку о том, что по мере разрастания больших семей, породнявшихся между собой и создававших соседские общины, возникала все большая потребность в компиляции наследуемых ими

[15] Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч.II. Тексты плоскостно-комарной и других космологических традиций / Изд.подг. В.В.Мильков, С.М.Полянский. – СПб.: ИД «Міръ», 2009. – 624 с. С.109.

[16] Афанасьев А.Н. Славянская мифология. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 1520 с. С.82-84.

родовых тотемов. Следует заметить, что сами тотемы могли представлять собой лишь части животных и растений[17]. Параллельно развивалось понимание того, что все конкретные чтимые образы являются отпрысками одного, общего для всех первопредка, а значит, и частицами одного космического дома. Следовательно, первопредок этот многолик и многозначителен. Так можно объяснить появление фантастических образов сфинкса, химеры, дракона. Показательно правило передачи девяти «сходств» при изображении дракона, изложенное в трактате о живописи Го Жо-сюя эпохи Пяти династий: «рога, как у оленя, голова верблюда, глаза демона, шея змеи, живот, как у морской змеи, чешуя рыб, когти сокола, лапы тигра, уши быка»[18].

Вот, откуда, по-видимому, брала начало оформившаяся в эпоху монотеизма мысль о недостижимом в своем величии «всеимянном» и «безимянном» Боге, содержащем в себе архетипы всего сущего. Языческий политеизм не отрицал этого, он просто уделял большее внимание земному, близкому, насущному. Мир богов пополнялся тогда умиравшими людьми, которым пришло время вернуться к своим предкам. Можно предполагать, что приход на смену зооморфным богам антропоморфных объяснялся отмеченной выше верой в происхождение человеческих родов от животных. В этой связи нельзя не вспомнить библейское утверждение о том, что человек создан последним в череде творений. Когда господствовали представления не о сотворении, а о порождении мира со всеми его обитателями, версия происхождения людей от животных получалась логичной.

Иерархическая структура родового общества, разрастаясь и укрепляясь, побуждала соотносить малое с большим, молодое со старым, частное со всеобщим, множественное с единым. Это вело к повышению роли образных обобщений и развитию ассоциативного мышления. Отсюда проистекала не только гибридизация, но и преднамеренная схематизация исходных форм ради придания им более или менее универсальной символической значимости. Наверное, этим можно объяснить приход на смену древнейшим реалистичным рисункам и скульптурам гораздо более условных, даже нарочито геометризованных. По тому же пути эволюционировала и письменность: все менее изобразительными становились иероглифы, клинопись, всевозможные «черты и резы», наконец, буквенные алфавиты.

---

[17] Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Составитель С.А.Ратнер-Штернберг. Под ред. Я.П.Алькора. Изд. 3-е. М.:ЛЕНАНД, 2018. – 597 с. С.197.

[18] Асташенкова Е.В. Дракон в искусстве бохайцев и чжурчжэней Приморья // Традиционная культура востока Азии. Вып.4. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2002. С.280-294. С.293.

Данный тренд развития архаического мышления делал нужными такие изваяния, которые кажутся нам сегодня совсем примитивными, неуклюжими, грубыми. От них один шаг до установки просто каменных глыб со слегка намеченными чертами лица, а то и вовсе без них. Эти глыбы молчаливо свидетельствуют о возвращении одушевленных существ в первобытное состояние, в первичную мертвую материю. Лучше всего для выражения этой идеи в силу своей твердости подходит именно камень, а также металл, впрочем, и стволы деревьев, по известным поверьям, могут скрывать в себе духов, удалившихся из мира жизни. Удалившихся, но и способных явить себя вновь.

Для нас особенно существенно то, что сказанное имеет прямое отношение к архитектуре. В начале раздела перечислялись черты зоо- и антропоморфизма традиционных зданий. Их много, но все они давно стали крайне условными, по большей части номинальными. Образы предков, служившие для потомков апотропеями – оберегами, обобщались в процессе строительства до полной неузнаваемости. Показательна в этом отношении фраза из одного китайского трактата: «голова человека круглая, а ступни квадратные, поскольку связаны с небом и землей»[19]. В простейшей архаической модели мироздания земля и небо представлялись как сопряженные между собой квадрат и окружность[20]. Купольные постройки на квадратных основаниях очень наглядно воплощали эту модель. Что общего между ними и образом животного? – Четыре лапы или копыта внизу и круглящееся туловище наверху. Только и всего. Но это существенно.

Понятно, что имелись технические трудности воплощения в строительстве сложных форм, но не в них заключалась главная причина упрощения и геометризации построек. Этой причиной служило сознательное стремление воплотить не живые индивидуальные лики, а обобщенные – окаменевшие, омертвевшие, онемевшие, ослепшие, «смазанные». Не случайно здания строились из так называемых инертных материалов – земли и камня, глины и извести, срубленных древесных стволов и ветвей, костей и шкур убитых животных.

Фундаментальное свойство архитектуры – противостояние потоку времени. Это значит, что она должна быть сопричастна миру вечности, куда отходят умершие. По

[19] Шевченко М. Ю. Круг и квадрат как основа геометрических построений планировок центрических сооружений в архитектуре Китая // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. No. 2 (55). P. 77–91. С.78.

[20] Бондаренко И.А. Образ неба, стоящего на земле, в архитектуре Китая и Византии // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып.16. / Гл.ред.-сост. А.Ю.Казарян. СПб.: Нестор-История, 2021. С.9-28.

отношению к мемориальному зодчеству данный тезис не вызывает сомнений. Но ведь при закладке и самых обычных жилищ совершались жертвоприношения. Вплоть до совсем недавнего времени! Этот исторический факт помогает осмыслить резоны огрубления и геометрической схематизации архитектурных форм. Коль скоро защитная сила архитектуры берется из «инобытия», то и ее пластика должна быть «не от мира сего». Другое дело, что, оказываясь наполовину принадлежностью мира людей, архитектура вынуждена стареть, разрушаться и обновляться вместе с этим миром. Мы ценим сегодня древние памятники архитектуры и художественного ремесла за их рукотворный характер и покрытие впечатляющей патиной времени. Однако, если уйти от традиций романтизма, то на передний план выдвинется иное, а именно: сакраментальная причастность их к творениям божественным, нерукотворным.

Геометрическая кристаллизация архитектурных конструкций и форм не просто стирает индивидуальность того, что временно и преходяще, она знаменует приобщение к идеальному, вечному, неуничтожимому. Вот, в чем видится причина развития искусства регулярного, математически точно выверенного строительства, как отдельных зданий и сооружений, так и целых комплексов и поселений. Естественные глыбы камней при всей своей монументальности не скрывают того, что на них распространяется-таки разрушительное воздействие времени, а с ним ветра, воды и огня. Совсем другое впечатление производят каменные квадры, тщательно обтесанные и пригнанные друг к другу. То же относится и к дереву, и к иным строительным материалам.

Искусство нацелено на преобразование естества. Оно стоит на службе культуры и цивилизации. Оно необходимо не только для архитектуры, но и для выстраивания общественного порядка, для социализации подрастающих поколений, рождающихся всегда неприспособленными, неумелыми, «неотесанными», как очень образно говорят в народе[21]. К этому надо добавить, что регулярность издревле ассоциировалась с высшим порядком, а ее противоположность – с той порчей, которая исходит от низших, зловредных существ.

С одной стороны, размерение, выравнивание, стандартизация форм лишает их признаков земной органической жизни, зато с другой – делает причастными к жизни непреходящей. Важнейшая миссия архитектуры состоит в осуществлении необходимого и достаточного контакта между изменчивым и постоянным. Внешняя безжизненность правильных геометрических фигур не отменяет заключения в их рамки источников жизни.

[21] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. – 240 с. С.41.

Чтобы согласиться с этим утверждением, надо вспомнить об индийской традиции вписывания антропоморфной фигуры сидящего Пуруши в правильно построенный квадрат Васту-мандалы. Поверх этой фигуры располагаются боги, каждый в своем малом квадрате, формирующие и наполняющие жизненное пространство[22]. Присутствие образа Пуруши подразумевалось не только в мандалах, но и в квадрах камней, и в столбах, и в фундаментах и стенах, и в общих очертаниях возводящихся храмов и домов. Об универсальности такого рода образных представлений свидетельствуют и средневековые европейские, в том числе, древнерусские изображения Бога в обрамлении правильного квадрата или ромба, и распространенные в эпохи Ренессанса и Просвещения антропоморфные символы Макрокосма[23]. Особого внимания заслуживают уподобления античных колонн абстрагированным человеческим фигурам.

На протяжении веков и тысячелетий развитие архитектуры шло по пути геометризации и пропорциональной гармонизации объемно-пространственных структур, наделявшихся все менее конкретными образно-символическими коннотациями. Заодно с архитектурой развивался и декор. А изобразительное искусство направилось в противоположную сторону, достигнув в эпоху античности высочайшего уровня реалистичности. Это привело к зримому разобщению его с архитектурой, но вместе с тем, и к намеренному синтезу с ней, нужному для передачи ощущения наполненности строительной конструкции одушевленными существами.

Для уничтожения этих существ, надо разрушить защищающую их твердую конструкцию. Так поступали с врагами. Но что-то подобное встречалось и в некоторых обычаях прощания с покойником. Имеется ввиду ритуальная порча его вещей, разрушение и сжигание мемориального сооружения, разграбление гробницы[24].

Все вышеперечисленное необходимо учесть для того, чтобы избежать упрощения темы взаимодействия древних человеческих сообществ с природным окружением. Людям приходилось быть очень внимательными, настороженными и умеющими по малейшим признакам распознавать проявления сил добра и зла. Вот, как описывал образ мыслей и чувств коренных жителей Камчатки русский путешественник XVIII века Крашенинников:

---

[22] Тюлина Е.В. Храм, мир, текст. Вастувидья в традиции пуран. Исследование, перевод трактатов по вастувидье, комментарий. М.: Восточная литература, 2010. – 255 с. С.13-38.

[23] Бондаренко И.А. Человек в контурах мироздания. К поиску общности архитектурных традиций Востока и Запада // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып.10. / Гл.ред. – сост. А.Ю.Казарян. СПб.: Нестор-История, 2018. С.9-21.

[24] Байтенов Э.М. Дизайн: прошлое, настоящее, горизонты // Искусство Евразии. – 2019. – No 3 (14). – С. 317-335. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.023. [Электронный ресурс] URL: https://readymag.com/u50070366/1483113/33/. С.319-320.

камчадалы «по своему разуму всему дают причину, обо всем рассуждают и стараются изведывать самую мысль птиц и рыб»[25]. Становится понятно, почему люди долгое время просто не могли поклоняться только одному богу: могуществом в их глазах обладали сразу многие. Вместе с тем, очень давно стало осознаваться наличие в мире двух антагонистических начал - живительного и губительного. Уповая на первое, люди сторонились второго, нейтрализуя его страшные проявления при помощи всевозможных обрядов и жертвоприношений.

Завоевывая право на жизнь в этом мире, человек древности не мог проявлять слабость. Ему приходилось то умело подлаживаться к ситуации, задабривая духов, то, не робея, атаковать противников, как видимых, так и невидимых. Это создавало питательную почву для развития первобытной магии, суть которой заключалась в установлении своего рода договорных отношений между людьми и сверхъестественными существами. Выражение «взять бога за бороду» ведет свое начало именно из той давней языческой традиции, в которой смешивалось и тесно переплеталось человеческое и природное, земное и небесное, живое и мертвое.

Стойкость мифологической картины мира авторитетно подтверждена в Библии, где в Первой книге Моисея «Бытие» сказано, что в допотопные времена на землю часто сходили «сыны Божии», чтобы взять себе в жены красивых «дочерей человеческих»: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди» [Быт.,6.2,4]. Героический эпос возвеличивает отважных богатырей – победителей несметных вражеских полчищ и устрашающих монстров. Естественно, с божьей помощью. И сами эти богатыри ведут свою родословную от богов, а после смерти становятся небожителями и объектами почитания. Есть в эпосе рассказы и о том, как боги или полубоги возводили неприступные крепости. Недаром до сих пор используются понятия «циклопическая кладка», «титанический» и «нечеловеческий» труд.

Исходя из этого, можно полагать, что решимость человека на преобразования окружения становилась тем большей, чем сильнее он ощущал поддержку со стороны высших сил. Потребность в этой поддержке стимулировала укрупнение патриархальных общин, образование их союзов и государств во главе с великими правителями и жрецами, способными гарантировать верноподданным свое и божественное покровительство.

[25] Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Составитель С.А.Ратнер-Штернберг. Под ред. Я.П.Алькора. Изд. 3-е. М.:ЛЕНАНД, 2018. – 597 с. С.263.

Тем не менее, живя небольшими семейными мирками, ведя, преимущественно, натуральное хозяйство, людям на местах приходилось вступать в прямой контакт с природой, преисполненной, в их глазах, субъектов очень разного характера, властных полномочий и могущества – осязаемых и бестелесных, вездесущих и привязанных к месту, от крошечных до исполинских. Прежде всего, им надо было как-то выделиться, обособиться, защитить «свое» от «чуждого».

Занимая ту или иную территорию, поселенцы были вынуждены расчищать и хотя бы минимально обустраивать ее. А это означало опасное вмешательство в жизнь прежних обитателей. Хорошо, если ими были только мелкие животные и растения. Обживаемую площадку следовало выровнять, подсыпать, утрамбовать, чем-то оградить, обозначив принадлежность своему роду-племени. Особое дело – захват грота или пещеры. Можно найти сходство в таких действиях между людьми и зверями, однако, первые издревле умели пользоваться огнем – действенным свидетельством их превосходства. Огонь отпугивал хищников, физически и символически очищал место, создавал священный очаг общины.

Известно, какое благоговение вызывала в прошлом земля. У некоторых народов, занимавшихся преимущественно охотой и собирательством, долгое время считалось недопустимым «ранить» землю. Земледельцы тоже боялись тревожить ее «тело», обставляя пахоту и посев, как акт оплодотворения почвы. Находилось оправдание и в выкапывании ям для землянок, погребов, колодцев, могил, и в насыпании валов и курганов. Естественные гроты и пещеры создавали наиболее надежные укрытия в самом лоне «матери-сырой-земли». Расширяя, выравнивая, обустраивая, расписывая их, люди научились создавать превосходные жилища и святилища. К этому добавлялось подправление береговых склонов, создание запруд и оросительных каналов, что позволяло где-то осушить, а где-то напоить землю, в благодарность за что она готова была приносить обильные урожаи. Конечно, для всего этого надо было испрашивать у нее разрешения.

Такую хозяйственно-строительную деятельность можно определить как осознанное сотворчество человека и природы, преследующее цель, с одной стороны, улучшить его жизнь, а с другой – избавить землю от травм и изъянов, сделать ее чище, краше и плодовитее. Сегодня нас пугает эта мысль, поскольку воздействие на природу индустриальной цивилизации стало катастрофическим, но начиналось все с благих помыслов.

Нельзя не упомянуть о многочисленных приметах и гаданиях, по которым судили о возможности обосновываться и строить дом на том или ином месте[26]. Появление знаков неблагоприятных заставляло подыскивать иной участок. Наперекор незримым силам идти боялись. Впрочем, иногда расчитывали и на преодоление их негативного воздействия. В одном русском этнографическом источнике говорится о допустимости расположения красного угла избы на месте с недобрыми знаками, ибо «сила святого угла побеждает всякую вражескую силу»[27]. Так заявила о себе христианская вера, придя на смену языческой, отправленной в разряд надуманных суеверий.

Испокон веков установилось общее правило ориентировать жилище передом на светлую, дневную сторону горизонта. Здесь устраивался парадный, «чистый» двор и красное крыльцо. Задний же, хозяйственный двор мог оставаться непрезентабельным даже на боярской усадьбе. Русские крестьяне до недавнего времени вовсе не делали проемов с мрачной полуночной стороны[28]. А у расположенного здесь скотного двора устраивали входы-выходы, непременно развернутые к Солнцу[29]. Показательны в этом отношении наблюдения В.И. и В.В. Царевых о том, как располагались «старожильческие» поселения по берегам Ангары. Река эта почиталась священной, и благом было обращение на нее домов передами. Однако, это получалось только на правом – северном берегу, которому и отдавалось предпочтение. Жители левобережья вынуждены были отворачивать свои избы от реки ради южной ориентации, которая оказывалась все-таки важнее для их благополучия[30].

Затронутый вопрос хорошо проясняют довольно многочисленные записи русских христианизированных заговоров (заклинаний), в которых обозначаются два противоположных пути – к достижению блага и к наведению порчи. Благие заговоры строятся так: «Стану я, раб божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду в чисто поле, в чистом поле красное солнце греет и огревает сыроматерую землю»[31] и так далее. А злые - рисуют картину противоположного свойства: «Стану не благословясь, выйду не перекрестясь, из

[26] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. – 240 с. С.155-157.
[27] Иванов П. Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате // Харьковский сб., 1889. Вып.3, отд.2. С.38.
[28] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. – 240 с. С.163.
[29] Орфинский В.П., Гришина И.Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск: Издательство ПетрГу, 2009. – 480 с. С.259.
[30] Царев В.И., Царев В.В. Архитектурное наследие Приангарья. Красноярск: СФУ, 2022. – 388 с. С.236-237.
[31] Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М.Забылиным / репринтное воспроизведение издания 1880 года. М.: Автор, 1992. С.312.

избы не дверьми, из двора не воротами, - мышьей норой, собачьей тропой, окладным бревном; …. дымным окном, да подвальным бревном»[32], короче говоря, - задами, огородами – в темный лес, да еще и без креста и пояса. Территория бездорожья, стихийной запущенности, безлюдных зарослей и сумеречных чащоб принадлежит дикой природе и ее демоническим силам. Праведная жизнь требует совсем другого - света, ясности, правильности.

Из этого следует, что на солнечной стороне жилого двора, как и всего поселения в целом, человек чувствовал себя вправе наводить наибольший порядок. Тут он мог смело нивелировать колдобины, коль скоро считал их «порчей» богосозданной земли. Темная же - «полуночная» - сторона оставалась во власти стихий. Впрочем, воздействовать приходилось и на нее в целях обживания и защиты.

Напрашивается предположение о том, что именно из таких соображений античные греки подсыпали и укрепили огромной подпорной стеной только южную сторону афинского Акрополя, тогда как северный его край оставили таким же изломанным, каким он был, пожалуй, еще в крито-микенские времена. Если бы дело заключалось в том, что им помешали персы или просто закончились средства, то по прошествии времени их преемники обязательно бы вернулись к осуществлению замысла всеохватной реконструкции. Но, судя по всему, замысла такого не было.

Другой характерный пример на эту тему – московский Кремль, имевший бревенчатый «Заруб», который подпирал обращенный на Москву-реку южный склон Боровицкого холма. При Борисе Годунове он был заменен на монументальный каменный корпус «Запасного дворца». Комплекс парадных государевых палат эффектно смотрелся именно с этой стороны. А противоположная сторона, вторя пологому спуску к реке Неглинке, была и оставалась в период наивысшего архитектурного расцвета Москвы отнюдь не такой презентабельной.

Таким образом, осваивая территории, человек старался отделять хорошее от дурного и содействовать, по мере сил, их очищению, подправлению и возделыванию, как то и заповедано в книгах Священного писания. Именно благоустроительная деятельность лежала в основе искусства строителей. Невозможно согласиться с явно устаревшей оценкой первобытных сооружений как сугубо утилитарных и нехудожественных. Они, безусловно, имели свой смысл и образ и не могли ставиться где-попало. И выбор, и

[32] Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М.Забылиным / репринтное воспроизведение издания 1880 года. М.: Автор, 1992. С.318.

подготовка участка, и возведение на нем здания, и его правильная эксплуатация – все это было деяниями чрезвычайной ответственности, ибо от успешности их впрямую зависела сама жизнь соплеменников.

Исходя из этого посыла, надо со всей серьезностью отнестись к выражению «облюбовать место». Прагматические соображения обязательно должны были выступать в синкретическом единстве с этическими и эстетическими. Красота места наверняка служила показателем его доброкачественности и благосклонности к людям, если только не оказывалась обманчивой, колдовской. Чуткое всматривание в пейзаж и его малейшие детали было акцией, необходимой для принятия решения о поселении и укоренении в данном месте.

Восхищенно-благоговейное отношение к девственной красоте русской природы нашло отражение в одном отрывке из «Слова Похвального» инока Фомы, посвященного славным деяниям тверского великого князя Бориса Александровича. Князь «стал помышлять, где бы город поставить… И усмотри же места близ града Тфери… Но тол бо дивно место тое, но, въистинну, по желанию сердца великого князя Бориса Александровича. И дал ему Бог место таково, но никим же ни копанно, и сыпано… но Богом съделанно, и яко же бы искони приходно граду быти…»[33]. Эти проникновенные слова дают понять, насколько разными по своим достоинствам представлялись те или иные территориальные локусы. Где-то располагались древние капища и могильники, где-то христианские святилища, а где-то – урочища с очень дурной славой. Пустые места могли пугать своей недружелюбной скудостью, а издавна населенные – отягощенностью грехами и бедами человеческими. В данном случае нашелся участок наилучший, идеальный – чистый и светлый, сотворенный и сохраненный в неприкосновенности самим Господом. Именно к таким уголкам относится традиционное выражение: «тишь и гладь – Божья благодать».

Планировки древних поселений, в большинстве своем, свидетельствуют о подчинении человека естественным очертаниям рельефа местности. У него долго не было ни технических возможностей, ни намерений изменять эти очертания, созданные по воле божественных сил. Только чуть-чуть. Очевидно, тогда он ощущал себя во власти, преимущественно, земных и подземных – хтонических сил.

[33] Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С.294.

Но все же, в создании отдельных жилых ячеек стремление к структурной правильности проявлялось тоже с глубокой древности, о чем говорят многочисленные археологические раскопки. Потребность в образных обобщениях, в геометризованных условных знаках способствовала, по-видимому, все большему развитию представлений о вселенной и небожителях. А это побуждало создавать на земле некие космограммы - проекции и объемные модели горних чертогов бессмертных богов, заведомо обладающих чудодейственной защитной функцией. Храмы, святилища, дворцовые комплексы, крепости становились все более регулярными, симметричными и контрастными по отношению к живописному окружению. Следом получили распространение ортогональные планировки и целых городов. Ранний пример тому - города-колонии архаической Греции с такой нарезкой участков, которая демонстративно насаждала на выровненной поверхности земли абсолютный порядок и равноправие членов общины.

По мере разрастания родо-племенных союзов, концентрации материальных ресурсов и возвышения властных полномочий первых лиц архитектурно-градостроительная деятельность становилась все более масштабной и агрессивной по отношению к природе, так же, как и к более ранним поселениям, особенно, если они подвергались захвату и порабощению. Робость уступала дорогу доблести, а с ней - гордыне, сделавшей человека покорителем не только зверей, но и соплеменников, создателем великих держав и преобразователем среды жизнедеятельности в глобальном масштабе.

Ле Корбюзье презрительно назвал кривые улочки старинных городов «дорогами ослов». Возможно, он где-то слышал, что при традиционном освоении гористого ландшафта ослов используют как надежных первопроходцев, умеющих проложить самые безопасные тропы[34]. Разве это не рациональный подход к формированию «естественной» планировки поселений? Модернистам казалось иначе. Но в своей любви к прямолинейным магистралям, идущим наперекор стихиям, они были отнюдь не новаторами. Задолго до них могущественные правители, уподоблявшиеся «сыновьям неба» и самим богам, старались насаждать на земле именно такой – идеальный – порядок.

Стоит сослаться в этой связи на один древнерусский источник, а именно: «Сказание о Соломоне и Китоврасе», где титан, призванный строить «Святая Святых», описывается, как существо, совершенно не способное обходить углы: «Нрав же его был такой: не ходил он путем кривым, но – только прямо; и когда пришли в Иерусалим, расчищали перед ним путь и рушили дома, ибо он не ходил в обход». Дело дошло до того,

[34] Мне любезно сообщил об этом А.Ю.Казарян

что у дома вдовы, которая умоляла не обижать ее, он «изогнулся около угла, не сходя с пути, и сломал себе ребро»[35].

Размышления на ту же тему вызывает популярный фольклорный сюжет о споре «Правды» и «Кривды», в котором побеждает вторая, ибо именно она царствует в этом неправедном мире: «Правда Кривду переспорила, /Правда пошла к Богу на небо, /К самому Христу, Царю Небесному, /Оставалась Кривда на сырой земле»[36].

Тут невозможно не вспомнить о наставлениях человека на «путь истинный», содержащихся в Библии и Коране. Вот, пара примеров: «Он вывел вас на прямой путь, хотя до этого вы были из заблуждающихся»; «Аллах ведь не ведет прямо людей неправедных!» [Коран. 2.194(198);260(258)].

Подводя итог высказанным соображениям, можно констатировать, что освоение природы человеком начиналось с поиска защиты у нее, как физиологической, так и духовной - магической. Тесный контакт с землей, ее флорой и фауной, породил культ, заложивший основы великого надприродного феномена – культуры. Действенным инструментом культурного развития стало рукотворное искусство - ремесло, в том числе, строительное, возвысившееся со временем до уровня архитектуры. При помощи искусной работы человек старался оградить себя и своих соплеменников от опасной и губительной дикости. Активное культивирование природы вело ко все большему отчуждению антропогенной среды от естественной. К этому добавлялось противопоставление жизнеутверждающего космического порядка и смертоносного хаоса. Подобно тому, как в легендах небо и земля в какой-то момент разорвали объятия и отдалились друг от друга, в культурном сознании возникло противопоставление миров горнего и дольнего, совершенного и несовершенного. Усилия архитекторов стали направляться на смягчение этого противопоставления, на посильное восхождение от низменного к возвышенному и на зримое перенесение отблесков небесной красоты на грешную землю, дабы освятить и преобразить ее.

Выясняется, что зарождение и развитие архитектуры и градостроительного искусства мотивировалось необходимостью модернизировать среду обитания не столько из утилитарных соображений, сколько во имя благородного служения божествам света,

---

[35] «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 15. – М.: Художественная литература, 1969. С.371.

[36] Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ.ст. Н.И.Толстого; Послесловие С.Е.Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л.Топоркова. - М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). – 192 с. С.79.

дарующим жизнь на земле. Человек был настроен на содействие циклам возрождения, омоложения и позитивного преображения мира. Хотя ему приходилось воздавать дань уважения и циклам неизбежного старения и умирания, в силу чего исходящие от него модернизационные инициативы долгое время оставались умеренными.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОГРАММНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ, ДЕРЕВЕНЬ И МЕЖСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА II.1.

ЛАНДШАФТ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Своеобразие Санкт-Петербурга, сделавшее его одним из выдающихся городов Европы уже в начальный период его существования, создается, главным образом, присущей ему особой градостроительной структурой. Другие города демонстрируют иное – у каждого особенное – устройство, но лишь о немногих можно говорить, как о городах пространства, то есть городах, образ которых складывается не столько на основании впечатлений от архитектуры, сколько от трехмерных по своей природе впечатлений.

Пространственность города создается ландшафтом и застройкой или – словами, более соответствующими степени обобщения явления, – ландшафтом и архитектурой. Если архитектура, как произведение мысли и рук человека, является активной действующей силой, то ландшафт обычно считается пассивной средой – объектом приложения человеческой деятельности. Ландшафт приспосабливается человеком к его потребностям, претерпевая при этом трансформацию. Только в таком, измененном, виде принимается обществом ландшафтная подоснова в качестве компонента города и формирующей его художественный образ силы. Создается впечатление оппозиции архитектуры и ландшафта, разрешающейся в пользу рационального, осмысленного архитектурного порядка, противоборствующего со стихийной, неорганизованной Натурой и побеждающего ее.

Но такое впечатление не является ни достаточным, ни в полной мере верным. Даже в рамках представления об оппозиционности культуры и Природы в городской черте можно обнаружить, что сложение городской ткани в значительной степени обеспечивается именно природными факторами, действующими параллельно архитектуре, но по сути в одном с ней направлении – рельефом, водами, даже свойствами грунта и их различием в разных местах города (это влияет, например, на этажность зданий). Воздействие природных факторов может охватывать отдельные зоны, находить

выражение в отдельных местных строительных приемах. Но нередко обусловленные ландшафтом приемы планировки или особенности традиционного строительства, бывают настолько своеобразны, что одним только собственным воздействием, помимо действия вносимых архитектурой художественных факторов, создают городскую среду, отмеченную яркими особенностями. Как принято говорить в таком случае, город получает особое неповторимое лицо. Классическая иллюстрация к этим словам – Рим, «город на семи холмах». В этом альтернативном названии древней столицы мира первенствующее значение отдано именно географическому фактору – холмам как градообразующей особенности рельефа. Подобных примеров применения географических эпитетов в названиях городов можно привести немало.

Иначе говоря, ландшафт не пассивен, он не обречен на роль постоянно чуждого человеку и неудобного для него природного фона городской застройки или пассивного вместилища архитектуры. Ландшафт сам – сильный фактор, во многом определяющий способы, которыми создается город и которыми формируется его уникальный облик.

Все сказанное в полной мере относится к Санкт-Петербургу – не только к городу вообще, но и конкретно к городу петровского времени. Казалось бы, в ранний период своего существования еще не сформировавшийся город не может рассматриваться в понятиях градостроительной науки. Однако Петербург тем и замечателен, что с самых первых лет своего существования получил такое направление развития, которое весь XVIII век не менялось и привело к градостроительному расцвету начала XIX века. Более того, именно петровский этап истории Петербурга выразительно демонстрирует роль и значение природного ландшафта. В самом деле, ландшафт доминировал в то время в образе города. Застройка же приспосабливалась к нему и во многом от него зависела.

Другой вопрос: насколько осознанно создатели города приняли и использовали «уроки», которые давал им ландшафт? Как видно по послепетровскому будущему города, да во многом и по времени Петра, предложенное Природой было понято, оценено и применено. Сначала ландшафтные условия (например, зыбкие грунты и высокий уровень грунтовых вод) ставили строителям ограничения, но вскоре, привыкнув к специфике этих ограничений и поняв, какие выгоды дает дружба с Природой, строители города нашли градостроительную стратегию, соединившую застройку с природным ландшафтом в особой форме взаимодействия. В ней архитектура (прежде всего, архитектура градостроительного уровня) получила от ландшафта все самое лучшее, что он предлагал, но при этом подчеркнула собой природные достоинства места. Город формировался как

резонансная система, в которой оба взаимодействующих компонента – архитектура и ландшафт – усиливают друг друга.

А. Бенуа. Иллюстрация к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник».
Александр Бенуа, изображая царя Петра, стоящего на пустынной береговой кромке полноводной Невы, не погрешал против истины. Таким и был этот берег в пору жизни художника за пределами центральных районов, там, где заканчивались линии каменных набережных. Но главное, художник уловил и сумел передать ощущение безграничного простора, присущего ландшафту невской дельты и не покинувшего его со строительством города.

Каков же этот ландшафт? Каковы его характеристики и как определили они пространственность раннего Петербурга? Прежде всего, следует сделать оговорку о растительности в невской дельте, поскольку леса были, пожалуй, наименее значимым (хотя и не последним) фактором при строительстве города. Известна высокая степень освоенности территории будущего города во времена шведского владычества. Когда начиналось строительство Петербурга, поселения и окружающие их поля, огороды, пастбища уже были лишены древесной растительности. О том, как мало лесов и рощ оставалось в дельте Невы, косвенно свидетельствует строгое распоряжение Петра о запрещении порубок, вызванное тем, что лесов оставалось здесь слишком мало и они в короткий срок погибли бы, сведенные резко увеличившимся населением на дрова и постройку жилищ. Между тем этот указ нередко интерпретируется историками противоположным образом – как свидетельство о том, что территория города была покрыта лесом.

Но все же малая часть растительности перешла из допетербургского ландшафта в городскую среду. Речь идет не о дикой древесной растительности, а о культурных посадках, сделанных в садах шведских усадеб дельты Невы. Известно (впрочем, только по косвенным данным) о саде усадьбы офицера Коноу[37]. Она была облюбована Петром, приспособлена им под летнюю резиденцию и в дальнейшем, интенсивно развиваясь, превратилась в значительное в петровском Петербурге градостроительное образование – Летний двор с обширным садом, дворцом и многочисленными увеселительными и хозяйственными постройками. Действительно, некоторые особенности планировки Летнего сада, дошедшие без изменения до нашего времени, дают основания предполагать, что аллея деревьев, посаженная шведом вдоль берега Невы, вошла в структуру царского сада.

Массив живой растительности Летнего сада разбивал несколько монотонную линию сплошной застройки набережных (Верхней – будущей Дворцовой и набережной Московской стороны). На фоне крон сада постройки на набережной Летнего сада – галерея, люстгаузы, дворцы Петра получали значение архитектурных доминант, композиционно необходимых в этой части города.

Но это перемещение растительности из шведского прошлого дельты Невы в настоящее нового петровского города не имело характера трансформации природного ландшафта в культурный. Ведь исходный ландшафт в этом случае уже не был частью дикой природы, а, напротив, был культурным и даже художественно осмысленным. В остальном же природная растительность выступала скорее антагонистом, нежели пособником принципов петербургской пространственности, предполагавшей создание больших открытых пространств и даже пренебрегавшей необходимым в градостроительстве композиционным членением излишне больших свободных площадей. В некоторых случаях эти площади создавались по необходимости следования правилам фортификации. Таковыми были эспланады и гласисы перед бастионами и куртинами Петропавловской крепости и Адмиралтейства. Естественно, что они были полностью очищены от растительности.

На видах Петербурга Христофора Марселиуса середины 1720-х гг., дающих представление о гражданской городской застройке, дикая растительность, которая на то время еще покрывала часть земель даже в центре города, изображена в специфической манере. Высота отдельных деревьев или их сомкнутых крон в рощицах как будто занижена рисовальщиком (Вид от Итальянского дворца; Набережная Васильевского

[37] Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988.

острова у дворца Меншикова[38]). Деревья словно распластываются над землей, стремятся с ней слиться, освобождая место для пространства, «затапливающего» картинную плоскость. В любом случае высота деревьев на рисунках не превышает высоты застройки, которая в ту пору была небольшой. Такой способ изображения принадлежит к числу средств создания образа города, в котором главным предметом показа является неизобразимое пространство. На листе бумаги его можно зафиксировать, только применив ряд особых приемов, нередко искажающих натуру, в данном случае сжимающих, уменьшающих отдельные части изображения.

Сейчас трудно судить о характере той растительности, что покрывала земли невской дельты. Но, по-видимому, здесь не было такого леса, который массой своих крон и высотой стволов сколько-нибудь соотносился с масштабом пространства невского плеса и рукавов дельты. Посетивший Петербург в аннинское время (конец 1730-х гг.) итальянец Франческо Альгаротти описывал свое путешествие на шлюпке в Петербург из Кронштадта, где пришвартовалось их судно[39]. Альгаротти пишет: «Она (дорога по воде из Кронштадта в Петербург – А. У.) усажена по обеим сторонам лесом, причем не из пышнолиственных дубов или оживленных лавров, а из самых убогих деревьев, которые когда-либо видели солнце». «Тихий и убогий» лес, по наблюдению Альгаротти, покрывал низкие берега залива, по которому путешественники шли на веслах несколько часов. Заросли кустарников и низкорослые на переувлажненной почве деревья подчеркивали широту пространства дельты. Такая растительность ничем не привлекала взгляд, не запечатлевалась в восприятии и не отвлекала зрителя от главного и по сути единственного, чем мог впечатлить этот ландшафт, – грандиозного пространства.

Если же и были на территории будущего города не сведенные к тому времени боры или рощи, видимые с реки и ее берегов, то все же, как бы ни высоки были стволы старых сосен, они не могли победить петербургский простор. Впечатления здесь получали инвертированный характер. Величие мощных древес сознавалось, но впечатление исходило в первую очередь из «считывания» контраста величины и стати деревьев с простором, побеждающим их своим величием. Чем больше были деревья в поле зрения, тем сильнее ощущалась необъятность пространства. Растительность невской дельты либо исчезала из восприятия, либо воспринималась как фактор, подчеркивающий пространственный размах. В любом случае вперед выступало именно пространство, выступало и неизменно побеждало.

---

[38] Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л., 1957. С. 80

[39] Альгаротти Ф. Русские путешествия: Письма о России / Перевод, сост., коммент. М Талалая. СПб., 2006. С. 70.

Растительность не была в раннем Петербурге ландшафтным фактором с решающим влиянием, она только сопровождала (но сопровождала выразительно) главные силы, подчеркивая и увеличивая их действие. Главными в Петербурге были те факторы, которые прямо соотносились с пространственными характеристиками места и были общими для природного и культурного ландшафта. Первое, что обращает на себя внимание в Петербурге, это рельеф, вернее, его отсутствие. Ландшафт дельты Невы равнинный. Лишь на Юге и Севере территории современного города, на естественных границах впадины, в которой веками наслаивались наносы реки, рельеф повышается и делается выраженным. Впрочем, повышение как таковое визуально неощутимо. Заметны лишь отдельные холмы и уступы рельефа. Однако для города петровского и последующего времени вплоть до середины XX века эти возвышенности значения не имели, поскольку не попадали в зону видимости из центра города.

Естественным ориентиром для Царскосельской перспективной дороги стала Пулковская гора. Но этим и заканчивается воздействие выраженного рельефа на город. Причем, даже Пулковская гора – большая на плоской равнине – оказывается так далеко от начала Царскосельской перспективы, что практически не видна из города сквозь атмосферную дымку.

Рельеф все же иногда заметен в городе, даже в городе современном. Тем более он был виден в те времена, когда по дикой местности впервые прокладывались улицы. В наше время заметно, например, плавное повышение мостовой от Фонтанки вглубь суши на Графском и Щербаковом переулках. Сейчас такой слабо выраженный средовой нюанс придает своеобразие этой части города. Менее ощутим подъем Невского проспекта на конечном его отрезке у Знаменской площади, но его можно заметить по линии примыкания тротуаров к цоколям зданий. Отчетливо виден подъем в Лиговском переулке.

Пожалуй, более заметными и с большей силой воздействующими на сложение образа города были не эти незначительные повышения рельефа, а, напротив, его понижения, многочисленные в ландшафте дельты Невы. Болота или топкие берега рек (например, Фонтанки у Невской перспективы) требовали больших усилий при прокладке дорог. Об этом, в частности, свидетельствует история монастырского участка Невской перспективной дороги. Интенсивное движение так сильно разбивало зыбкое основание дороги, что через немногое время после ее прокладки была введена плата за проезд, а вскоре последовало распоряжение о пользовании для проезда в монастырь и к переезду через Неву альтернативной дорогой в монастырскую слободу, по-видимому, проходившей по трассе будущего Калашниковского проспекта (пр. Бакунина).

Обширные болотистые низины по сторонам дорог своей плоской поверхностью, покрытой низкой, словно придавленной к земле растительностью, усиливают ощущение просторности и пустынности ландшафта. Восприятие, ищущее опоры, находит одно лишь необъятное пространство, заполняющее все вокруг. Причем, если обширные однообразные заболоченные низины вызывали уныние, то впечатления от природного ландшафта в других местах города, не примыкающих к болотистым низинам, которые путник проезжал до вступления в центр города, имели по контрасту с болотами позитивную окраску.

Однако при том, что почти на всей площади, первоначально занимаемой городом, перепады рельефа были незначительны, вся поверхность приневской земли в восприятии мало отличалась от описанных болотистых низин. Основа впечатлений была одна. В них главенствовала атмосфера. Самые сильные впечатления давала она. Главным здесь было ощущение свободы. Основное «практическое» свойство пространства как вместилища человеческого существования состоит в том, что оно предоставляет свободу перемещения в любом направлении. По сути, это и есть единственное достаточное условие телесной свободы. И эту свободу вполне ощущал человек, пребывавший в начальном Петербурге.

Следует отметить, что люди XVIII столетия, в особенности русские, причем, даже те из них, кто прикоснулся к европейскому Просвещению, не могли в полной мере усвоить идею свободы и пользоваться свободой, как личным достоянием. Рабское положение, при котором не только свобода перемещения в пространстве, но и сама жизнь человека ему не принадлежала, убивало в сознании всякую возможность помыслов о свободе. К духовной свободе – цели устремлений западного общества на протяжении нескольких веков, свободе, которая только в наше время стала восприниматься непременным условием полноценного человеческого существования, в России делались тогда только первые шаги. И этим первым шагом было усвоение телесной свободы, как одного из условий удовлетворительной жизни, наряду со свободой от голода и чумы.

Собственно, по нерасторжимой связи духовного и телесного, свобода духовная не только недостижима без телесной, но невозможна и как концепция, как сознаваемая потребность и условие счастья. Так что воспитание петербургским пространством имело огромное значение для просвещения России. Пространство не только просвещало, оно было пробным камнем для человеческих душ, разделяя людей на две формации: одну – идущую в будущее, другую – остающуюся в прошлом. Одни через приобщение к телесной свободе на таком непривычном для жителей старых русских городов петербургском просторе обретали толику свободы духовной. Эти люди будущего России

тянулись теперь к Европе, к знаниям, которые мог дать им открывшийся большой мир. Для других этот простор и предлагаемая им свобода, столь отличные от стесненности старых городов и мелочности средневековой регламентации жизни, были не только непривычны, но неуютны, как бывает неуютно и неприятно все новое, нарушающее привычный уклад жизни. Эти люди оставались в своем патриархальном прошлом. Разумеется, люди петровского «протопросвещения», как можно было бы назвать эпоху, в которой делались столь последовательные и решительные шаги к полному слиянию с западной культурой, были людьми Петра.

Вот почему Петербург с такой ясностью воспринимался уже тогда городом западной культуры. Не только архитектура делала его таким. Строй пространства города, в котором простор побеждал то немногое, что перешло в него из старой русской градостроительной традиции[40], был наглядной материализацией идеи свободы, резко отличавшей Запад от России того времени. Иностранцы в Петербурге ясно ощущали это, признавая его городом европейским, в отличие от Москвы, остававшейся для них чужой. В Петербурге они чувствовали себя свободно, и их жалобы и сожаления были связаны с поверхностными обстоятельствами жизни – трудностями быта, дороговизной. Не было в среде иностранцев неприятия Петербурга, как города чужой культуры. Ландшафт и архитектура города не вызывали отторжения, как воплощение чуждого им миропонимания.

Действительно, именно общество, какими бы сложными ни были социальные отношения в абсолютистском государстве, в конечном итоге предоставляет личности место в городе и решает, каким оно должно быть. Пространство формируется на той идейной подоснове, которая определяет жизнь общества и отношения социум – личность. Человек получает ту часть городского пространства, которую готово дать ему общество и монарх, и в той мере, в какой хозяева положения сознают потребности личности в месте на Земле. Разумеется, роль монарха является здесь ключевой, но пренебрегать влиянием общества нельзя даже в стесненной российской обстановке начала XVIII века.

Иллюстрацией полюсов пространственного бытия личности в России XVIII столетия служат Москва и Петербург. В пространстве Москвы доминирует центр власти – Кремль, наделяемый в иерархии ценностей и смыслов сакральным значением. Зритель Москвы ориентирован в пространстве города отовсюду видимой на холме громадой Кремля с его соборами и колокольней. Другие направления имеют второстепенное

[40] Иконников А. В. Петербург и Москва (К вопросу о русской градостроительной традиции) // Эстетическая выразительность города. М., 1986. С. 103 – 129.

значение. Зрение, восприятие ограничиваются в своей свободе, а вместе с этим теряет часть свободы и человек. В Петербурге же центральное место занимает военный объект, не наделенной ореолом святости, – крепость. Распластанная над водой, она не притягивает взгляд. Только колокольня собора концентрирует на себе внимание. Но архитектура собора, красота этого здания не связана с выражением святости места. Она воздействует сама по себе, не стремясь выразить собой священные смыслы и не используя их для усиления своего значения.

А. П. Остроумова-Лебедева. *Красные сваи*. 1918. Акварель.

На живописных задворках навсегда ушедшего в прошлое Петрограда первой половины XX века такие тонкие лирики, как А. Остроумова и М. Добужинский, невольно находят для натуры те городские ландшафты, в которых отражается особенная петербургская пространственность. Небо, излучающее ровный свет, волнующиеся под напором ветра воды, узкая полоска горизонта, сильные «удары» на переднем плане. В сущности, художница видит Петербург глазами автора первого панорамного вида города 1717 года – художника и гравера Алексея Зубова. 200 лет бурного развития города не изменили обаяния пространственности городских ландшафтов. Художники – поколение за поколением – возвращаются к их созерцанию.

Как сказано, слабая выраженность рельефа определила его малое значение для города. Однако насколько слабым было влияние рельефа, настолько же существенным

было значение плоскости, горизонтали поверхности земли в месте строительства города. Отличительной особенностью ландшафта Невы была свободная протяженная линия горизонта. Немногие из городов Европы, даже из числа приморских, имеют такую ландшафтную особенность. Обычно такие города предлагают зрителю непрерывный горизонт в морской части панорамы, городская же застройка занимает возвышенности на побережье. В такой ландшафтной ситуации горизонт и связанное с ним пространство оказывается противопоставленным городской среде как нечто внешнее, не причастное городу. Пространственность такого приморского города как бы выносится за его пределы. Направления взгляда из города на море и от моря на город оказываются принципиально различными. Пространственная ситуация тоже как бы переламывается в месте положения зрителя: к морю она одна, от моря иная. Общей цельной картины не возникает, нет и цельности образа. Такие города вспоминаются по отдельным впечатлившим зрителя картинам.

Иначе устроен Петербург. Здесь нет ни одной горы, возвышенности – природного объекта, который прерывал бы линию горизонта. Она сплошная по всей окружности панорамы. Речь идет, конечно, о панораме до постройки города – о ландшафте, который впечатлил Петра и предопределил будущее лицо города. Упоминание о Петре при обсуждении свойств ландшафта необходимо, поскольку именно его впечатление от этого места имело решающее значение.

В памяти впечатлительного царя несомненно отложилось пространство средней части невской акватории, где было определено место для постройки крепости. Свободный непрерывный горизонт также должен был произвести на Петра впечатление. Идеальная круговая линия горизонта бывает в открытом море. Известна любовь Петра к морю и мореплаванию, выражавшаяся многообразно, в частности в украшении его жилищ морскими пейзажами голландских мастеров. Знаменательна эта черта в увлеченности царя морем. К изобразительным искусствам Петр относился не с позиции эстета, он не обладал развитым художественным вкусом. Главным, что привлекало Петра в произведениях живописи, было именно море, которое он желал иметь перед глазами всегда. В таком случае ландшафт невской местности, обладающий общей с морским пейзажем особенностью – открытой линией горизонта, не мог не нравиться Петру. Он не заменял собой моря, которое, впрочем, было неподалеку. Но этот ландшафт состоял с морем в прямом родстве, обладая общей с ним важнейшей чертой.

Возможно, некоторые особенности ранней застройки, регламентированные царскими указами, косвенно были обусловлены намерением сохранить в городе линию

горизонта, обозреваемую с невской акватории или из царских резиденций. Об этом свидетельствуют, например, предписания о создании ровной, без разрывов, линии фасадов одинаковой высоты. Такая застройка Набережной линии, можно сказать, имитировала перекрываемую фасадами домов природную линию горизонта. При большой ширине невского плеса и несравнимой с нею высоте фасадов такая имитация горизонта приближала городской ландшафт к картине первоначального, уже ушедшего в прошлое природного ландшафта. Невские панорамы Х. Марселиуса выразительно показывают это. Полоса изображенной на них береговой застройки своей ровной высотой, действительно, мало отличается от линии горизонта. Это подчеркивается еще и тем, что за первой линией домов на панораме не показаны здания, стоящие в глубине суши. Хотя с той возвышенной позиции, с которой художник зарисовывал вид, они должны были показываться из-за первой линии домов набережной.

Ровный горизонт круговой панорамы обладает важнейшим качеством. При открытом со всех сторон горизонте полностью раскрывается небесный свод. Только плоскость земли остается твердой и непроницаемой для взгляда, ограничивает пространство, деля его надвое и отдавая всю верхнюю половину человеку. Так что можно сказать: Петербург, в особенности в раннее, петровское, время был наполнен пространством. Вернее, предельной пространственностью обладал ландшафт. В принципе, пространственный образ допетербургского ландшафта мог не претвориться в полной мере в пространственность города. Однако это произошло, и причиной этого, по-видимому, была воля Петра, интуитивно направлявшего строительство города по таким правилам, которые отвечали естественным характеристикам природного ландшафта и создавали основу для их перевоплощения в фактор культурного городского ландшафта. Архитектура дала городу новые средства, подчеркивающие открытую пространственность города. Полное раскрытие купола небес при ровной открытой линии горизонта сделалось важнейшим фактором, повлиявшим на пространственность города. Она стала прямым переводом с языка Природы на язык культуры.

Важная особенность петербургского горизонта состоит в том, что географическая ситуация дает возможность, пребывая в городе, с невской акватории видеть, как небесный свод смыкается с линией воды. Это можно было наблюдать, например, в Галерной гавани. Впрочем, Гавань была далеко от центра и в петровское время еще только осваивалась. Но такие «окна» с видом на морской горизонт открывались в створе главных рукавов Невы, обходящих Васильевский остров. Непосредственно с невского плеса воды близкого залива просматривались в направлении русла Малой Невы. Излучины Большой Невы закрывали

прямой вид на море, однако совершающий водное путешествие начинал видеть морской простор вскоре после того, как покидал речную акваторию, продолжая движение к заливу.

Наличие пространственных прорывов, фигурально и реально выводящих зрителя из центра города во внешний морской простор – важнейшая особенность Петербурга, порожденная природным ландшафтом. Конечно, эффект этот снижался по мере освоения берегов, появления застройки и ее роста вверх. Но даже до недавнего времени дыхание морского пространства явственно ощущалось за массивами застройки Васильевского острова, в особенности, когда этот вид обозревался с невских мостов – Троицкого и Биржевого, вдоль русла Малой Невы.

Важным обстоятельством является здесь (как, впрочем, и во многих других городских ситуациях) высота застройки. Если еще несколько десятилетий назад вид из центра города на Васильевский остров, в сторону моря был безупречен, то построенные в последние годы на реке Смоленке и острове Декабристов (Голодае) дома, существенно превышающие по высоте жилые здания в этой части города, «забором» поднялись над старой застройкой и существенно потеснили пространство. При обозрении с прежних точек уже не возникает эффекта присутствия невидимого из центра моря.

В связи с этим следует отметить один градостроительный принцип, вытекающий из естественного хода развития города. Он состоит в уменьшении высоты зданий от центра к периферии. Действительно, при удалении от центра понижается престижность районов, их транспортная доступность, становится дешевле земля. Бедное население окраин строит маленькие дома в соответствии со своим достатком. Эта закономерность долгое время поддерживала неизменность облика крупных городов, подчеркивая градостроительную, а также семантическую значимость центра и сосредоточенных в нем зданий и ансамблей. Она создавала вектор правильного обозрения города. «Правильного», значит здесь – вытекающего из естественных закономерностей сложения городской среды. Эта правильность поддерживала не только порядок в структуре города, но и служила эстетическим фактором, поскольку высотность построек, ее изменение в пространстве города является сильнейшим художественным средством градостроительства. Оно определяет не один лишь силуэт города, наблюдаемый извне (что также очень важно), но и композицию отдельных улиц, участков застройки, организует их взаимную связь, подчеркивает значимость ансамблей и доминант.

Для пространства центра такого города, как Петербург, в котором чрезвычайную важность имеет открытость, пространственная глубина, положение и взаимодействие высотных доминант, было существенно понижение высотности от центра к окраинам. Оно

давало видимость последовательного разрежения пространства. При этом возникало ощущение выхода перспективных дорог и рукавов Невы во внешнее пространство. Только такое пространство – воздушное и ничем не заполненное, не загроможденное высотными постройками, собирающимися в кольцо, чтобы окружить город, – принимая в себя реки, каналы и перспективные дороги, могло представиться зрителю убедительным воплощением мирового пространства, причастность которому Петербург демонстрирует более других городов Европы.

Между тем, современный петербургский градостроительный регламент подходит к высотности с противоположной позиции. Высотные ограничения последовательно снимаются вплоть до полной их отмены по мере удаления от центра. Девелоперы поощряются к высотному строительству на окраинах города. Возможно, создание новых селитебных зон за пределами исторического центра социально и экономически оправдано. Однако в процессе освоения «целинных» пригородных земель создается новая гиперуплотненная среда, не только некомфортная и антигуманная, но и порочная в градостроительном отношении.

Гиперуплотнение состоит в том, что каждое последующее кольцо городской застройки, имея бОльшую, чем у соседнего кольца площадь (за счет бОльшего диаметра при одинаковой ширине колец), оказывается на законных основаниях застроено более высокими, следовательно, более вместительными домами, расположенными при этом не менее плотно, чем дома в предшествующем кольце. В результате повышается не только плотность населения, но и общая населенность колец-районов. Эту закономерность можно было бы представить в виде дифференциальной функции, показывающей изменение населенности при бесконечно малом приращении диаметра кольца застройки.

Мы видим, таким образом, что здоровая естественная тенденция к разрежению застройки и снижению ее высоты по мере удаления от центра города действует в общем русле с прочими тенденциями, ведущими к слиянию городских пространств и выведению их сопряженной последовательности во внешнюю для города среду. В Петербурге это внешнее пространство представляет собой, во-первых, морской простор, во-вторых, обширные приморские равнины, плоская поверхность которых не дает препятствий для зрения и движения, раскрепощает зрителя и очаровывает его видимостью бесконечности. Таким образом, Петербург, с одной стороны, как бы прорывается в мировое пространство, с другой же принимает его в себя, растворяется в нем и растворяет его в себе, делаясь городом-космополитом, городом вообще, в отличие от городов-частностей, несущих в

себе только собственную «малую» (хотя иногда сильную и выразительную) идею и не приобщенных идее всеобщности.

Снятие ограничений высотности на периферии города в современном градостроительном регламенте оправдывалось заботой об охране ценных видов из центра города. Полагали, что удаленность высоток уменьшает их в масштабе настолько, что при обозрении из центра они полностью скрываются за полосой ближней исторической застройки. Реальность оказалась иной. Коммерческие интересы требуют максимальной высоты, которую можно достичь при имеющихся ресурсах. При этом технических трудностей и ограничений для высоты сооружений нет. Таким образом, в зоне разрешенного высотного строительства появляются здания такой высоты, которая перечеркнула выкладки об углах и перспективных сокращениях, «съедающих» высоту башен.

Рост плотности городской застройки в Петербурге капиталистического периода также сопровождался увеличением этажности вновь возводимых зданий и надстройкой старых. Однако масштаб этих изменений был все же не таков, чтобы решительно повлиять на восприятие Петербурга. Рост города ввысь сильнее воздействовал на физический комфорт городской среды стеснением дворовых пространств, появлением дворов-колодцев, нежели на ее эстетику. Соблюдение исторического правила, ставшего во второй половине XIX столетия скорее благочестивой традицией, чем строгим нормативом: не строить зданий выше карниза императорского Зимнего дворца, подравнивал новую застройку, продолжая органические для Петербурга тенденции к регламентации, правильности, выравниванию и спрямлению линий.

Продолжая обсуждение отражения качеств ландшафта в облике Петербурга, следует коснуться значения света. В самом деле, свет, освещенность существенно влияют на восприятие архитектуры и, в конце концов, на образ города. Географическое положение Петербурга породило такое известное явление как «белые ночи». Мягкая освещенность характерна для Петербурга и в другие сезоны. Резкий яркий свет, который в Петербурге бывает в летние месяцы, для города также неплох, но это – не тот вид освещенности, который способствует выявлению достоинств архитектуры Петербурга и подчеркивает пространственность города.

Четкие очертания зданий, резкие света и тени действительно хороши для классической архитектуры. Но когда предметом обозрения становится не отдельное здание или ансамбль, а город, оказывается, что легкая дымка и смягченный свет, не рисующий жестко линии архитектуры и не моделирующий рельефно формы зданий,

предпочтительнее яркого света Солнца. Мягкий свет и дымка обобщают архитектуру, соединяют разнообразное, нередко доступное для соединения только посредством атмосферы. При восприятии города только единство архитектурно разнородного рождает целостный образ, больший, чем простая сумма впечатлений от архитектуры отдельных зданий. В Петербурге такое единство уже достигалось тем, что городская застройка была в значительной степени однородной. В таком случае мягкий свет обобщал уже обобщенное масштабным и стилистическим единством, давая редкостный в европейском градостроительном искусстве результат.

Действительно, известны города, строившиеся единовременно по плану. Необходимое для города, как произведения искусства, архитектурное обобщение создавалось здесь единообразием сооружений, легко переходящим в однообразие (пример – итальянская Пальманова). В этих случаях надархитектурные средства обобщения, например, то сфумато, о котором идет речь, поддерживали ощущение порядка, однообразия. Петербург отчасти подобен таким городам тем, что его градостроительный остов и его заполнение – застройка появились в короткий срок и были основаны на принципах регулярности с широким использованием образцовых проектов. Но Петербург не стал городом однообразия. В нем регулярность и беспорядок соединялись в постоянной борьбе, и регулярность торжествовала лишь в отдельных частях города, причем никогда полностью, но всегда оставляя толику свободы для проявления живописной случайности. Так что свет и атмосферная дымка как фактор обобщения действовали в Петербурге более эффективно. Свет и дымка, соединяя схожее в еще более однородную массу, не уничтожали воздействия на город отдельных архитектурных доминант, сильно выступавших над средовой застройкой. Контраст рядового и уникального смягчался настолько, что все резкости, разрушающие гармонию, пропадали, а вперед выступало редкостное единство, богатое нюансами, внутренними контрастами и сложным взаимодействием рядового и выдающегося, среды и доминант, ландшафта и застройки.

Мягкий неяркий свет обволакивает формы, растушевывает контуры. Архитектура теряет часть своей весомости, приобщается пространству, но уже не в качестве материального объекта, погруженного в среду и существующего в ее координатах. Сквозь плотность архитектурных масс начинает проступать пространство, которое не было вытеснено материей, а продолжало существовать внутри архитектурной плоти зданий как непрерывная и неизменяемая сущность. Теперь уже сами здания начинают восприниматься призраками, а пространство возвращает себе статус всеобщности.

В Петербурге осуществляется ренессанс пространства, разбитого и поделенного архитектурой. Как оказывается, оно не умерло внутри зданий, вытесненное наружу архитектурной массой. Оно готовилось к реваншу. И его время настало в сумеречном свете, который растворил камень и освободил невидимую всепоглощающую среду, вернув ей непрерывную слитность. Можно сказать, что в Петербурге свет получает статус и качества среды. Это – пространственный свет, такой же, как само пространство, прозрачный, делающий прозрачным все, что он освещает, в том числе архитектуру.

Конечно, свет мы можем рассматривать лишь как естественный фактор. Архитектура и градостроительство не могли воспользоваться его «подсказкой», чтобы создать свои, подобные по действию средства. Но по опыту эры электричества можно сказать, что естественный свет в первое столетие города был для него благом. Этот фактор действовал об руку с другими качествами ландшафта, выявляющими пространственность города. Вероятно, с предельной образной силой выразили торжество стихии света в классическом Петербурге пушкинские слова: «…твоих задумчивых ночей *прозрачный* сумрак, свет безлунный» (курсив мой – А. У.).

Эпоха уличного освещения – вначале газового, потом электрического – существенно не изменила образ города. Даже напротив, неяркие старые фонари, в особенности, во влажной ночной дымке осени или морозном тумане зимы, подсвечивая атмосферу, усиливали материальность пространства и призрачность камня зданий, уравнивая их плотность и растворяя их друг в друге. Но архитектурная подсветка новейшего времени имеет в Петербурге опыт скорее отрицательный. Броская эффектность подсветки отдельных памятников архитектуры (кстати, редко удачная, часто атектоничная) разрушает действие прозрачного пространственного полусвета и почти полностью исключает свет из числа ночных факторов петербургской пространственности в центре города – средоточии памятников и ансамблей.

Впрочем, представлять Петербург, как город бесконфликтной среды, было бы не верно. Достаточно вспомнить о таком весьма значимом градостроительном факторе как вертикальные доминанты. В Петербурге это, как правило, заостренные шпили «пронзающие» несколько размягченную влажным сфумато симбиотическую архитектурно-природную среду. Конфликтный характер острых вертикалей придает драматизм петербургскому пространству. Его выразительность умножается, рождая в особо восприимчивых душах поэтов сильные метафоры. Вспомним жестокий след «укола» одной из игл петербургских вертикалей – «кровавую каплю – трамвай» Осипа Мандельштама.

Рассмотрение света в качестве ландшафтного фактора предполагает подобное отношение и к небу. Конечно, строго говоря, небо и освещение, если и допустить их рассмотрение на тех же основаниях, что и всего принадлежащего земле и прямо составляющего ландшафт, являются, как может показаться, второстепенными факторами рядом, скажем, с рельефом. Однако, как показано, сила действия света в ландшафте и в городской среде бывает значительной. В таком случае небо – не менее значимый фактор для Петербурга хотя бы потому, что небо есть наглядная визуализация пространства. К слову, и свет в Петербурге соединен с небом и зависим от его состояния. Ведь ровный и мягкий свет петербургского неба обусловлен, с одной стороны, положением Солнца (широтой места), но в то же время и сильной рассеивающей способностью влажной приморской атмосферы.

Выше сказано, что Петербург, в особенности город петровской эпохи, отличает существование в центре города огромной водной площади, высота периметральной застройки которой незначительна по сравнению с линейными размерами этого пространства. В петровское время это давало возможность обозревать если не саму линию горизонта, то почти совпадающую с ней ровную линию равновысоких домов на набережных Невы. Местами линия горизонта непосредственно просматривалась в прорывах застройки и вдоль русел рек дельты Невы. Наконец, некоторые перспективные дороги также раскрывались во внешнее пространство со свободной линией горизонта.

Таким образом, присутствие горизонта раскрывало от края и до края купол небес во всю его ширь. Конечно, небо всегда присутствует в любом городе. Однако очевидна разница между небом средневекового города в узких просветах улиц-ущелий, раскрывающимся лишь немного шире на площадях, и небом в городе Нового времени. Но и город эпохи Просвещения, который, как правило, прорастал сквозь средневековую застройку (например, Париж), не мог дать зрителю небо в таком раскрытии. Петербург же, созданный заново, такую возможность использовал. Правильнее сказать, небо само вошло в город, перенявший пространственность природного ландшафта, переполненного воздухом и простором. Активность неба в Петербурге пропорциональна его «количеству». Вся полусфера, накрывающая город, это, по сути, чистое пространство, в любой точке города открытое для наблюдателя и присутствующее на периферии его зрения, даже когда он смотрит себе под ноги.

Разумеется, никто в средневековом городе не прятал небо намеренно. Город рос, не принимая во внимание, что кто-либо в будущих веках будет любоваться его красотой, обсуждать его образ, признавая существенным и художественно ценным худшее с точки

зрения целесообразности, комфорта и гигиены. Город Нового времени уже не только учитывал пространственный фактор, планируя площади и перспективы, но уже считал возможным присваивать не только приземное пространство, наполняющее ландшафт, на котором он располагался, но и само небо – беспредельно развивающее пространство от уровня земли и воды вверх и в стороны.

* * *

Санкт-Петербург петровского времени иногда называют архитектурной лабораторией Европы, имея в виду уникальные обстоятельства появления современного столичного города на слабо освоенном месте, удаленном от крупных русских и европейских городов. Строящийся город, действительно, собрал архитекторов со всей Европы и предоставил им творческую свободу. Однако лабораторией, то есть, местом экспериментов, называть Петербург все же некорректно. Строители нового города работали в привычных и знакомых им манерах, усвоенных в годы ученичества; с этим «багажом» они вступили в профессиональную жизнь и в ней пребывали. Зодчие Петербурга в годы службы в России за редкими исключениями не создали чего-либо экспериментального в архитектуре, такого, что стало бы «новым словом» и отложилось в анналах мирового зодчества. Правильнее было бы назвать Петербург постоянно обновлявшейся архитектурной выставкой.

А. П. Остроумова-Лебедева. *Петербург. Суворовская площадь*. 1918. Акварель.

На акварели нет неизменной петербургской водной глади рек невской дельты. Но пространственный строй «сухопутного» городского ландшафта тот же специфически петербургский: небо – узкий горизонт – акцент на переднем плане – горизонтальная плоскость тверди. Художница свободно играет с натурой, искажая перспективу, увеличивая в масштабе памятник. Все эти «хитрости» приводят изображенный ландшафт к кристально-петербургской чистоте и ясности, но вместе с этим и к холодности, отстраненности, подчеркнутой холодной тональностью живописи.

Однако Петербург не остался в ряду старых европейских столиц только достойным, но не выделяющимся своей оригинальностью городом. Столица обновленной России – город выдающийся. Только ценность и уникальность его облика определяется не архитектурой зданий, она заключается в характере «сверхархитектуры», то есть в градостроительной сфере. Причем оригинальность Петербурга усугубляется необычной историей его градостроительного становления. Рост города с первых лет определился единожды увиденным, прочувствованным и понятым балансом между редкостными природными качествами северного ландшафта и внедряемой в него искусственной городской среды. Этот баланс, этот живой взаимообмен природы и культуры соблюдался в продолжение более чем столетия вплоть до наступления эпохи упадка архитектурно-градостроительной культуры во второй половине XIX века.

В Петербурге все было необычно и ново. Одно то, что «коллективным строителем» города была осознана возможность включения ландшафта в городскую среду, использования эстетически осмысленных природных факторов в общей картине города, уже является нетипичным для позитивистского просвещенческого менталитета XVIII века, направленного в первую очередь на преодоление Природы, видящего в ней антагониста культуры, помеху созиданию. Во-вторых, принимая невский ландшафт как неизбежность, естественно было увидеть в нем скорее негативные черты – унылость, однообразие, чем его неявную красоту, построенную на тонких нюансах, восприятие которых требует вкуса, опыта и душевной чуткости. Нужно было обладать эстетическим мужеством, открытостью видения и гибкостью восприятия, чтобы преодолеть обывательскую ограниченность и быть готовым воспринять и оценить неяркую северную красоту.

Уже в петровское время Петербург определился как город пространственной идеи. Петровская столица стала городом открытых пространств с тенденцией к раскрытию просторов вовне и их безграничному расширению. Можно убедиться в том, что видение градостроительных принципов, органически присущих Петербургу, слитных с его внутренней природой, архитекторами петровского и аннинского времени полностью совпадает с пониманием пространственности классического города архитекторами эпохи ампира, например, Ж.-Ф. Тома де Томоном. Такое единодушие свидетельствует о том, что принципы эти были актуальны на протяжении всего столетия, и их содержание не изменялось со сменой стилевых предпочтений и архитектурной моды. Постоянство пространственного видения Петербурга на протяжении его «золотого века» было обусловлено стабильностью условий, определявших пространственность города. Они же ведут свое начало от того, что оставалось неизменным все время существования города, – неотъемлемых от естества Петербурга характеристик северного речного ландшафта.

На протяжении всего XVIII столетия градостроительство Петербурга ориентировалось на такое соединение разобщенных частей города, которое давало бы ощущение их пространственного единства вплоть до слияния в целостное общегородское пространство – идеал эпохи ампира, реализованный в ансамблях центральных городских площадей александровского времени.

ГЛАВА II.2.

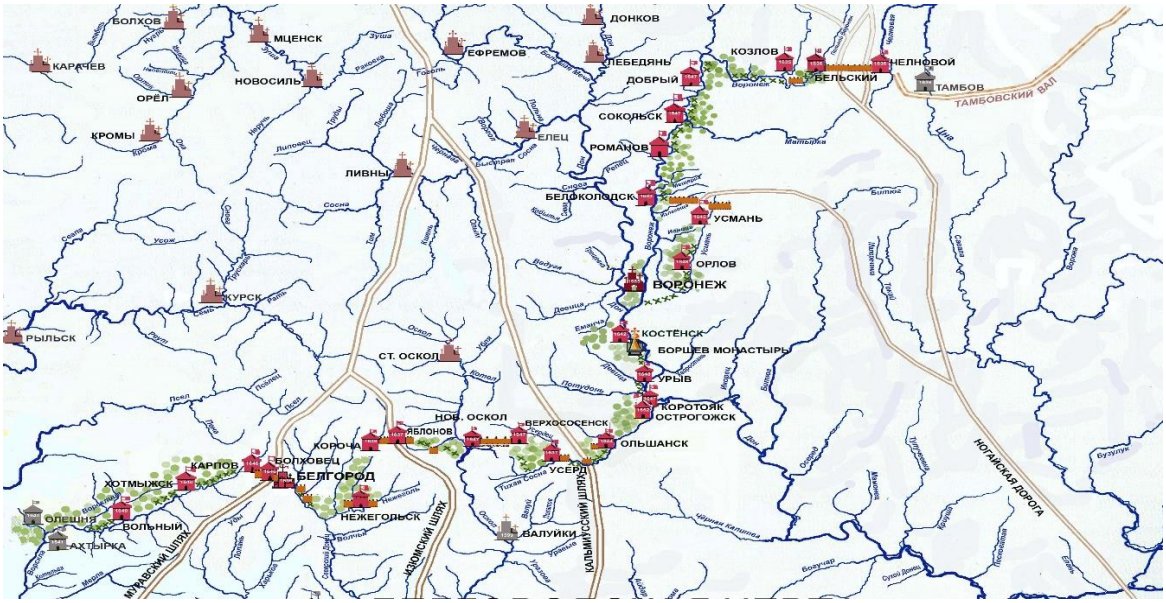
ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Преобразования, осуществляемые на территориальном уровне, были самыми впечатляющими по масштабу и размаху. И, несмотря на то, что они проводились без участия профессиональных архитекторов, эти изменения были настолько значительны, что создали на территории всей страны принципиально новую систему расселения. Необходимо отметить, что, когда говорится о расселенческих процессах на территории Тамбовской губернии, имеется ввиду та территория, которая сложилась в результате реализации губернской реформы 1775 года. До 1779 года Тамбовской губернии, как административной единицы не существовало: в качестве Тамбовской провинции, совсем в других границах он**а** входила в Воронежскую губернию.

Чтобы представить картину перемен, вызванных губернской реформой 1775 года, необходимо описать количество и качество городов, уже существовавших к этому времени на территории будущей Тамбовской губернии.

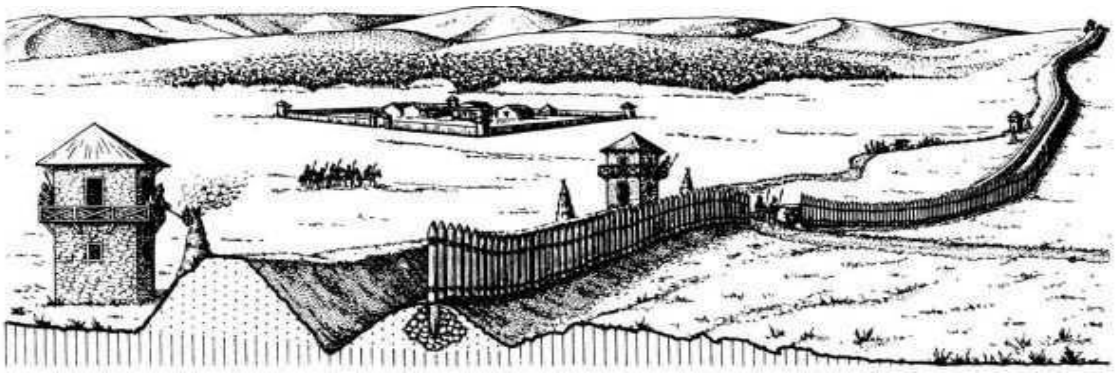
История их возникновения была различна. Только три города на севере губернии можно назвать «старыми» – Кадом (1209 год), Елатьма (1381 год) и Темников (1381 год). «Древность» их образования можно отнести за счет близости к Рязанскому и Владимирскому княжествам. Большая же часть городов была построена в XVII веке для укрепления южных границ Российского государства. Основание таких городов как Шацк (1553 год), Козлов (1635 год), Тамбов (1636 год) проводилось по царскому указу. Это было выдвижением на юг границ Российского государства и продолжением строительства линии оборонительных укреплений, известных под названием «Белгородская засечная черта». Возможно с этой же целью была основана в 1617 году Лебедянь, хотя этот город и не упомянут среди городов Белгородской засечной черты.

Соединение восточной части этой цепи с западной – Воронежем – потребовало создания промежуточного звена, и позднее были основаны города Усмань (1642 год), Сокольск (1672 год), Доброй (1672 год), Романов (1681 год). Основание городов Борисоглебск (1708 год) и Демшинск (1708 год), возможно, было связано с общим развитием края, начало которому положили Азовские походы Петра I, и с развернувшееся в Воронеже корабельное дело.

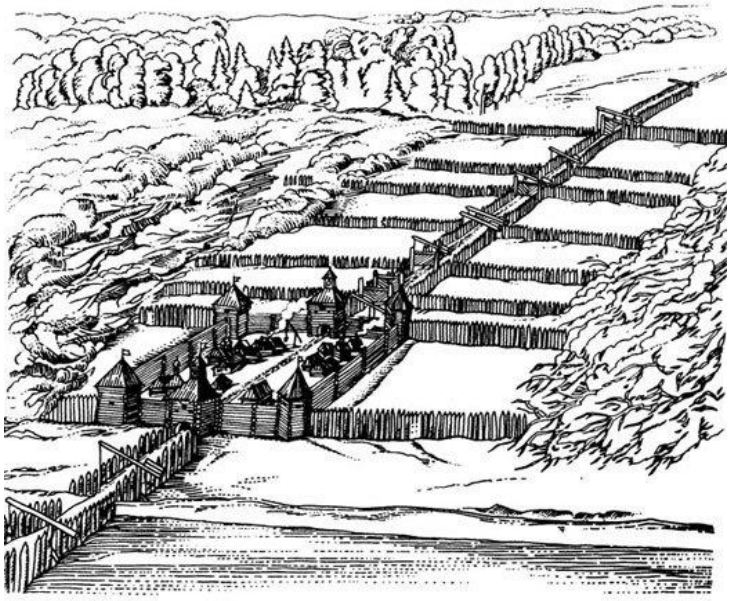


Белгородская засечная черта
http://papacoma.narod.ru/maps-reconstruction/reconstruction-images/lomako_belgorod_cherta_b.jpg

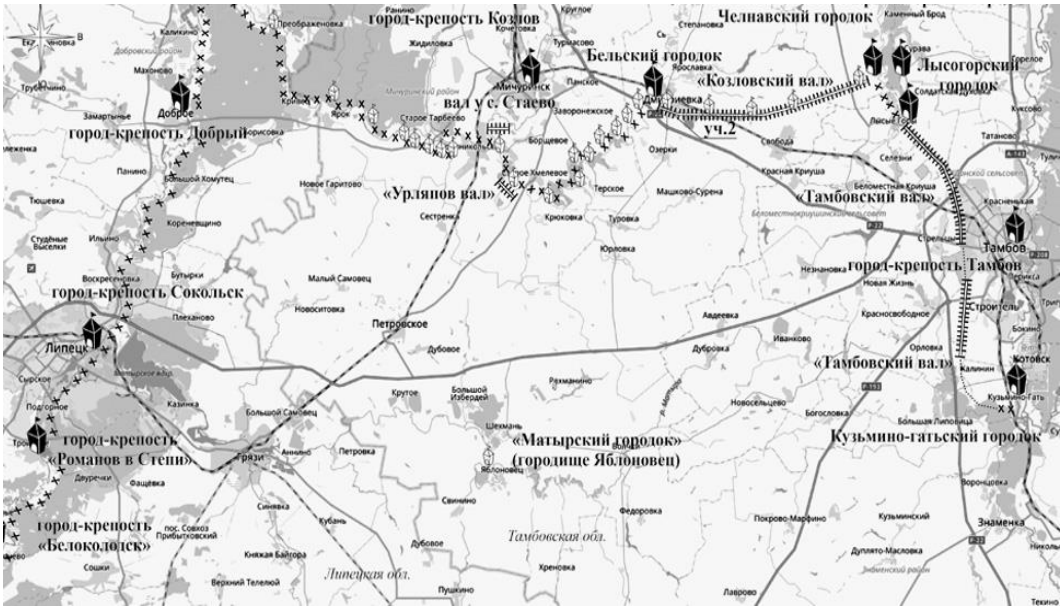
Художник М. Пресняков. На границе с Диким полем. 2010 год, Холст, масло.



Графическая реконструкция вида Белгородской засечной черты
https://www.culture.ru/s/bolshaya-zasechnaya-cherta/



Кроме этого на территории будущей губернии существовал целый ряд небольших «городков» – Красногорский, Лысогорский, Кашматский, Бельский, Челнавский и других, построенных в XVII веке в качестве «крепостиц» вдоль линии засечной черты. Но уже в середине XVIII века, с резким выдвижением государственных границ на юг, эти «крепостицы» теряют оборонительные функции и переходят в разряд слобод. В указе от 11 октября 1764 года[41] «В списке городам и пригородам в штат положенным» ни один из них в качестве города не значится.



Города Белгородской засечной черты, вошедшие в состав Тамбовской губернии в 1779 году https://historyrussia.org/belgorodskaya-zasechnaya-liniya/istoriya-belgorodskoj-zachechnoj-cherty/zasechnaya-cherta-karty-i-skhemy/belgorodskaya-cherta.html

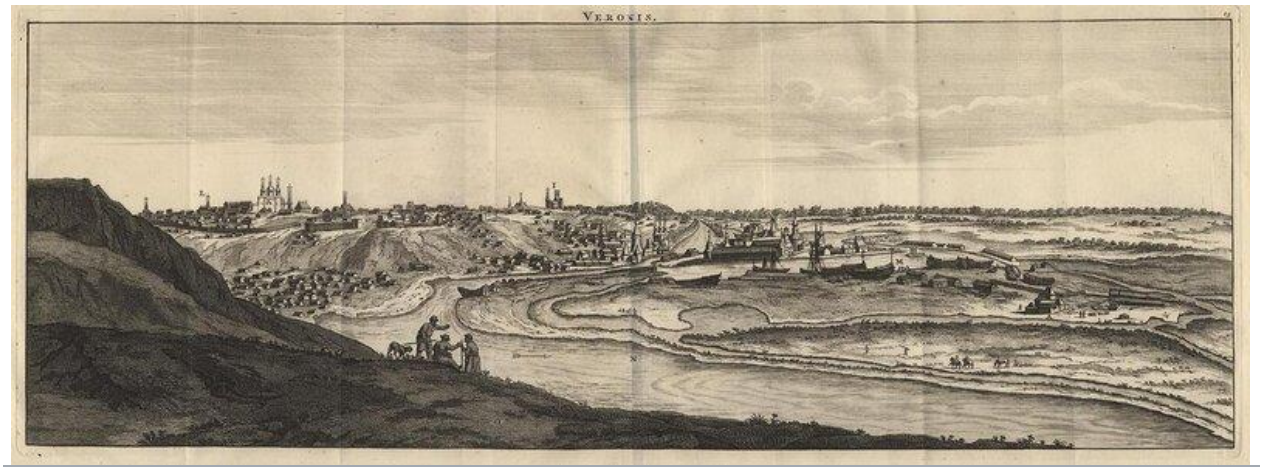
[41] ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12259. С. 926-932.

Таким образом, к моменту реформы 1775 года на территории будущей Тамбовской губернии существовало тринадцать городов. Линия Белгородской засечной черты стала для них структурообразующей, и почти все города (за исключением Борисоглебска) вписывались в дугу, проходившую с юго-запада на север по территории будущей губернии. Специфика этой кривой была в том, что она охватывала только часть Тамбовских земель, большая же восточная часть губернии городов практически не имела.

Чечулин Николай Дмитриевич. Русский историк, археолог, коллекционер (1863-1927 гг.)

Что касается качества дореформенных городов, то об этом можно судить по той картине, которую нарисовал историк Н.Д. Чечулин, опираясь на литературное творчество современников – А.Т. Болотова, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, С.Г. Гмелина, В. Кокса и других: «Большинство тогдашних городов почти не отличались от деревень; иные, даже обращенные потом в губернские, состояли всего из одной улицы и имели по одной церкви; случалось, что город стоял на болоте – и ничего не предпринималось для осушения его; встречались в городах такие буераки, мимо которых опасно было проезжать..., улицы, конечно, не были мощены...., большинство строений составляли жалкие лачуги, крытые соломою; под соломенною крышею помещался иногда даже магистрат; во многих городах не было ни рынка, ни лавок, ни аптек, ни почтовых контор.

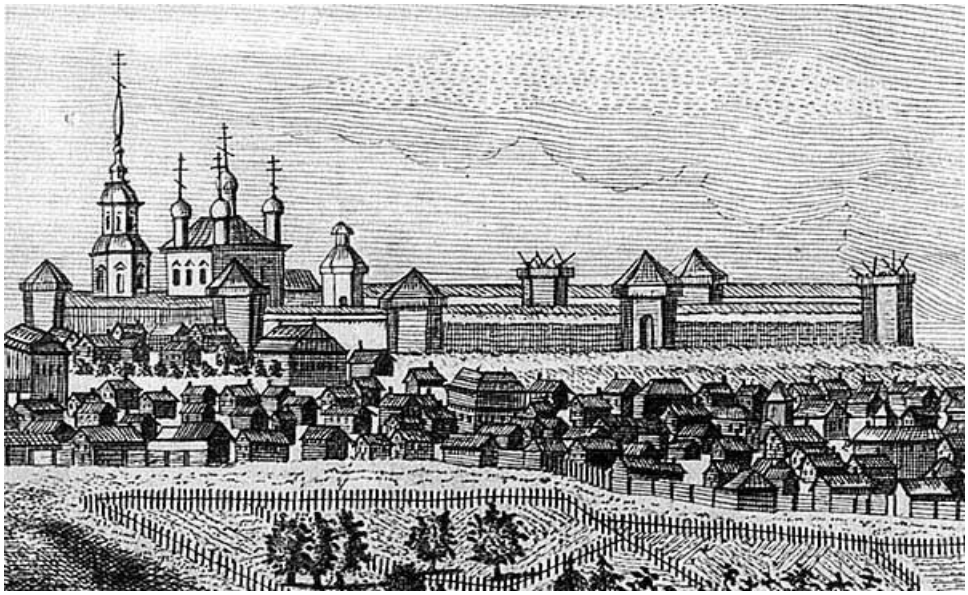
Городское сословие находилось еще в очень жалком положении, и во многих местностях горожане занимались, главным образом, хлебопашеством, и общий уровень их знаний был почти такой же как у крестьян... Такова была масса городского населения; представители администрации, весьма немногочисленные, были также весьма плохи; единственные административные органы, находившиеся в провинции до 1770-х годов – воеводские или провинциальные канцелярии – не сосредоточивали в себе людей даже по тогдашнему сколько-нибудь интеллигентных: только воеводы были из дворян, да и то преимущественно из местных и не пользовавшихся уважением своих собратий; приказные долгое время были всеми презираемы за свою алчность, недобросовестность и грубость»[42].



Гравюра «Вид на Воронеж с Чижовских высот». Рисунок Корнелия де Бруина. 1700 г.

С полным основанием можно все вышеописанное отнести и к городам Тамбовской губернии. Утратив в начале XVIII века оборонительные функции, они не приобрели иных (промышленных или торговых), кроме земледельческих. Подобное положение российских городов было вызвано политикой, проводимой в государстве со времени правления Петра I. Можно сказать, что именно в этот период, до некоторой степени искусственно, было создано разделение российских городов на столичные и провинциальные. Понятие «провинция», взятое Петром I из западноевропейского лексикона для обозначения административного статуса территории, в скором времени приобрело совершенно иной, качественный смысл.

[42] Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века.- Спб., 1889. - С. 27-29.



Симбирский кремль. XVIII век. Фрагмент гравюры М. И. Махаева.

Вид Екатеринбурга. Художник Петров В.П. Около 1802 года

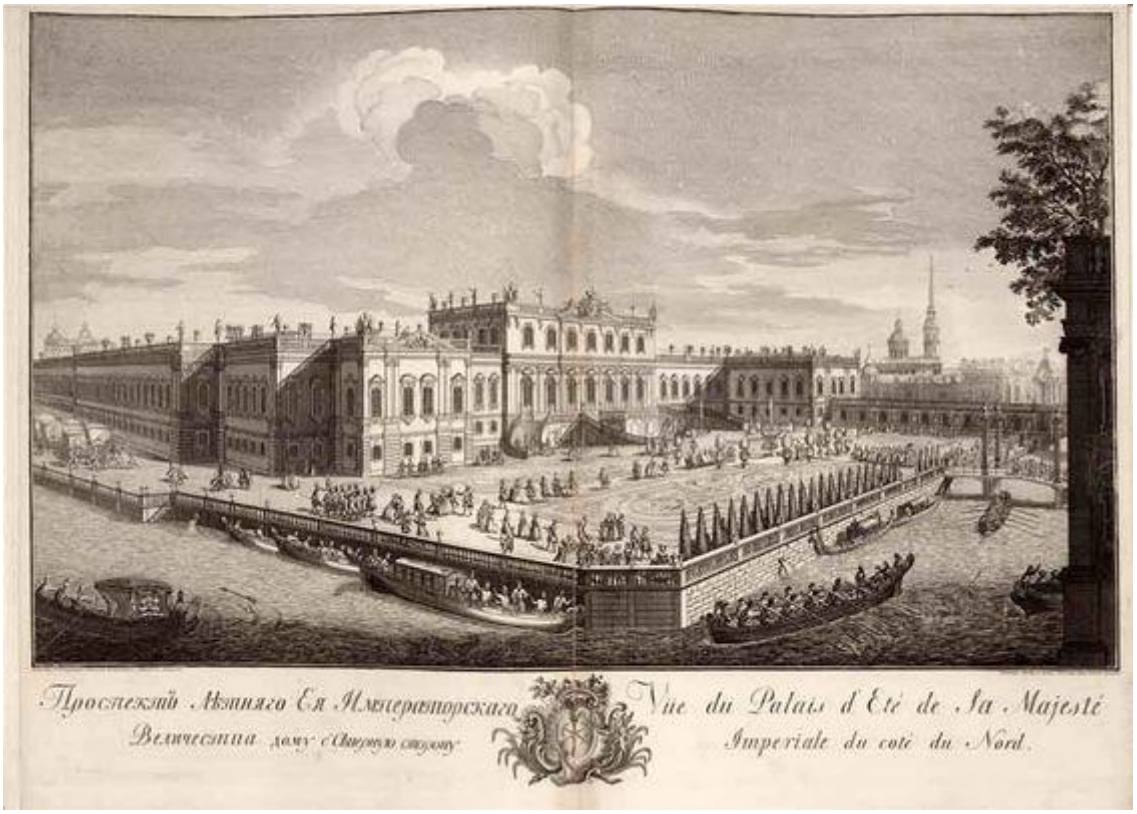
В западноевропейском смысле провинция – это автономная территориальная единица, которая возникла и сформировалась исторически на основе феодальных владений. Объединение самостоятельных провинций в государства стало необходимым по причине разорительных междоусобных войн. Но это было равноправное объединение с целью совместного охранения мира (во Франции, например, в период создания государства должность короля была выборной, и он был только «первый среди равных»). Государству делегировались только функции защиты границ и отправления правосудия, все остальные права оставались в провинциях.

В русском понимании «провинцией» называлось все, что не было столицей. «Жить в провинции – не в столице», так объяснено это понятие В.И. Далем в Толковом словаре[43], и это определение не только географическое. Если Париж, подобно феодальным королям был всего лишь «первым среди равных», то Петербург середины XVIII века во всех отношениях не вписывался в общий характер российских городов, и это отличие было в качестве жизни.

Провинция и столица существовали на контрастах. Все вопросы внутренней и внешней политики государства решались в Петербурге. Здесь были созданы мощные административные органы, как светские, так и духовные – Сенат, Синод, Коллегии, Комиссии, и прочие. Управленческого аппарата на местах практически не существовало: «… один воевода с товарищем управлял целою губернию, в делах была большая проволочка и неудобность».[44] Обязанность службы, введенная указом Петра I, собирала в Петербурге дееспособное дворянство со всей страны, из которого составлялись двор и гвардия, оставляя в провинции «людей со сведениями... весьма не много»[45] – писал князь Ф.Н. Голицын в своих Записках.

Портрет князя Голицына Федора Николаевича (1751 - 1827). Неизвестный художник. 1 четверть XIX в.

[43] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 3.- М., 1935. - С. 489.
[44] Записки князя Голицина //Русский архив. М., 1874, кн. 1, №1-4. С. 102
[45] Там же. Л. 158..



Проспект Летнего дома императрицы Елизаветы Петровны 1751-1753 гг. Лист из альбома «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших онаго проспектов». Гравюра по рисунку М.И. Махаева

Проспект здания Государственных Коллегий с частью Гостиного двора
1750 – 1753 гг. Лист из альбома «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших онаго проспектов». Гравюра по рисунку М.И. Махаева

В начале екатерининского правления «...в сей роскошной столице, при блистательном тогдашнем дворе, в раю, можно сказать, переполненном всех родов забавами, утехами и веселостями»[46] была сосредоточена жизнь всего государства. Это выражалось не только в наличии академий, театров, журналов, но и в образе мыслей, в широких интересах, интеллектуальных увлечениях, любви к чтению, свободе суждения, словом, во всем то, что называлось «светская жизнь» и «тонкий вкус». Отлучение от столицы служило своего рода наказанием. Равных Петербургу в России не было, даже Москву «эту древнюю и дряхлую столицу» Екатерина II называла в сердцах «дурищей»[47].

Не только жизнь в Петербурге, но и сам вид его был иным, западным, европейским. Подобных городов в России не было, а статус императорской резиденции обязывал ко многому. Поэтому сюда, согласно петровским указам съезжались лучшие каменщики, плотники, резчики, печники, художники со всей страны, оседая здесь уже навсегда; сюда привозились лучшие материалы, в то время как каменное строительство в других городах было запрещено. Практически вся первая половина XVIII века в России проходила под знаком централизации государства, в котором все усилия были направлены на создание процветающей новой столицы. Такие самодостаточные культурные центры, какими были Ярославль, Кострома, Тверь, Рязань с оттоком людей, средств, а главное с удушением местного самоуправления хиреют, и гордость жителей за свой богатый и красивый город уступает место тому, что можно было бы назвать комплексом неполноценности.

Можно с уверенностью сказать, что в России к 70-м годам XVIII столетия провинции в западно-европейском смысле слова не существовало, здесь были только государственные окраины, а вместо городского общества было только городское сословие. Единственными интересами здесь оставались хозяйственные и смысл существования губерний сводился к чисто податной функции – сбору налогов. Процесса формирования национальных или гражданских интересов не было и не могло быть, государство не заботилось об этом. По замечанию современников, «... народ или крестьяне не имели понятия о некотором общем порядке»[48]. Народное (провинциальное) самосознание, в силу информационной изоляции, складывалось без влияния государственных идей, и в итоге оказалось в оппозиции к самосознанию

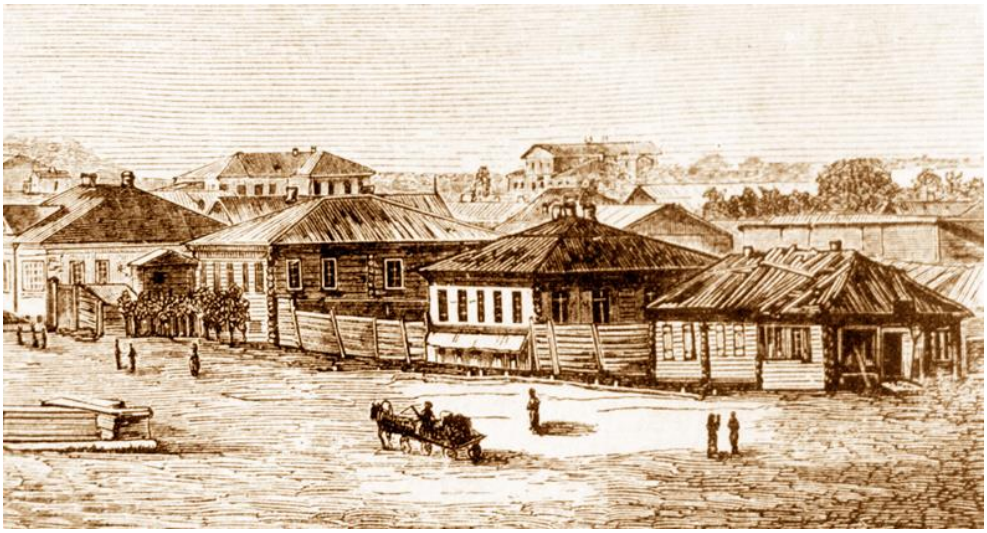
[46] Винский Г.С. Мое время.
[47]Письма Екатерины Второй к барону Гримму. // Русский архив. Год шестнадцатый. Кн. 3. - М., 1878. - С. 118.
[48] Голицин Ф.Н. Записки князя Федора Николаевича Голицина. // Русский архив. Кн.1-5.- М., 1874. - С. 1293.

государственному (столичному). Единственным связующим звеном в системе государство (столица) – народ (провинция), куда доходили слабые отзвуки государственной идеологии, были города, так как здесь были сосредоточены основные внутригосударственные функции – административные и фискальные.

Структура размещения государственной власти на территории страны определялась характером размещения городов, то есть той структурой расселения, которая сложилась к этому времени исторически, и была различной в разных регионах государства. Большей плотностью отличались центральные районы, ближе к периферии количество городов значительно снижалось. На территории Тамбовской губернии города были расположены в северной и западной частях, восточная часть губернии городов практически не имела. Еще более разреженной была сеть городских поселений в соседней Саратовской губернии, а далее в заволжских и оренбургских степях городские поселения были единичны, и говорить о связанной сети городов просто не приходилось. Не случайно именно здесь противостояние между столицей и провинцией вылилось в кровавый конфликт – крестьянское восстание 1773-1774 годов под руководством Емельяна Пугачева. Это противостояние отразилось и в звании Пугачева: не освободитель крестьянства, не вождь или другой громкий титул. Вызовом столице было брошено – император Петр Федорович.

«Подлинное изображение бунтовщика и обманщика Емельки Пугачёва.» Неизвестный симбирский художник, между 1 и 28 октября 1774 года

В этот момент именно города были пусть слабой, но единственной и последней опорой государственной власти. Провинциальные города проявили ту государственную идеологию в отстаивании имперских и сословных интересов, о распространении которой не заботилось само государство. После крестьянского восстания политическое значение городов вышло на первый план, оставив позади экономическое и утилитарное. С точки зрения «непоколебимой верности» оценила их роль и Екатерина II. Показателен тот факт, что еще до губернской реформы императрица повелела «Ирбитскую слободу учредить городом на основании прочих Российских городов»[49], по той причине, что жители ее не присоединились к восставшим, а оказали им активное сопротивление. Звание города стало знаком политической зрелости и расценивалось как награда.

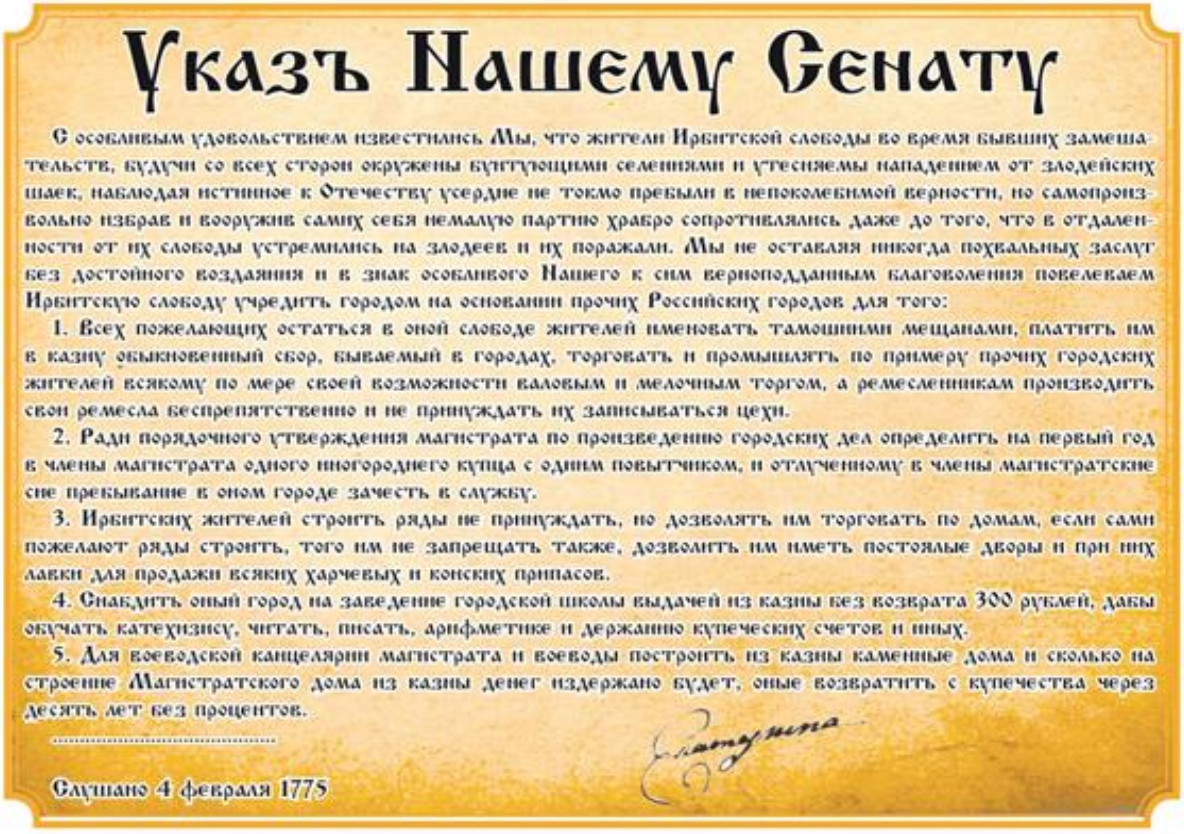


Ирбитская слобода. https://irbeya.ru/irbeya/istoriya/?n=60

Политические выводы в этой ситуации были очевидны: необходимо было коренным образом изменить количество и, главное, качество российских городов. Вот почему сразу же после казни Пугачева Екатерина II занялась разработкой документа, которым впоследствии очень гордилась – «Учреждениями для управления губерний». Этот закон Екатерина II писала в Москве, в течение пяти месяцев. Работая над ним, она сообщала Гримму в декабре 1774 года: «Узнайте новость. Явилась болезнь именуемая легисломанией, и говорят, что императрица Российская сильно заболела ею во второй раз, в первый раз она устанавливала только принципы, теперь пошло само дело. О бедная женщина! она умрет от этого или доведет дело до конца»[50]. И позднее, в ноябре 1775 года, по завершению работы над законом: «Я страшно много нацарапала с тех пор, как я здесь.

[49] ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14243. С. 42.
[50] Грот Я.К. Екатерина II в переписке с Гриммом. - СПб., 1884. - С. 13.

Мои последние законы от 7 ноября заключают 250 печатных страниц in-quarto, но клянусь вам, за то я никогда ничего лучшего не производила, и перед этим трудом Наказ мне в эту минуту представляется пустой болтовней»[51].



Указъ Нашему Сенату

С особливым удовольствием известились Мы, что жители Ирбитской слободы во время бывших замешательств, будучи со всех сторон окружены бунтующими семенями и утесняемы нападением от злодейских шаек, наблюдая истинное к Отечеству усердие не токмо пребыли в непоколебимой верности, но самопроизвольно избрав и вооружив самих себя немалую партию храбро сопротивлялись даже до того, что в отдаленности от их слободы устремились на злодеев и их поражали. Мы не оставляя никогда похвальных заслуг без достойного воздаяния и в знак особливого Нашего к сим верноподданным благоволения повелеваем Ирбитскую слободу учредить городом на основании прочих Российских городов для того:

1. Всех пожелающих остаться в оной слободе жителей именовать тамошними мещанами, платить им в казну обыкновенный сбор, бываемый в городах, торговать и промышлять по примеру прочих городских жителей всякому по мере своей возможности валовым и мелочным торгом, а ремесленникам производить свои ремесла беспрепятственно и не принуждать их записываться цехи.

2. Ради порядочного утверждения магистрата по произведению городских дел определить на первый год в члены магистрата одного иногороднего купца с одним повытчиком, и отличенному в члены магистратские сие пребывание в оном городе зачесть в службу.

3. Ирбитских жителей строить ряды не принуждать, но дозволять им торговать по домам, если сами пожелают ряды строить, того им не запрещать также, дозволить им иметь постоялые дворы и при них лавки для продажи всяких харчевых и конских припасов.

4. Снабдить оный город на заведение городской школы выдачей из казны без возврата 300 рублей, дабы обучать катехизису, читать, писать, арифметике и держанию купеческих счетов и иных.

5. Для воеводской канцелярии магистрата и воеводы построить из казны каменные дома и сколько на строение Магистратского дома из казны денег издержано будет, оные возвратить с купечества через десять лет без процентов.

.....

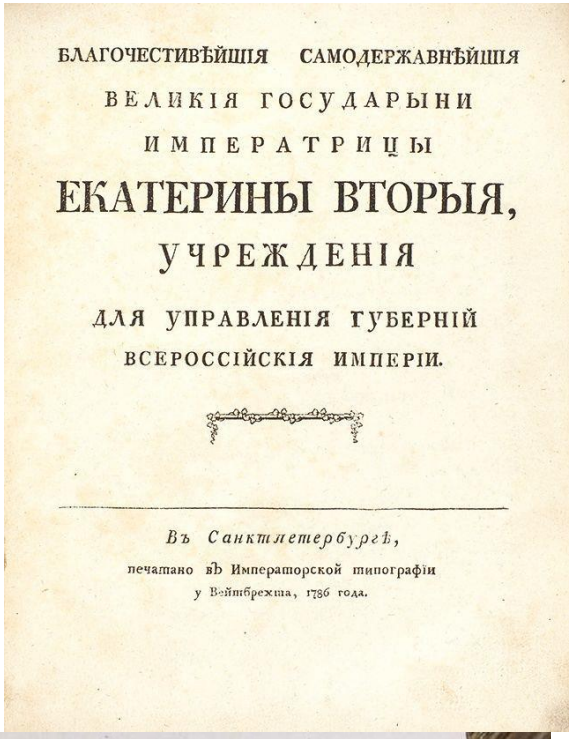
Слушано 4 февраля 1775

Указ об учреждении Ирбитской слободы городом https://irbit.city/novosti/obshestvo/6143

Таким образом, по признанию самой императрицы, в ее увлечении легисломанией наступил второй этап. Вначале был Наказ (труд в большей мере целеполагающий, чем правовой) и созыв Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, которая безуспешно пыталась путем компиляции депутатских наказов составить законодательную базу для дальнейшего развития страны. Теперь пришло время решительных действий. В сложившейся политической ситуации создание умозрительной модели благоденствующего государства далее продолжаться не могло, пора было перейти к ее реализации. Так во внутренней политике Екатерины II произошел решительный поворот от создания идеальных «принципов» к конкретному законодательству, от «пустой болтовни» к «самому делу», от абстрактных образов и воздушных замков к жизненным реалиям. Политическая необходимость привела в движение политическую модель. Этим

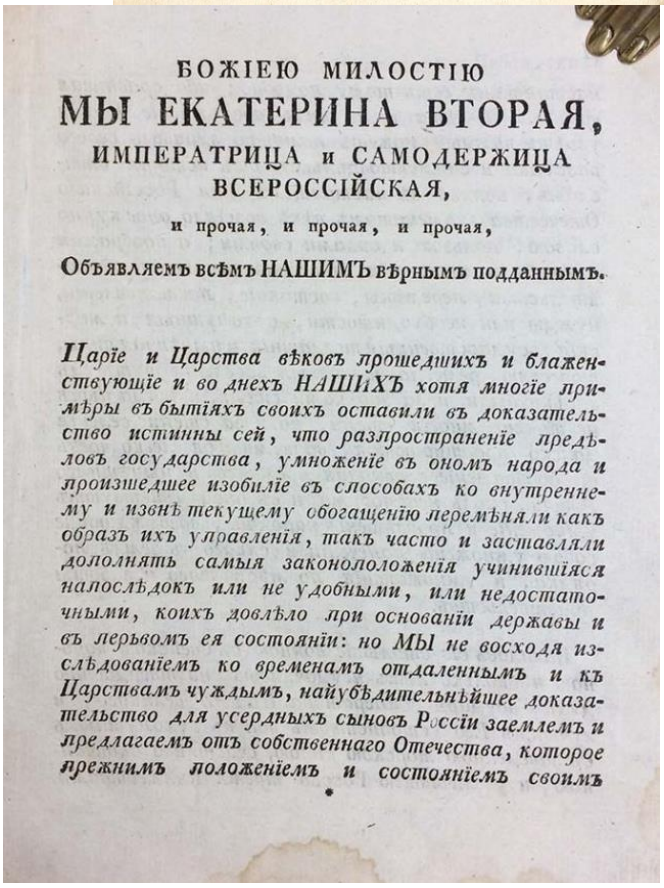
[51] Там же. С. 39.

поворотным моментом стало появление 7 ноября 1775 года закона «Учреждения для управления губерний». Этот законодательный акт был настолько важен, что был выпущен отдельным изданием в 1786 году огромным для того времени тиражом 1200 экземпляров, и затем несколько раз переиздавался.



БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ САМОДЕРЖАВНѢЙШІЯ
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ,
УЧРЕЖДЕНІЯ
ДЛЯ УПРАВЛЕНІЯ ГУБЕРНІЙ
ВСЕРОССІЙСКІЯ ИМПЕРІИ.

Въ Санктпетербургѣ,
печатано вЪ Императорской типографіи
у Вейнбрехта, 1786 года.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА и САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая,
Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ.

Царіе и Царства вѣковъ прошедшихъ и блаженствующіе и во днехъ НАШИХЪ хотя многіе примѣры въ бытіяхъ своихъ оставили въ доказательство истинны сей, что разпространеніе предѣловъ государства, умноженіе въ ономъ народа и произшедшее изобиліе въ слособахъ ко внутреннему и извнѣ текущему обогащенію перемѣняли какъ образъ ихъ управленія, такъ часто и заставляли дополнять самыя законоположенія учинившіяся налослѣдокъ или не удобными, или недостаточными, коихъ довлѣло при основаніи державы и въ первомъ ея состояніи: но МЫ не восходя изслѣдованіемъ ко временамъ отдаленнымъ и къ Царствамъ чуждымъ, найубѣдительнѣйшее доказательство для усердныхъ сыновъ Россіи заемлемъ и предлагаемъ отъ собственнаго Отечества, которое прежнимъ положеніемъ и состояніемъ своимъ

Титульный лист и первая страница книги

С градостроительной точки зрения выход этого законодательного акта чрезвычайно интересен по той причине, что именно его появление вызвало к жизни новое административно-территориальное деление Российской империи, произвело на свет (большей частью волевым путем) около двухсот новых городов, и тем самым определило систему городского расселения, сохраненную в определенной степени и до сегодняшних дней. В этой связи представляет интерес не только сам закон, но и процесс введения его в действие в провинциальных районах империи, а так же роль в этом процессе некоторых государственных чиновников.

В «Учреждениях для управления губерниями» Екатерина II заложила достаточно мелкую, по тем временам, административно-территориальную структуру, размеры которой определялись количеством населения. Единицей этой структуры стал уезд, губерния складывалась из 10-15 уездов.

Интересно, что такое огромное по масштабу и значимости мероприятие, как создание новой сети городских поселений, было осуществлено на основании всего лишь двух пунктов этого закона, состоящего из 250 страниц. Так первый параграф главы 1 регламентировал: «Дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех до четырех сот тысяч душ». И далее в параграфе 17: «В уезде, или округе считается от двадцати до тридцати тысяч душ»[52]. Эти два пункта стали единственным законодательным требованием не только для создания сети новых городов, но и для формирования границ губерний.

Тем не менее, совершенно очевидно, что в умозрительной модели идеального государства, созданной Екатериной II, уже существовала идеальная модель городского расселения, именно на нее должны были опираться государственные чиновники, при назначении городов. В основу этой модели был положен принцип равномерного охвата всего пространства империи элементами цивилизации – городами. Желание создать равномерное управляемое пространство на территории всей страны, определило схему городского расселения: «от губернского города, как от центра, шли лучами, по разным направлениям уездные города»[53].

То, что пространственные преобразования проводились именно по этой схеме, доказывается порядком введения губернской реформы. Примерные границы территории

[52] ПСЗРИ-1. Т. XX. №14392. Сс. 229-304.
[53] Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. - М., 1987. - С. 170, 172.

губернии определялись, видимо, в Петербурге, губернским городом назначался тот, который находился ближе к геометрическому центру, и уже получив звание Тамбовского генерал-губернатора еще не существующей губернии, наместник ехал осматривать территорию, устанавливать границы и учреждать города. Возможно, процесс был обратный: вначале выбирался губернский город и примерным радиусом очерчивались границы губернии, что не меняло существа подхода. В любом случае, приписание территории к городу, а значит и выбор губернского центра, происходило раньше осмотра самих городов, то есть качественные критерии при решении этого вопроса не принимались во внимание, так же как и численное «равенство населения» оставалось более на бумаге.

В задачи наместников входило: на основе регулярно-лучевой схемы екатерининского идеала создать равномерную сеть городских поселений. Постоянные ссылки генерал-губернаторов на «регулярность» и «равномерность», встречающиеся в их рапортах, убедительно доказывают их установку на императорский образец, полученную, видимо, еще в Петербурге, поэтому при назначении городов государственные чиновники «более заботились о равенстве расстояния уездных городов от губернского, уездного округа от своего центра», как верно заметил А.В. Лохвицкий[54]. То, что Екатерина II лично инструктировала будущих наместников подтверждают и исследования современных историков. Так А.В. Белов приводит в пример рапорт ярославского наместника А.П. Мельгунова Екатерине II: «Расположа объезд мой по тем местам, о коих наперед я удостоверен был, что они перед другими имеют больше таких способностей, какие Ваше Императорское Величество ***изустно*** мне повелели уважать».[55]

Таким образом, впервые в практике русского градостроительства (а, вероятно, и мировой практике) в полной мере осознанно и целенаправленно проводилось мероприятие по созданию единой сети городских поселений в масштабе всей страны. Конечно, в разное время в российской истории существовали этапы активного строительства городов, преследовавшие политические или экономические цели – строительство Большой засечной черты, Белгородской засечной черты, освоение Сибири. Даже Азовские походы и освоение Балтики Петром I привели к появлению новых поселений. Но все эти градостроительные акции были направлены, как правило, на территориальное расширение границ и укрепление оборонных функций государства, а

[54]Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. - Спб., 1864. - С. 97.
[55] Цит. по Белов А.В. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). – М.: 2019. – С. 62.

главное – они касались только отдельных его частей. Целью екатерининских реформ было не создание новых городов, а переформатирование существующей системы расселения всей российской империи в целом. Формирование новой системы происходило не спонтанно, для ее осуществления была рекомендована идеальная модель, разработанная самой императрицей. Эта модель была выполнена вполне в духе логической системы Декарта[56]. Ее целостность складывалась из отдельных элементов, имевших между собой четкую иерархию и расположенных в определенном порядке, некоей классицистической закономерности. В материализованном виде она приобретала вид геометрической схемы, в центре которой находился губернский город, от него радиально на равном расстоянии отстояли уездные города, являющиеся, в свою очередь, центрами формируемых ими округов. Вокруг них располагались сельские поселения и дворянские усадьбы. Такой центробежный характер элементов идеальной модели должен был уравновешиваться центростремительным движением дорог, возвращавших все периферийное в центр, к началу, к губернскому городу. Так регулярность, как главный принцип классицизма, была положена в основу создания единой системы городского расселения Российской империи. Используя этот принцип в расселенческих процессах, Екатерина II рассчитывала получить в итоге равномерно-регулярное, управляемое национальное пространство.

Проведение губернской реформы 1775 года было возложено на генерал-губернаторов. Именно их представления о городе, о сети городов, соединенных между собой и о пространстве в целом, сформировали структуру расселения, сохраненную в большей части до сегодняшних дней. Мнение генерал-губернатора при определении статуса городов имело практически законодательные последствия. Условия географические, экономические, хозяйственные и другие принимались во внимание в зависимости от субъективных представлений наместников, которым было поручено определить границы губернии и сделать предложения о назначении городов, после их личного осмотра.

Генерал-губернатор Тамбовской и Владимирской губерний граф Роман Илларионович Воронцов докладывал Екатерине II: «Во исполнение высочайшего указа... об обозрении вновь учреждаемой и всемилостивейше вверяемой мне Танбовской губернии имею щастие ... донести, что всю оную губернию я на месте освидетельствовал,

[56] См. Саваренская Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVII-XIX вв.: Эстетические и теоретические предпосылки. М., 1987. - С. 68..

старыя все города осмотрел и новые города, где оных нет для приписания к ним уездов назначил»[57].

Логика генерал-губернатора в процессе упразднения городов была достаточно очевидна. К 80-м годам XVIII века, многие города Тамбовского края, строившиеся укрепленными пунктами Белгородской засечной черты, не получили затем экономического развития и пришли в упадок. В лучшем случае, за ними сохранялись некоторые административные функции, но из-за близости городов между собой и они порой теряли смысл. Существование подобных поселений в конце XVIII столетия было явным анахронизмом.

Портрет графа Р.И. Воронцова. Неизвестный художник арзамасской школы живописи А.В. Ступина. 1781–1782 годы. Арзамасский историко-художественный музей

Это сразу же было отмечено Р.И. Воронцовым: «Из старых городов по удобности их положения к составлению округ оставлены следующия: Танбов, Шатск, Козлов, Хоперская крепость, Усмань, Борисоглебск, Лебедянь, Темников и Кадом, а по неспособности из старых городов к уничтожению назначены: Доброй, Сокольск, Демшинск и Романов, которыя будучи по большей части строены в защищение от набегов татарских лежат в одну линию в весьма близком один от другого разстоянии, строением и жителями весьма бедны и не имеют никакой удобности к составлению округов»[58].

[57] РГАДА. Ф. 16, оп. 1, д. 636, л. 8 об.
[58] Там же.

Интересно, что ни в одном из упраздненных городов Р.И. Воронцов не нашел потенциала для дальнейшего развития, а увидел его в слободе Липецких железных заводов, расположенных между этими городами: «..... которыя на место всех к уничтожению назначенных мною городов удобнейшим признал я быть городом. Ибо имеют они положение свое между Сокольском и Романовым, на реке Воронеж и сверх того все романовские купцы основали там свои жилища и построили некоторые каменные домы и лавки и отправляют с немалой выгодою торги, да и заводам тамошним никакого помешательства произойти не может и они могут оставаться на прежнем своем основании беспрепятственно»[59]. Решение было принято с завидной исторической проницательностью, впоследствии Липецк перерос даже значение уездного центра.

[59] Там же. Л. 9.

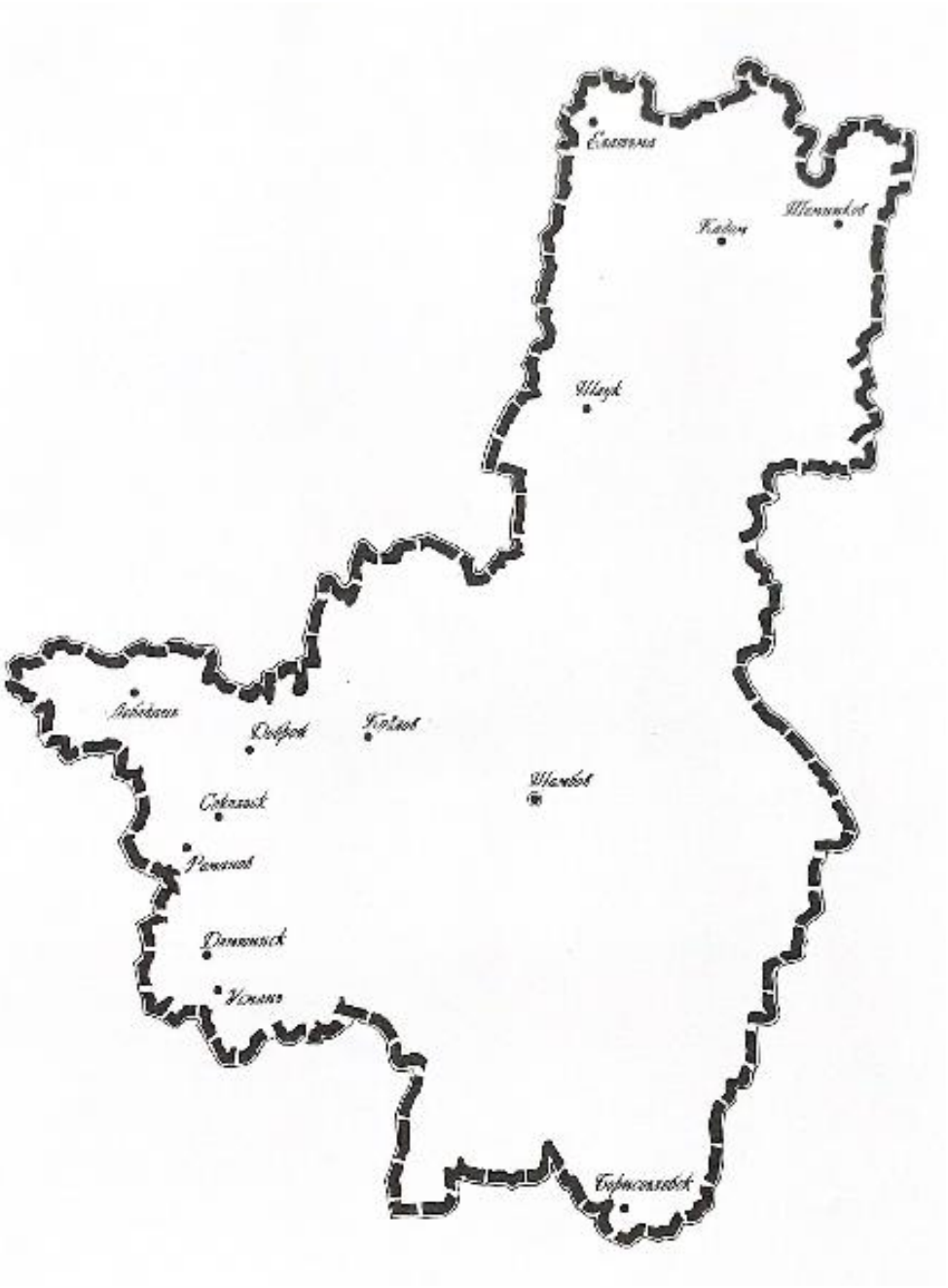


Схема сети городов в 1775 году в границах будущей Тамбовской губернии
(графическая реконструкция автора)

Но если на западе губернии был учрежден только Липецк, и характерным моментом был процесс упразднения существовавших городов, то в восточной части Тамбовской губернии необходимо было создать сеть городских поселений из поднимавшихся в экономическом отношении сел и слобод. И здесь возникал ряд условий, которые необходимо было соблюсти. Во-первых, поселение должно было в качестве уездного города «составить округу» т.е. собрать вокруг себя необходимое число жителей, оно должно иметь экономические перспективы для дальнейшего развития, возможность для создания здесь административных учреждений, развития общественной жизни, для

приведения в действие всех пунктов закона. И последнее, на роль уездного центра рекомендовалось выбирать государственные (дворцовые, экономические или однодворческие) поселения, а не помещичьи села, потому, что в таком случае село могло перейти в статус уездного города только путем выкупа его у владельца. Формально такая возможность оставалась, но по понятным причинам не приветствовалась. Необходимо было также соблюсти регулярную схему екатерининского идеала.

В восточной части Тамбовской губернии в новое качество уездного центра должны были перейти четыре сельских поселения. Первым было предложено село Морша ведомства Дворцовой канцелярии, находившееся в 80-ти верстах к северу от Тамбова. Оно «удобно может переименовано быть городом, – доказывал Р.И. Воронцов –, ибо не токмо судовой ход по реке Цне (имеет – Н.Г.), способствующий в том селе не малому хлебному торгу, но и состояние жителей, довольные выгоды от сей торговли получающих в таком положении, что может оное село со временем изрядным быть городом»[60]. Предположения эти оправдались и очень скоро Моршанск вырос в значительный торгово-промышленный центр.

Городами должны были стать также дворцовое село Кирсаново «... на реке Вороне, которое имеет весьма изрядное положение, довольно населено и где бывают разные торги, коими жители тамошние пользуются»[61], экономическое село Спасское «на реке Леплейке, ... которое также для округи весьма удобное положение имеет и в коем разные бывают торги»[62] и однодворческое село Гвазды, которое генерал-губернатор «за нужное признал назначить по дальности разстояния» между городами Усманью и Хоперской крепостью.

Границы губернии определялись в соответствии со следующими принципами: «... не столько наблюдал я ***регулярную фигуру*** (выделено мной – Н.Г.) округи, сколько старался, чтоб во всякой округе было довольное число дворян, могущих отправлять уездные и земские службы, чтоб одного помещика деревни не были разделены по разным уездам, и чтоб предписанное количество душ наполнено было»[63].

Действительно, в отсутствии внутренних исторических границ, жестких хозяйственных и другого рода связей губерния могла принимать любую «фигуру», и подчас личные интересы наместников играли решающую роль. Так, будучи генерал-губернатором двух отдельно лежащих губерний Тамбовской и Владимирской, Р.И. Воронцов решил вопрос их соединения следующим образом: «А как в рассуждении

[60] Там же. Л. 34 об.
[61] Там же. Л. 8 об.
[62] Там же. Л. 9 об.

[63] Там же

положения границ Володимирской и Танбовской губерний препятствует токмо один Рязанской губернии город Елатьма с его уездом ... и Володимирскую губернию от Танбовской отделяет, ... указать оной город с уездом его для соединения обоих губерний от Рязанской отделя, причислить к Танбовской»[64]. В этом случае две губернии соединялись в одно наместничество через тонкий перешеек шириной всего в несколько верст. Через год смысл этого нововведения был потерян – Тамбовская губерния была переведена в одно наместничество с Рязанской, но Елатомский уезд остался в Тамбовской губернии как генерал-губернаторская прихоть Романа Илларионовича.

Так, политическое мышление соединялось с пространственным, когда территория воспринималась чистой, свободной от связей и организовывалась только исходя из удобства управления, или из желания иметь единое подвластное пространство. Широта пространства, соединенная с широтой власти формировала хозяйственно-покровительственное отношение к вверенным территориям. Возможность присоединять и «отрезать» уезды, учреждать и «уничтожать» города, создавать не только управленческий аппарат, но и городское общество формировало чувство не просто хозяина, полновластного владельца, но развивало ощущение создателя, творца. Входившие в моду идеалы классицизма, ориентированные на античные ценности, влияли не только на архитектурную «манеру», но меняли и поведенческие стереотипы, определяли манеру управления. Опека некоторых генерал-губернаторов над вверенными им провинциями была порой весьма схожа с покровительственным отношением римских прокураторов. К сожалению, у Р.И. Воронцова хозяйское отношение к вверенным губерниям проявлялось слишком буквально, и он часто путал государственный карман со своим собственным.

Тем не менее, предложения Р.И. Воронцова о новой сети городских поселений оказались весьма дальновидными. Правительство одобрило мнение наместника, и согласно указу от 18 сентября 1779 года Тамбовская губерния, как административная единица, была утверждена в составе 15 уездов. Губернским городом был назначен Тамбов[65]. 30 сентября 1779 года в Сенате вышел указ: «Всемилостивейше повелеваем Нашему Генералу, Володимирскому и Тамбовскому, графу Воронцову по изданным от нас в 7 день ноября 1775 года учреждениям исполнить ***равномерно*** (выделено мной – Н.Г.) и в Тамбовской губернии, составляя сие наместничество из пятнадцати уездов, а именно: Тамбовскаго, Шатскаго, Кадомскаго, Темниковскаго, Козловскаго, Лебедянскаго,

[64] ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14917. С. 866-867; ПСЗРИ-1. Т.XX. № 14920. С. 868.

[65] ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 20004. С. 775-778.

Усманскаго, Новохоперскаго, Борисоглебскаго, Елатомского, Кирсановскаго, Моршанскаго, Спасскаго, Липецкаго, и Гваздинскаго. В следствии чего переименовать городами ведомства Главной Дворцовой Канцелярии села Кирсанова и Моршу, ведомства Коллегии Экономии село Спасское, Липецкие железные заводы под названием Липецк, и однодворческое село Гвазы. Город Елатьму с уездом от Рязанской Губернии причислить к сему Наместничеству, а от онаго отдать к Рязанской из уездов Шацкаго, Козловскаго, Добрынскаго и Лебедянскаго до 18000 душ по способности; а в прочем назначение границ онаго Наместничества с прикосновенными ему преоставляем на соглашение Гернерал-Губернаторов и правящих ту должность…»[66].

4 февраля 1780 года в Тамбовском наместничестве были открыты присутственные места[67], а уже 10 февраля вышел указ, на основании которого город Новохоперск с уездом передавался Саратовскому наместничеству[68]. Выполнение указа растянулось на два года, процесс формирования границ губернии продолжался. Весной 1782 года преемнику Р.И. Воронцова новому генерал-губернатору Михаилу Федотовичу Каменскому поступило именное Ее императорского величества повеление, согласно которому территория губернии вновь меняла свои границы: Новохоперский уезд передавался Саратовскому, а Гваздинский Воронежскому наместничествам. При этом часть Борисоглебского уезда вместе с уездным городом «отрезалась» от Тамбовской губернии. Генерал-губернатор предложил следующее решение: «...дерзну испрошать... не повелите ли отчислить в Саратовское наместничество не только город Новохоперск, да и город Борисоглебск с частью обоих сих уездов? А в случае высочайшей апробации не повелите ли из остающихся частей обоих сих уездов да из части Гваздинской округи составить новый город на реке Савалле..., в самом том месте, где на карте назначено село Русаново, назвав оное село городом... А таковой перемене послужит и то, что во всех оных трех городах никакого строения каменного еще не заведено»[69].

[66] РГАДА. Ф. 292, кн. 9, д. 35, л. 204.
[67] ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14984. С. 916.
[68] ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14990. С. 990.

[69] РГАДА. Ф. 16, оп. 1, д. 968, лл. 39 об. - 40.

Схема сети городов и границы Тамбовской губернии 1779 и 1782 годов
(графическая реконструкция автора)

Каменский Михаил Федотович, граф, генерал-фельдмаршал

На этом Михаил Федотович не остановился. Его инициатива пошла дальше: «А как... губернский город Тамбов находиться будет уже ***не в середине губернии*** (выделено мной – Н.Г.), да и как он положение свое имеет в таком месте, где здоровой воды найтить нельзя, и лесу по близости нет и дровяного, а к тому ж из казенных строений ничего еще не зачато; город же Морша на той же реке Цне лежащий... изобилует уже дровами и водою, так что в оном всякую весну стругов до осьмидесяти новых с хлебом отправляются на Волгу; притом во все лето строевой лес пригоняется с Оки да с Мокши; из чего предвидится, что естли б назначить оный под губернский город, и построя все принадлежавшее, исподволь перевести потом губернское правление в оный город из Тамбова, то б оный город без всякой разстройки течению дел и обывателям увеличился б, да и находился б ***в середине губернии***. А потому дерзну испросить повеления о назначении губернского города в Морше, вместо Тамбова»[70].

М.Ф. Каменский пытался формировать губернию по своим личным представлениям, основанным на абстрактной схеме екатерининского идеала, именно желание буквально следовать этой схеме родило предложение по переносу губернского центра в геометрический центр. Михаил Федотович был не одинок в своем художественном пристрастии к геометрическим решениям. Воронежский губернатор И.А. Потапов также высказывал желание оставить несколько тамбовских поселений «в

[70] Цит. по Шевченко Е.А. Определение границ Воронежской губернии в начале 1780 гг./ Из истории Воронежского края: Сборник статей. Вып. 12. Воронеж, 2004. С. 85.

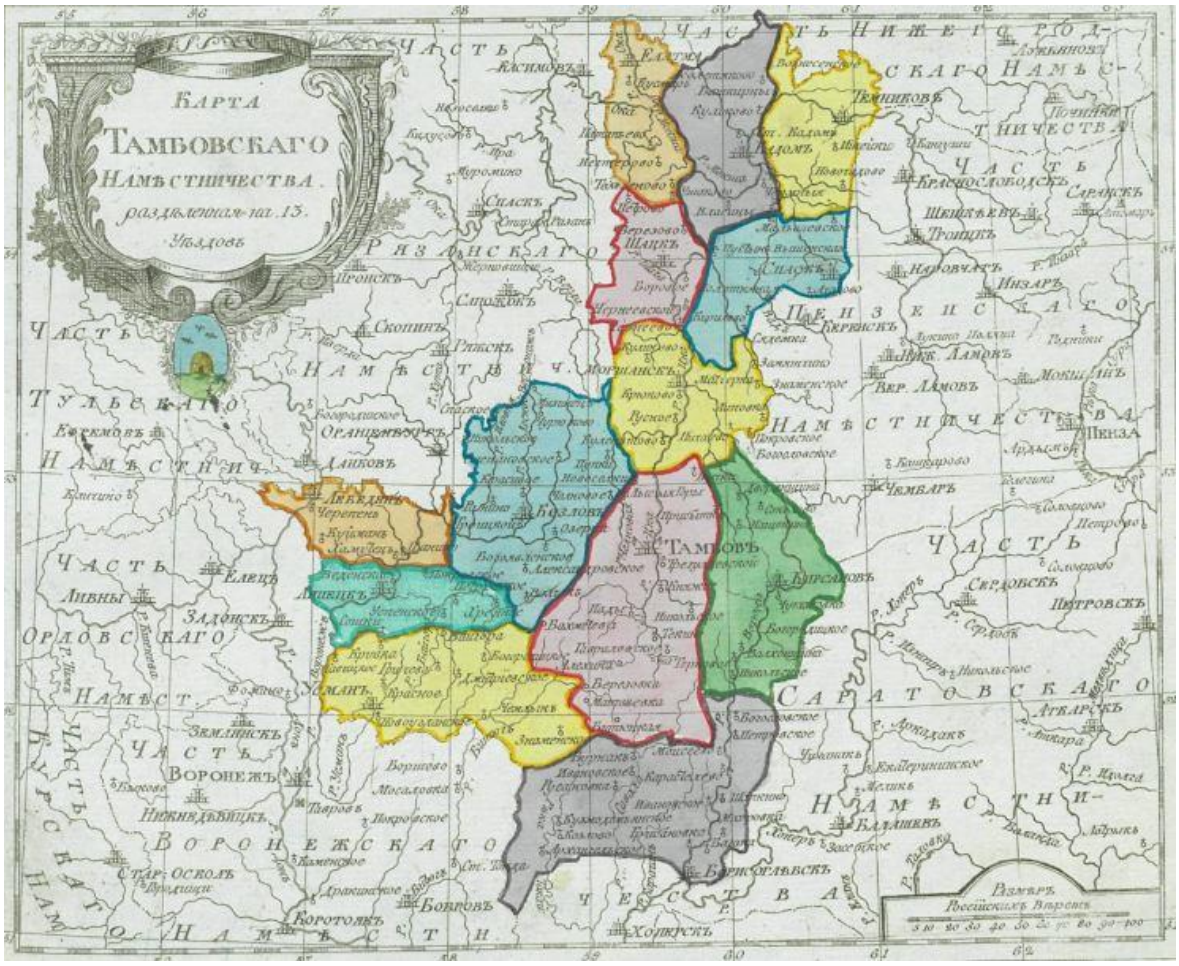
здешнем (Воронежском – Н.Г.) наместничестве, хотя бы новая карта и не делала лутчаго по мнению вашему циркуля»[71]. Члены воронежской межевой экспедиции тоже выразили мнение, что после отдачи Хоперской крепости в Саратовское наместничество город Гвазды будет «совсем неспособен к Тамбовскому наместничеству и карта Тамбовская будет очень дурна»[72]. Забавно, что качество территории Тамбовской губернии оценивалось не возможностью оперативного управления или доступностью пространства, или наличием хозяйственных связей, а художественной формой изображенной на бумаге, которую им хотелось бы провести по циркулю.

Ни одно из предложений генерал-губернатора Каменского императрица не поддержала. Согласно указу от 3 августа 1782 года[73] было «повелено от Тамбовского наместничества отделить к Воронежскому город Гвазды с уездом или частью оного, а к Саратовскому часть Борисоглебской округи, от Воронежского же приписать к Тамбовскому часть Задонской округи». Новую границу провели таким образом, что отделения Борисоглебска от Тамбовской губернии не произошло. А при назначении губернского города Екатерина II не всегда стремилась искать геометрический центр округи, и при необходимости оставляла возможность отступать от идеализированной схемы. Даже перспективы экономического развития в этом вопросе отходили на второй план.

Судя по законодательному акту, губернский центр, с целым рядом административных и общественных учреждений, виделся Екатерине II прежде всего сосредоточием активной жизни, где провинциальное общество, развивая свои способности, смогло бы выйти из сферы частно-семейных отношений и перенести свои интересы в сферу общественно-государственную. Основой общества могло стать только дворянство, как сословие наиболее образованное и состоятельное. Бывшее дворцовое село Морша, где основными сословиями были купцы и крестьяне никогда не смогло бы сформировать общественной жизни, потому что, как верно заметил А.В. Лохвицкий, «... там, где не было дворянства, общество не существовало: были только чиновники и безразличная масса, в которой и городское сословие было мужицким»[74]. Поэтому губернским городом был оставлен дворянский город Тамбов. К расположению уездных центров на своих территориях государственные чиновники отнеслись более равнодушно и

[71] Там же. С. 87.
[72] ПСЗРИ-1. Т. XXI. № 15485. С. 648.
[73] Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. - Спб., 1864. - 224 с.
[74]Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. - Спб., 1864. - 224 с.

ряд городов Тамбовской губернии – Борисоглебск, Спасск, Темников, Усмань и Елатьма – оказались почти на границах своих уездов.



Карта Тамбовского наместничества разделенная на 13 уездов. 1792 года
http://portulan.ru/maps/rusmapping/tambovmaps/karta-tambovskogo-namestnichestva-1792-goda/

Формирование границ Тамбовской губернии было процессом длительным и непростым. После семи лет ее существования они были еще не до конца определены. В 1786 году губернатор Тамбова Г.Р. Державин в письме к генералу-губернатору И.В. Гудовичу в числе главных своих забот называл «не основательную известность пределов губернии и число в оной душ, ибо по сие время оказывается в ревизию прописанныя такие селения, с которых мы рекрутов требуем, а они принадлежат к другим губерниям, или с которых не требуем, а они наши»[75]. Землемерами были проведены определенные работы, но в данном случае речь шла только об уточнении границ губерний. В 1796 году город

[75] ОР ГНБ. Ф. 247, т. 14, л. 32 об.

Кадом был выведен за штат и территория его уезда была поделена между соседними, но почему-то и до его ликвидации Кадомский уезд часто не указывался на губернских картах 1780-х начала 1790-х годов.

Генеральная карта Тамбовского наместничества 12 уездов. 1787 год.
httpwww.etomesto.ruimg_map.phpid=5200

Коренному пересмотру сеть городов Тамбовской губернии и ее границы подверглись вновь только в 1798 году, когда по указу Павла I вся территория государства была заново переделена. Причины этого нововведения понять трудно. Возможно, в большом количестве городов Павел I увидел определенную опасность: по екатерининскому законодательству именно здесь были сосредоточены структуры, формировавшие гражданские позиции нации. Идея участия городского общества в управлении, заложенная в законодательных актах Екатерины II, ее сыном поддержана не была. В 1800 г. Павлом I были учреждены ратгаузы. Местное самоуправление полностью

попадало под их контроль. И.И. Дитятин так прокомментировал эти начинания: «… можно подумать, что если бы царствование императора Павла было бы более продолжительно, зачатки городского самоуправления были бы истреблены в корне»[76].

Портрет императора Павла I, художник Боровиковский В.Л. 1796 год

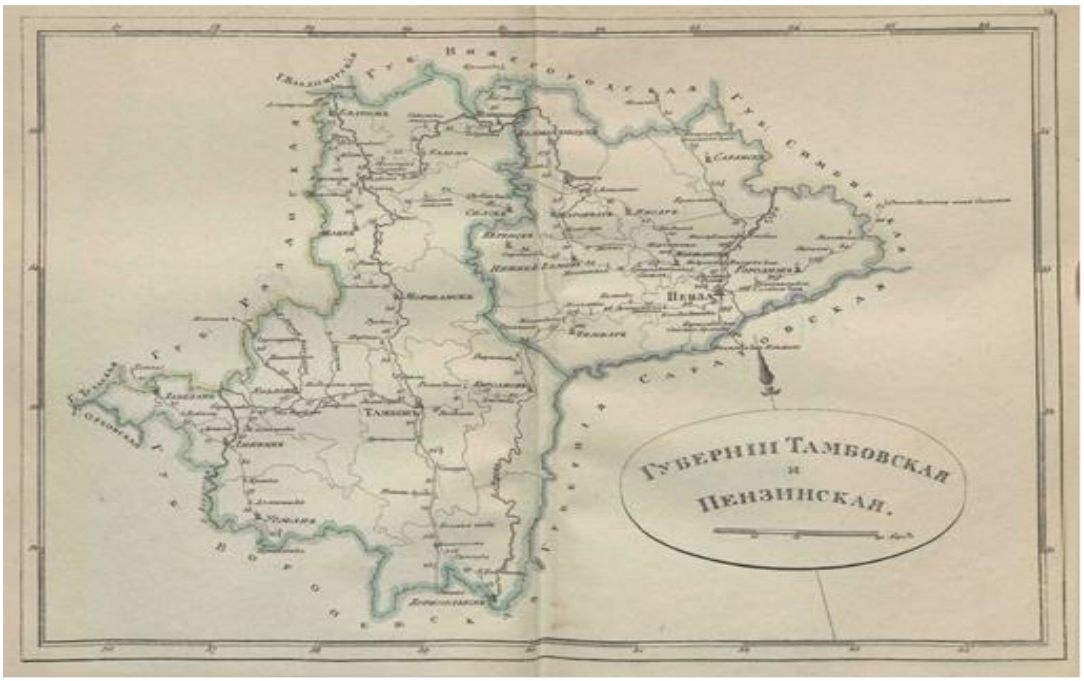
Рост общественной активности не входил в планы императора, и процесс «уничтожения» городов можно расценить, в данном случае, как процесс нивелирования общественного мнения. Хотя, по мнению историков, деятельность императора «носившая весьма часто случайный характер, направлялась иногда к тому, как бы пойти в противоположном направлении по отношению к направлению матери»[77].

В начале 1797 года Тамбовским губернским правлением был получен приказ из правящего Сената, в котором назначался новый штат губернии из десяти городов, то есть два города предполагалось «уничтожить». Должность губернатора Тамбова в этот момент была вакантна, и вопрос пришлось решать вице-губернатору Ушакову. 1-го марта он докладывал в Сенат: «... Во исполнение чего, разсматривая по губернской карте, сколько известно мне местное положение, за удобное почитаю из числа двенадцати городов, состоящих в Тамбовской губернии уничтожить города: 1-й Спасск…, учрежденный городом при открытии сей губернии в 1779 году из экономического села потому, что оной

[76] Дитятин И.И. Устройство и управление городов в России. Т.2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1887. - 563, - 111 с. – С. 170.
[77] Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. - Спб., 190

лежит близ границ Пензенской губернии, в конце своего уезда и образования города никакова не имеет кроме построенных деревянных малых связей для присутственных мест… и плана как на строение его, так и выгонной земли конфиромованного не имеет. 2-ой город - Усмань, ... сей город хотя и давней и при учреждении губернии в 1779 году вошел городом, но, равно как и Спасск образования городского плана как о построении так и выгонных земель неимеющий, вид его составляется только из малого построения казенных деревянных присутственных мест, соляных анбаров и нескольких купеческих и мещанских домов»[78].

Но не успели еще в губернском правлении перераспределить территорию упраздненных уездов и составить новую карту, как в Петербурге было принято новое решение: сократить количество губерний с 50 до 41. Часть из них была расформирована, оставшиеся значительно укрупнялись[79]. К Тамбовской губернии было присоединено четыре уезда от упраздненной Пензенской. Тем не менее, в новой губернии должно было оставаться все так же только десять городов; Павел I, видимо, придерживался арифметического постоянства.



Карманный почтовый атлас всей Российской Империи, разделенной на губернии, с показанием главных почтовых дорог. 1808 год. Тамбовская и Пензенская губернии.

[78] РГАДА. Ф. 248, кн. 4837, л. 572 об.
[79] ПСЗРИ-1. Т. XXVII. № 20245. С. 124.

В письме к тамбовскому губернскому землемеру вице-губернатор М. Ушаков писал: «В... указе предписано, отделить от бывшей Пензенской губернии к здешней четыре уезда, и именно: Чембарской, Верхнеломовской, Нижнеломовской, и Керенской, и приняв оные в свое ведомство постановить какия города сообразно числу уездов во вверенной мне губернии удобнее оставить и какия упразднить. А как по вновь изданному и высочайше конфирмованному на здешнюю губернию штату назначено в губернии десять уездов, хотя Чембар и Верхний Ломов и упразднены, но два другие Нижний Ломов и Керенск ныне существуют, а потому дабы привести уезды в положенное по штату число, нужно будет из прежних городов, или который из новоприсоединяемых уничтожить»[80]. Судя по тону документа, смысл правительственных указов не был понятен на местах, и если в докладах Р.И. Воронцова и М.Ф. Каменского прослеживается определенная логика и осмысленность действий, то здесь чувствуется явное непонимание мотиваций нововведений, и отсюда механическое их выполнение.

Схема сети городов и границы Тамбовской губернии в 1798 году (графическая реконструкция автора)

[80] ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 17634. С. 229.

В создании екатерининского пространства в качестве идеала выдвигалась геометрическая регулярно-лучевая схема; судя по павловским указам, к пространству был применен количественный подход, и, значительно увеличенная по размерам Тамбовская губерния должна была иметь все также только десять уездов. Сеть городских поселений оказывалась значительно разреженной. Предполагалось упразднить бывшей Пензенской губернии город Керенск, «селения же его так как и бывшего города Верхнего Ломова, присоединить по удобности к Нижнему Ломову, и составить из них один под названием Нижне-Ломовского, а Чембарский уезд, отделив от него присоединить к Кирсанову..., а к уничтожению из составляющих Тамбовскую губернию городов, Елатьму; прочие сей Губернии уездные города Козлов, Лебедянь и Липецк с их округами, остаются в тех самых границах, как они при устроении оной, по Высочайше конфирмованному штату были составлены. Однакожь не приступая по сему к исполнению (гражданский губернатор Лаптев – Н.Г.) передает в благоразсмотрение Сената, прилагая и карту Тамбовской Губернии по нынешнему ее разделению из 10 уездов составляемой, с показанием при том и прежних границ уездов ея…»[81].

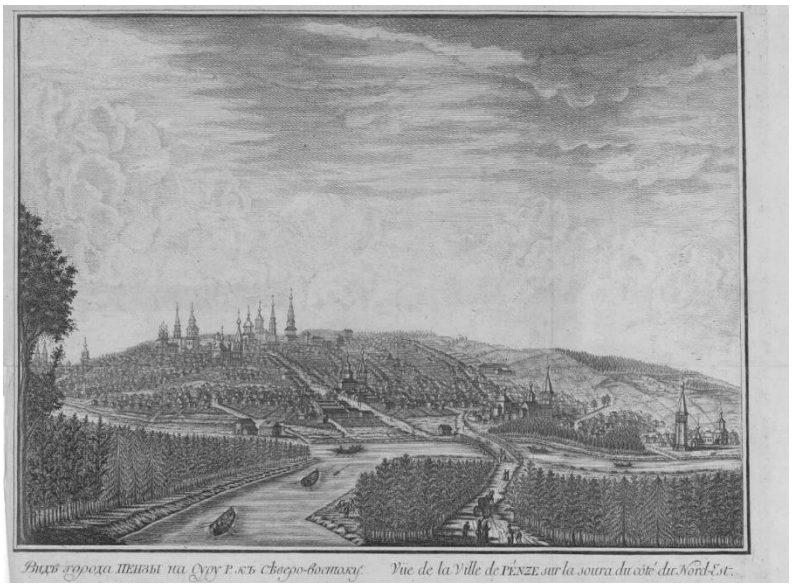
В период павловских перемен роль Тамбова как губернского центра снова стала вызывать сомнения, теперь их высказывал новый губернатор Н. Лаптев, вступивший в должность в июне 1797 года. В донесении генерал-прокурору Алексею Борисовичу Куракину он писал: «… проезжая по тракту лежащие города, да и в самом губернском городе Тамбове нашел я или одни только почти разваленные казенные строения, или же совсем недостаток, так что почти все присутственные места замещены в разные обывательские домы. В уездных городах тюрьмы, а в губернском городе острог угрожает совершенным падением, опасно, чтобы колодники не разбежались или бы их не задавило»[82].

Губернатор просил помочь ему «исходотайствованием довольно знаменитой суммы на заведение каких бы то ни было казенных строений», но, вероятно, понимая тщетность своих просьб и «в предохранении казны от напрасных убытков», рассуждал так: «… деревянное строение в Тамбове… за неимением лесу, при всей его непрочности, будет стоить очень дорого, а каменное не скоро поспеть может, ибо камень для фундаменту и известь в Тамбов привозят не ближе как за 80-ти верст и все материалы доставляются зимним путем и готового нисколько найтить невозможно, то осмеливаюсь еще присовокупить мнение мое: как в ближайшей губернии городе Пензе все

[81] ГАТО. Ф. 29, оп. 1, д. 46, л. 392.
[82] ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18482. С. 201.

присутственные места равно и губернаторский и вице-губернаторский дом построены каменные, с употреблением на их постройку немалого казенного издержания, то не благоугодно ли будет вашему сиятельству… вместо тамбовской возстановить бывшую пензенскую губернию, учредив губернским городом город Пензу»[83].

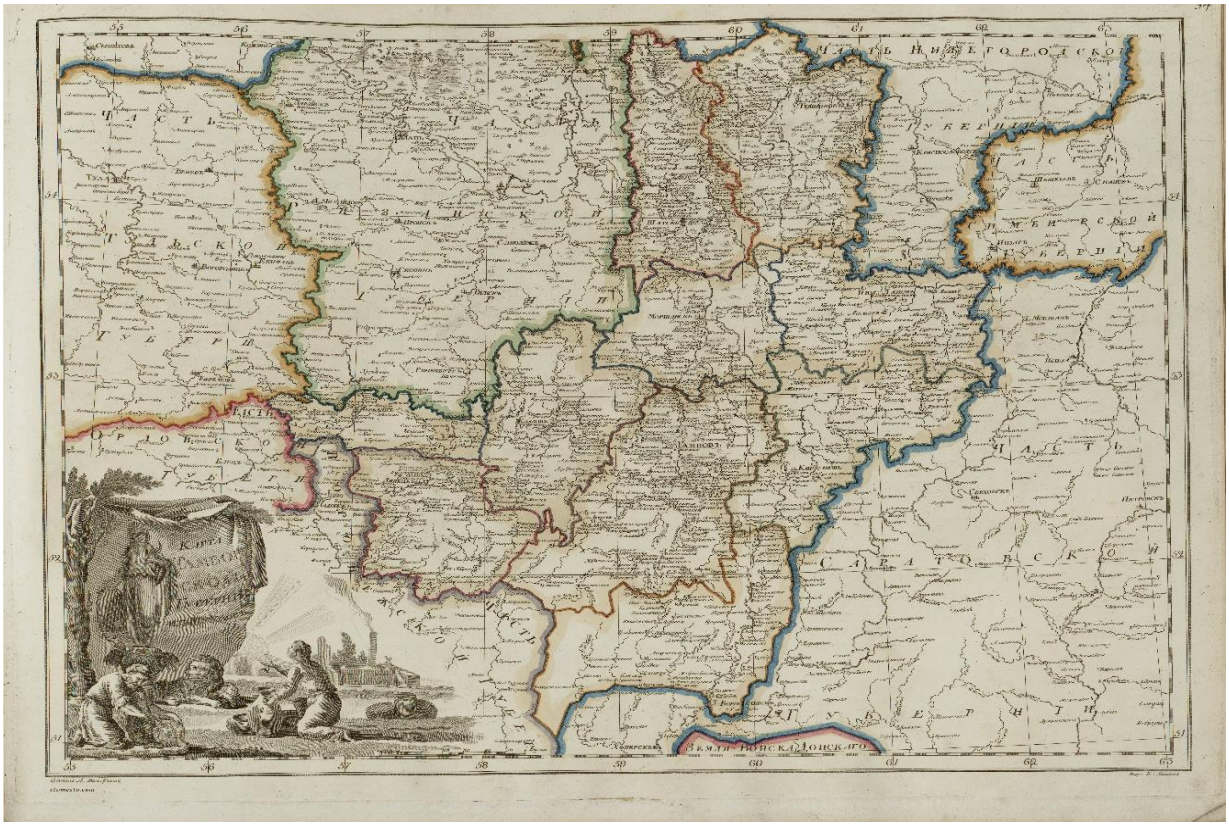
Далее Лаптев объяснял, как можно поделить территорию тамбовской губернии между соседними, и заключал экономическим аргументом: «… через ето самое казна сбережена быть может, а потерпеть должны чиновники только в переезде, но по недальнему Тамбова от Пензы разстоянию не может быть для них много затруднений. Впрочем, предаю все сие Вашего сиятельства благоразсмотрению и в разсуждении обстоятельств побуждаю Вас, м- гос-дрь, всепокорнейшее просить приказать меня известить предварительно будет ли существовать Тамбовская губерния или должна уничтожиться»[84].



Вид города Пензы на Суру Р. к северо-востоку. Гравюра 60-х годов XVIII века. Художник М. И. Махаев.

В правительственных кругах предпочтение вновь было высказано в пользу Тамбова, а губернию составили 10 следующих уездов: Тамбовский, Козловский, Лебедянский, Липецкий, Кирсановский, Нижне-Ломовский, Моршанский, Шацкий, Темниковский и Борисоглебский, прочие города были заштатными. И, хотя в таком виде она просуществовала относительно недолго, тем не менее, на новую территорию успели выполнить карту[85].

[83] РГИА. Ф. 1474, оп. 1, д. 124. Донесение губернатора Н. Лаптева о неудовлетворительном состоянии тамбовской губернии и ходатайство о разрешении за отсутствием в Тамбове казенных построек назвать губернским город Пензу и губернию именовать Пензенской. 1797 г., л. 1.
[84] Там же. Л. 2.
[85] Там же. Лл. 2-2 об.



Карта Тамбовской губернии из 10 уездов взята из книги «Российский Атлас из сорока трёх карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий».

Это отношение к подчиненному пространству со стороны генерал-губернаторов и губернаторов напоминает игру. Такой переворот масштаба, когда территория в несколько сот квадратных километров легко умещалась на губернаторском столе, подталкивал к свободному обращению с пространством. Чувство реальности терялось и два-три дюйма, ничего не значащие в масштабе человека свободно применялись к масштабу губернской карты. Возникает впечатление, что перенос границ, губернского центра, «уничтожение» и создание городов и вся эта игра пространством – всего лишь дело губернаторского карандаша. Такое влияние государственных чиновников в решении территориальных вопросов было впервые в российской истории.

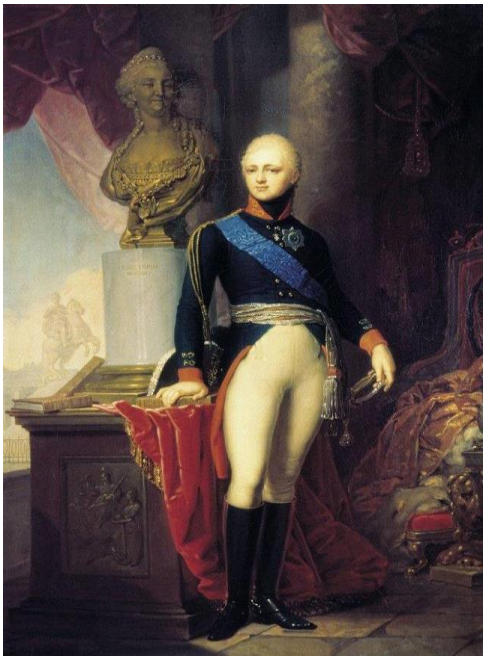
Правление Александра I вновь изменило «карточный расклад», карты губерний подверглись очередному пересмотру. Император заявил о своем желании управлять «…народ по законам и сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великия»[86]. Екатерининское законодательство было восстановлено: губернии, уезды, а вместе с ними и все городские органы приобрели свой прежний вид[87]. В апреле 1802 года были восстановлены в качестве уездных городов

[86] См. РГИА. Ф. 1399, оп. 1, д. 212 Карта Тамбовской губернии 1801 год.
[87] ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14917. С. 866-867; ПСЗРИ-1. Т.XX. № 14920. С. 868.

стоявшие за штатом Елатьма, Спасск и Усмань[88], а в мае 1803 года был издан новый штат Тамбовской губернии, по которому был подтвержден статус Тамбова, как губернского города. В карте Тамбовской губернии, сложившейся в условиях екатерининской реформы, произошли частичные изменения, но они были весьма незначительны и касались передачи нескольких сел из одной округи в другую[89].

Титульный лист издания «Российский Атлас из сорока трёх карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий» издан при Географическом департаменте в 1800 году. Автор: Александр Михайлович Вильбрехт.
http://www.etomesto.ru/karta2824/

[88] ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19779. С. 583.
[89] РГАДА. Ф. 1356, оп. 1, д. 5552 Карта Тамбовской губернии состоящая в 12-ти городах с уездами, утвержденная как оная состояла до 1797 года и ныне, а какие частные перемены значатся на карте под знаками в экспликации. 1802 г.



Портрет императора Александра I. Художник Боровиковский В.Л.

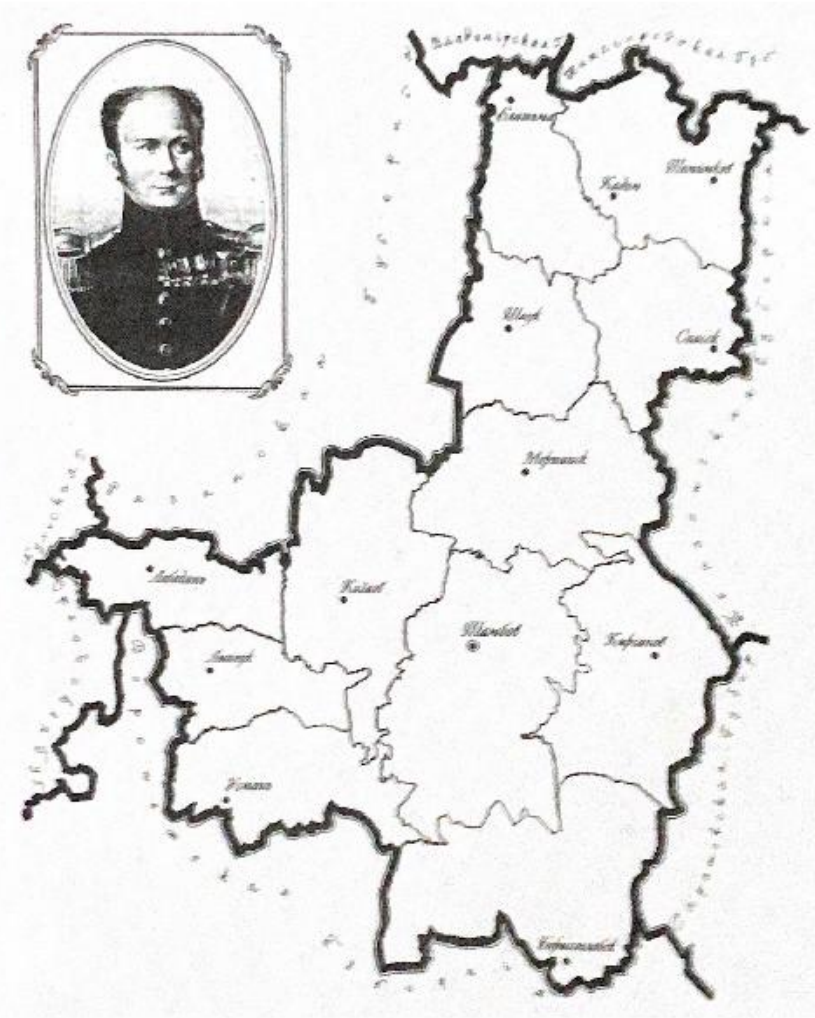


Схема сети городов и границы Тамбовской губернии в 1802 году (графическая реконструкция автора)

Поражает легкость этих карточных манипуляций (карты имеются ввиду губернские). Екатерина увеличила число губерний, Павел I сократил, Александр I снова увеличил. Безболезненно подобные операции могли происходить только в России и только в это время, при отсутствии исторических границ, жестких экономических связей, неразвитом гражданском самосознании и огромных плохо освоенных территориях.

Во Франции, например, для уничтожения границ исторических провинций и создания новых понадобилась революция и решение Национального собрания. В русской ментальности понятие «внутренняя граница» практически отсутствовало. Исторически сложилось так, что в России административная граница всегда была линией условной и неустойчивой. Земли, принадлежавшие городу или князю, с его падением сразу же распадались, а позднее ее роль заключалась только в разделе государства на податные округа. И к моменту губернской реформы 1775 года «страна была совершенно гладкая не только в орографическом (рельефном – Н.Г.), но и в социальном смысле слова, – ее можно было делить как угодно»[90]. Это дало возможность положить в основу губернской реформы механический способ деления, к которому безуспешно стремились государства Западной Европы.

Здесь же уместно заметить, что в западной Европе – Франции, Италии, Германии – провинции имели свое собственное историческое имя, независимое от имени главного города: Прованс, Анжу, Нормандия, Ломбардия, Тоскана, Бавария, Швабия. В период революционных событий 1789 года во Франции, Национальное собрание в пылу борьбы с прошлым уничтожило историческое деление территории, существовавшее в стране и, «вводя геометрическое, дало новым частям особое имя, взятое не из истории, а из природы – рек или гор, – департаменты Сены, Сены и Мары, Жиронды и прочее. Но… не от имени губернского города, потому, что там не существовало приписного начала»[91].

В русском национальном самосознании земли, окружавшие город, традиционно связывались с названием этого города. Приписной характер русских земель, а еще прежде полное подчинение деревни городу было общим фактом, территория носила название по имени города, которому она подчинялась: земля Новгородская, Суздальская, Московская и т.д. Этот же принцип был перенесен Екатериной и в «Учреждения для управления губерний». Он был настолько очевиден, что законодательница даже не сочла нужным о нем упомянуть, просто все административные единицы получили названия по своим

[90] Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. - Спб., 1864. - С. 41.
[91] Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. - Спб., 1864. - Сс. 97-98.

административным центрам: Тамбовская губерния, Кирсановский уезд. Исключение составила только Таврида – дань античной страсти Екатерины II.

«Клятва в зале для игры в мяч» Художник Жак-Луи Давид, 1791 год

В основу механического деления территории мог быть положен любой принцип: и регулярно-лучевой идеал Екатерины II, и количественный подход Павла I, а отсутствие жестких ограничений вносило элемент творческой свободы со стороны государственных чиновников. Проведение административной границы было делом только государственным. Оно не затрагивало интересов населения и не влияло на его жизненный уклад, поэтому столь частые изменения проходили безболезненно. Такое отношение к внутренним границам сохранялось практически до сегодняшних дней, и печальный результат его мы видим в современных геополитических процессах.

Таким же искусственным порождением екатерининских реформ были и города, которые создавались не в результате общественного развития, не с целью захвата территории, укрепления границ или освоения природных ресурсов, не под влиянием промышленного производства или торговли, а «назначались» правительством искусственно. Для создания города было достаточно объявить то или иное место городом, а его жителей городским обществом. Определяющим моментом в этом процессе была правительственная инициатива. Вот почему, на основе одной и той же сети населенных пунктов с каждой новой правительственной инициативой создавалась новая система городского расселения. И с 1775 года по 1802, то есть за 27 лет, официальная сеть городских поселений всей страны поменялась законодательно четыре раза!

Политическая необходимость и законодательный идеал в конце XVIII века внесли в понятие «город» новый смысл. Причиной к этому послужило то, что при создании единой системы городского расселения Российской империи во главу угла был поставлен классицистический принцип регулярности, отождествляемый на территориальном уровне с равномерностью. Его появление выдвинуло на первый план, такие градообразующие факторы, которые ранее в русском градостроительстве просто не существовали.

Зарождение понятия «город» в русском языке этимологически было связано с укреплением, огораживанием какого-либо места. Но, выполняя функции обороны, он закономерно приобрел функции управления, и под «городом» стала подразумеваться городская община. Выражение «Господин Великий Новгород», безусловно, имело общественный смысл и относилось к городскому обществу. А впоследствии, когда общинная сущность русских городов была утрачена, статус поселения определялся органом государственного управления – своеобразным рудиментом городской общины. Для российских городов этим органом была воеводская канцелярия. В XVII веке при строительстве новых поселений именно административная должность человека, возглавлявшего строительство нового города, определяла статус будущего населенного пункта. Тамбов, например, был основан городом потому, что во главе дружины, отряженной на его строительство, стоял воевода Роман Боборыкин, и статус еще не существовавшего поселения уже был определен в Москве воеводской должностью боярина. А выбор конкретного местоположения производился потом и на статус поселения никакого влияния не оказывал, так как был до некоторой степени случаен.

Но губернская реформа Екатерины II строилась на иных принципах: при реализации ее было важно равномерно охватить всю территорию страны элементами управления – городами. Отсутствие в этот период принципиальных различий между городом и сельским поселением в экономическом, общественном, архитектурном и иных смыслах уравнивало, до некоторой степени, их шансы. И в этих условиях впервые в русском градостроительстве стало возможным, чтобы статус поселения определялся местом его расположения в общей системе расселения, и при равных условиях предпочтение отдавалось тому, который находился ближе к геометрическому центру округи. Именно место поселения в общей системе расселения стало в конце XVIII столетия одним из главных градообразующих факторов. Численность населения уездов и губерний, то есть количественная характеристика, впервые введенная в русское градостроительство Екатериной II, вносила определенную систему в формирование единой сети городских поселений.

Основание Тамбова. Художник В. Н. Кожухов. 1947. Тамбовский областной краеведческий музей.

Новые принципы предоставления поселению городского статуса вызывали у современников, на первых порах, недоумение. Генерал-губернатор Пензенский и Нижегородский А.И. Вяземский записал на полях своих бумаг: «Неудобство от самого существа вещи: деревни городами названы, крестьяне также должны имя, а не всегда существо переменить т.е. место к. (вместо крестьянина – Н.Г.) мещанином. Выправится впротчем»[92]. Так, несмотря на появление нового градообразующего фактора, город в ментальности людей XVIII века оставался понятием связанным с особым качественным положением. В этом было его принципиальное отличие от современного понятия, идущего от количественных характеристик в определении статуса поселения.

Необходимо отметить, что в период реализации екатерининской губернской реформы, наряду с назначением новых городов, проходило и упразднение целого ряда старых. Эти процессы существовали одновременно, параллельно, и в зависимости от региона страны преобладал тот или иной, или они уравновешивались. И, если для регионов Урала и Сибири основным моментом было учреждение городов из слобод и сел, и даже строительство новых, то в центральных районах большое количество городов было «уничтожено». В Московской губернии, например, где до реформы 1775 года

[92] Архив князя Вяземского. - Спб., 1881. - С. 78.

существовало 52 города, в итоге ее осталось только 15[93]. Поэтому можно определенно утверждать, что целью губернской реформы 1775 года было не механическое увеличение количества городов, как это иногда трактуется в истории градостроительства[94], а создание единой системы городских поселений. В этой системе существовала определенная логика и закономерность, и то, что не подчинялось ее законам – уничтожалось.

Портрет князя Вяземского Андрея Ивановича. Художник Жан-Луи Вуале,1774 год.

Так политическая воля и политический идеал Екатерины II, впервые в истории русского градостроительства, сформировали на классицистических принципах равномерности и регулярности единую, сеть городских поселений в масштабе всей страны. На этих же принципах была сформирована сеть городских поселений Тамбовской губернии. В итоге губернской реформы 1775 года на ее территории из 13 дореформенных городов осталось только 9 и 4 новых города было учреждено из слобод и сел. Таким образом, общее количество городов не изменилось. Губернским центром был назначен Тамбов, города Борисоглебск, Усмань, Кирсанов, Липецк, Козлов, Лебедянь, Моршанск, Шацк, Спаск, Кадом, Темников, Елатьма считались уездными. Город Кадом в последствии остался «за штатом», то есть собственного уезда не имел[95].

[93] Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. - М., 1967. - С. 32.
[94] См. например Шквариков В.А. Планировка городов России XVIII - начала XIX века. - М., 1939. - С. 65.

[95] См. ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 20004. С. 775-778, ПСЗРИ-1. Т. XXVII. № 20245. С. 124-125, ПСЗРИ-1. Т. XXVII. № 20774. С.633, РГИА Ф. 1399 оп. 1, д. 214 Карта Тамбовской губернии 1803 г., РГАДА Ф. 1356, оп. 1, д. 5552 Карта Тамбовской губернии.

Губерния, как и вся Россия, оказалась затянута равномерной сетью городских поселений, тем самым был создан механизм для государственного управления, экономического и хозяйственного регулирования, для полицейского надзора, для общественного и культурного развития провинции. Как территориальное образование Тамбовская губерния оказалась элементом достаточно жизнеспособным и новые изменения претерпела уже при Советской власти.

ГЛАВА II.3.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ПЛАНОВ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Со второй половины XVIII века в России утвержденный императором регулярный план города служил законодательной основой для радикального преобразования городского пространства в соответствии с европейскими градостроительными концептами. В ходе масштабных перепланировок, охвативших российские города в этот период, основной объём проектирования планов для уездных городов пришёлся на XIX столетие. Массовая разработка этих планов, прекратившаяся в правление Павла I с роспуском в 1796 году Комиссии для строения Санкт-Петербурга и Москвы, возобновилась в царствование Александра I в новых условиях сложения законодательной системы и введения министерского управления империей. К началу XIX века утвержденные регулярные планы имели в основном губернские центры, большинство же мелких городов, уездных и заштатных, оставалось без таковых. Так, в Казанской губернии, которой посвящена настоящая глава, высочайше утвержденные планы имели только два города – столичная Казань (1768) и уездные Чебоксары (1773). Традиционным для историков архитектуры предметом анализа являются особенности архитектурно-планировочного наследия того или иного региона или отдельного города, творческие замыслы разработчиков планов и степень их воплощения, композиционные качества планировочных решений и т.п. В данном исследовании воссоздается собственно процесс проектирования и утверждения планов уездных городов губернии, охватывающий период с 1804 по 1835 годы между подачей планов на конфирмацию и утверждением последних из них, а также последующий этап второй половины XIX – начала XX века переосмысления регулярного градостроительства в стране. Что происходило в эти годы, кто были его участники, какие проблемы возникали и как они решались, как относилось к предполагаемому изменению архитектурно-пространственной парадигмы местное общество – вот те вопросы, ответы на которые предстояло найти в данном исследовании.

Утверждение планов уездным городам, еще не имевшим конфирмованных планов, стало одним из первых, предпринятых вновь назначенным казанским гражданским губернатором Борисом Александровичем Мансуровым мероприятий по устройству губернии. В апреле 1804 года, едва вступив в должность, он направил в Министерство внутренних дел проекты перепланировки для десяти уездных городов губернии –

Свияжска, Цивильска, Козьмодемьянска, Ядринска, Царевококшайска, Лаишева, Тетюш, Спасска, Чистополя и Мамадыша, для представления их на высочайшее одобрение. Эти планы «с наложением прожектов вновь на регулярное устроение» были сочинены, по словам Мансурова, здешним губернским архитектором еще до его, губернатора, вступления в должность.[96] Именно это обстоятельство, по-видимому, послужило основанием для того, чтобы министр внутренних дел В.П. Кочубей, не представляя планы императору, возвратил их «для соображения с местными обстоятельствами». Озаботившись тем, «чтобы стеснения жителям не было и не находили они тесности», он призвал губернатора, чтобы тот «при обозрении губернии точнее сообщил их с пастбищами, удобностями и положением городов».[97]

Четыре года спустя, в 1808 году Б.А. Мансуров вновь представил планы в Министерство внутренних дел, доложив, что он «во время обозрения губернии сообразил вместе с губернским архитектором местные положения и удобности городов, наблюдая при том, чтобы при новом устроении их по мере возможности наименее могло быть стеснения жителям, и чтобы они не встретили при сем случае тягости».[98] На этот раз представленные министром чертежи не спешил подписать император: Александр I направил их на поверку находившемуся при министерстве архитектору Вильяму Ивановичу Гесте с указанием в случае необходимости переделать их.[99]

Поверка заняла еще два года, по прошествии которых Гесте представил министру переделанные им заново проекты. Архитектор подчеркнул, что в стремлении сохранить существующую застройку, в особенности каменную, «соображался он с местным расположением и наблюдал целость нововыстроенных частей, церквей и каменных строений». Внутреннее пространство кварталов, «назначенных на косогоре и в овраге, где не удобно быть строению», Гесте предлагал засадить садами и огородами, отгородив от улиц заборами, а неровности, полагал он, засыплются при производстве строений землей из-под фундаментов, колодцев, погребов и мусором.[100] Однако и на этот раз император отказал в утверждении, оставив на полях министерского представления пометку «Не видно, что сказало губернское начальство – хороши ли планы или нет». Их было велено отослать на согласование губернатору Б.А. Мансурову «дабы убедиться, не встретится ли

[96] РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 4. Дело о планах городам Казанской губернии. 1804 г. Л.1-3.
[97] Там же. Л. 3.
[98] РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д.1 . По представлению Казанского губернатора о планах 8 городам Казанской губернии. 1808-1829 гг. Л. 1 об.
[99] Там же. Л.5.
[100] Там же. Л.7об.

в исполнении оных каких-либо местных неудобств или препятствий».[101] Таким образом, переработанные в столице проекты вернулись в Казань, положив начало длительной, занявшей целое десятилетие работе по поверке планов для «соображения с местными удобностями городов, можно ли по ним производить устроение». Вспомнили о планах в Министерстве только в 1818 г. по случаю и в срочном порядке затребовали их назад для преподнесения на высочайшее утверждение.[102] Занимавшиеся поверкой на местах уездные землемеры, не ограничившись написанием комментариев и замечаний к планам Гесте, предложили свои варианты перепланировки. Комплекты с вновь составленными чертежами, сопутствуемыми подробными описаниями и замечаниями уездных землемеров, вместе с планами Гесте были препровождены в Санкт-Петербург (в спешке отправили только восемь комплектов, остальные губернатор пообещал доставить вдогонку в ближайшее время).[103]

В соответствии с правилами, установленными в Министерстве полиции, в приложенных к планам описаниях содержались подробные сведения о характере местности, существующей застройке, используемых местными жителями строительных материалах, числе существующих домовладений и потенциальных застройщиков, способных строиться в ближайшее время по материальному достатку жителей, а также количестве казенных зданий, каменных и деревянных строений, наличии удобных и неудобных для застраивания мест. Из представленных описаний следовало, что три из восьми городов уже были частично урегулированы по ранее составленным планам. Мамадышский землемер ссылался на план, «прожектированный» по случаю бывшего там в 1811 г. (т.е. как раз тогда, когда Гесте занимался поверкой планов) пожара. В соответствии с этим планом, как оказалось, уже было возведено 181 деревянных домов.[104] Пожар упоминался и в описании Ядрина, где число домов, вновь построенных по плану, достигало 200.[105] Частично урегулирован был и Свияжск, выстроенный «по-прежнему прожекту, а в некоторой части и без онаго».[106]

Застройка городов была в основном деревянной. Число обывательских домов колебалось от 154 (Тетюши) до 680 (Козьмодемьянск), в Цивильске составляло 193, Мамадыше – 400 (до пожара было 500), Ядрине – 388, Спасске – 176, Свияжске – 270, Лаишеве 334. Деревянные дома, по словам ядринского землемера, в большинстве своем

[101] Там же. Л. 9.
[102] Там же. Л. 11.
[103] Там же. Л. 12-13.
[104] Там же. Л. 17.
[105] Там же. Л. 20-20об.
[106] Там же. Л.26.

представляли собой простые крестьянские избы, однако среди них встречались и довольно «значительные обывательские строения», как, например, в Тетюшах.[107] Среди массовой деревянной застройки выделялись единичные каменные сооружения – прежде всего, церкви, а также казенные строения и купеческие дома. Каменные храмы имелись во всех поселениях, числившихся городами еще до екатерининской административно-территориальной реформы. Самыми ранними, относящимися к середине XVI столетия, были храмы в Свияжске, основанном в связи с взятием Казани. Из назначенных городами бывших сел каменный собор существовал только в Мамадыше (возведен в 1783 г.). В Спасске и Чистополе главные храмы еще оставались деревянными. Незначительным было число каменных купеческих домов: 1 – в Ядрине, 3 – в Свияжске, 2 – в Козмодемьянске, и по 5 – в Цивильске и Царевококшайске. В остальных городах каменных обывательских строений вообще не имелось.[108]

Казенные каменные строения в городах на этот период были представлены исключительно тюремными замками, возведенными в 1809-1811 гг. Мансуров, желая обеспечить уездные центры не только конфирмованными планами, но и главными правительственными зданиями, просил о выделении ассигнований на строительство присутственных мест, казначейств и тюремных замков.[109] Однако, средства были выделены исключительно на сооружение последних – тюремных зданий, которые и положили начало созданию нового облика уездных городов. Другие казенные сооружения – деревянные присутственные места, соляные, винные амбары и магазейны, питейные дома, градские и приходские училища, существовали еще со времени открытии наместничества. Часть из них при этом находилась в крайне ветхом состоянии и пустовала.[110]

При разработке планов важное значение придавалось сведениям, касающимся материального достатка жителей городов и фактически свидетельствующим о возможности реализации утвержденных планов «по состоянию их жителей». Так, цивильский землемер Маклаков особо отметил беднейшее состояние жителей г. Цивильска, в котором «купеческой коммерции не производилось, а строевых материалов в продаже не бывало», что, по его убеждению, могло стать серьезным препятствием к новому строительству по плану.[111] Бедным был признан и Ядрин, жители которого, по словам уездного землемера Буковина, «переменяют иногда небольшие свои строения за

[107] Там же. Л. 14-30.
[108] Там же.
[109] РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 4. Там же. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 1.
[110] РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 260. Там же. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 4. Там же. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 1.
[111] РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 1. Л. 14.

одною только ветхостию». В этих городах могло вновь быть построено не более 50 и 70 домов соответственно.[112] Незначительным представлялось и количество возможных застройщиков в Козьмодемьянске[113] и Тетюшах.[114] В целом ряде городов – Свияжске, Спасске, Чистополе и Царевококшайске – желающих строиться вообще не предвиделось. В то же время в пострадавшем от пожара Мамадыше, несмотря на значительное количество уже возведенных после пожара домов, число потенциальных застройщиков достигало 200.[115]

Таким образом, в 1818 г. к В.И. Гесте вернулись планы, разработанные им семь лет назад. Изучив замечания и предложения местных землемеров, он попытался их учесть на новом этапе проектирования 1818-1821 годов. Более того, не ограничившись одним заочным ознакомлением, архитектор пожелал лично осмотреть некоторые из городов, планы которых, по-видимому, более всего вызывали сомнения. В том же 1818 году он прибыл в Казань и посетил четыре уездных города – Чистополь, Козмодемьянск, Лаишев и Свияжск. Составленные по возвращении планы были сочинены, как указывал Гесте в своих рапортах, «по местному положению» и согласно с мнениями уездных землемеров.

План Ядрина, сохраняя все существующие каменные здания и направления прежних улиц и кварталы «в важных частях города», вместе с тем учитывал отмеченное уездным землемером Буковиным постоянное подмывание берега Суры, из-за которого жителям часто приходилось переносить свои дома. Вредные для здоровья жителей болотные места Гесте призывал осушить и использовать под огороды.[116] Аналогичным образом в Спасске сохранялись не только каменные, но и отдельные деревянные дома, осушались указанные спасским землемеров Уховым болотные места.[117] Цивильский землемер Маклаков воспротивился предположенному Гесте уничтожению четырех существующих каменных строений, которых всего-то в городе было пять, а также чрезмерному, на его взгляд, распространению города. В своем новом плане 1818 года Гесте сохранил все каменные сооружения и уменьшил количество планируемых новых дворов на 110.[118] Царевококшайский план сохранял планировку, предложенную местным землемером, с включением в городскую черту удобной для застройки земли деревни Вараксиной, на которой были разбиты новые кварталы. Кроме каменных строений проектом сохранялись также и вновь построенные деревянные, несмотря на то, что были,

[112] Там же. Л. 20.
[113] Там же. Л. 70.
[114] Там же. Л. 90.
[115] Там же. Л. 14-32.
[116] Там же. Л. 20, 43.
[117] Там же. Л. 34, 51.
[118] Там же. Л. 14, 44.

по характеристике Буковина, «средней архитектуры».[119] План для Тетюш почти не пришлось менять, поскольку тетюшский землемер практически перечертил «прожект» Гесте 1811 года, однако «по всей возможности» сохранил в целости много «отменных деревянных домов», с чем Гесте не мог не согласиться.[120] Мамадыш, как отмечалось, уже был в значительной степени застроен согласно плану, составленному еще до Гесте по случаю случившегося там пожара, в результате которого выгорела почти вся верхняя часть города. Гесте принял во внимание указанные землемером Песковым удобные к застройке места в нижней, расположенной за рекой Ошмой части города, где и запроектировал новые кварталы с площадью в центре.[121] Личного осмотра Гесте потребовали, по-видимому, города, расположенные на сложной, гористой местности, какими были Свияжск, Лаишев, Козмодемьянск и Чистополь, планы которых надлежало сверить с «натуральным положением». С этой целью и была предпринята его поездка в Казанскую губернию.

Свияжск ежегодно в весеннее время окружался поднимавшейся из рек водой, превращаясь в остров, при этом грунт на крутом склоне со стороны реки Свияги обваливался на пол-аршина и более. Между тем Гесте запроектировал здесь жилые кварталы и набережную, которую устроить уже не представлялось возможным. К тому же, один из предполагаемых кварталов занимал не принадлежавшую городу землю Макарьевской пустыни. Часть кварталов располагалась на заливаемых местах, которые землемер Пеков отметил на плане голубой линией. Кроме того, Гесте менял расположение только что выстроенного тюремного замка, а предполагаемые в будущем присутственные места разместил на крутом склоне со значительным перепадом рельефа. Согласившись с Пековым в том, что «исполнение прожекта в сем месте неудобно и для казны невыгодно»,[122] Гесте внес необходимые изменения, убрав в том числе и кварталы в местах обвалов и затоплений. Поездка в Свияжске убедила архитектора в том, что «строение может быть произведено согласно сего плана».[123]

Немало замечаний вызвал план Козмодемьянска, по которому запроектированные Гесте жилые кварталы с одной стороны сходились в Волгу, а с другой – занимали заболоченные места. Некоторые из них располагались в местах резкого перепада рельефа, что грозило значительными затруднениями при их застройке. Кроме того, не представлялось возможным сохранить часть Ямской слободы, после пожара 1812 года

[119] Там же. Л. 35, 45.
[120] Там же. Л. 22, 46.
[121] Там же. Л. 17, 52.
[122] Там же. Л. 25.
[123] Там же. Л. 47.

отстроенной узкими улицами и домами, «поставленными без всякого соблюдения прямых линий». В целом считая назначенное Гесте под город пространство излишним, козмодемьянский уездный землемер счел необходимым «переменить прожект господина архитектора и сделать оный по нынешнему соображению местных положениев». Город располагался на двух террасах со значительным перепадом высоты, причем нижняя представляла собой лощину, узкую в одном конце и расширяющуюся вниз по течению Волги, а верхняя рассекалась оврагами. При таком рельефе механическое наложение прямоугольной сетки не могло обеспечить удачную планировку. Поэтому землемер разбил кварталы на нижней и верхней террасах относительно независимо друг от друга. Нерегулярный вид кварталов на чертеже он объяснял тем, что «в натуре оное будет не так приметно, поскольку с верхней половины города не видно нижней части, а с оной рассмотреть нельзя верхней». Землемер считал также целесообразным для правительства переселить в город мещан села Троицкого и деревень Мумарихи и Данилихи, которые использовали под хлебопашество без всякой выгоды для горожан городской выгон, что, по его мнению, обеспечило бы его «полную пропорцию». Гесте учел предложения козмодемьянского землемера, а в рапорте отметил, что «хотя то местоположение довольно гористое, но ... к застроению по сему плану может быть удобно».[124]

В Чистополе землемер Ухов отклонил предложение Гесте устроить торговую площадь на месте оврага Студеные ключи с родником, обеспечивающим водой всех жителей города, а лавки с нее перенес на Архангельскую улицу, ширина которой достигала сорока сажень. Здесь же им был запроектирован главный городской собор. Прибыв в Чистополь, Гесте нашел местность города «ровной и способной к застроению».[125] В Лаишеве, стоявшем «в легком скате к реке Каме», он также убедился, что план его «может быть произведен в действие».[126] На протяжении последующих двух с лишним лет вплоть до конца 1820 года Гесте занимался составлением уточненных планов, которые следовали сначала на окончательное заключение к казанскому губернатору, и только затем через министра внутренних дел – Александру I на высочайшую конфирмацию.

Первые пять проектов на города Лаишев, Спасск, Тетюши, Мамадыш и Свияжск архитектор представил в Министерство 15 апреля 1819 г. «с особым при каждом плане рапорте». Вскоре за ними последовал и план Ядрина.[127] Планы на города Лаишев, Спасск,

[124] Там же. Л. 32, 49.
[125] Там же. Л. 30, 48.
[126] Там же.
[127] Там же. Л. 53.

Ядрин, Тетюши и Мамадыш казанский губернатор П.А. Нилов утвердил без колебаний. В апреле 1822 он препроводил их в министерство, доложив: «поверил я, сколько было возможно, с натурою расположение ... планов, не оставляя без внимания отзывов и возражений насчет сего со стороны самих горожан. Все сие сообразив, имею честь представить на утверждение пять мною подписанных, и именно те самые, которые к исполнению во всех частях для жителей и для красоты городов удобны».[128] 24 июля император Александр I планы утвердил.

Заминка возникла при рассмотрении плана Свияжска, жители которого вошли через городничего Апехтина к губернатору с ходатайством. Они просили сохранить за ними их прежние места, предположенные по плану к уничтожению. Губернатор внимательно отнесся к просьбе горожан, изучив «постановления, всеми гражданами учиненные» от двух городских обществ, начинавшиеся словами «Мы, нижеподписавшиеся города Свияжска жители, хозяева ныне существующих домов, расположенных...». Первое обращение составили владельцы домов, расположенных между мужским Богородицким и женским Троицким монастырями в «полугоре по нижней части города, называемой «Тайниками». Они писали, что, имея тут овощные огороды и постоялые дворы, в которых у них всегда останавливаются прибывающие в город уездные жители, достаточно хорошо вознаграждают себя за невыгодности и просили узаконить планом их участки.[129]

Второй Список принадлежал жителям нижних кварталов, расположенных при реке Свияге, где земля ежегодно под воздействием весенних вод обваливалась, а при истоке озера Щучьего потоплялась.[130] Они просили помимо заложенного планом убавления некоторых кварталов еще сделать отступление от реки Свияги, с тем, однако, чтобы существующие их дома оставили до «совершенного самих их по себе упразднения» (полного ветшания – Г.Н.). При этом, они желали, чтобы застраивание новых кварталов начиналось от того «назначенного отступления», за которым к реке Свияге никто бы больше не селился. Другими словами, смысл просьбы заключался в том, чтобы по новому городскому устроению именно их участки сохраняли свое крайнее расположение в первой линии от Свияги. Пожелание было вызвано тем, что они содержали огороды и постоялые дворы, «в коих по слитии воды и в зимнее время проезжающие в губернский город Казань и из онаго по торговле с товарами обозы и люди всегда ... останавливаются». Благодаря этому убытки от ежегодного потопления весенней водой, по их словам, с лихвой

[128] Там же. Л. 62.
[129] Там же. Л. 65.
[130] Там же.

восполнялись, а потому жители заявили, что хотели бы остаться жить на этих местах, а перебираться на другие согласия своего не дают, и просили в дальнейшем дозволить им дома здесь выстраивать.[131] Губернатор пошел горожанам навстречу, полагая возможным «дабы не потеснить граждан города Свияжска и вместе с тем согласоваться с прожектированным планом, желание их на сей раз удовлетворить, но с тем, чтобы при случае перестроек, или даже малейших поправок, производимы они были, соображаясь с сим планом, и отнюдь бы нисколько от онаго не отступали».[132]

Требовал перемены и план Ядрина. Губернатор докладывал в Министерство: «Во время прожектирования г. архитектором Гесте плана на г. Ядрин... представлялась с первого поверхностного взгляда удобность к исполнению по оному по всем частям, но... не было довольно вникнуто в существенное положение того города в отношении протекающей близ онаго реки Суры, то и открылось, что часть города по берегу сей реки лежащая, требует совершенной перемены».[133] По его словам, обнаружилось, что за последние сорок лет Сура, постоянно сближаясь с городом, подмыла берега на шестьдесят сажень, а в настоящее время вообще текла прямо на город, угрожая опасностью застройке. Сверив планы с существующим положением, П.А. Нилов установил, что данный факт не учитывался не только планом Гесте, но и принятым к руководству более ранним планом, составленным местным губернским архитектором после случившегося там пожара. Назначенные Гесте жилые кварталы граничили с берегом Суры, который ежегодно обваливался от половодья, а между тем, ввиду угрожавшей опасности уже была закрыта для богослужений стоявшая на берегу церковь. Ко всему прочему выстроенные уже регулярно по прежнему проекту 200 домов оказывались не на плановых местах. Губернатор, не подписав план, возвратил его Гесте на исправление.[134]

В то время, пока планы Свияжска и Ядрина находились на доработке, губернатор представил в Министерство внутренних дел план Чебоксар. Поскольку он был составлен на основе уже утвержденного еще в 1773 г. плана, министр внес его в Комитет министров для представления на высочайшую конфирмацию, основываясь лишь на одном губернаторском «удостоверении ... о удобности сего плана». Чебоксарский план был подписан императором в Красном селе 19 июля 1829 г.[135] Вслед за ним, 2 августа 1829 г.,

[131] Там же. Л. 64, 65.
[132] Там же. Л 62.
[133] Там же. Л. 67.
[134] Там же. Л. 67, 68.
[135] ГАРТ. Ф.1. Оп.1. Д.161. По предписанию гражданского губернатора с препровождением планов высочайше конфирмованных на города Свияжск, Лаишев, Мамадыш, Спасск, Тетюши, Чистополь и Ядринск для снятия копий. 1829 г. Л. 1.

т.е. всего полтора месяца спустя, на Елагинском острове получили утверждение и планы Свияжска и Ядрина.[136]

Таким образом, к концу 1820-х годов высочайше конфирмованные планы получили уже семь уездных городов губернии. Министерство внутренних дел настоятельно требовало от губернаторов не медлить с завершением утверждения планов городам губернии. В 1828 г. министерство запросило недостающие планы от казанского губернатора. П.А Нилов поспешил доложить, что он, «озабочиваясь скорейшим исполнением, ... предписал губернскому землемеру употребить все средства и старания к немедленному сочинению четырех оставшихся планов».[137] Из поступивших от Гесте планов Чистополя, Цивильска, Козмодемьянска и Царевококшайска губернатора удовлетворил только план Чистополя, относительно которого он отметил, что «проект архитектора Гесте по ровному местоположению признается к исполнению удобным».[138] На основании губернаторского донесения от Гесте было предписано план Чистополя скопировать набело для представления императору.[139] 28 ноября план получил конфирмацию, о чем в конце года особым донесением и было доложено губернатору.[140]

Составленные Гесте планы городам Цивильску, Царевококшайску и Козмодемьянску подлежали переделке. По первым двум городам требовалось разобраться с границами примыкающих к городской земле владений – жилые кварталы оказались запроектированными на землях помещичьего села Машина в Цивильске и удельных крестьян села Вараксина в Царевококшайске. Затруднения при проектировании и поверке плана Козмодемьянска были связаны с местностью, крайне неудобной к постройке домов «по крутизне гор и оврагов». На окончательную доработку планов ушло еще несколько лет. Высочайшую конфирмацию они получили только в 1835 г.

Неотъемлемой частью процесса являлись сами планы, неправильное составление которых вызывало затруднения при рассмотрении в министерстве. Правила для их разработки были выработаны в 1812 году Гесте. Они сохраняли свою силу и в дальнейшем, что в 1832 и 1833 годах подтвердил своими циркулярными предписаниями начальникам губерний министр внутренних дел Д.Н. Блудов, который «сверх того изложил дополнительные по сему предмету правила».[141] Тем не менее, в 1834 году Николай I заметил в связи с предъявленным ему на утверждение планом города Наровчата

[136] Там же. Л. 4.
[137] РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 1. Л. 115.
[138] Там же. Л. 115.
[139] Там же. Л. 120.
[140] ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 7.
[141] ГАРТ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 662. По предложению г. Казанского военного губернатора с правилами о составлении планов городов. 1836 г. Л. 4.

Пензенской губернии, что с некоторых пор представляются планы городам на утверждение «весьма дурно черченные». Следствием этого стало появление указа от 22 декабря 1834 года, которым повелевалось держаться того образца, который соблюдался при покойном архитекторе Гесте.[142] Исполняя указ, в министерстве выгравировали в качестве образцового проекта вычерченный рукой самого В. Гесте (архитектор умер в 1832 году) план города Поречья. Он был разослан всем начальникам губерний для следования при составлении планов городов. Казанский губернатор С.С. Стрекалов получил из министерства два экземпляра образца чертежа для черчения планов, один из которых он переправил в губернскую строительную комиссию «для непременного руководства при составлении подобных планов».[143] Тем не менее, в 1836 году Д.Н. Блудов был вынужден вновь указать губернаторам на то, что несмотря на предпринятые правительством меры, в министерство продолжали поступать планы, составленные без соблюдения предписанных правил. Для предотвращения неизбежно завязывавшейся вследствие этого переписки, сильно замедлявшей процесс утверждения, министр счел необходимым еще раз изложить «в совокупности все правила, коим начальники должны руководствоваться при представлении новых планов городов».[144]

Правила, состоявшие из девяти пунктов, первый из которых требовал, чтобы планы составлялись «по образцу планов покойного архитектора Гесте», прописывали состав проекта, масштаб чертежей, требования к подаче материала, рекомендации по планированию новой застройки.[145] Основным документом выступал проектный план с показанием как существующей («слабыми тенями»), так и проектируемой застройки. На нем особыми условными знаками обозначались: имеющиеся здания – сохраняемые и подлежащие сломке; размеры назначаемых к постройке общественных зданий; площади; пронумерованные обывательские места (участки под усадьбы); границы городского выгона. Здесь же следовало прилагать разрезы местности с указанием уклона, высоты берегов, глубины вод, удобных для приставания судов к берегу, высоты и крутизны гор, крутизны и глубины лощин. Проект, выполненный в масштабе 50 сажен в английском дюйме, непременно наклеивался на холст и подписывался начальником губернии. Настоятельно рекомендовалось при проектировании «стараться как можно более приспособляться к действительному положению города, дабы не произвести значительной ломки, всегда тягостной и для правительства, и для жителей». К проектному плану

[142] Там же. Л. 1.
[143] Там же.
[144] Там же. Л. 4.
[145] Там же. Л. 4-6.

прилагались «план настоящего положения города» (вычерченный в том же масштабе, что и проектный) и ведомость с описанием положения города, со сведениями о числе домов и жителей, состоянии грунтов и свойств земли как занимаемой городом, так и примыкающей к нему в полуверстном расстоянии, с указанием мест удобных и неудобных для построения домов. Комплект документов при доставлении на рассмотрение в министерство внутренних дел сопровождался особым представлением с дополнительными сведениями. При наличии ранее утвержденного плана его также следовало приложить, подробно сообщая о причинах изменения. В случае если город предполагалось расширить, требовалось сообщать о способах и условиях заселения вновь запроектированных кварталов. Напротив, когда изменение плана было вызвано «излишней обширностью онаго», несоразмерной с численностью города (существующей или ожидаемой), следовало указать, «какие из незастроенных мест, ныне в состав города входящих и по плану к застройке предназначенных, доселе не могли и, вероятно, впоследствии не могут быть застроены». Эти кварталы подлежали перепрофилированию из жилых в территории, предназначенные под городские выгоны, для разведения садов, огородов, фабрик, мельниц и пр. В случаях отчуждения частных земель требовалось сообщать о способах вознаграждения. Особое внимание придавалось возможности осуществления проектируемого плана: свое мнение по поводу «удобности исполнения» должны были высказать не только составитель плана, но и начальник губернии.[146] Рассылая циркулярным предписанием вышеизложенные Правила, министр выразил уверенность в том, что они «отвратят на будущее время излишнюю переписку, будут содействовать скорейшему ходу сего дела».[147]

Со всех доставленных в канцелярию губернатора конфирмованных планов надлежало снять несколько экземпляров точных копий. Две копии затребовало Министерство внутренних дел, один из которых оставался в самом министерстве, а второй предназначался для Правительствующего Сената. Четыре копии должны были храниться в губернском правлении, и по одному экземпляру направлялись в губернскую чертежную и уездным землемерам.[148] Следовательно, всего требовалось сделать по восемь копий с каждого плана, составлением которых на протяжении последующих нескольких лет занимались как в губернской чертежной, так и уездные землемеры. Таким образом, только к середине 1830-х годов все одиннадцать уездных городов губернии получили высочайше конфирмованные планы. Процесс, однако, на этом не завершился.

[146] Там же. Л. 4-6.
[147] Там же. Л. 7.
[148] ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161.1. Л. 15.

Неожиданный оборот приняло дело с планом Чистополя.[149] Спеша с представлением планов на конфирмацию, казанские власти в действительности далеко не всегда успевали вникнуть в проблемы, связанные с их проектированием. Эпизод с участием местных жителей в Свияжске был скорее исключением. Министерство торопило начальников губерний с утверждением планов городам, систематически рассылая предписания. В этих условиях губернаторы иногда подписывали присланные для поверки планы, полностью основываясь на заключениях землемеров или губернского архитектора, непосредственно занимавшихся их поверкой.

В Чистополе, где план был отослан на утверждение немедленно после очередного министерского предписания, такая поспешность привела к серьезным последствиям. Завязалась многолетняя переписка «о неудобствах приведения утвержденного плана Казанской губернии города Чистополя в исполнение», в которую оказалась втянутой даже не имеющая прямого отношения к процессу канцелярия Шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа.

В 1828 и 1829 годах чистопольские жители (десять мещан и двое крестьян) пожаловались в Министерство внутренних дел на местное начальство, которое не дозволило им поправить «выстроенные по плану с давнего времени» деревянные дома и построить новые на принадлежавших им участках по берегу реки Камы.[150] Дело получило продолжение в 1830 г., когда прибывшему в Казань министру А.А. Закревскому члены чистопольской градской думы вручили рапорт с просьбой о внесении изменений в высочайше конфирмованный план ввиду «затруднений, открывшихся при устроении города». В нем утверждалось, что план был представлен на конфирмацию без согласия чистопольского городничего и градского главы исключительно «по предварительной подписи» казанского гражданского губернатора. Заявители ссылались на план уездного землемера Пескова 1823 года, который «сообразил с местным положением города» составленный Гесте в 1812 г. план, предложив свой вариант распространения и устройства города. По их словам, именно по этому плану и производилось в течение последующих нескольких лет строительство многих каменных и деревянных домов с разрешения начальника губернии, и многие кварталы города уже получили правильное (т.е. регулярное – Г.Н.) расположение. Однако тогда план Песке не был допущен к утверждению по той причине, что при нем не оказалось плана существующего положения города. Приступивший к поверке в 1827 году землемер Охоткин попросту скопировал

[149] ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. По предписанию Министра внутренних дел относительно неудобств при устроении г. Чистополя по высочайше утвержденному плану. 1830-1837 гг.
[150] Там же. Л. 33.

план Гесте, не приняв во внимание ни изменения, внесенные Песковым, ни возведенные за это время строения.[151]

Члены Городской думы выявили следующие неудобства в устроении города по конфирмованному плану: «1. «целые улицы должны быть сдвинуты с своих мест, без всякого чрез то улучшения города, и с чувствительным убытком для жителей 2. многие каменные домы должно переносить, для того только, чтоб поставить их в прямую линию с ветхим деревянным строением 3. назначенные к построению на площади близ пристани обывательские домы предполагают опасность для хлебных амбаров и 4. изменение настоящего направления большой Оренбургской дороги, кроме неудобства места, по коему она пролегать должна, потребует значительных издержек».[152] Таким образом, по утвержденному плану требовалось менять застройку города, уже приведенную в регулярный вид, что было сопряжено «с чувствительными для всех жителей города Чистополя в долженствующей быть перестройке домов и кварталов убытками», тогда как «многие строения при лучшем рассмотрении настоящего положения города, могли быть оставлены» в существующем виде.[153]

В дополнение к этому рапорту, врученному министру в Казани лично, в министерство последовало еще одно ходатайство Градской думы, в котором она излагала настоятельную необходимость устройства на пристани в конце Екатерининской улицы вблизи хлебных амбаров торговой площади. Дума утверждала, что такое предположение делалось ею еще в 1803 г. и 1812 годах и подтверждалось указами губернского правления.[154] А.А. Закревский переправил поступившие на его имя прошения и ходатайства казанскому губернатору, поручив разобраться и представить свое заключение.[155]

Сопоставлением конфирмованного плана с существующим положением города занялся губернский землемер Соколов, который вскоре представил губернатору свой рапорт. Оказалось, что часть улиц в действительности имела гораздо меньшую ширину, чем это было заложено планом, а приведение их в соответствие влекло за собой смещение домов, среди которых были и каменные. На месте существующей вблизи реки Камы слободки по конфирмованному плану назначалась жилые кварталы, которые располагались от хлебных амбаров на расстоянии четырнадцати сажень, не достаточном, по мнению Соколова, для их безопасности. Кроме того, слободка препятствовала

[151] Там же. Л. 2.
[152] Там же. Л. 1.
[153] Там же. Л. 8об.
[154] Там же. Л. 63.
[155] Там же. Л. 1.

устройству прямого спуска с Екатерининской улицы к пристани, и именно здесь, вблизи хлебных амбаров дума просила устроить площадь для привоза хлеба. Относительно большой дороги, пролегавшей через Чистополь в Казань, Соколов сообщил, что планом она назначена «приличностию к виду города в прямую линию», а между тем «обществом города» уже была приведена в порядок некоторое время назад со значительными затратами для нее. Землемер уверял, что дорога «по случаю невозможного исправления ее вновь по крутому скату горы должна неминуемо остаться в ныне существующем виде». Свой рапорт землемер заключил необходимостью отступления в некоторых местах от конфирмованного плана, однако «оставя улицы и большую дорогу в существующем положении, с тем, чтобы жители те, дома коих ныне отчасти вдались, а некоторые вышли из черты, исправили, как должно».[156]

Таким образом, сложилась неоднозначная конфликтная ситуация, где пересеклись интересы различных социальных слоев населения города, обозначились законодательные противоречия. Болезненнее всего оказался вопрос, касавшийся судьбы слободки, на месте которой Дума просила устроить торговую площадь. По одну сторону оказались бедные жители этой слободы, занимавшиеся мелочной торговлей и имевшие небольшие выгоды от проживания вблизи пристани, по другую – поддерживаемое городскими властями чистопольское купечество, желавшее развернуть у пристани и хлебных амбаров свою торговлю.

Слободские жители в количестве двенадцати домохозяев просили дозволить им поправлять и строить вновь дома на своих законных владениях, на которые у них имелись купчие крепости. По конфирмованному плану на этом месте были распланированы жилые кварталы, разделенные на участки и пронумерованные. По существующему законодательству жители слободы должны были строиться именно на этих участках, приводя конфирмованный план в исполнение. Однако первая обозначившаяся проблема заключалась в том, что по плану здесь предполагалось только шесть участков, в то время как в действительности их было двенадцать. Отсюда возникала угроза тяжбы между самими владельцами при решении вопроса, кому из них оставаться, а кому – перебираться на другие, менее прибыльные места. С другой стороны, запроектированные владения имели размеры от 16 до 20 сажень по улице и были слишком обширны для местных жителей, которые по бедности своей не в состоянии были не только застроить, но и огородить свои участки забором.[157] На этот факт обратил внимание губернского

[156] Там же. Л. 9.
[157] Там же. Л. 16.

правления чистопольский уездный землемер Охоткин, утверждая, что в Чистополе строят большей частью граждане и крестьяне бедного состояния, «почти на трех саженях и о трех окнах».[158] Следовательно, запроектированные планом участки становились недоступными для местных жителей.

Несоответствие конфирмованному плану вынуждало губернские власти отказывать в ремонте и постройке домов. Тогда жители слободки и обратились с прошением в Министерство внутренних дел. Ссылаясь на утвержденное императором Положение Государственного совета от 10 июля 1827 года, которое установило минимальную допустимую десятисаженную ширину участков, они просили удовлетворить их просьбу «с наблюдением, чтобы кварталы в длине и ширине, и самые улицы неотъемлемо сходственны были с планом, Высочайше конфирмованным».[159] Губернский землемер Соколов, усмотрев на конфирмованном плане отсутствие специальных пояснений, что собственно нанесенная на кварталах нумерация участков обозначает, посчитал, что «основательнее надлежит исполнять по Положению Государственного совета», соблюдая лишь минимальную требуемую десятисаженную ширину участков.[160] Однако ему возразил привлеченный к обсуждению казанский городской архитектор П.Г. Пятницкий, который изъяснил, что показанное на конфирмованном плане разделение квартала на шесть дворов под номерами с 354 по 359 не может быть изменено без высочайшей воли даже в силу Положения Государственного совета. Следовательно, подавший прошение от имени жителей слободы Ушаков был «вправе токмо с пятью товарищами искать по плану и фасадам следующего дозволения к беспрепятственной постройке». Участки десятисаженной меры, по мнению Пятницкого, могли быть отведены только в тех кварталах, где нумерация отсутствовала.[161]

Желание городских властей ликвидировать слободу и устроить на ее месте торговую площадь, которому активно противостояли жители этой слободы, усугубило и без того сложную и противоречивую ситуацию. Очередное постановление казанского губернского правления не делать никакого на этот предмет распоряжения в ожидании решения вопроса с планом, заставило жителей слободы обратиться к самому императору с всеподданнейшим прошением. Писавший от имени всех мещан Степан Ушаков жаловался на то, что чистопольские купцы «домогаются о сломке домов его, просителя, и товарищей». В ответ на жалобу Градская дума отвечала, что «истинные владельцы того

[158] Там же. Л. 16об.
[159] Там же.
[160] Там же. Л. 17.
[161] Там же. Л. 40.

места», зная о давних ее намерениях, уже переселились на другие места, а расположенные в слободке дома продавали на слом. Новые же владельцы «от послабления допускаемы были к проживанию, они-то ныне и возникли жалобами».[162] Ходатайство Ушакова из канцелярии А.Х. Бенкендорфа переправили в Министерство внутренних дел, призвав ускорить утверждение городского плана.[163]

В декабре 1830 года все необходимые для разработки проекта документы – планы, фиксационный и конфирмованный в 1829 году, с мнениями землемеров по спорным вопросам были доставлены Гесте. В сопроводительном письме губернатор, встав на сторону Чистопольской думы, подчеркнул, что уничтожение слободы им «признано полезным, сколько для удобности съезда и заведения торговой площади, столько и для безопасности хлебных амбаров, в коих складка хлеба по значительности производимой в Чистополе торговли и отправления к разным пристаням составляет довольно важный капитал».[164]

Переделанный В. Гесте план, «согласный с нынешним положением города Чистополя и желанием тамошней градской думы», был представлен губернатору на поверку в апреле 1831 года.[165] Гесте сохранил без изменения застроенные каменными зданиями главные продольные улицы – Архангельскую и Екатерининскую, хотя они имели неодинаковую ширину на своем протяжении, сужаясь к реке (разница в концах составляла восемь и девять сажень соответственно). Остальные продольные улицы требовалось довести до ширины двенадцати сажень, а поперечным следовало быть не менее десяти сажень. По мнению столичного архитектора, эти улицы, выстроенные деревянными домами, могли быть «чрез время расширены без всякого затруднения для обывателей, когда деревянное строение придет в ветхость, новые домы отступать в зад по линии». Устройство площади Гесте признавал полезным, но не обязательным, полагая указанное на плане расстояние достаточным для безопасности хлебных амбаров. Вместе с тем он настаивал на переносе большой дороги, заверяя, что «оставление Казанской дороги в нынешнем виде чрез то город будет безобразить».[166]

Для поверки очередного плана Гесте были привлечены казанский городовой архитектор П.Г. Пятницкий и чебоксарский уездный землемер В. Селезнев. Селезнев выполнил съемку существующего положения (снял план «инструментально с натуры города»). Затем Пятницкий наложил на него план Гесте «для показания удобен ли будет

[162] Там же. Л. 63об.
[163] Там же. Л. 77, 77об.
[164] Там же. Л. 54.
[165] Там же. Л. 77.
[166] Там же. Л. 22.

сей последний для устройства города Чистополя противу натурального положения».[167] Несмотря на достаточно щадящие предложения Гесте, предполагавшие постепенное урегулирование городской застройки, Пятницкий, тем не менее, нашел их обременительными для жителей: «По проекту Гесте не только многие дома, как каменные, так и деревянные, но даже целые улицы, передвигая фасы оных или стороны, должны подлежать к сломке, что может привести жителей к крайним убыткам, а некоторых к разорению, а потому в проекте Гесте не видно следуемой удобности и пользительности к устройству города Чистополя».[168] Считая устройство торговой площади на берегу Камы вблизи пристани и хлебных амбаров удобным «к их торговопроизводству», казанский архитектор переделал планировку этой прибрежной части города. Площадь, запроектированная им на небольшом плато, образовавшемся между двух ручьев, кроме пожарной безопасности, как он полагал, «даст хороший въезд в главные улицы Екатерининскую и Архангельскую, и лучший вид самому городу» (позднее на этом месте он запроектирует собор). Для жителей слободы были назначены два новых квартала под литерами А и Б с 11 дворовыми местами. Пятницкий настаивал на сохранении пересекавшей город большой дороги от предполагаемой площади через мост, лишь немного изменив ее направление, поскольку по плану Гесте она, проходя «кустарником, при конце из города встречала большие рытвины и овражистые места».[169]

В 1831 году к решению проблемы подключился вновь назначенный казанский военный губернатор С.С. Стрекалов, поручивший изучить вопрос и сделать заключение своему адъюнкту Шенину. Шенин, «войдя в бедное состояние жителей слободки, имеющих пропитание от малозначущего мелочного торга в весеннее время», предложил снести не всю слободку, а лишь часть ее, ограничившись «сломанием почти нежилых развалившихся изб» ближайшего к амбарам квартала.[170] Второй квартал таким образом оказывался на расстоянии 75 сажень, что с излишком обеспечивало хлебным амбарам безопасность. В нем помещалось четыре участка десятисаженной меры вместо двух, предположенных конфирмованным планом. Четырем владельцам, по его мнению, следовало дозволить дома как поправить, так и выстроить вновь. Остальным из одиннадцати проживавших в слободе жителям необходимо было отвести другие удобные и незастроенные места в городе. По словам Шенина, многие жители этой слободы в действительности уже имели дома в других частях города, однако не соглашались к сносу

[167] Там же. Л. 74.
[168] Там же. Л. 74об.
[169] Там же. Л. 74.
[170] Там же. Л. 59.

жилищ своих «по упрямству, будучи подстрекаемы неуклончивым примером мещан братьев Ушаковых, внушавших им нелепые убеждения в правоте их дела, и сим отклоняются от благовидных намерений для общей пользы, не взирая даже, что гражданское купеческое сословие ... готово им жертвовать всевозможным вспомоществованием и деньгами в издержках при переходе на другие места».[171] Предложенное решение носило компромиссный характер и было признано оптимальным в данной ситуации, с которым согласились и в Министерстве внутренних дел, откуда последовал приказ об уничтожении лишь одного квартала. Исправленный план требовалось немедленно доставить для представления на высочайшую конфирмацию.

В то время, пока план Чистополя оформлялся на беловик, в канцелярию А.Х. Бенкендорфа поступило прошение от сына мещанина Ушакова о разрешении его отцу строить на своем участке. На прошлый запрос самого Ушакова-отца ему было объявлено из Министерства внутренних дел, что разрешение последует немедленно после высочайшего утверждения нового плана.[172] На этот раз шеф жандармов лично обратился к министру с просьбой удовлетворить прошение Ушаковых, не дожидаясь утверждения плана. Министру ничего не оставалось делать, как переадресовать просьбу губернатору, указав отвести Ушакову место в предполагаемом квартале В («сделать немедленно распоряжение об отводе в сем последнем квартале места мещанину Ушакову для построения нового дома, а буде он имеет уже в сем квартале старый деревянный дом, то дозволить ему, равно и другим исправить починкою таковые их домы»).[173] В том же случае, если он и дальше будет упорствовать, «желая строиться именно в квартале А, буде в оном находиться старый его дом», предписывалось «объявить ему дабы он ожидал утверждения нового плана ... или избрал другое свободное место в прочих частях города.[174] Переработанный план Чистополя получил утверждение 8 марта 1835 года. Препровождая его губернатору, министр предписал заняться приобретением мест под новую площадь.[175] Таким образом, процесс, затеянный в 1804 году, получил окончательное завершение только в 1835 году, более тридцати лет спустя. Теперь без конфирмованных планов оставались только заштатные города, состав которых менялся на протяжении времени.

Для осуществления контроля за деятельностью по проектированию городских планов с 1837 года правительство ввело практику ежегодного предоставления сведений о

[171] Там же. Л. 60.
[172] Там же. Л. 77.
[173] Там же. Л. 96.
[174] Там же. Л. 99.
[175] Там же. Л. 123.

высочайше утвержденных планах в империи.[176] Потребность в этих данных министр внутренних дел А.Г. Строганов разъяснил в 1840 году: «При рассматривании в министерстве внутренних дел предложений губернских начальников о разных постройках в городах представляется необходимым иметь сведения: какие из городов имеют высочайше утвержденные для них планы и какие не имеют таковых планов. Хотя сведения эти и имелись в статистическом отделении министерства, однако, усматривая в них неполноту и принимая в соображение, что с течением времени некоторые из высочайше конфирмованных планов переменены другими, я признаю нужным просить господ начальников губерний, областей и градоначальников доставить в хозяйственный департамент по прилагаемой при сем форме верные сведения о городах».[177] Форма представляла собой таблицу, в которых содержались данные сначала о городах, имевших высочайшее утвержденные планы, затем о городах, еще их не имевших. В перечне города следовали в соответствии со статусом (сначала губернские, затем уездные) и в порядке утверждения планов (с указанием точных дат в отдельном столбце).[178]

В «Ведомости о планах городам Казанской губернии» список возглавляла губернская Казань. Уездные города следовали в соответствии с датами утверждения их планов тремя группами: 1822 г. (Тетюши, Мамадыш, Спасск, Лаишев), 1829 г. (Чебоксары, Свияжск, Ядрин) и 1835 г. (Козмодемьянск, Цивильск, Царевококшайск, Чистополь). Замыкали перечень не имевшие утвержденных планов заштатные города, состав которых менялся. Так, в 1837 г. в их числе были Арск и Троицкий посад Казанского и Козмодемьянского уездов соответственно.[179] В 1840 Троицкий посад был переведен в новую категорию пригородков, в число которых, кроме него, вошли также Билярск и Старошешминск.[180] Планы для этих поселений были утверждены в 1840-х годах.

Предпринятая в конце 1830-х годов министерством внутренних дел ревизия состояния российских городов некоторым образом подводила итог проделанному в области градостроительных преобразований за весь период второй половины XVIII – первой половины XIX века. Этой цели служил принятый в ходе её осуществления комплекс мер – введённое с 1837 года ежегодное предоставление сведений о том, «какие из городов имели высочайше утверждённые для них планы и какие не имели таковых

[176] ГАРТ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 781. По отношению Казанского губернского правления о доставлении ведомости по форме какие города имеют Высочайше утвержденные планы, а какие оных не имеют. 1837 г. Л. 1-3.
[177] ГАРТ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 1392. По отношению хозяйственного департамента Министерства внутренних дел о доставлении сведений о планах городам. 1840 г. Л. 2.
[178] Там же. Л. 7.
[179] Там же.
[180] Там же. Л. 2об.

планов»;[181] циркуляр 1843 года, требовавший от начальников губерний, чтобы от высочайше конфирмованных планов «ни под каким предлогом не было отступлений».[182] Обнаружившиеся отклонения и несоответствия конфирмованным планам – кварталы, которые «доселе не могли и вероятно впоследствии не могли быть застроены»,[183] фрагменты застройки, которые надлежало «или урегулировать на плане, или же совсем исключить оные из плана»[184] и т.п., – потребовали их переосмысления. С 1860-х годов развернулась деятельность по пересмотру высочайше утвержденных во второй половине XVIII – первой половине XIX века планов городов, которая осуществлялась в иных условиях появления новых градостроительных воззрений и реформирования местного самоуправления.

Массовому пересмотру и уточнению конфирмованных планов предшествовало появление двух важных законодательных документов. Первый их них, вводивший новые правила составления планов городов и порядка их утверждения, был разослан губернаторам циркуляром министерства внутренних дел от 29 сентября 1852 года.[185] В дополнение к ним в 1862 году правительство издало образцовые планы «прожектированного расположения губернского, уездного и заштатного города».[186] Продолжалось и систематическое наблюдение за состоянием российских городов. Проведённое министерством внутренних дел в конце 1850 – начале 1860-х годов обозрение, показало, что «несмотря на столь ясные законоположения и указания правительства, устройство городов наших в большей части не удовлетворяло самым скромным требованиям благоустройства и порядка».[187] Из представшей картины министерство заключило, что «если состояние большей части наших городов не удовлетворяло и тем требованиям, какие с точностью выражены в законе и об исполнении коих много раз правительством делались напоминания губернским начальствам, нередко по высочайшим повелениям, то ещё больше неудовлетворительным представлялось состояние их с тех сторон, о коих закон умалчивает и развитие коих правительство предоставляет инициативе местных начальств и заботливости самих обывателей городов».[188]

---

[181] Там же. Л. 2; ГАРТ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 781. Л. 1-3.
[182] ГАРТ. Ф. 409. Оп.1. Д. 1996. Л. 2.
[183] ГАРТ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 662. Л. 4.
[184] ГА РТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 2422. Л. 24-25.
[185] ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 2425. Л. 1.
[186] Кириченко, Е.И. Градостроительство России середины XIX – начала XX века / Под общ. ред. Е.И. Кириченко. Кн.1. М., 2001. С. 210-212.
[187] ГАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 599. Об устройстве городов и селений, 1867 г. Л. 2об.
[188] Там же. Л. 3.

В 1867 году, когда всероссийская поверка регулярных планов набирала обороты, министерство выпустило циркуляр «О благоустройстве городов и селений» от 8 июля, начинавшийся словами «наружное благоустройство городов и вообще населённых мест постоянно составляет один из важных предметов забот и попечений правительства».[189] Отметив большое значение, которое придавалось благоустройству и красоте городов, имевших «постоянно действующее влияние на нравственность жителей, приучая их к порядку»,[190] министерство подчёркивало, что «настоящее время во многих отношениях представлялось особенно благоприятным для осуществления указаний министерства об улучшении внешности городов и что не воспользоваться этим было бы неизвинительным упущением со стороны местных начальств».[191] Циркуляр, появившийся в преддверии городской реформы, адресовался формирующимся в эти годы новым органам местного самоуправления и служил своего рода последним государственным наставлением местным властям в области архитектурно-пространственного устройства городов. Он отсылал к ранее изданным правительственным распоряжениям, в которых «указано с предусмотрительностью, устраняющею всякие поводы к сомнениям и недоумениям, всё, что необходимо соблюдать, в видах благоустройства городов, как в общем их расположении, так и в самой постройке зданий». С тем, чтобы «яснее выразить взгляд, какой имело на этот предмет министерство внутренних дел», циркуляр и излагал «сущность [наи]более важных законоположений и прежних правительственных распоряжений по устройству городов, дабы обзор этот служил как бы указателем, на что по преимуществу должны обращать при этом внимание местные начальства».[192]

При разработке городских планов прежде всего вменялось в обязанность ограничивать пространство для города «действительною надобностью», предусмотрев «средства (т.е. способы – Г.Н.) для застройки всего отведённого под город пространства земли, дабы не оставалось мест пустых и незастроенных». Для большей «правильности и красоты городов» предлагалось взять за правило, «чтобы в известных (т.е. главных центральных – Г.Н.) кварталах были одни каменные строения». При проектировании улиц и площадей предписывалось принять в соображение выгоды в отношениях народного здравия, полицейском и хозяйственном (эти положения впервые появились в правилах 1852 года).

[189] Там же.
[190] Там же.
[191] Там же. Л. 1.
[192] Там же. Л. 3об.

В отношении народного здравия требования означали, в частности, соблюдение установленной ширины улиц с тем, чтобы они «доставляли движение чистому воздуху». Их не следовало пролагать по местам низменным и болотистым, а надлежало прокладывать таким образом, чтобы всем частям города обеспечивался «удобный доступ к пользованию чистою и здоровою водою». Площади, предназначенные служить «как бы резервуарами чистого городского воздуха», предписывалось не размешать в местах бывших кладбищ (новая установка, поскольку именно на месте мусульманского кладбища появилась в Казани Сенная площадь по плану 1768 года). Для успешного осуществления полицейского надзора и обеспечения удобного сообщения между всеми частями города в пожарных случаях требовалось, чтобы улицы были сквозными и не имели тупиков. В хозяйственном отношении выгоды подразумевали принятие рациональных планировочных решений: «не располагать улиц по оврагам, наблюдать, чтобы кварталы имели удобное и более или менее непосредственное сообщение со всеми общественными зданиями и заведениями, как-то: церквами, гостиными дворами, лавками с первыми потребностями жизни и проч., чтобы площади были удобны для размещения разных общественных зданий и особенно торговых». При назначении площадей надлежало учитывать как существующее состояние городской промышленности и торговли, так и перспективы их развития – «способы, которые предоставлял город к открытию новых источников доходов через торговые постройки». При этом правительство оставляло за собой право решать, «где именно должны быть устраиваемы те или другие заведения по их свойству и назначению, а именно: торговые заведения для розничной мелочной и оптовой продажи в местах, безопасных от огня, избираемых не иначе, как по предварительном соглашении с торгующими сословиями; заводы, мануфактуры, фабрики, торговые бани и бойни там, где они не могут вредить чистоте воздуха и воды, и не угрожают опасностью от огня городским строениям». В качестве одной из важнейших городских проблем министерство называло отсутствие садов и скверов. Отмечалось, что они «встречаются весьма редко, и вообще губернское начальство мало интересуется этим предметом; замечается, напротив, почти везде отсутствие всякого попечения с этой стороны». Между тем, по убеждению государственных чиновников, именно в садах и скверах могли бы «находить здоровое и приятное для себя убежище дети городских обывателей, ныне повсеместно, за исключением столиц и более значительных городов, встречаемые играющими на улице в пыли, под лучами солнца». Актуальной оставалась и

проблема пожарной безопасности, поскольку «не только в уездных, но даже и в губернских городах каменных строений сравнительно с деревянными [было]мало».[193]

Решение изложенных проблем министерство полностью возлагало на местные власти: «Для ослабления по возможности силы и действия пожаров и уменьшения бедственных последствий этого зла, у нас более, чем где-либо, необходимо, чтобы местная администрация неослабно наблюдала за исполнением со стороны обывателей тех предупредительных мер, которые указаны в законах и правительственных распоряжениях». «Ещё более чувствовалась необходимость в содействии местной администрации для достижения другой указанной выше цели – благоустройства городов в гигиеническом отношении и их красоты. Здесь от администрации зависела и самая инициатива дела». Для работ по благоустройству предлагалось использовать в качестве рабочей силы арестантские роты. Министерство убеждало губернаторов в том, что «стоит только начальнику губернии энергично взяться за дело, и исполнители, и средства являются», а «полезные начинания всегда встречают, или в течение времени приобретают нужное сочувствие и содействие».[194]

Циркуляр, подписанный министром внутренних дел 8 июля, в канцелярию казанского губернатора был доставлен 28 июля. Приступая к его исполнению, губернатор Николай Яковлевич Скарятин в первую очередь направил свои усилия на благоустройство губернской столицы, пообещав уездным властям сообщить отдельно «на что должно быть обращено особенно внимание» при устройстве городов.[195] Подготовленные им распоряжения с приложением копий министерского предписания были препровождены в строительное отделение губернского правления и Казанскую городскую думу.

Строительному отделению казанского губернского правления предписывалось принять незамедлительные меры по замене деревянных крыш: «Устройство деревянных крыш в губернских городах воспрещено повелением, изложенным в указе Правительствующего Сената от 1 декабря 1861 г. Между тем, мне положительно известно, что подобные крыши устраиваются и до сих пор, притом в кварталах, в которых по высочайше утверждённому плану должны быть или исключительно каменные постройки, или лицевые каменные, а надворные деревянные. Желая положить конец подобным противозаконным действиям частных лиц, я предлагаю строительному отделению сделать распоряжение об освидетельствовании означенных крыш в помянутых кварталах и по собранным сведениям ... назначить на замену тех крыш железными, или из толя и

[193] Там же. Л. 3-3об.
[194] Там же. Л. 3.
[195] Там же. Л. 6.

черепицы в срок, по прошествии которого все деревянные крыши в этих кварталах должны быть сломаны; в прочих же кварталах города оставить существующие деревянные крыши впредь до пришествия их в ветхость, не дозволяя их поддерживать и исправлять».[196]

Казанской городской думе повелевалось устроить на озере Кабан и реке Казанке спуски для съезда за водой, а также просторные плоты для полоскания белья. Надлежало замостить и перемостить заново ряд площадей – Хлебную, Рыбную, Сенную, Мочальную и Университетскую, устроив водосточные канавы и подняв уровень некоторых из них. Однако, мощение Сенной площади было перенесено на следующий год, а назначенная для этих целей сумма в 10 тысяч рублей направлена на окончательную отделку только что завершённого строительством здания городского театра.[197] Подлежали поправке и приведению в благообразный вид и прочие общественные, т.е. принадлежавшие городу здания – гостиный двор, «лебедевский» дом и др., в том числе пожарные каланчи во всех частях города за исключением третьей.[198]

Циркуляры министерства внутренних дел 1852 и 1867 годов в совокупности с изданными в 1862 году образцовыми планами городов составили законодательную основу для разработки новых городских планов, призванных устранить несоответствия и отклонения от высочайше конфирмованных проектов. Казань, получившая последний такой план в 1842 году после случившегося там большого пожара, застраивалась в соответствии с внесёнными локальными изменениями, утверждёнными императором в 1845, 1848 и 1868 годах. Отсутствие единого утверждённого градостроительного документа побудило к созданию нового плана города, одобренного министерством внутренних дел в 1884 году. Первыми в череде уездных городов губернии, для которых были пересмотрены планы, стали Чистополь и Свияжск.

Разработка плана Чистополя совпала с изданием образцовых проектов «прожектированного расположения губернского, уездного и заштатного города». В том же 1862 году Казанская строительная и дорожная комиссия предписала Чистопольской городской думе составить новый план города согласно циркуляра министерства внутренних дел от 29 сентября 1852 года.[199] Следует отметить, что город остро нуждался в новом плане, поскольку его застройка давно вышла за пределы городской черты, а между

[196] Там же. Л. 7.
[197] Там же. Л. 16.
[198] Там же. Л. 13.
[199] ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 2425. Л. 15.

тем промышленность и население, за период с 1836 по 1868 год увеличившееся с 8 до 12 тысяч человек, продолжали расти.[200]

План, составленный инженером Каратаевым год спустя в 1868 году, был исправлен губернским архитектором Николаем Ивановичем [Уржумецким]-Грицевичем по замечаниям, сделанным в министерстве внутренних дел.[201] К недостаткам были отнесены неправильное, не соответствовавшее законодательству расположение кузниц, кладбищ и скотобойни, а также мест, предназначенных под заводы. Кроме того, указывалось на отсутствие необходимых для сообщения улиц в пространстве между пароходными пристанями и общественной рощей. Недовольство министерских чиновников вызвали и неудачные, более соответствовавшие переулкам, названия улиц, такие, как, например, Староострожная или Больничная.[202]

В пояснительной записке к плану указывалось, что «для удовлетворения самой существенной и неотлагательной потребности города, составлен новый проект его устройства, в котором предполагается значительно расширить пределы города и также изменить черту онаго». В границы города была включена застройка, образовавшаяся вдоль Оренбургского и Казанского трактов за пределами, очерченными высочайше утверждённым планом 1835 года. Со стороны Казанского тракта вдоль Камы на протяжении версты предполагалось устроить десять пароходных пристаней, обратив при этом часть вошедшей в городскую черту общественной лесной дачи в рощу для гуляний. По убеждению автора, она призвана была защитить от пожара общественные (городские – Г.Н.) и частные хлебные амбары, в которых хранилась «большая часть всего достояния города, имевшего обширную хлебную торговлю». Участок вдоль речки Прост, по прежнему плану назначенный под постройку хлебных амбаров, потребность в которых в таком количестве в данное время отсутствовала, предлагалось застроить лишь по нижней набережной, засадив откос горы деревьями и устроив сад, который послужил бы для украшения города и очистки в нём воздуха и общего гулянья. Предполагавшаяся здесь прежним планом хлебная площадь была перенесена в новые кварталы, разбитые вдоль Оренбургского тракта: «Для привоза хлеба, свозимого сюда крестьянами в большом количестве как на одну из самых значительных пристаней по реке Каме, назначена очень большая площадь под названием «Торговая». Особая площадь отводилась под

[200] Там же. Л. 7.
[201] Там же.
[202] Там же. Л. 56.

строительство гостиного двора, необходимость которого предвиделась в связи с нынешним бурным развитием городской торговли.[203]

По прямому указанию технического комитета министерства внутренних дел на месте старого заросшего православного кладбища «в видах гигиенических» предположено было разбить парк, сохранив при этом и только что разведённый между Архангельской и Екатерининской улицами сад, «на который городом [была] потрачена довольно значительная сумма». Оказавшиеся в городской черте кирпичные сараи, кладбища (как православное, так и магометанское), а также кузницы и скотобойни, в соответствии с новыми санитарными нормами были вынесены за её пределы «на приличное расстояние». Скотобойню разместили по берегу реки Камы в городской роще, откуда «не сможет распространиться зловоние в город, ... нечистоты будут стекать в реку ниже тех мест, где жители берут воду». Площадь вокруг тюремного замка оставили для торга сеном, а на Архангельской улице запроектировали устройство «посредством водопровода» резервуара для воды и фонтана («к их сооружению уже было и приступлено»), существующие деревянные лавки заменялись каменными с отнесением их подальше от места размещения предположенной церкви.[204]

Кварталы, примыкавшие к Архангельской и Екатерининской улицам, «на которых сосредотачивалась вся торговая и промышленная деятельность», по плану 1835 года предназначались под каменную застройку, причем заменить существующие деревянные здания каменными предполагалось лишь «со временем». Против такого назначения выступило Чистопольское городское общество, которое своим приговором «на это согласия своего не изъявило».[205] С целью «сообразить план с городом для того, чтобы назначить кварталы под каменное строение», губернатор лично посетил Чистополь. Осмотрев город, он настоял на сохранении назначенных прежним планом каменных кварталов. В сопроводительном письме к плану, доставленному в министерство, он написал: «г[ород] Чистополь – один из лучших и богатых городов Казанской губернии и потому назначение каменных кварталов в торговой части его не может быть ни обременительно, ни стеснительно для состоятельных жителей этих кварталов. На этом основании я, руководствуясь циркуляром Вашего Высокопревосходительства от 8 июля 1867 г. в видах благоустройства города Чистополя, признаю необходимым назначить

[203] Там же. Л. 80.
[204] Там же. Л. 80об.
[205] Там же. Л. 75.

самую незначительную и лучшую часть города под застройку каменными кварталами, как назначено на представляемом плане».[206]

По новым правилам, введённым циркуляром от 29 сентября 1852 года, проектируемые планы до их поднесения на утверждение требовалось предварительно согласовать во врачебном отделении – «относительно предметов, имевших влияние на здоровье жителей», в местных полицейских управлениях – «относительно удобства полицейского надзора» и в местных городских думах – относительно размещения торговли и промышленных учреждений, а также способов застройки. Затем «все соображения по тому предмету» обсуждались в губернском правлении.[207]

План Свияжска, находившийся на утверждении в министерстве путей сообщения и затем переданный в связи с преобразованием в министерство внутренних дел, был возвращён в Казань с замечаниями в октябре 1865 года. К недостаткам были отнесены расположение порохового погреба рядом с жилыми кварталами, отсутствие мест проектируемого размещения фабрик и заводов, недопустимых в черте города, а также кладбищ – существующих и предполагаемых. Кроме того, не соответствовала требуемой законом десятисаженной норме ширина запроектированных вблизи присутственных мест переулков.[208] Исправленный план вместе с пояснительной запиской, заключениями врачебного отделения губернского правления и Свияжской городской думы был представлен на обсуждение строительного отделения казанского губернского правления в январе 1868 года.[209] Следуя сложившейся практике, разработчик заверял, что при составлении плана «принималось во внимание сколь возможное сближение его с натуральным положением улиц и кварталов, чтобы избежать значительных изменений, тягостных для жителей». Незначительное количество запроектированных новых кварталов обуславливалось в первую очередь отсутствием незатопляемой водой земли вокруг города, занимавшего вершину холма, превращавшегося в весенне-осенний период в остров. По той же причине на плане было показано лишь действующее кладбище, располагавшееся в двух верстах от города. Указанный в министерском отзыве пороховой склад мог быть оставлен на прежнем месте как не представлявший серьёзной опасности ввиду его размещения в подвале и незначительного количества содержавшегося там пороха, однако, тем не менее, подлежал уничтожению.[210]

[206] Там же.
[207] ГА РТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 2422. Л. 15.
[208] Там же. Л. 1-2.
[209] Там же. Л. 15.
[210] Там же. Л. 27.

В соответствии с новыми требованиями проект гарантировал соблюдение «трёх главных условий при распланировании городов: хозяйственного, медицинского и полицейского». Врачебное отделение казанского губернского правления, хотя и признавало возможность вредного воздействия весеннего разлива на здоровье жителей, однако считало, что «по неимению для новых построек в гористой части города земли по необходимости должно [было] ограничиться настоящим распланированием города». С пониманием медико-санитарная служба отнеслась и к отсутствию на плане проектируемого кладбища и мест, отведённых под постройку заводов и фабрик, согласилась с невыполнимостью требования, касавшегося выноса кузниц за городскую черту. Однако она потребовала указать на плане бойни и места для вывоза нечистот и падшего скота, а также отнести питейный дом подальше от собора Рождества богородицы. Заключение подписал губернский врач.[211] Из резолюции, предоставленной Свияжской городской думой, следовало, что в отношении пожарной безопасности необходимость в возведении мостов для обеспечения быстрого сообщения во время пожара отсутствовала, булочных заведений в городе не имелось, а существующие пекарни не требовали устройства особых печей. Имевшийся в городе единственный солодовенный завод купца Каменева хотя и значился в черте города, но помещался в каменном здании, а других желающих выстроить вновь фабрики не оказалось.[212]

План Свияжска получил высочайшее утверждение 24 января 1869 года[213] накануне городской реформы. С ней совпало согласование рассмотренного выше плана Чистополя, представленного в министерство внутренних дел в 1870 году. С изданием Городового положения губернаторам предоставлялось право самим утверждать планы уездных городов по решениям городских дум, поэтому министерство вернуло план Чистополя в Казань для передачи его на обсуждение Чистопольской городской думы.[214] Введение Городовых положений существенно облегчило процесс утверждения планов уездных городов и стимулировало процесс пересмотра регулярных планов первой половины XIX века.

Внести изменения в высочайше конфирмованный план 1822 года власти города Мамадыш решили в 1873 году в результате обращения жителей улицы Подгорицы, попросивших разрешения строить и производить ремонт своих ветхих строений.[215] Улица эта, протянувшаяся вдоль левого берега реки Ошмы под возвышенностью, на которой

[211] Там же. Л. 18.
[212] Там же. Л. 30.
[213] Там же. Л. 26.
[214] ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 2425. Л. 93.
[215] ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 178. Об утверждении плана на г. Мамадыш, 1874 г.

располагалась нагорная часть города, по словам жителей, существовала с давнего времени, так что никто из старожилов города даже не помнил, когда там её не было. До недавнего времени домовладельцы свободно пользовались и распоряжались своими дворовыми строениями и участками, не подвергаясь никаким особенным ограничениям и владея своею собственностью на совершенно одинаковых правах с остальными жителями города. Однако в последнее время, а именно лет семь назад, обнаружилось, что Подгорицы не имели законного права на существование, поскольку не значились на городском плане. Тогда и было запрещено жителям слободки строить новые дома и ремонтировать ветхие, что в особенности строго соблюдалось в последние три-четыре года (очевидно, вследствие министерского предписания 1867 года), в результате чего строения их пришли в крайне бедственное положение. Запрет, по их убеждению, ставил своей целью заставить жителей Подгорицы переселиться в нагорную часть. Между тем, они – отставные солдаты, записавшиеся здесь на старости и застроившиеся небольшими домиками, вдовы и сироты, а также крайне обедневшие по разным причинам мещанские семейства и безродные старики и старухи, не имевшие средств для выселения – относили себя к числу людей совершенно несостоятельных.[216] Поскольку единственная причина запрета заключалась в отсутствии улицы в местности, называемой Подгорицы, и учитывая, что изменение плана в настоящее время не составляло больших затруднений, жители и просили узаконить существование их улицы занесением на план города.[217]

Мамадышские власти, приняв во внимание тот факт, что жители Подгорицы обладали законными документами на свои владения и исправно платили налоги в городской бюджет, с пониманием отнеслись к их просьбе. Тому благоприятствовало и расположение улицы, которая, по их оценке, в санитарном отношении занимала весьма выгодное положение – была защищена от холодных северных ветров, открыта с южной солнечной стороны и, находясь на покатости, осушалась сама собою, и среди ее жителей никогда не было замечено ни особой болезненности, ни смертности. Не представляла она опасности и в пожарном отношении, поскольку в ней самой никогда не начинались пожары, что подтвердили все гласные городской думы.[218]

За отсутствием в городе «состоящих в плане» пустопорожних мест неплановая застройка появилась и в других частях города – у самого подножия горы Пузанки образовалась односторонняя улица Пузанская. Оказались и другие желающие строиться горожане. Учтя изложенные обстоятельства, Управа ходатайствовала перед Думой о

[216] Там же. Л. 5-6.
[217] Там же. Л. 6-6об.
[218] Там же.

внесении изменений в высочайше утвержденный в 1822 году план города. Дума постановила включить застроенные улицы Подгорицу и Пузанскую в план города, и, кроме того, расширить городскую территорию приращением трёх новых кварталов.[219] Управе было предписано наблюдать, чтобы места в Подгорной улице отводились «никак не ближе 50 сажень от складных амбаров на берегу р[еки] Вятки», а также «войти в сношение с техниками о снятии на план означенных кварталов и Подгорной улицы, и изготовленный план согласно статье 113 городового положения представить на утверждение по принадлежности».[220] План получил утверждение в 1874 году. Как показывают более поздние городские планы, часть новых кварталов заняли татары из окрестных селений, компактно расселившиеся в городе в конце XIX – начале XX века; на широкой центральной улице города, появившейся по плану 1822 года вдоль тракта, соединявшего Мамадыш с губернской столицей, был устроен бульвар, заканчивавшийся городским Александровским садом, раскинувшимся на высоком правом берегу реки Вятки.[221]

Потребность в изменении плана Чебоксар была связана с крайней необходимостью переустроить базарную площадь. Заложенная планом 1829 года прямоугольная в плане торговая площадь пересекалась речкой Чебоксаркой. Первоначально торг происходил на её левом побережье, где находились сдаваемые городом в аренду купцу Барашову городские лавки. Затем базар был перенесён на правый берег, на который приходилась большая северная часть будущей площади, в настоящее время занятая жилыми кварталами и сгоревшим каменным домом купца Таланцева. Здесь предполагалось возведение гостиного двора, состоявшего из трех корпусов – главного, протяженностью в 60 сажень, и двух боковых по 20 сажень каждый. С переносом торговли на другую сторону доходы Барашева значительно сократились, что и вынудило его обратиться к городским властям с просьбой перенести туда арендуемые им городские лавки.[222]

Колоссальные размеры гостиного двора, возведение которого оказалось непосильным для города, а также наличие частной застройки стали причиной возбуждения дела о внесении изменений в конфирмованный план города. Городская дума при обсуждении вопроса на своём заседании отмечала: «Подобное приведение в исполнение высочайше утвержденного на базарную площадь плана по местным обстоятельствам неудобоприменимо, во-первых, потому, что проектированный ряд по

[219] Там же.
[220] Там же.
[221] ГАРТ. Ф. 324. Оп. 739. Д. 264. План северной части существующего расположения уездного города Мамадыш, 1907 г.
[222] ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д.109.

обширности своей не соответствует требованиям по степени развитости местной торговли и по своей громадности потребует больших затрат, для чего и не найдется свободных капиталов; вследствие чего невольно будут оставаться эти постройки неопределённое время только в проекте, и во-вторых, постройка этого корпуса невозможна, даже и к постройке меньшими частями, так как места остаются под постройками частных домов».[223] Кроме того, поскольку купец Таланцев пожелал обстроить свой обгоревший дом, устроив в нём гостиницу, требуемая дополнительная площадь на устройство крылец, ретирад и пр. могла быть прирезана из городской земли исключительно после внесения изменений в высочайше конфирмованный план.[224]

Городская управа, представив Думе на рассмотрение выкопировку с плана базарной площади с проектированными изменениями в высочайше утверждённый план, предложила при этом уменьшить гостиный ряд до 25 сажень в длину и 6 сажень в ширину. Вдобавок разместить его предлагалось в центре торговой площади, сместив от места первоначального размещения на 20 сажень и положив постройке этой «начальным основанием» арендуемые Барашовым каменные лавки. Дума согласилась с предложением Управы, посчитав, что подобные изменения в плане «нисколько не изменят правильного расположения Базарной площади и дают городу возможность постепенно возвести гостиный ряд на совершенно свободном месте, не стесняя владельцев, имеющих тут дома».[225]

Разработку нового плана Козмодемьянска подвигнул пожар, разгоревшийся в 1872 году в заселенной беднотой прибрежной части города – в стихийно возникшей слободке под названием Курени, а также городских кварталах за базарной площадью, в результате которого сгорело в первом случае 30, во втором – 45 домов.[226] Курени были застроены «крайне тесно и неудобно», многие владельцы маломерных участков, как выяснилось, «пользовались усадебными местами несогласно с правилами строительного устава и на основании некрепостных бесспорных документов, а различных домашних соглашений и данных, утративших свою силу, иные же и вовсе без всяких актов на владение».[227] Обеспокоенные открывшейся картиной – значительным несоответствием сложившейся застройки высочайше утверждённому плану города, нарушением норм строительного законодательства и юридической незаконностью многих строений – городские власти

[223] Там же. Л. 10.
[224] Там же. Л. 9.
[225] Там же. Л. 11.
[226] ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 108. Об изменении высочайше утверждённого на г. Козмодемьянск плана, 1872 г. Л. 4.
[227] Там же.

инициировали внесение изменений в проект 1835 года. Несмотря на многочисленные прошения со стороны погорельцев («естественно спешащих возобновить свои постройки на старых местах») об отводе им мест и выдаче разрешений на возведения построек, Управа приняла решение первоначально снять застройку погорелой части города с обозначением всех усадебных мест на особый план и сравнить его с высочайше утвержденным.

Городские власти с одной стороны желали сохранить имевшуюся у жителей слободки возможность заниматься прибрежным промыслом, а с другой, по их собственному заключению, «возобновление Куреней на старых местах было бы не только нарушением правил Строительного устава, но грозило бы и вновь возводимым строениям постоянной опасностью». Под новое поселение под названием Курени была отведена земля в отдалении от городских кварталов. Размежеванные здесь наделы предполагалось раздать с торгов, первоначально допустив к ним исключительно куренских погорельцев, и только в случае неявки желающих из них разрешить участвовать в торге посторонним лицам, назначив цену по 20 коп. серебром за кв. сажень. На месте прежних Куреней постройку домов разрешили, однако участки здесь подлежали отдаче с торгов лишь во временное пользование.[228]

Кроме того, Управа решила принять во внимание и «ходатайства весьма многих лиц о разрешении им построек, с занятием части пространства, назначенного по высочайше утвержденному плану под Богоявленскую площадь». Она представлялась слишком обширной для такого небольшого городка как Козмодемьянск, и часть ее, по мнению городских властей, могла бы быть употреблена с большею пользой для населения.[229] Эту точку зрения разделял и прибывший в Козмодемьянск вскоре после пожара губернский архитектор Н.И. [Уржумецкий]-Грицевич. В процессе составления плана перепланировки погоревшей местности он сузил вытянувшуюся вдоль Волги на 130 сажень Богоявленскую площадь на 10 сажень, уменьшив её ширину с предположенных планом 1835 года 50-ти до 40 сажень. Соответственно на 10 сажень был расширен примыкающий квартал, а квартал, назначенный под городской сад, – обращён в жилой. В результате вблизи площади образовалось сорок дополнительных усадебных участков. Кроме того, архитектор предложил застроить прибрежную территорию с обращённой к Волге стороны площади. Расположенные здесь городские земли, признанные наиболее

[228] Там же. Л. 1.
[229] Там же. Л. 4.

выгодными для устройства гостиниц и других подобных заведений, подлежали сдаче в аренду с торгов по цене 2 руб. серебром за кв. сажень.[230]

В погоревших городских кварталах строительство на маломерных участках запрещалось. В соответствии с установленным порядком их обладателям предписывалось передать свои земли либо владельцам смежных участков по взаимному соглашению, либо в распоряжение городского общества. Тем из них, кто не имел на участки никаких документов и был не в состоянии доказать свои права десятилетним владением, предлагалось приобрести новые места на законном основании за свой счет, а находившиеся у них в пользовании земли признавались собственностью Городского общества. Владельцам, сумевшим Управе доказать законность своих маломерных владений документами или истечением десятилетнего срока, новые места в городских кварталах отводились бесплатно по требованию.[231]

Выкопировку с внесёнными в конфирмованный план Козмодемьянска изменениями казанский губернатор утвердил 13 февраля 1873 года.[232] Городской голова поручил Управе отныне «построек с отступлением от плана не дозволять», а владельцев домов, которые уже возведены с такими отступлениями на основании ранее выданных Думой или полицией разрешений, обязать «по возможности согласить свои постройки с требованием плана посредством палисадов и тому подобных приспособлений».[233]

Однако несоответствие сложившейся застройки конфирмованному плану оказалось значительным. Обнаружились многие запроектированные улицы и даже целые кварталы, «не имевшие до сего времени практической необходимости в применении на деле».[234] Так, вплоть до 1880-х годов оставались неразбитыми кварталы в нагорной части города, в основном занятой частными садами и засаженной плодовыми деревьями – яблонями, вишней, сливой, малиной, смородиной и т.п. по той причине, что «перемещение существующих линий улиц согласно плана, самая перестройка домов и перемеривание садов повлияло бы невыгодно на хозяйство и садоводство жителей означенных кварталов». Кроме того, по просьбам домовладельцев власти разрешали здесь «немногие неплановые постройки», хотя и «не иначе как с подписками домовладельцев в том, что они в случае надобности и распланирования улицы согласно плана обязаны перенести дома на указанные места».[235] Именно сюда, в нагорную часть предлагалось переселить

[230] Там же. Л. 1.
[231] Там же. Л. 2.
[232] Там же. Л. 17.
[233] Там же. Л. 3.
[234] ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 807. Об утверждении плана на г. Козмодемьянск Казанской губернии, 1881 г. Л. 4.
[235] Там же. Л. 5-8.

бесплатно владельцев маломерных участков из погоревших в 1872 году городских кварталов, конечно, «если кто из них сего пожелает».[236] Собственно, она в первую очередь подверглась пересмотру в ходе предпринятой в 1880-м году разработки следующего плана города, для рассмотрения которого была учреждена специальная временная комиссия.[237]

Этот план фиксировал сложившиеся вопреки конфирмованному плану 1835 года улицы и упразднял те из них, «через которые до сего времени не было сообщения» – упиравшиеся в глубокие овраги и ведшие к обрывистому склону берега Волги. Вследствие «практической необходимости», принуждавшей жителей избирать более рациональные трассировки, минуя овраги и соединяясь с почтовыми и торговыми трактами, появились новые направления. Так, в нагорной части вопреки плану возникла Красная улица. Уже и застроенная домами, она пролегла по ровной местности, позволив «обойти значительные расходы на постройку моста чрез овраг», который в течение 45 лет, прошедших со времени утверждения плана, расширился на 2 сажени.[238] Стихийно возникшие трассировки были зафиксированы новыми линиями, образующими улицы, которым придавалась требуемая законом десяти-, двенадцатисаженная ширина, и переулки, местами разделившие назначенные прежним планом кварталы.

Перепланировке подверглась и часть города в районе древнего Троицкого собора, вокруг которого планом 1835 года была запроектирована площадь. Перепад рельефа на ней составлял 5 сажень (т.е. более 10 метров – Г.Н.). Жители этой местности «не находили до сего времени для себя выгодным возводить на этом косогоре построек по невозможности проезда на лошадях и по неимению капитала, который требовалось бы затратить при срытии этой крутизны». Поэтому для пешего прохода они устроили здесь деревянную лестницу, а для проезда и застройки проложили «в недальнем расстоянии от сказанного косогора» другую улицу, которую в 1878-1879 годах власти выровняли и вымостили.[239]

В нижней части города в существующем виде были сохранены линии Тихвинской приходской площади, хотя и «не вполне правильно обстроенной прочными зданиями». Церковь с церковными строениями располагалась в саду за оградой, отвечая всем условиям пожарной безопасности, «как общественной, так и относительно храма». Оставить, расширив до требуемой десятисаженной ширины, предлагалось уже «обстроенные линии» улицы Теребиловки, а также поперечного ей переулка между

[236] ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 108. Л. 7.
[237] Там же. Л. 9.
[238] Там же. Л. 5-8.
[239] Там же.

площадью и Юркинской улицей.[240] По ходатайству Городской думы, просившей сохранить каменные и на каменных фундаментах дома граждан по обеим сторонам Успенской улицы в кварталах вблизи Гостиного двора, её трассировка была скорректирована «по тому направлению, как существуют в настоящее время сказанные дома граждан».[241] После одобрения комиссией новый план по представлению Городской думы был препровождён губернатору, который утвердил его 6 марта 1882 года.[242]

Год спустя губернатор подписал измененный план города Ядрина.[243] Ядринская городская управа представила его на утверждение в строительное отделение казанского губернского правления по постановлению Городской думы от 29 апреля 1883 года. В соответствии с требованиями статьи 113 Городового положения, дополнений к Строительному уставу, инструкций строительным отделениям губернских и областных правлений для руководства при начертании планов на новую отстройку городов и изменении существующего высочайше утвержденного городского регулирования переданный на рассмотрение комплект включал: засвидетельствованную копию высочайше утверждённого в 1829 году плана на город Ядрин, а по причине ветхости – и вновь снятую с него копию, а также два плана города – существующего положения и проектный. В строительном отделении план одобрили при условии, чтобы оказавшееся в черте города кладбище было огорожено, а для нового кладбища отвели место на расстоянии не ближе 100 сажень от городского жилья.[244]

Рассмотренные примеры относятся к 1860-1880-м годам, однако пересмотр регулярных планов первой половины XIX века в Казанской губернии продолжался и в дальнейшем. Разработанные в период второй половины XIX – начала XX века городские планы продолжали закреплять достигнутую на предшествующем этапе регулярную планировку, и, кроме того – основанные на современных градостроительных воззрениях, были направлены на улучшение качества городской среды и благоустройство российских городов.

В целом проделанный обзор градостроительных практик Казанской губернии показал, что разработка планов уездных городов представляла собой сложный многоэтапный процесс, сопровождавшийся обширной перепиской и многочисленными рассмотрениями и пересоставлениями. В него был вовлечен самый широкий круг сторон – специалисты (губернский и уездные землемеры, казанские архитекторы – губернский и

[240] Там же.
[241] Там же. Л. 14.
[242] Там же.
[243] ГА РТ. Ф.2. Оп. 7. Д. 886. Об утверждении плана на город Ядрин, 1883 г. Л. 1.
[244] Там же. Л. 2.

городской, «главный архитектор России» Вильям Гесте), местные жители – купцы, мещане и крестьяне, а также власти разных уровней от городских голов и губернаторов до министров внутренних дел, начальника третьего отделения канцелярии ЕИВ А.Х. Бенкендорфа и даже высочайших лиц – императоров Александра I и Николая I. Участие в этой деятельности жителей представляло одну из немногих форм проявления населением своих гражданских прав, свидетельствовавших о началах сложения гражданского общества европейского типа. Последовательное рассмотрение всего цикла – проектирования, утверждения и воплощения – позволило проследить судьбу конкретных регулярных планов на протяжении столетия и создать целостное представление о ходе преобразований, нацеленных на пересоздание среды исторического города. Оно убедило, что идеи регулярного градостроительства в России, пройдя свой сложный путь развития, в итоге прижились, и планировочная структура, возникшая в результате реализации самых первых конфирмованных планов, стала восприниматься как своё, российское культурное наследие.

ГЛАВА II.3.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МИНУСИНСКА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИДЕИ И РЕАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ

В декабре 1822 года на территории центральной части Сибири была учреждена Енисейская губерния. 14 января 1823 года собрание чиновников, прибывших на службу в новое административное селение Минусу, постановило «почитать с сего времени город Минусинск и присутственные в нем места открытыми»[245]. Указом Енисейского губернского правления должностные обязанности городничего были возложены на окружного судью П. И. Кузнецова. Присутственные места, первыми из которых стали городническое правление, земский и окружной суды, разместились в крестьянских домах.

Главным документом, регламентировавшим деятельность новых городских управлений, являлся правительственный указ об «учреждении сибирских губерний», высочайше утвержденный 26 января 1822 года[246]. На основании изложенных в нем положений чиновники приняли меры по сбору сведений о состоянии нового города. В Минусинске на конец января 1823 года насчитывалось 787 жителей, из которых 603 человека причислялись к крестьянам, а 156 – к ссыльным[247]. Новый окружной город состоял из четырех улиц, которые образовывались из 116 деревянных обывательских и трех общественных домов. Единственным каменным зданием в городе являлась соборная церковь во имя Всемилостивого Спаса, построенная в 1803–1814 годах. Среди других городских строений были отмечены два моста, богадельня, один питейный дом, две водяных мельницы, шесть кузниц, три хлебозапасных магазина и соляная стойка.

Первый енисейский губернатор А. П. Степанов характеризовал Минусинск как город «совершенно сельский», в котором «мещане упражняются в работах, крестьянам свойственных», но «несмотря на то, он в короткое время сделался похожим на городок»[248].

---

[245] Архив города Минусинска. Ф. 106. Оп. 1. Д. 1. О переименовании села Минусинского в город Минусинск. 1822–1823 гг., л. 6.
[246] Там же. Л. 9.
[247] Там же. Л. 11 об.
[248] Степанов А. П. Енисейская губерния: [ч. 1–2]. – Санкт-Петербург: Тип. Конрада Вингебера, 1835. – 364 с., с. 151.

В первые годы существования нового города по распоряжению губернского начальства составлялись «проекты нарезок земли», но по разным причинам они не получили утверждения правительства[249].

Илл. 1. Минусинск. Спасский собор. 1803–1814 гг. Открытка начала XX в. Издание фотографа Л. И. Юдицкого. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова

В частности, в начале 1850-х годов губернский землемер А. Бутаков в одном из рапортов упоминал два плана Минусинска, «сочиненные бывшими землемерами, губернским Зубакиным до наступления 1834 года и минусинским окружным Шабановым в 1840 году»[250].

Будущее Минусинска в представлении местной власти и горожан связывалось с развитием торговли. Так, в декабре 1828 года городничий «предписал заготовить для постройки в городе двух новых мостов потребное количество лесу»[251]. Однако жители предложили начальству использовать его для другой постройки – торговых лавок. Они объясняли свое предложение тем, что в городе не было гостиного двора – одного из основных объектов жизнедеятельности того времени. Окружное начальство утвердило приговор мещанского общества, а городовому старосте предписало весной 1829 года «немедленно подрядить плотников для постройки 7 торговых лавок за сходную для

[249] [Ватин В. А.] Город Минусинск: К 100 летнему юбилею города Минусинска 1822–1922 г. Ч. 1 / [Соч.] В. А. Ватина; Гос. музей им. Н. М. Мартьянова. – Минусинск : Гос. тип., 1916–1922. – Исторический очерк. – 394 с., с. 37.

[250] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1473. О составлении нового проектного плана г. Минусинска. 1853–1858 гг.

[251] [Ватин В. А.] Город Минусинск: К 100 летнему юбилею города Минусинска 1822–1922 г. Ч. 1 / [Соч.] В. А. Ватина; Гос. музей им. Н. М. Мартьянова. – Минусинск : Гос. тип., 1916–1922. – Исторический очерк. – 394 с., с. 389–390.

общества цену и распорядиться, чтобы лавки непременно были построены нынешним годом, против плана и фасада, при управе сей имеющегося»[252]. Торговые лавки возвели на площади Спасского собора, получившей от них свое название – Гостинодворская. Двадцать лет спустя после постройки торговых лавок, летом 1849 года, они были освидетельствованы прапорщиком строительного отряда Лапиным, который сделал заключение о том, что «гостиный двор в Минусинске оказался к исправлению негодным»[253]. По этой причине городское общество постановило «просить ходатайства о постройке нового гостиного двора в одну линию о десяти лавках и для прочности сделать его каменный»[254]. Однако каменный гостиный двор в городе так и не появился, а основная торговая деятельность горожан перешла в 1860-х годах на площадь новой Троицкой церкви, где и были устроены торговые лавки.

Первый проектный план окружного города Минусинска был высочайше утвержден 22 декабря 1844 года[255]. Автором его являлся, находившийся при Енисейской губернской строительной комиссии, прапорщик строительного отряда путей сообщения К. Мусин-Пушкин. К периоду составления плана (1841 г.) в Минусинске насчитывалось 214 деревянных домов, а каменным зданием оставалась только церковь.

Илл. 2. «План Енисейской губернии уездного города Минусинска. Проектировал и чертил Строительного

[252] Там же. С. 390.
[253] Там же. С. 391.
[254] Там же. С. 391.
[255] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1110. Об утверждении плана для города Минусинска Енисейской губернии. 1843–1845 гг.

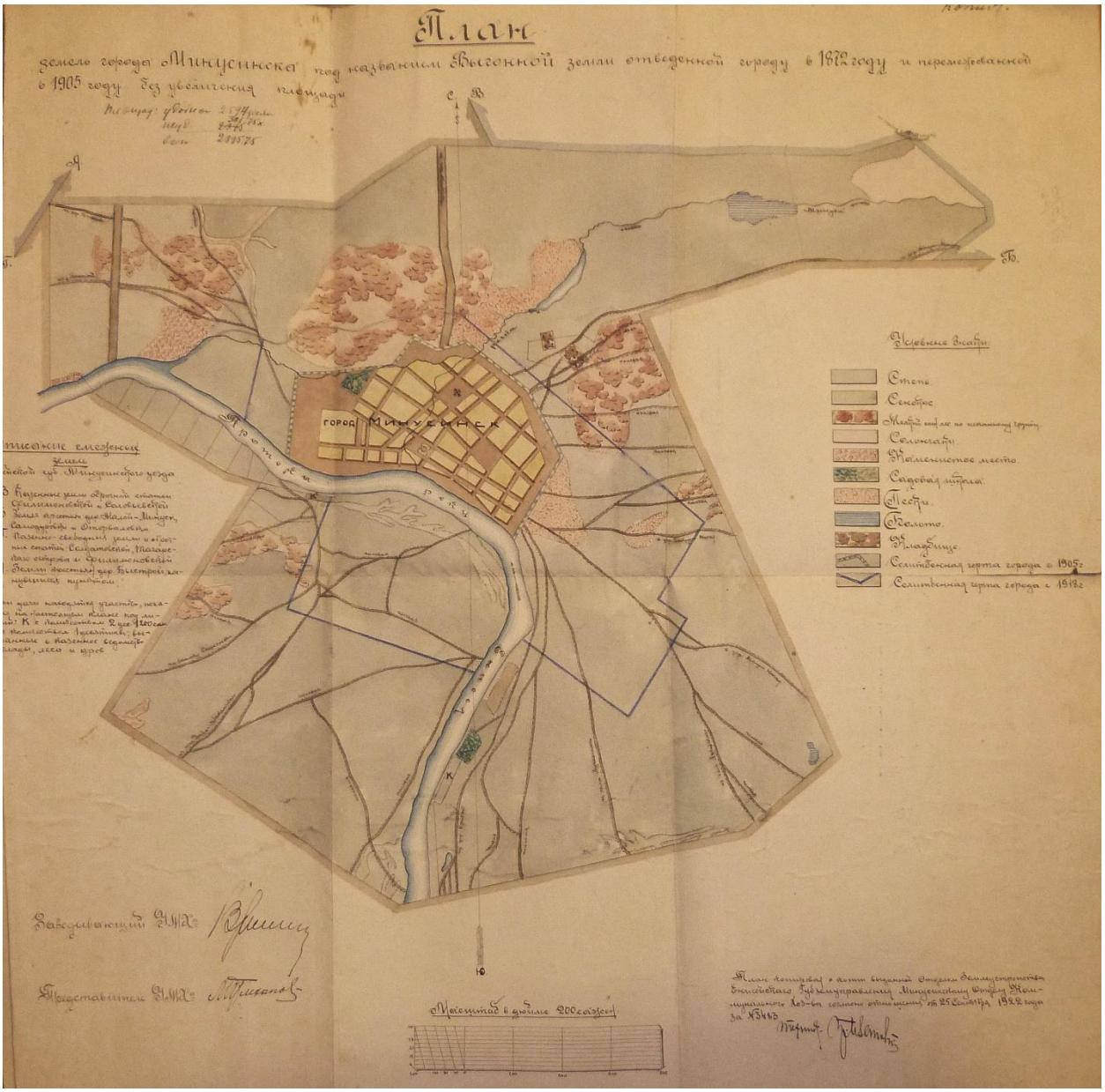
отряда путей сообщений прапорщик К. Мусин-Пушкин 2-й. 1844 г.». Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1110. Об утверждении плана для города Минусинска Енисейской губернии. 1843–1845 гг.

Число жителей города возросло до 1368 человек. В целом проектные предложения были направлены на создание в застройке кварталов города большей регулярности, на приведение всех его частей в одну правильную систему.

В начале 1850-х годов обнаружилось, что утвержденный план Минусинска был составлен неверно. Губернские власти установили большие отступления от него в городской застройке. По результатам расследования дела было принято решение о проведении новых планировочных работ. Енисейский окружной землемер А. Семчевский выполнил проектный план Минусинска к весне 1855 года, получивший высочайшее утверждение 6 апреля 1856 года. В проектном варианте землемер откорректировал размеры новых кварталов и внёс некоторые изменения в состав и размещение объектов на проектируемых городских площадях. Таким образом, в первых проектных планах Минусинска были намечены перспективы развития композиционно-планировочной структуры, устойчивость которых подтвердилась в последующее время.

Илл. 3. «План Енисейской губернии окружного города Минусинска, сочиненный в 1853 году. Проектировал и чертил Енисейский окружной землемер А. Семчевский». Минусинский региональный краеведческий музей имени Н. М. Мартьянова. Инв. 309

Сельский тип города, сохранявшийся во второй половине XIX века, влиял на планировочную организацию окружавших его территорий, требовавших увеличения площади земли под сельскохозяйственные нужды в соответствии с постепенным ростом количества жителей. В 1872 году были отведены новые территории под городской выгон и составлен план этим землям, которые оставались в ведение города до 1920-х годов[256].



Илл. 4. «План земель г. Минусинска под названием выгонной земли, отведенной городу в 1872 г. и перемежеванной в 1905 г. без увеличения площади. Копия 1922 г.». Архив города Минусинска. Ф. 320. Оп. 1. Д. 36. Документы по определению городской черты г. Минусинска. 1922–1927 гг., л. 81

Выгонные земли служили также резервной территорией для распространения городской застройки. В 1875 году возникла необходимость в «назначении и нарезке вновь

[256] Архив города Минусинска. Ф. 320. Оп. 1. Д. 36. Документы по определению городской черты г. Минусинска. 1922–1927 гг., л. 81.

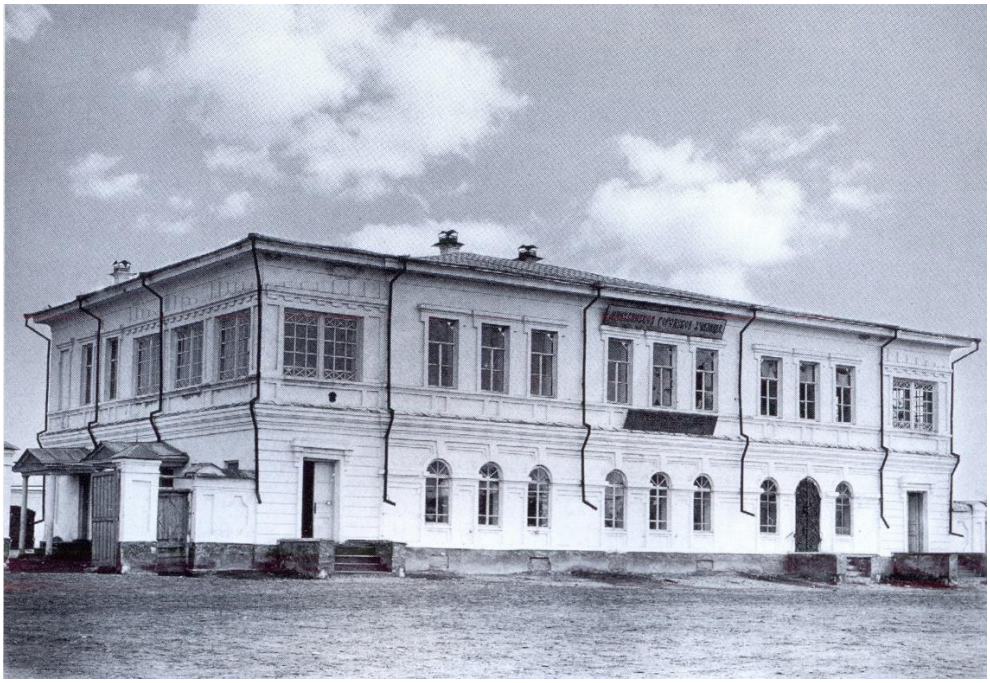
по плану мест под обывательские постройки в Минусинске». В том же году красноярский окружной землемер А. Икингрин представил в минусинскую городскую думу составленный им план города Минусинска с показанием проектного распространения. Дума согласилась с предложениями землемера, но доработка нового плана города продолжалась до 1878 года, а утвержден он был в 1881 году. Планом предусматривался незначительный территориальный рост города с прибавкой кварталов на север по реке Минусинке и на восток, вдоль протоки Енисея.

Илл. 5. «План существующего расположения окружного города Минусинска Енисейской губернии с показанием предполагаемого урегулирования и распространения в 1877 г. Составил землемер А. Икингрин». Минусинский региональный краеведческий музей имени Н. М. Мартьянова

Развитие в середине столетия золотопромышленности и расширение торговой деятельности в Енисейской губернии повлияли на рост благосостояния губернского и окружных городов, в том числе Минусинска.

В начале 1850-х годов купцом Беловым был построен на северной стороне Спасскособорной площади (ныне ул. Ленина, 75) первый каменный жилой дом, а в 1866 году в городе числилось 675 зданий, из которых семь каменных. В 1864–1867 годах на средства купца И. Т. Масленникова была построена на минусинском кладбище каменная церковь во имя Сретения Господня (архитектор П. М. Дорофеевский). Одним из первых

крупных объектов, намеченных в проектных планах Минусинска, была осуществлена в городе новая церковь во имя Святой Троицы (архитектор А. А. Ашемур), возведенная горожанами на Новособорной площади в 1877–1885 годах.



Илл. 6. Минусинск. Дом Беловых. Фотография Василия Фёдорова. 1890-е гг. Фотогалерея сайта Минусинского регионального краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова

В конце столетия в минусинском обществе возникла потребность в устройстве ещё одной православной церкви, которая была возведена на средства купца Н. М. Зайцева в 1906–1911 годах на Новоцерковной площади, образовавшейся на восточной окраине города к началу XX века. Четвертая каменная церковь Минусинска получила название во имя Вознесения Господня (архитектор А. А. Фольбаум).

Илл. 7. Минусинск. Троицкая церковь. Архитектор А. А. Ашемур.
1877–1885 гг. Открытка начала XX в. Издание фотографа Л. И. Юдицкого. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова

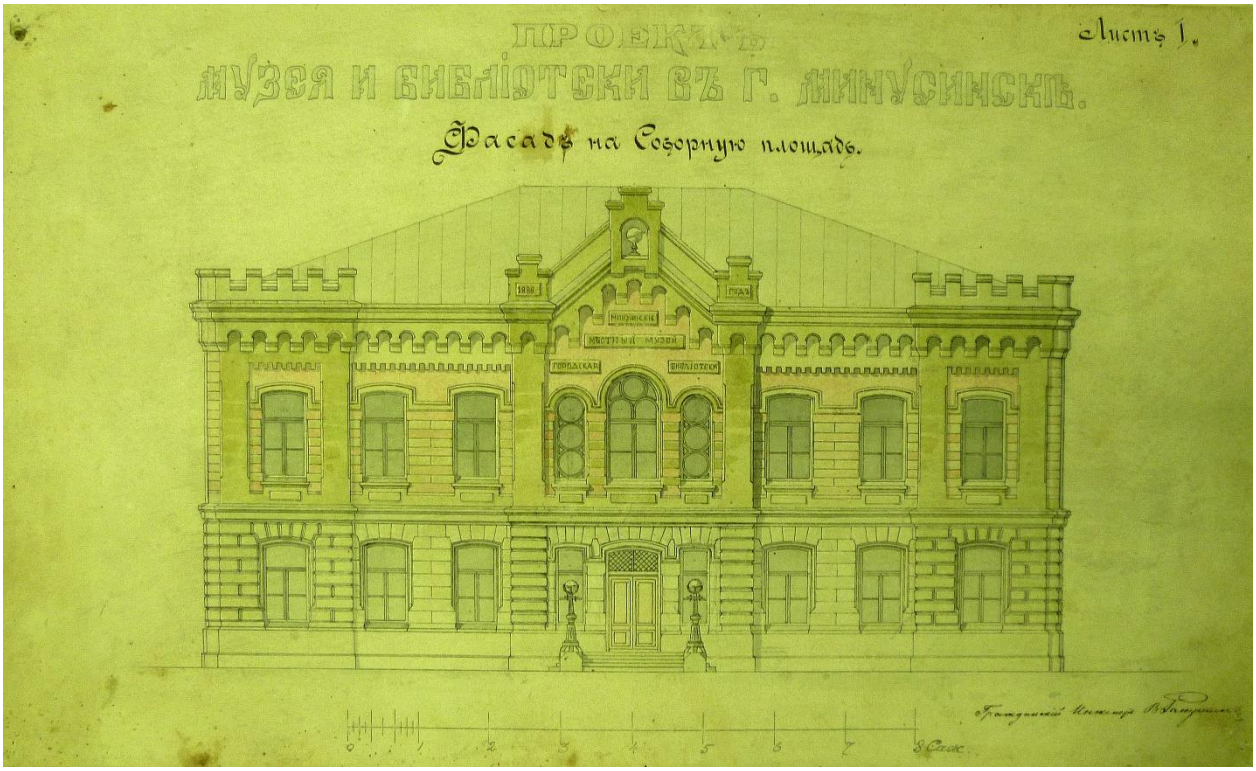
Илл. 8. Минусинск. Вознесенская церковь. Архитектор А. А. Фольбаум.
1906–1911 гг. Открытка начала XX в. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова

В 1877 году по инициативе провизора Н. М. Мартьянова в Минусинске открывается местный музей, уникальная коллекция которого получила высокие оценки на многих международных выставках. Через десять лет существования музея и созданной при нём общественной библиотеки, принесшим большую известность городу в России и за рубежом, было принято решение о строительстве на общественные пожертвования каменного здания. Проект его был подготовлен к весне 1887 года иркутским городским архитектором, гражданским инженером В. А. Рассушиным[257].

Тогда же на восточной стороне Соборной площади приступили к строительству здания для музея и библиотеки, которым руководил бывший слушатель Петербургского технологического института, политический ссыльный А. О. Лукашевич. Строительные работы завершились в 1890 году. Николай Михайлович Мартьянов, основатель музея, неразрывно связывал его научно-просветительские функции с городом, с изучением истории и природы Южной Сибири. «Такое отрадное явление в жизни небольшого сибирского городка, как Минусинск, – писал он, – именно возникновение в несколько лет двух очень ценных учреждений музея и библиотеки, дает нам право предполагать, что основание музеев, как учреждений крайне полезных в деле популяризации науки путем наглядного изучения, и в деле подробного изучения данной местности вполне осуществимо не только в богатых губернских городах, но и в маленьких уездных»[258].

[257] Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова (МРКМ). Оп. 1. Д. 722. 5 л. Проект музея и библиотеки в г. Минусинске. 1887 г.

[258] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 796. Оп. 1. Д. 4988. Об истории создания Минусинского музея и библиотеки. 1881 г.



Илл. 9. «Проект музея и библиотеки в г. Минусинске. Фасад на Соборную площадь. Архитектор В. А. Рассушин». 1887 г. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова

Тогда же на восточной стороне Соборной площади приступили к строительству здания для музея и библиотеки, которым руководил бывший слушатель Петербургского технологического института, политический ссыльный А. О. Лукашевич. Строительные работы завершились в 1890 году. Николай Михайлович Мартьянов, основатель музея, неразрывно связывал его научно-просветительские функции с городом, с изучением истории и природы Южной Сибири. «Такое отрадное явление в жизни небольшого сибирского городка, как Минусинск, – писал он, – именно возникновение в несколько лет двух очень ценных учреждений музея и библиотеки, дает нам право предполагать, что основание музеев, как учреждений крайне полезных в деле популяризации науки путем наглядного изучения, и в деле подробного изучения данной местности вполне осуществимо не только в богатых губернских городах, но и в маленьких уездных»[259].

[259] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 796. Оп. 1. Д. 4988. Об истории создания Минусинского музея и библиотеки. 1881 г.

Илл. 10. Минусинск. Музей. Архитектор В. А. Рассушин. 1887–1890 гг. Открытка начала XX в. Издание Минусинского общества попечения о начальном образовании. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова

Созданный на средства городского общества минусинский музей дал значительный импульс преобразованию города в культурный и научно-просветительский центр на юге Сибири. В последнее десятилетие XIX века в Минусинске получило развитие каменное строительство. Архитектура большинства зданий символизировала продолжавшийся в то время поиск новых форм через соединение исторических стилевых направлений – готики, классицизма, русского стиля. В 1895 году в Минусинске состояло 20 каменных строений, 7 смешанных и 638 деревянных[260]; современники считали его одним из лучших уездных городов Енисейской губернии[261].

Анализ архитектурно-градостроительной деятельности в первый период формирования города Минусинска выявил принципы, характеризующие эволюционные преобразования, в результате которых осуществлялось постепенное накопление социально-экономического и культурного потенциала. В целом композиционно-планировочная структура Минусинска, разработанная в проектных планах девятнадцатого века, была осуществлена к началу нового столетия.

В начале XX века в России широкое распространение получили идеи «города-сада» английского футуролога Э. Говарда. В 1913 году в Петербурге было организовано Русское

[260] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 1. Д. 5331. О строениях г. Минусинска. 1895 г.
[261] Газета «Енисейский листок». – 1894 г. – 12 июля. – № 25.

общество городов-садов, целью которого стала пропаганда улучшения жилищных условий и полная реформа градостроительства. Отделы этого общества функционировали в сибирских городах: Барнауле, Омске и Томске. В 1916 году томский архитектор А. Д. Крячков выполнил проект города-сада на станции Кузнецк Кольчугинской железной дороги. В октябре 1917 года архитектор И. Ф. Носович создал проект города-сада в северной части Барнаула. В 1918 году архитектором П. А. Парамоновым был разработан план пригорода-сада в Томске, а в декабре 1918 года архитектор представил детально проработанный проект города-сада Щеглова (Кемерово)[262].

В 1910-х годах в крупных и малых сибирских городах проводились массовые мероприятия по озеленению площадей, улиц и набережных рек. Жители заранее намечали совместно с городской управой, где заложить новый сад или сквер. В посадке принимали участие гимназисты, школьники вместе с родителями и учителями. При открытии скверов и садов проходил молебен. Праздник древонасаждения (как он назывался в те годы) сопровождался концертами и лотереей.

Весной 1911 года подобное мероприятие состоялось в уездном городе Минусинске[263]. В 1910 году известный ученый-садовод И. П. Бедро (1874–1943) основал вблизи Минусинска плодовый питомник и сад для опытов, ставший впоследствии базой научных и практических исследований сибирского садоводства. В 1911 году по инициативе Управления земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии было организовано Минусинское опытное и селекционное поле, основными задачами которого были намечены: «выведение местных и испытание инорайонных сортов сельскохозяйственных культур, внедрение лучших из них в крестьянские хозяйства»[264].

В начале 1920-х годов, после окончания Гражданской войны в Сибири, идея города-сада не только не исчезла, она начала трансформироваться в соответствии с новыми идеологическими установками: «Город-сад прежде всего город-коммуна, где в высокой степени должна быть развита общественная жизнь, где частные интересы удовлетворяются в согласии с общественными интересами»[265].

---

[262] Царёв В. И. Прогнозы и практика градостроительных преобразований Сибири в начале XX века // Теория и история архитектуры. Выпуск 2. IV Хан-Магомедовские чтения. Материалы научной конференции. Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»). Москва-Санкт-Петербург, 2020. – С. 124–144.

[263] Царёв В. И., Васильева Н. О., Царёв В. В. Преобразования города Минусинска в начале XX века: идеи и реальность развития // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2021. – № 3 (21). С. 166–177.

[264] Смыкова Т. К., Муравьев Г. А. Минусинское научное плодоводство на рубеже веков // Достижения науки и техники АПК. 2011. № 7. С. 3–5., с. 3.

[265] Парамонов П. А. Города-сады и применение их в Сибири // Вестник сибирских инженеров. Научно-технический журнал. Т. 5. 1923. № 2. С. 1–9., с. 4.

Илл. 11. Город Минусинск. Праздник древонасаждения. 8 мая 1911 г. Фотография Н. В. Федорова.
Минусинский региональный
краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова

Первыми директивными документами советской власти, поступившими в администрацию Енисейской губернии в конце ноября 1920 года, определявшими задачи и положения в градостроительстве тех лет, стали материалы второго Всероссийского съезда заведующих коммунальными отделами, завершившегося накануне в Москве. Резолюция съезда намечала основные направления реорганизации коммунального хозяйства в стране. Значительная её часть была посвящена текущим задачам благоустройства и строительства, в частности указывалось на то, что «в настоящее время в эпоху переустройства всей жизни на новых социалистических началах задачей коммунального благоустройства является переустройство и развитие всех поселений на рациональных началах, диктуемых требованиями науки и социалистической культуры»[266]. К первоочередным задачам относились: «возведение достаточного количества жилищ рационального типа со всеми сооружениями и предприятиями необходимыми для обслуживания жителей на началах устройства по принципам городов-садов и культурных поселений»[267].

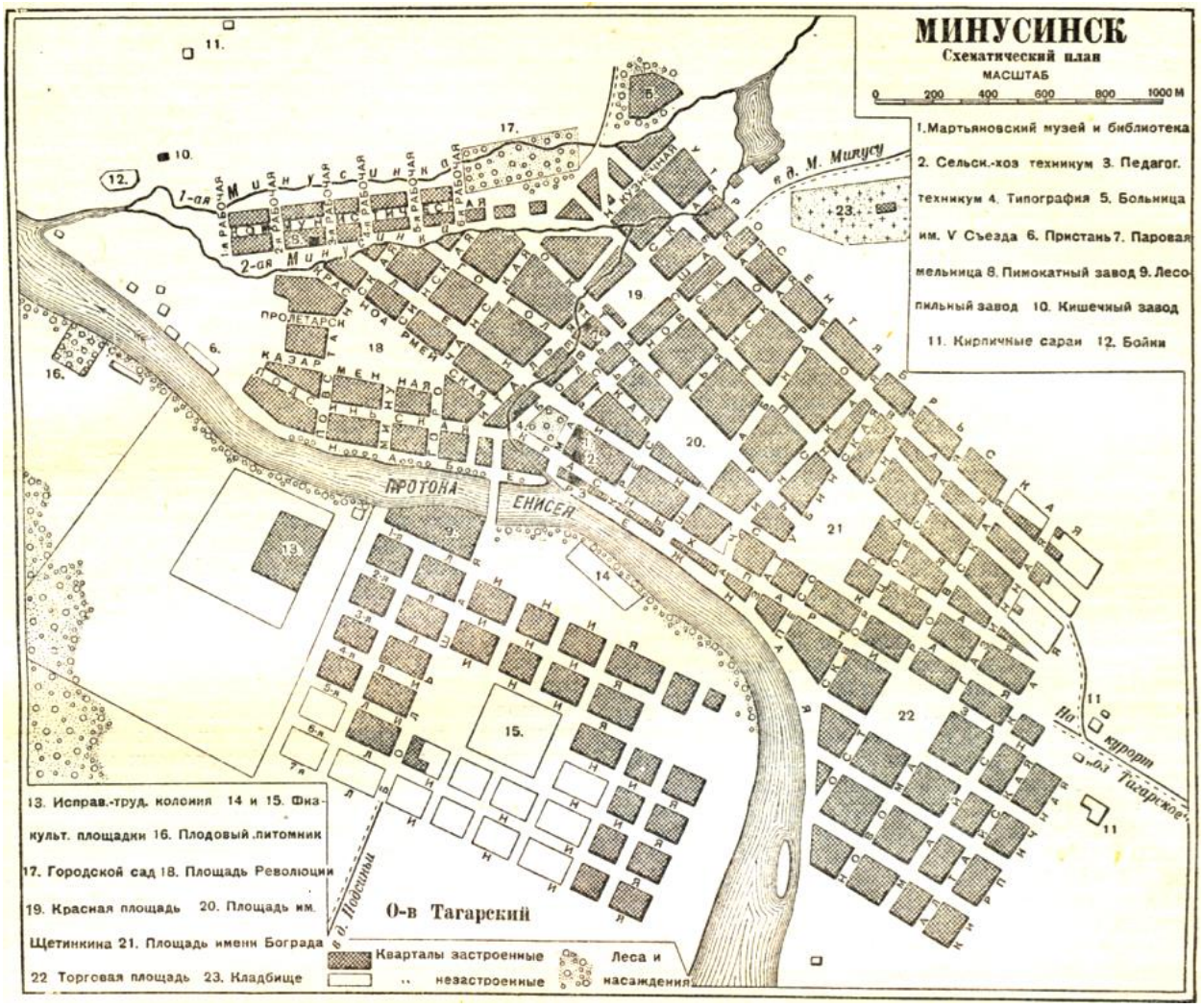
[266] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 115. Енисейский губернский исполнительный комитет. 1921 г., л. 19–28., л. 23.
[267] Там же. Л. 23 об.

Градостроительство рассматривалось как деятельность, направленная в первую очередь на удовлетворение нужд широких трудящихся масс и на культурное развитие, застройку окраин городов и селений.

В 1920 году после завершения военного противостояния одними из первых в Минусинске были проведены вновь работы по устройству сада на Советской площади (бывшей Соборной). Возможно, что тем самым предпринималась попытка хотя бы незначительно приблизить к воплощению и в провинциальном Минусинске будоражившую многие умы идею о прекрасном городе-саде. Во второй половине 1922 года по инициативе Енисейского губкоммунотдела были составлены планы территориального развития губернского Красноярска и уездных городов Ачинска, Канска и Минусинска. В январе 1923 года их отправили в Москву в Главное управление коммунального хозяйства. Вскоре пришло предписание с требованием сообщить: «на основании каких статистическо-экономических и технических данных произведена планировка новых участков городов»[268]. Для Минусинска ускоренные темпы составления плана объяснялись тем, что его проектные предложения основывались на ранее разработанных материалах, вошедших в комплект документов: «Плана города Минусинска с вновь проектированными на нём кварталами для застройки», который был утвержден специалистами Строительного отделения Енисейского губернского управления в октябре 1919 года[269]. На плане 1922 года в списке условных обозначений присутствовали: плодовый питомник, городской сад и другие зеленые насаждения, определившие на долгие годы садово-плодоводческую специфику развития Минусинска.

В Минусинском городском архиве сохранилось дело, объединившее весьма интересные для нашего исследования документы, характеризующие «развитие коллективного и индивидуального садоводства, овощеводства и озеленения города» на рубеже 1920-х – 1930-х годов[270]. В материалах рассматриваемого архивного дела содержится информация о подготовке мероприятий к проведению «Дня леса» в Минусинске, который стал своеобразным продолжением дореволюционных традиций, связанных с весенним праздником «древонасаждения».

[268] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 215. Инструкция и переписка о застройке земельных участков. 1923 г., л. 17.
[269] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 60. Д. 277. Протоколы Строительного отделения. 1911–1919 гг.
[270] Архив города Минусинска. Ф. 368. Оп. 1. Д. 17. Документы по развитию коллективного и индивидуального садоводства и овощеводства, и озеленению города Минусинска. 1928–1932 гг. 124 л.



Илл. 12. Минусинск. Схематический план. Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. М., 1932 г. С. 457–458

В 1928 году горсовет планировал организовать «день леса» – 6 мая, когда намечалось осуществить целый комплекс мероприятий по озеленению города силами учащихся сельскохозяйственного техникума, школьников и комсомольцев:

- произвести посадку шелюги на Тагарском острове – это кустарниковое растение, разновидность ивы, хорошо растущее на песчаных почвах, должно было предохранить протоку Енисея от заноса песком;
- огородить участок на Тагарском острове – «около моста на земле, предназначенной под городской сад»;
- произвести древонасаждения в городском сквере (в дальнейшем контролировать его состояние поручалось сотрудникам и учащимся сельскохозяйственного техникума);
- исправить изгородь вокруг деревьев бульвара на Набережной протоки Енисея, шефство над которым брали учащиеся одной из школ города;

- призвать жилищно-арендные товарищества и граждан города к посадке деревьев около своих домов;
- поместить в газете «Власть труда» статью разъяснительного характера о правильном древонасаждении.

В начале 1928 года Минусинский горсовет приступил к осуществлению мероприятий по развитию пригородного садоводства и огородничества, о чем сообщалось в обращении к сотрудникам окружного земельного управления и товариществу садоводов-огородников: «Развитие садоводства и огородничества не только в округе, но и в городе должно являться главной необходимостью в нашем хозяйстве. Горсовет считает необходимым этот вопрос как можно шире популяризировать среди населения, поэтому просит вас через своих специалистов повести компанию в печати о значении и развитии Садоводства и Огородничества, поручить им написать на эту тему несколько статей. Необходимо и целесообразно было бы вашим специалистам периодически делать доклады и лекции на эту тему в доме Крестьянина в дни, когда в нем бывает скопление крестьян»[271]. В течение года были выявлены участки земли вокруг города, которые планировалось передать под сады, определены условия их аренды.

15 сентября 1928 года вышло постановление Экономического совета (ЭКОСО) РСФСР «О мерах по развитию городского и пригородного огородничества», которое на государственном уровне закрепляло мероприятия, проводимые в Минусинске.

В целях реализации постановления органы власти Сибирского края предлагали на местах «немедленно наметить практические мероприятия и приступить к выполнению их с таким расчетом, чтобы уже с весны 1929 года возможно было осуществить развитие огородничества на городских и поселковых землях и на прилегающих к городам землях»[272]. При этом краевые власти указывали на то, что: «коммунальные органы должны ставить своей главной задачей не извлечение прибыли, а поощрение и развитие огородного хозяйства в целях общего благоустройства населенных мест путем превращения заброшенных и засоренных пустырей, городских окраин, свалочных мест, заболоченных площадей в культурные земельные участки»[273].

Результаты дальнейшей работы местных властей наглядно иллюстрирует выписка из протокола заседания президиума Минусинского окружного исполкома от 18 июля 1930

[271] Архив города Минусинска. Ф. 368. Оп. 1. Д. 17. Документы по развитию коллективного и индивидуального садоводства и овощеводства, и озеленению города Минусинска. 1928–1932 гг., 124 л., л. 34.
[272] Архив города Минусинска. Ф. 368. Оп. 1. Д. 17. Документы по развитию коллективного и индивидуального садоводства и овощеводства, и озеленению города Минусинска. 1928–1932 гг., 124 л., л. 48.
[273] Там же. Л. 48.

года, на котором рассматривался вопрос об отводе земель под огороды и сады, и было принято следующее постановление: «Предложить ОКРЗУ и Горсовету взять на особый учет земли города и пригородные государственные земли, пригодные под огородничество и садоводство. В целях поощрения быстрого роста пригородного огородничества и садоводства установить срок аренды земли под огороды до 12 лет и под садоводство до 24 лет. Установить арендную плату за один год с государственных организаций и производственных объединений 7 р. за га; с единоличников, в зависимости от мощности хозяйства арендатора, от 10 до 25 р. за га. Государственным и кооперативным организациям, а также трудовым арендаторам, берущим на себя обязательство по освоению под огороды и сады новых земель, в первые два года с момента заключения договоров предоставить скидку от 50 % до полного освобождения от арендной платы, в зависимости от мощности хозяйства арендатора. При этом в заключаемых договорах должен предусматриваться минимум агрокультурных мероприятий. Сдача огородных и садовых участков в аренду кулацким хозяйствам не допускается. В первую очередь земли под огороды и сады предоставляются кооперативно-производственным объединениям и государственным учреждениям. Единоличным бедняцко-середняцким хозяйствам допускается сдача земель под огороды и сады при условии сдачи в порядке контрактации товарной огородной продукции государственным кооперативным организациям, допуская при этом понижение арендной платы»[274].

2 сентября 1930 года вышло Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по развитию плодоовощного хозяйства РСФСР и усилении снабжения населения овощами и плодами», в котором указывалось на то, что в целях максимального обеспечения рабочего и трудового населения промышленных городов и пунктов РСФСР плодоовощами, необходимо: расширить площадь городских и пригородных огородных хозяйств; предусмотреть усиленное развитие крупных специальных огородных хозяйств в районах сплошной коллективизации; устроить парниковые и тепличные хозяйства; увеличить площадь под садами и ягодниками; предложить городским советам и земельным органам освободить огородно-садовые коллективы рабочих и служащих от арендной платы за арендуемые ими земельные участки в течение 2–3 лет после закладки огородов и садов; в целях максимального приближения огородов к городам и промышленным центрам и создания вокруг них огородно-садовых зон, отвечающих их потребностям, – создать вокруг крупных городов и промышленных центров гнезда садово-огородных колхозно-кооперативных хозяйств; для обеспечения плодово-ягодным посадочным материалов

[274] Там же. Л. 77.

расширить сеть питомников в совхозах и колхозах; преобразовать в 1930–1932 годах в специальные садово-огородные институты садово-огородные факультеты Тимирязевской академии и Кубанского института специальных и технических культур, своевременно обеспечив их постройками и оборудованием[275].

Рассмотренные архивные документы свидетельствуют об одном из коротких, но ярких этапов преобразования Минусинска, связанного с поиском новых социальных и экономических форм обустройства сибирского города в непростых условиях советской действительности довоенных лет.

К середине 1930-х годов высокий эмоциональный настрой директивных документов, касавшихся вопросов развития садоводства и озеленения, несколько поубавился, что отразилось на некотором «охлаждении» деятельности местных органов власти в сибирских городах. Например, в объяснительной записке к контрольным цифрам на 1936 год по зеленым насаждениям города Минусинска скромно указывалось, что: «В площадь зеленых насаждений общего пользования (17,81 га) входят – городской сад, два сквера и бульвар; расширение этой площади не предполагается»[276]. Идея города-сада была забыта в суровых реалиях жизни.

В первой половине XX века основными факторами развития Минусинска являлись благоприятные природно-климатические условия Южной Сибири, которые способствовали сохранению традиционной сельскохозяйственной ориентации производства. Поэтому в неожиданно возникшем после Октябрьской революции 1917 года новом процессе социальных преобразований минусинская земля дала плодотворную почву для попытки претворения в жизнь утопической идеи города-сада. В дальнейшем развитии Минусинска отразились тенденции, характерные в рассматриваемый период для социально-экономической деятельности в малых исторических городах страны в целом; они ориентировались на утилитаризм в градостроительстве, на потребности некоего усредненного человека, лишая тем самым города свойственной им прежде индивидуальной выразительности. Следует отметить, что в настоящее время в преобразованиях Минусинска прослеживаются принципы, которые были характерны для

[275] Архив города Минусинска. Ф. 368. Оп. 1. Д. 17. Документы по развитию коллективного и индивидуального садоводства и овощеводства, и озеленению города Минусинска. 1928–1932 гг., 124 л. л. 59–61.

[276] Архив города Минусинска. Ф. 368. Оп. 1. Д. 25. Характеристика состояния города Минусинска. 1934–1936 гг., 52 л. л. 50 об.

города дореволюционного периода, когда формировалась раскрытая в природное окружение композиция застройки. Архитектурно-историческое наследие Минусинска, реализация концепции экологического каркаса, а также природно-ландшафтные ресурсы района – всё это в комплексе может определить перспективные особенности развития города в качестве туристско-рекреационного центра южной части Енисейской Сибири. Осмысление и освоение архитектурно-градостроительных принципов прошлых эпох имеет сегодня особую актуальность при обеспечении устойчивого и динамического развития как новых, так и исторически сложившихся городов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ В XX СТОЛЕТИИ

ГЛАВА III.1.

ПЛАНИРОВОЧНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОГО КВАРТАЛА В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ» УРАЛА)

Индустриализация, развернувшаяся в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг., кардинально изменила облик страны. Строительство сотен промышленных предприятий обусловило и скачкообразный рост и реконструкцию старых городов, и формирование новых. Пространственная структура города претерпела существенную трансформацию и прошла этап модернизации, но сохранила неизменной традиционную планировочную единицу – городской квартал.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. внимание было сконцентрировано на проектировании промышленно-селитебных комплексов, как в рамках существовавшего ранее города, так и как самостоятельных образований, и именно здесь можно проследить характерную трансформацию подходов к решению квартала. В планировочной эволюции квартала в этот период можно выделить два этапа.

В 1928 – 1929 гг. проекты относительно небольших рабочих поселений (10 – 25 тыс. человек) еще сохраняли сложившиеся в середине 1920-х гг. принципы организации рабочего промышленного поселка. Примерами такого рода могут служить проекты поселений при уральских заводах-новостройках металлургической и машиностроительной отраслей – Уральском машиностроительном заводе (1928, ЛенГипромез[277]; 1928, Уралмашинострой[278], Магнитогорском металлургическом комбинате (1928, ЛенГипромез[279]; УралГипромез[280]; 1929, Госпроект, С.Е. Чернышев[281]), Нижне-

[277] Уральский машиностроительный завод в Свердловске. Проект. Издание Государственного института по проектированию новых металлозаводов. Л. 1928.
[278] Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928 – 1933. Свердловск-Москва, 1933. С. 119.
[279] Магнитогорский металлургический завод. Проект. Издание Государственного института по проектированию новых металлозаводов. Л., 1929.

Тагильском вагоностроительном заводе (1926, 1928, Ленгипромез[282]). Промышленное предприятие трактовалось как ядро, смысловой и композиционный центр рабочего поселения. Поселки непосредственно примыкали к заводской площадке, а в композиционном решении к предприятию лучами сходились основные планировочные оси. Планировочная структура и застройка квартала определялись законодательной базой середины 1920-х гг.[283] Жилые кварталы должны были занимать в балансе территории 50 – 70%, размер квартала не должен был превышать 2,5 га. Очертаниям квартала проектировщики должны были придавать, по возможности, максимально экономичную прямоугольную форму. Однако, в соответствии с рельефом и, главное, характером планировки поселения, естественным образом очерчивались разномасштабные кварталы, часто неправильных, усложненных форм. Застройка осуществлялась в основном по периметру квартала с разрывами, центральная часть отводилась под зеленые насаждения, детские и спортивные площадки, хозяйственные помещения и проч. Во всех проектах было предусмотрено два типа жилья – для семейного заселения, и общежития для холостых (характерное соотношение представляет, например, проект Уралмашиностроя для поселка Уралмаш (1928) – 70 и 30% соответственно). Проекты сохраняли доминанту индивидуально-семейного заселения, но в соответствии с Постановлением ЭКОСО 1927 г. в основном по типу коллективной застройки, рассматривающий весь квартал как слитную нераздельную «усадьбу». Кварталы зонировалась по этажности и строительному материалу. В центральной зоне поселения предполагались, как правило, каменные многоэтажные жилые дома, с относительно высокой плотностью заселения, средняя и периферийная зоны предполагали деревянные или облегченной конструкции дома в 1 – 2 этажа (4 – 8 квартирные) с плотностью заселения до 50 чел/га. Допускались и кварталы с индивидуальной застройкой, с разделением на отдельные участки с индивидуальным хозяйством. **(**Ил.1,2**)**

Начало второго этапа планировочной эволюции связано с принятием в 1929 г. первого пятилетнего плана. Представления об экономической, социальной, идеологической

---

[280] ГАСО. Ф. Р-225. Оп. 1. Ед. хр. 260. Востокгипромез. Материалы по проектированию ММК (1928 – 1930).

[281] ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 179 (1). Стенограмма Совещания при Московском Представительстве «Магнитостроя» по вопросам о проектировании рабочего поселка при Металлургическом комбинате 02.10.1929 г. Л. 5 – 8.

[282] Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. Проект. Издание Государственного института по проектированию новых металлозаводов. Л. 1927; Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. Проект. Издание Государственного института по проектированию новых металлозаводов. Л. 1929.

[283] «Правила распланирования и застройки городов». 1925; Постановление СТО СССР «Временные строительные правила и нормы для постройки жилых домов в поселках». 1926; Постановление ЭКОСО РСФСР «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР», 1927.

организации «города нового типа» – «пролетарского социалистического города» – оформились в ходе градостроительной дискуссии осени 1929 – зимы 1930 гг. Определяющими параметрами становятся «полное использование всего трудоспособного населения в производстве или коммунально-бытовом обслуживании», а также «максимально доступное в условиях переходного периода обобществление быта»[284]. Соответствующим образом изменялись принципы проектирования квартала, закрепленные в ряде нормативных документов[285]. В традиционное понятие квартала было внесено новое, «социалистическое», содержание – «комплекс жилых зданий, культурно-бытовых устройств, санитарно-гигиенического оборудования и зеленых насаждений, представляющих собой единую жилищно-бытовую организацию, расположенную на территории, не перерезаемой проездами общественного пользования»[286]. При этом декларировалось принципиальное отличие «социалистического» квартала от «капиталистического» («строительных участок, ограниченный проездами»). В Инструкции НККХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г. «О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г.»[287] было закреплено официальное понимание квартала: «жилой квартал является частью территории селитебного района, ограниченной со всех сторон магистральными улицами». Жилой квартал, таким образом, выступает элементом планировочной структуры, неразрывно связанным с объемлющим целым – районом, составной частью которого он является: «жилой квартал должен рассматриваться, как элемент населенного места, органически с ним связанный. Эта связь устанавливается с планировочно-технической стороны единой системы магистралей, соединяющих жилой район с остальными частями населенного пункта и единой системой сетевого обслуживания, низовые элементы которого должны быть предусмотрены в плане жилого комплекса». Таким образом, квартал нового, социалистического города получил двоякую составляющую – планировочную и социальную.

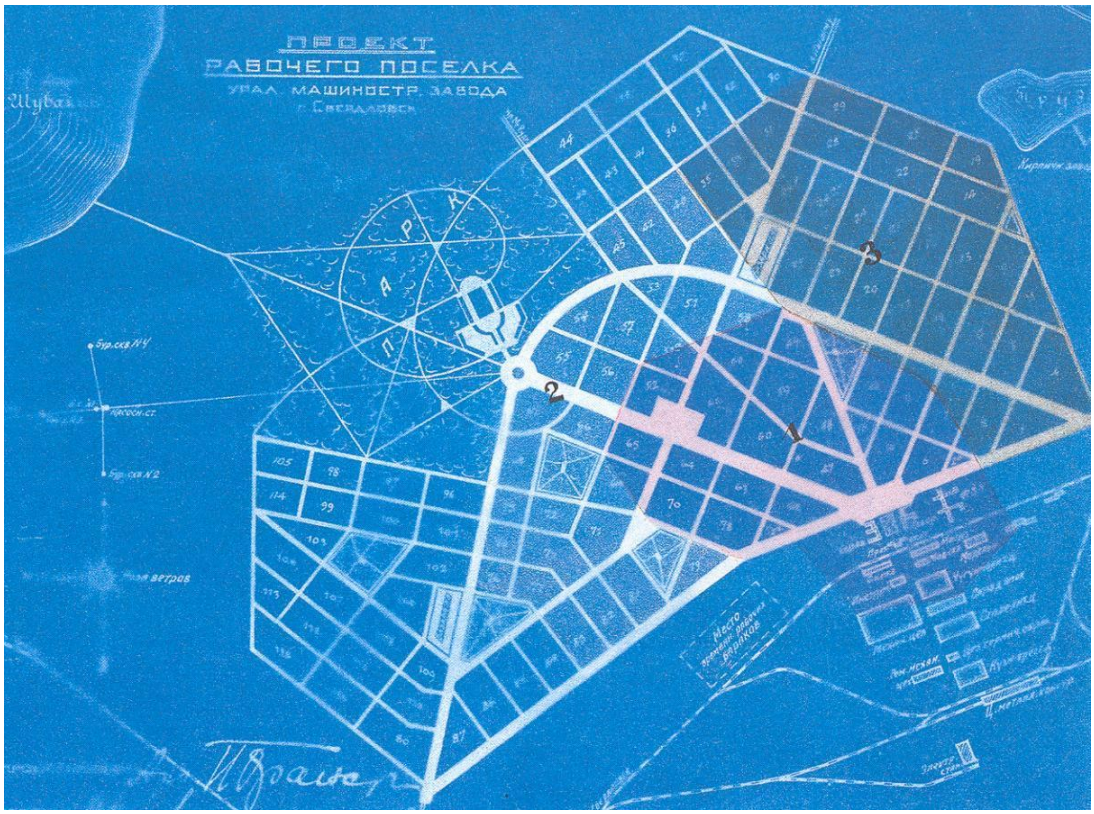
[284] Постановление Совнаркома РСФСР о строительстве Магнитогорского комбината и г. Магнитогорска от 11.11.1929 // Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929 – 1941 гг.). Сборник документов и материалов. Челябинск, 1965. С. 219.

[285] «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков». Инструкция НКВД от 28.05.1928; «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений». Постановление ЭКОСО от 12.01.1930; О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкции НККХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г.

[286] Кругляков Ю.Г. Реконструкция жилых кварталов. Л.-М., 1933. С. 21.

[287] О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкции НККХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г. // Наше строительство. 1933. № 13. С. 338 – 341.

Илл. 1. Генплан территории Вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле и поселка при нем. Проект. Ленгипромез. 1926. Источник: Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. Проект. Издание Государственного института по проектированию новых металлозаводов. Л. 1927. С.43.



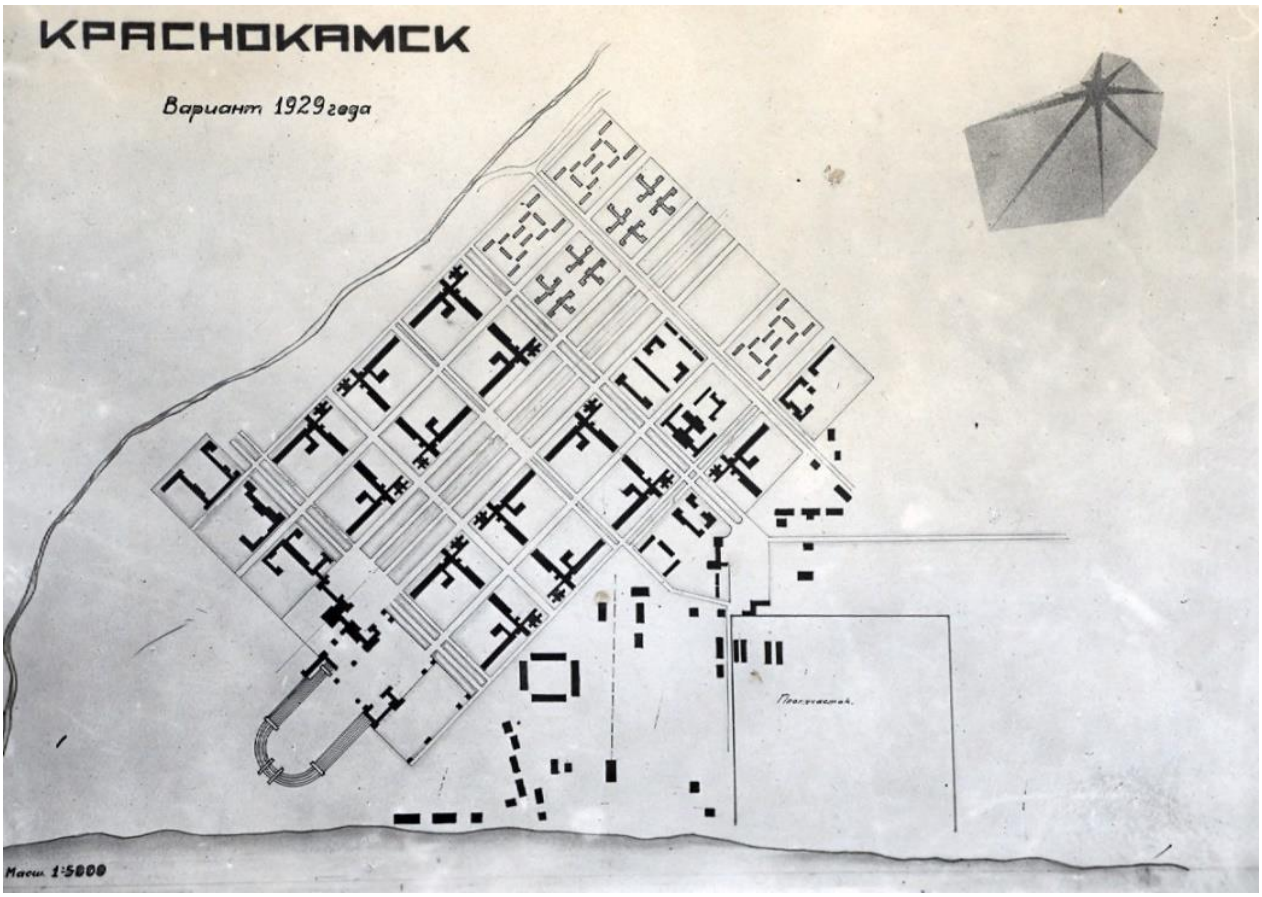
Илл. 2. Уральский машиностроительный завод. Генплан территории поселка. Проект. Технический отдел Уралмашиностроя, арх. П. Оранский. 1929. Источник: http://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2016-12-17/ploshhad_ehvoljucii_domapionery_socgoroda_uralmash

Понимание квартала как единого социального организма с обобществленной системой бытового и культурного обслуживания имело своим истоком концепцию жилкомбината конца 1920-х гг. Нормативные документы как, например, «Правила и нормы застройки населенных мест» 1930 г., непосредственно предписывали переходить от «индивидуальной квартиры и индивидуального хозяйства по обслуживанию семьи к обобществленному хозяйству – к домам-коммунам и к целым коммунальным кварталам». Типология жилой застройки начала 1930-х гг. предполагала как отдельные кварталы полностью обобществленного сектора (кварталы домов-коммун (жилкомбинатов)), так и проектирование «комбинированных» кварталов. В комбинированных кварталах планировались отдельные зоны для трех типов зданий (дома-коммуны, общежития, дома для «индивидуально-семейного» проживания); двух типов зданий (дома-коммуны и дома для «индивидуально-семейного» проживания или же общежития и дома для «индивидуально-семейного» проживания); целиком кварталы типовых «индивидуально-семейных» секционных домов (при условии наличия в проекте отдельных кварталов жилкомбинатов). При этом сохранялось соотношение между квартирными домами и обобществленным жилищем (общежития и дома-коммуны), исходя из государственных установок, 75 (80) и 25 (20) % соответственно. Характерная типология жилой застройки указана в «Программе для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Кузнецка и Магнитогорска», принятой СТО и Госпланом СССР 1 сентября 1930 г.[288] Программой предписывалось строительство трех типов жилых зданий: а) общежития для расселения одиноких (12% жилого фонда, 20% взрослого населения); б) дома-коммуны (13% жилого фонда, 13% населения), в) индивидуальные квартиры в многоквартирных домах (75% жилого фонда, 67% населения). **(**Ил.3,4**)**

Кварталы типовых жилкомбинатов были запроектированы в 1929/1930 гг. для соцгородов Харьковского тракторного завода (Новый Харьков) (проект 1929 г., строительство начато в 1930 г., рук. арх. П. Алешин), Челябинского тракторного завода (проект 1930 г., строительство 1930 – 1933, В.Е. Дубовской, А.В. Самойлов и А.К. Буров и др.), Нижегородского Автостроя (проект МВТУ, рук. А.Г. Мордвинов, 1929; доработка проекта 1931 – 1932, Стандартгорпроект, рук. А.Э. Зильберт, переработка проекта 1933 – 1934, Горстройпроект, рук. Д.С. Меерсон), Бакальского стальзавода (1931, Стандартгорпроект), шестого поселка Большого Запорожья (1930 – 1933, рук. В. Веснин, арх. С. Андреевский, Г. Орлов и др.) и др. Но даже в предусмотренном небольшом объеме, реализации дома-коммуны/жилкомбинаты почти не получили, тем более, в

[288] ГАРФ. Ф. А-314, оп. 1, д. 7667, л. 112 – 121.

рамках целостной квартальной застройки. Трансформацию идеи «обобществленного быта» в реальной практике строительства демонстрировали ведомственные жилые комплексы-кварталы многоэтажных секционных домов с сопутствующей системой коммунально-бытового обслуживания, чьи проекты создавались в региональных центрах в конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг. Подобные комплексы, характерные для застройки крупных городов, были представлены, например, на Урале, прежде всего, в Свердловске («Городок чекистов», 1929 – 1936, арх. И.П. Антонов, В.Д. Соколов, А.М. Тумбасов, А. К. Стельмащук; жилой комплекс Гостяжпромурала («Дом коммун»), 1930 – 1936, арх. Г.П. Валенков, Е.Н. Коротков; секция № 1).



Илл. 3. Проект поселка Бумстрой (Краснокамск) с кварталами типовых жилкомбинатов. 1929. Источник: фото из архива Краеведческого музея г. Краснокамска.

Не получив полноценного воплощения, идея жилкомбината, тем не менее, оказала решающее влияние значительное влияние на формирование идеи «социалистического» квартала со значительной ролью обобществленного обслуживающего сектора, рассчитанного на 100% охват жителей и пониманием квартала как единого социального организма. Так, Инструкция НККХ РСФСР 1933 г. предусматривала следующие элементы

сетевого общественного обслуживания в квартале: общественное питание, воспитание детей, коммунально-хозяйственное и культурно-просветительное обслуживание[289]. Она предписывала дифференцировать территорию квартала на следующие части: «а) собственно жилую, включающую основную группу жилых домов; б) социального воспитания, включающую детские сады и ясли; в) общественно-культурную, включающую здание клуба – примитива и низовую сеть физкультурных площадок и сооружений; г) коммунально-хозяйственную, включающую прачечную, котельную, складские помещения или сараи, места для временного хранения мусора и т.д.».

Илл. 4. Соцгород Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) с зонами жилкомбинатов и кварталами типовой строчной застройки. Проектная перспектива. 1930. Источник: ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 63. Фотоальбом «ЧТЗ».

Представляя «город в миниатюре», квартал во многом повторял и городскую структуру. В целом застройка, как и в предшествующий период, занимала около 20% территории, но в проектах закладывалась высокая плотность заселения квартала, вплоть до 300 – 350 чел/га. Достигалась она за счет многоэтажного жилья (в основном 3 – 5 этажей), ориентир на которое был установлен «Правилами и нормами застройки населенных мест…» 1930 г. Вводился также приоритет строчной застройки: «при проектировании и застройке новых кварталов рекомендуется, если это представляется по размерам и расположению застраиваемых площадей и другим местным условиям, возможным и целесообразным, применять ленточную систему застройки, с расположением продольных осей зданий перпендикулярно к главным проездам и с

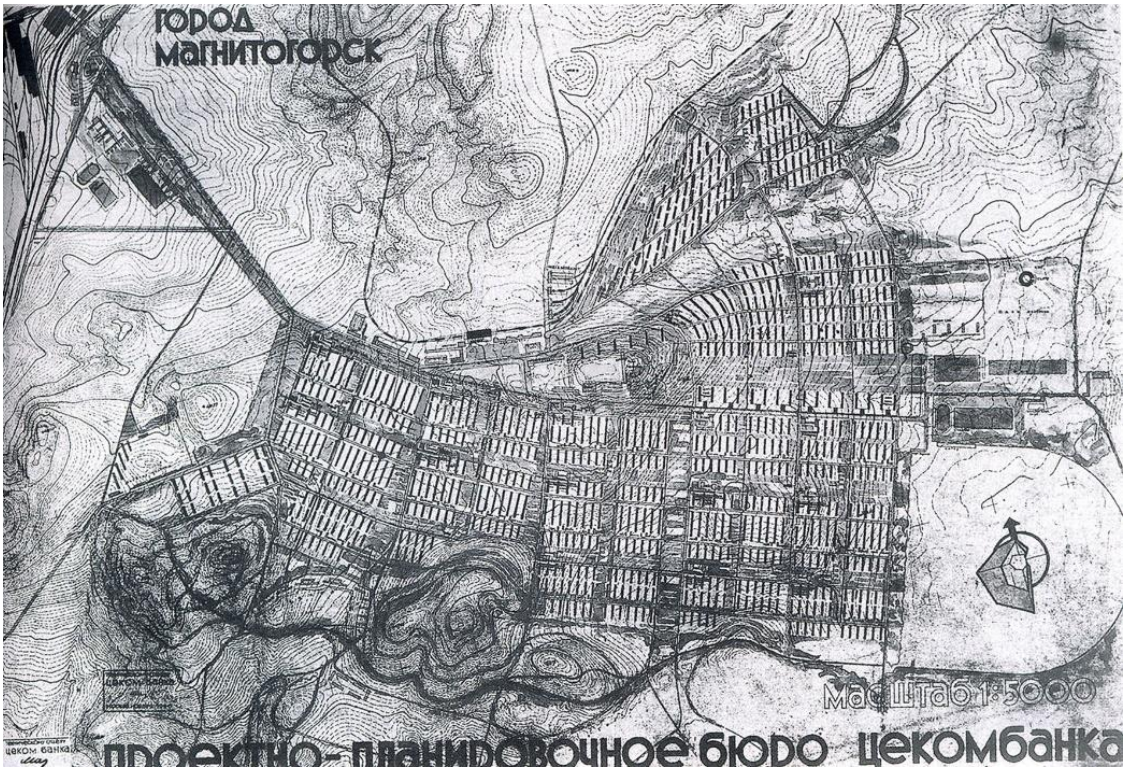
[289]О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкции НККХ РСФСР....

оставлением между зданиями свободных проходов и площадей зеленых насаждений»[290]. В 1930 – 1932 гг. строчная типовая секционная застройка становится характерным элементом застройки кварталов новых «соцгородов» (квартал соцгорода ЧТЗ, 1931 – 1933, А.К. Буров и др.; квартал № 1 левобережного Магнитогорска, 1930 – 1933; арх. С.Е. Чернышев, Э. Май, М. Стам и др.; квартал рабочего поселка Мотовилихинского завода (Пермь), 1930, С.Е. Чернышев).

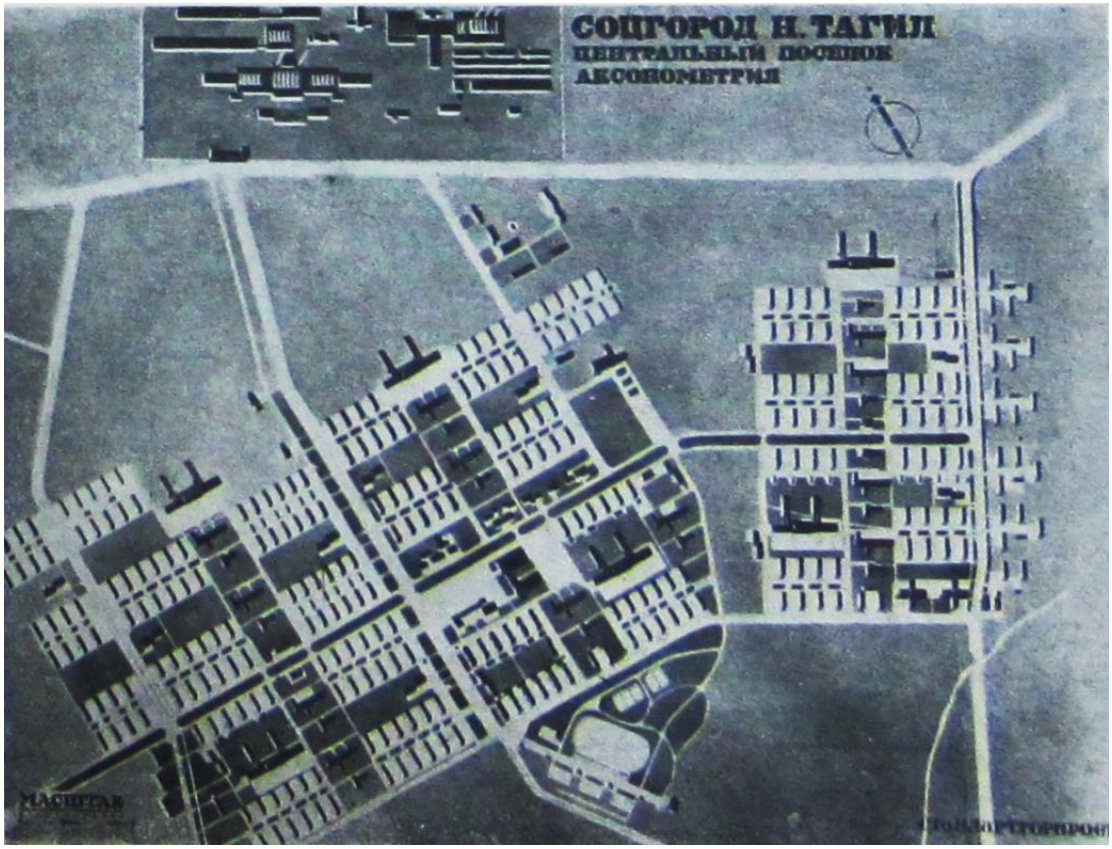
Значительное свободное пространство квартала предназначалось для вышеуказанных зон общественного культурно-бытового обслуживания, закрепленных Инструкцией НККХ РСФСР 1933 г. Так, в проекте соцгорода Бакальского стального завода (1931) из 10,87 га квартала площадь застройки занимала 18,2%, и включала жилой сектор (41,3%), детский сектор (37,6%), сектор бытового обслуживания (9,2%), физкультурный сектор (8%)[291]. Структура типового квартала, например, для Орска (1934) предполагала жилые дома (44,9%), общественные здания (37,1%), физкультурные площадки (8,8%), дороги и зеленые насаждения 1,570 га (9,2%). Площадь застройки при этом распределялась следующим образом: жилые дома – 13,5%, общественные здания – 6,5%[292]. Как и в целом город, кварталы функционально зонировались. Учитывая предполагаемый типовой характер кварталов, подобного рода зоны могли образовывать в городской застройке сквозные «полосы». Общим было создание наиболее экономичного графика движения по кварталу и минимальных радиусов использования учреждений сети обслуживания, а также оптимальное размещение детских зон исходя из санитарно-гигиенических требований.

В сравнении со второй половиной 1920-х гг., кварталы «социалистических городов» обрели внушительные размеры – до 20 га, и рассчитывались на значительное количество населения – 2500 – 5000 человек (так, например, для Бакальского стального завода – 3800[293], Орска – 5000[294] и др.), и могли достигать в проектах до 10 – 15 тысяч (Магнитогорск), при этом обязательно разделяясь на меньшие «жилкомплексы»[295]. **(**Ил. 5-8**)**

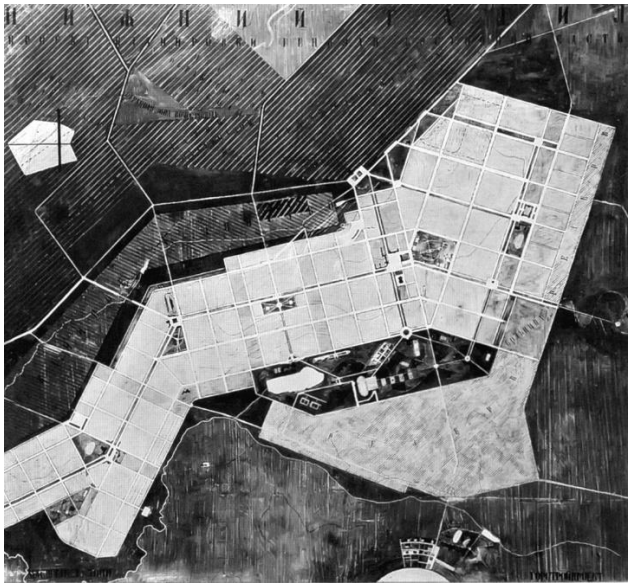
[290] Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление ЭКОСО от 12.01.1930. М.: Гостехиздат, 1930.
[291] ГАСО. Ф. 296, оп. 1, д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского стального завода. Л. 144.
[292] ГАРФ. Ф. А-314, оп. 1, ед. хр. 7768. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 56.
[293] ГАСО. Ф. 296, оп. 1, д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского стального завода. Л. 144.
[294] ГАРФ. Ф. А-314, оп. 1, ед. хр. 7768. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 56.
[295] ГАРФ. Ф. А-314, оп. 1, ед. хр. 7667. Пояснительная записка к генеральному плану застройки г. Магнитогорска. Стандартгорпроект. 15.03.1932. Л. 27; Л. 17 – 26. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска, л. 17.



Илл. 5. Магнитогорск. Проект планировки с городской структурой из типовых кварталов. 1930. Генплан. Проектно-планировочное бюро Цекомбанка. Арх. Э. Май, В. Швагеншайдт и др. Источник: Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева. Коллекция VII. Негатив 577.



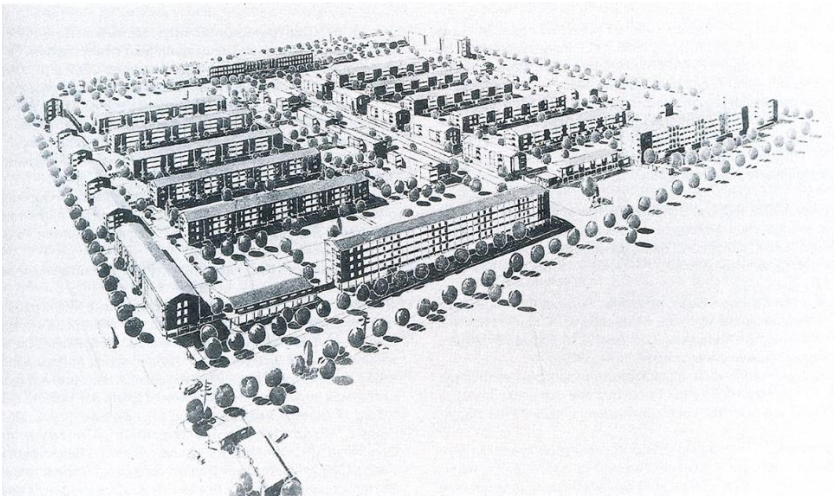
Илл. 6. Нижний Тагил. Проект планировки центрального поселка со структурой из типовых кварталов с типовой строчной застройкой и учреждениями соцкультбыта. Стандартгорпроект. Арх. А. Мостаков и др. 1932. Источник: Архитектура СССР. 1933. № 5. С.5.



Илл. 7. Нижний Тагил. Район Вагонстроя. Проект планировки с городской структурой из типовых кварталов. 1934. Арх. А.М. Мостаков и др. Источник: Смирнов Л. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008. С. 23.

Илл. 8. Орск. Проект планировки с городской структурой из типовых кварталов.. Генплан. 1935. Горстройпроект. Арх. Шмидт Х. и др. Источник: ОФ ГАОО. Ф. Р-33, оп. 1, д. 1а, л. 1.

Приведем один из примеров организации квартала. Проект квартала первой очереди (т.н. квартал № 8) для соцгорода Орска (1934) предполагал территорию 17 га и был рассчитан на 5 тыс. человек при норме жилплощади от 7,5 до 9 м^2. Капитальная кирпичная застройка 3-х и 5-ти этажей была предусмотрена двух типов: дома, рассчитанные на индивидуально-семейное заселение (80%, 4000 тыс. чел) и общежития (20 %, 1000 чел). Квартальный соцкультбыт предусматривал двое яслей (по 130 детей), два детских сада (на 90 и 140 детей), две школы: первой (480 детей) и второй-третьей ступеней (420 детей), «клуб-примитив», физкультбазу, две столовые, продовольственный и промтоварный магазины, прачечные, медпункт, парикмахерскую, почту и сберкассу[296]. Архитектор Х. Шмидт пояснял принципы планировочной организации квартала. Квартал подразделен на два жилкомплекса и имеет средний внутриквартальный проезд. У сквозной продольной магистрали города, в направлении мест работы и центра города, запланированы главный вход в квартал, общежития, и примыкающие к ним общественные учреждения – столовые и продмаги. Школьная зона расположена в верхней части квартала и отделена от ближайшей магистрали зеленой полосой. Детские учреждения размещены внутри квартала. Спортивные площадки – у школ и общежитий. Исходя из рельефа местности и трассировки магистралей, жилые дома запроектированы внутри квартала – длинными блоками с севера на юг, и перпендикулярно им – короткие, по краю квартала. Этим внутри квартала образуются площадки у домов и создаются барьеры господствующим ветрам. С учетом западных ветров входы в дома расположены с восточной, северной и южной сторон[297]. (Ил. 9)



Илл. 9. Орск. Проект квартала первой очереди. Горстройпроект. Арх. М. Стам, Х. Шмидт и др. Источник:

[296] ОФ ГАОО. Ф. Р-23, оп. 1, ед. хр. 15, л. 91 – 103. Плановые и проектные задания к проекту застройки первой очереди соцгорода Локомотивстроя (1934); Титульный перечень объектов строительства первой очереди по проектируемому кварталу (1934); Пояснительная записка к подсчету ориентировочной стоимости строительства зданий и сооружений квартала г. Орска.

[297] ГАРФ. Ф. А-314, оп. 1, ед. хр. 7768. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 55 – 55 об.

ОФ ГАОО. Ф. Р-33. оп. 1, д. 1а, л. 10.

В проектах подобные крупномасштабные типовые кварталы, опираясь на иерархизированный каркас магистралей и улиц, формировали регулярную планировочную сетку соцгорода. Строчная типовая застройка, в сопоставлении с игрой объемов общественных зданий, создавала характерный архитектурный облик. Согласно проектам конца 1920-х – начала 1930-х гг. удалось реализовать лишь некоторые кварталы, комбинировавшие жилые зоны и объекты социально-бытового и культурного обслуживания. В Магнитогорске это квартал № 1 левобережного соцгорода (1930 – 1933; С.Е. Чернышев, Э. Май, М. Стам, Ф. Форбат, Й. Нигеман, В. Шютте), ограниченного пр. Пушкина, ул. Маяковского, Чайковского, Кирова. В Челябинске квартал соцгорода ЧТЗ (1931 – 1933, А. Буров и др.), ограниченный пр. Ленина, ул. 40 лет Октября, I Пятилетки, Горького. В Орске квартал № 8 (1935; Х. Шмидт, Т. Вайнер, Ф. Тольцинер, К. Пюшель), ограниченный пр. Мира, пр. Ленина, ул. Станиславского, пер. Музыкальным. (Ил. 10-11)

Илл. 10. Челябинск. Панорама жилого квартала ЧТЗ. Фото 1933 г. Источник: ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 63. Фотоальбом «ЧТЗ».

Илл. 11. Магнитогорск. Панорама кварталов № 1 и № 2. Фото ориентировочно 1933 г. Источник: Фотоархив Магнитогорского краеведческого музея.

С началом второй пятилетки был запущен процесс трансформации градостроительных подходов и формирование новой концепции – города-ансамбля. В течение середины – второй половины 1930-х гг. происходила трансформация концепции квартала от социально-бытовой единицы к структурному элементу городской планировки и пониманию квартала как «архитектурно-пространственного комплекса в общей увязке его с архитектурой города и прилегающих улиц»[298]. Определились и новые требования к квартальной планировке – индивидуализированный облик кварталов и их решение как «замкнутого в себе архитектурного ансамбля со своим композиционным центром и вместе с тем входящего как часть в общегородской ансамбль»[299]. Поскольку квартал перестал быть приоритетно социальной единицей города, квартальная система обслуживания уже не рассматривалась как приоритетная задача. Был намечен путь «освобождения» от застройки обслуживающими учреждениями и размещение части из них их в жилых домах (ясли, детские сады, магазины, прачечные, мастерские и т.п.), а другой части – за пределами квартала (столовые, клубные учреждения) и, таким образом, превращение внутриквартального пространства в крупномасштабный озелененный сквер (площадь квартала 9 – 15 га) в «скорлупе» периметральной жилой застройки[300]. Это был уже новый этап в эволюции планировочного и архитектурного решения квартала, определивший его «лицо» вплоть до модернизации хрущевской эпохи и перехода к приоритету микрорайонного проектирования.

[298] Стамо Н.Л. Жилой квартал // Сборник научных трудов сектора жилых и общественных зданий Академии коммунального хозяйства при СНК РСФСР. М., 1935. С. 53.
[299] ОФ ГАОО. Р-23, оп. 1., ед.хр. 15, л. 3 – 10. Протокол № 21 заседания Сектора планировки НТС НКХ РСФСР о планировке г. Орска от 25.06.1934.
[300] Рубаненко Б.Р. Жилой квартал // Планировка и строительство городов. Материалы III Пленума правления Союза советских архитекторов СССР 7 – 11.07.1938. С. 22 – 29.

ГЛАВА III.2.

ГОРОД-КУРОРТ ПИЦУНДА - УНИКАЛЬНЫЙ ПРИМЕР МОДЕРНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ 1950-х – 1960-х ГОДАХ[301]

Черноморский курорт Пицунда со времен создания и вплоть до нашего времени известен и запоминается, прежде всего, своими башнями пансионатов, редко расположенными на самом краю берега живописного Пицундского мыса (илл. 1).

Илл. 1. Курорт Пицунда, панорама побережья. М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов и др.; инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев и др.; художник З.К. Церетели – руководитель художественно-декоративного оформления. 1962-1967.
Фото автора (2012 г.)

«Проект курорта Пицунда разработан авторским коллективом. В него вошли архитекторы: М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов; инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев; художник З.К. Церетели – руководитель художественно-декоративного оформления»[302] – это цитата из книги М.В. Посохина «Архитектура курорта Пицунда» 1974 года, и в остальных

[301] Данный текст впервые был опубликован в журнале «Современная архитектура мира», выпуск 19(2)/2022
[302] М.В. Посохина 1974 года. Посохин, М. В. Архитектура курорта Пицунда [Текст] / М. В. Посохин. – М. : Стройиздат, 1974. – С. 8.

публикациях представлен именно такой авторский коллектив, здесь и далее он будет обозначен, как «основной». Однако в текстах при описании конкретных зданий и различных художественных форм упоминаются и другие авторы, в случае архитекторов – с формулировкой «при участии». В связи с этим для объективности есть все основания расширить авторский коллектив до более-менее фактического состава, перечислив всех упомянутых авторов – архитекторов, художников и инженеров. Итак, генеральный план (илл. 2), благоустройство и большую часть зданий курорта и нового города в целом разработал с 1958 по 1967 годы[303] широкий авторский коллектив[304], под руководством М.В. Посохина, архитекторы: А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов, З.Е. Дырмонт[305], Б.И. Тхор, И.А. Покровский, А.С. Маркова[306], С.Е. Егоров, А.В. Моисеев, В.И. Романова[307], Л.Н. Лавренев, Ю.Н. Семенов, В.А. Щелкановцева, К.Н. Калелейкина[308], В.А. Васильев[309], М.В. Першин[310] и др. Инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев, Т.В. Бильжо[311], В.Д. Жаринов, В.Е. Сно[312], Ф.Н. Беркман, С.Л. Гомберг, Л.Г. Кронфельд, М.А. Малахов, С.Г. Перепелицкий, А.М. Певзнер, А.П. Ромадин, Е.М. Тепман и др[313]. Руководитель художественно-декоративного оформления З.К. Церетели, художники и скульпторы: М. Бердзенишвили, К. Игнатов, О. Кочакидзе, А. Славинский, И. Чикваизде[314], А. Ратиани, В. Кокиашвили, Э. Машукели, Г. Аджиашвили, А. Горгадзе[315],

---

[303] По воспоминаниям С.Н. Хрущева первые эскизы были сделаны М.В. Посохиным между 1957 и 1958 годами; а также существует документ «Курорт Пицунда. Сметно-финансовый расчет к проектному заданию. 1959 год», обнаруженный автором в архиве директора Объединения пансионатов курорта «Пицунда». То есть имеется в виду задумка самого курорта на уровне концепции, проектирование и строительство основной части города, условно обозначенной в этой статье «первой очередью», однако есть некоторые исключения в виде ряда объектов, которые проектировались или строились после 1967 года (такие как административный корпус), но большая часть из них были намечены в генплане между 1960-1967 годами. Эти даты взяты из книги М.В. Посохина 1974 года (см. сноску выше, С. 8-9): «Советское правительство в 1962 г. приняло постановление о строительстве на Пицунде крупного курортного комплекса […] После всестороннего обсуждения архитектурно-планировочных вариантов размещения зданий курорта в феврале 1962 г. было утверждено проектное задание. По этому проекту на берегу моря, между пляжем и рощей, должны были быть построены семь гостиниц-пансионатов и сооружения, обслуживающие отдыхающих». Источники:
1) Хрущев, С. Н. Никита Хрущев. Реформатор [Текст] / С. Н. Хрущев. – М. : Время, 2010. – 1077 с.
2) Курорт Пицунда : сметно-финансовый расчет к проектному заданию : институт Моспроект, мастерская №9 : Москва 1959 г. [Текст] // Из архива директора Объединения пансионатов курорта «Пицунда».

[304] Здесь перечислен максимально полный список авторов, собранный на основе текстов из книги М.В. Посохина 1974 года. Посохин, М. В. Архитектура курорта Пицунда [Текст] / М. В. Посохин. – М. : Стройиздат, 1974. – 207 с.

[305] Там же – С. 35.

[306] Там же – С. 36.

[307] Там же – С. 33.

[308] Там же – С. 34.

[309] Там же – С. 34.

[310] Там же – С. 33.

[311] Там же – С. 33.

[312] Там же – С. 34.

[313] Там же – С. 187.

[314] Там же – С. 130.

Г. Очиаури, Г. Каладзе, А. Мчедлишвили, В. Орбеладзе, В. Ониани[316] и др. Курорт открыл свои двери для первых отдыхающих уже в 1967 году[317].

Илл. 2. Генеральный план Пицунды. 1962-1967. Источник: Пекарева, Н. А. М. В. Посохин : народный архитектор СССР [Текст] : [Книга-альбом] / Н. А. Пекарева. – М. : Советский художник, 1985. – С. 102.

Будучи хорошо заметными в панораме бухты, упомянутые башни являют собой «открыточные виды» курорта, которые были опубликованы во многих книгах об архитектуре в советское и постсоветское время, и по праву считаются «визитной карточкой» всего города. Безусловно ансамбль этих зданий и каждая башня по отдельности заслуживают такого почетного «титула» и внимания, однако многие другие

[315] Там же – С. 131.
[316] Там же – С. 132.
[317] Там же – С. 9.

постройки самого курорта и остального города Пицунда остаются малоизвестными и по большому счету плохо изученными с точки зрения архитектуроведения, в то время как они безусловно являются наиболее яркими и уникальными зданиями в архитектурном плане как в рамках города, так и гораздо шире – в рамках отечественной и мировой архитектуры новейшего времени – и в общей градообразующей структуре играют на самом деле первостепенную роль, по крайней мере, не меньшую, нежели известные башни, что показывают неоднократные натурные исследования города автором данной главы.

Ансамбль семи башен (основной авторский коллектив при участии архитекторов С.Ф. Егорова, А.В. Моисеева, В.И. Романова, инженера Т.В. Бильжо, 1962-1967) сам по себе завораживает своими высотами, которые устремляются ввысь за множеством мачт пицундской сосны, как будто обгоняют их и «парят» своими белоснежными объемами над всей реликтовой рощей. Однако же функциональная подоплека общего композиционного замысла здесь ясна и прозрачна, наверное, любому архитектору. И сам по себе этот композиционный прием в своем глубоко функциональном подходе имеет оттенок, казалось бы, чисто модернистского рассуждения, широко распространённого в мире на тот момент времени. Однако «налет» модернизма, уходящего в то время с мировой архитектурной сцены, остается только в архитектурном облике самих башен, остальные же здания города более разнообразны и, как правило, более прогрессивны в архитектурных решениях. Более глубокий анализ всех деталей и в целом многосложного градообразующего ансамбля курорта дает возможность понять всю сущностную глубину задуманного, заключающуюся в многослойности смыслового выражения. Что в конечном итоге покажет сохраняющуюся актуальность и современность архитектуры курорта и градостроительного замысла в целом. В этом начинании нужно обратиться к рассмотрению практически всех без исключения построек курорта и всего города в целом, датируемых в промежутке от 1958-го и до середины 1970-х годов.

Архитектурный облик города настолько глубоко продуман, что единство и «легкость» ясных образов и переплетение нарративов, прежде всего основанных на «духе места», в конечном итоге определили вектор устойчивого самосохранения гармоничной пространственной среды Пицунды, которая имеет высокую степень оригинальной сохранности вплоть до наших дней. Само по себе это достаточно редкое явление на постсоветском пространстве говорит о многом, но прежде всего о высоте архитектурно-художественного замысла, который в общем и целом принят местным сообществом и является культурным достоянием и народной гордостью. На что указывает достаточно

бережное отношение к ансамблю курорта и прочим городским территориям, в том числе при ведении тех или иных необходимых текущих ремонтных работ (во всяком случае так было вплоть до 2016 года), при этом современная архитектура города (1960-х – 1970-х годов) не имеет никакого охранного статуса (насколько известно автору этого текста), а как раз она и формирует уникальную курортную городскую «ткань». И в этом случае слово «современная» поставить в кавычки не поднимается рука, так как, с одной стороны, это уже определенный сложившийся ценный исторический слой, а с другой стороны, данный язык архитектуры по-прежнему вполне современен, и тем самым еще более ценен и интересен для изучения и подражания в своих принципиальных основах, которые сейчас в современной практике в случае частичного проектного и практического применения трактуются, как «новейшие» и «инновационные», что не соответствует реальности, так как это зачастую изобретения рубежа 1950-х – 1960-х годов и отчасти начала 1970-х.

Архитектура Пицунды представляет собой ту общую целостность, которая свойственна историческим городам, развивающимся столетиями, однако Пицунда в своей современной части, являющейся реальной композиционно-смысловой основой, была создана менее чем за два десятилетия, и органично включила в себя все архитектурные памятники всех исторические эпох, руинированные и реконструированные, подобно «всё вмещающему сосуду». Эта отличительная черта той, новой советской архитектуры, которая в ряде относительно редких случаев, но тем и инновационных, вмещала и органично «впитывала» в свое единое «тело» весь исторический материал, объединяя наследие различных эпох новым единым средовым «полем». В Пицунде это проявляется на всех пространственных уровнях, исток которого кроется в первичном концептуальном генеральном плане. Пицунда является одним из первых и полностью реализованных примеров новой отечественной архитектуры и градостроительства на рубеже 1950-х – 1960-х годов. В беспрецедентной архитектурной целостности Пицунды выражены все новые образные темы, которые определили облик того времени, той эпохи. Образы «открытости», «структуры» и «правды» прослеживаются в художественном переосмыслении модернистской основы формального формообразования начала XX века, которая досталась по наследству от русского и советского авангарда, конструктивизма, рационализма и супрематизма. Следующая триада образов «космической эры», «наступившего будущего», «старого и нового» в целом пропитана поэтикой интернационального стиля и общемирового модернизма 1920-х – 1950-х годов. И

последний смысловой слой являют образы «естественности», «природы» и «универсума»[318].

Исходя из того, что архитектура на каждом историческом этапе являет собой или отражает понимание модели мироздания – а, безусловно, подразумеваются уникальные и лучшие произведения той или иной эпохи – с этой точки зрения авторы-создатели Пицунды крайне приблизились в образном плане и к интерпретации современной универсальной картины мира, в данном случае с точки зрения фундаментальной науки, которая в то время прочно вошла в общественное сознание и стала новым рупором позднего послевоенного позитивизма, романтизма и натурализма. Создатели Пицунды принимали в структуру генерального плана, в новую архитектурную среду на всех пространственных уровнях, во-первых, естественную девственную природу – реликтовую сосновую рощу и в целом широкую панораму долины реки Бзыбь с участком горного хребта –, во-вторых, оригинальную историческую «ткань», и, в-третьих, искусные симулякры памятников истории. Анализ городской ткани и генплана приводит к мысли о том, что авторы подспудно трактовали естественную природу, как доисторическую и практически «вневременную» данность, но тем не менее в конечном смысле, как глубоко временное явление в масштабе существования планеты, а руинированные и реконструированные памятники архитектуры, а также многочисленные новые компоненты предметно-пространственной среды, составленной из искусных симулякров истории – их общую стройную многосложную компиляцию – и как демонстрацию самого течения времени в виде предъявления «обрывков» исторического в одном месте, то есть в одной композиционной структуре, и в одно время, точнее говоря, одновременно. И тем самым создатели города – архитекторы и художники – по существу ввели в параметры архитектурной среды наравне с тремя пространственными координатами третью – временную, и соединили их в общую «пространственно-временную ткань». В этом выражается многослойная смысловая конструкция триады образов с совершенно новой трактовкой: образ «естественности» – в предъявлении природы, образ «природы» – в мимикрии архитектуры с природой, прежде всего за счет рефлексии отражающих

[318] По данной теме см.:
1) Михейкин, Д.И. Образ «универсума» в архитектуре СССР конца 1950-х – 1960-х годов [Текст] / Д. И. Михейкин // Современная архитектура мира : выпуск 13 (2.2019) / Гл. ред., сост. Н.А. Коновалова. – М. : СПб. : Нестор-История, 2019. – С. 69-94.
2) Михейкин, Д. И. Новая концепция архитектуры СССР 1960-х гг. [Текст] / Д. И. Михейкин // Наука, образование и экспериментальное проектирование : труды МАРХИ : материалы Международной научно-практической конференции, 7-11 апреля 2014 г. : сборник статей / Московский архитектурный ин-т (Гос. акад.). – М. : МАРХИ, 2014. – С. 103-108.

материалов и колористики (см. курзал Пицунды)[319], и «универсума» – образа пространственно-временного континуума, как конечной квинтэссенции всех упомянутых образных тем.

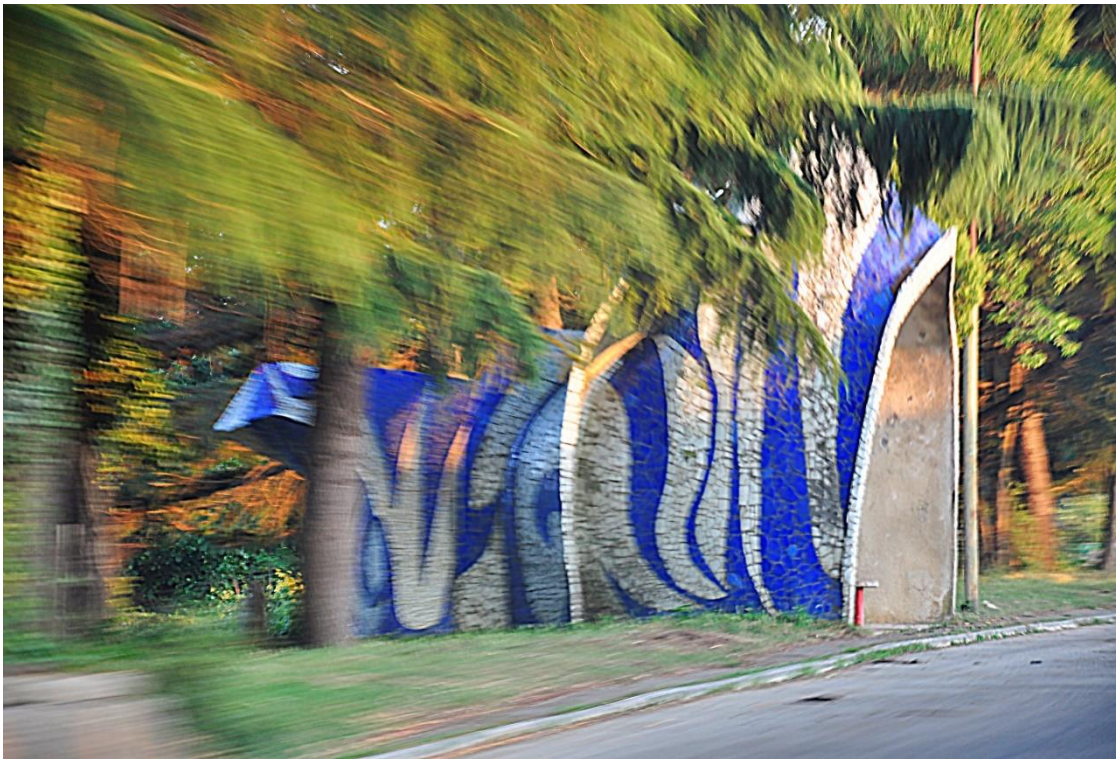
Итак, рассмотрим город в логике его пространственного раскрытия при условном первом посещении и путешествии по его частям через центр, которое предполагает само устройство курорта.

В Пицунду ведет одна дорога – Пицундское шоссе, которое является ответвлением Сухумского шоссе, соединяющего города Республики Абхазия вдоль всего Черноморского побережья: из России – от Гагры до Сухума и далее. Данное обстоятельство важно с точки зрения архитектурного облика всего региона, который формируется, прежде всего, за счет архитектурной общности малых форм – в основном автобусных остановок и постов ГАИ, что можно наблюдать на всем протяжении трассы в Сухум и ее ответвлений, например, на дороге, ведущей к высокогорному озеру Рица. То же относится и к Пицундскому шоссе, где по мере движения по населенным пунктам в сторону Пицунды раскрывается целый ансамбль автобусных остановок, большая часть которых выполнена З.К. Церетели, а также другими авторами (атрибуция затруднена). Остановки авторства З.К. Церетели (1960-е годы) хорошо известны и заметно отличимы от прочих за счет своих абстрактных и полуабстрактных зооморфных черт, а также яркой колористической гаммы глазурованной керамики, которая покрывает все поверхности сложных криволинейных объемов (илл. 3, 4). Из этого яркого ряда выделяется одна примечательная крупная остановка (авторы не установлены, 1960-е) (илл. 5), которая выполнена как будто бы в композиционном контрасте с остальными, так как отличается сложной конструкцией, подлежащей конструктивному расчету, и творческим методом, характерным именно для архитектора, тогда как остановки З.К. Церетели всё-таки больше походят на крупные скульптуры или симбиоз скульптуры и архитектуры. Остановка представляет собой внушительное кольцо солнцезащитной конструкции, несущая часть которой выполнена из металла, с опорой на V-образные стойки, а сложная пространственная складка, «парящая» в воздухе, из железобетона на основе повторяющегося рисунка из трапеций. Также присутствует большое мозаичное панно на полукруглой в плане стенке.

[319] По данной теме см.: Михейкин, Д.И. Свойства стекла в координатах модернистской эстетики: дематериализация архитектурного пространства. Из отечественного опыта конца 1950 – 1960- годов // Художественные миры XXI века : Пути интеграции архитектуры и арт-практик : Коллективная монография / Автор-составитель и отв. ред. Т.Г. Малинина. – М. : БуксМАрт, 2020. – С. 326-341.

Начало городской черты образует строчная застройка, расположенная под углом к шоссе, переходящему в улицу Агрба, и состоящая из малоэтажных панельных многоквартирных жилых домов из сборного железобетона, утопающих в зелени. Такая утилитарная застройка крайне характерна для того времени, однако расстановка домов в шахматном порядке оживляет общую композицию селитьбы и создает «текучую» незамкнутую городскую среду. А по левую сторону раскрываются живописные руины крепостных стен античного города Питиунт (или «Великий Питиунт»).

Илл. 3. Автобусная остановка «А» (условно). Автор: З.К. Церетели. 1960-е годы. Фото автора (2012 г.).



Илл. 4. Автобусная остановка «Б» (условно). Автор: З.К. Церетели. 1960-е годы. Фото автора (2012 г.).

Илл. 5. Автобусная остановка «V» (условно). Авторы не установлены. 1960-е годы. Фото автора (2012 г.).

Далее по улице слева по ходу движения располагается просторная территория школы и стадион, напротив скромное здание городской администрации в небольшом естественном сквере, и далее зрителя встречает реконструированная угловая башня

крепостной стены Патриаршего собора X – XI веков[320], который в свою очередь величественно возвышается над средневековыми стенами XV-XVI веков[321] и по существу является «сердцем» всего города. Здесь надо подчеркнуть, что именно генеральное планирование города конца 1950-х – начала 1960-х годов позволило древнему храму и крепости стать архитектурной доминантой по сути нового социалистического города, потому как до грандиозного строительства начала 1960-х годов Пицунда была небольшой деревней, поселением, а в самом храме была проведена научная реставрация. Иными словами, генеральный план Пицунды мог теоретически иметь совершенно иной вид, однако осуществленный план видится достаточно убедительным и композиционно выверенным, что очередной раз подчеркивает уникальность данного произведения советского градостроительного искусства.

Образность города на всех пространственных уровнях, вложенная в саму структуру генплана, который на равных с новым включает в себя и руины античного Питиунта, и средневековый Пицундский храм с крепостью, обращена к смысловой связке «старого и нового»: их взаимодействию, взаимовлиянию и взаимопроникновению. Вообще говоря, тема сочетания «старого и нового» является одной из основополагающих для новой архитектуры и нового градостроительства второй половины 1950-х – 1960-х годов[322], и пример Пицунды является одним из первых и ярчайших в этом ряду.

Первая образная пара «старого и нового» встречает зрителя на въезде в город – это древний Питиунт и новая селитьба, вторая – Пицундский храм со средневековой крепостью и крайне необычная реконструкция угловой башни с приспособлением под выставочный зал, датируемая ориентировочно 1974-1975 годами («проектная организация «Грузсоветкурорт», 1975 – по воспоминаниям В.Ч. Джонуа[323], главного инженера курорта Пицунда) (илл. 6). Далее, объезжая крепость по улице Гицба, можно видеть, как в панораме города раскрывается объём противоположной башни старинной крепости, также с крайне неординарной реконструкцией, в которой расположено кафе «Абаата» (около 1974-1976, «проектное бюро организации «Грузкурортторг», 1976 год – по

[320] Сакания, С. М. Христианские храмы средневековой Абхазии. Гагрский район [Электронный ресурс] / С. М. Сакания, Г. В. Требелева // Гуманитарные научные исследования : электронный научно-образовательный журнал. – 2017. – № 7. – Режим доступа: http://human.snauka.ru/2017/07/24230 (дата обращения: 25.09.2020).
[321] Там же
[322] Михейкин, Д. И. Новый город СССР 1960-х гг.: концепция города-сада, старое и новое [Текст] / Д. И. Михейкин // Наука, образование и экспериментальное проектирование : труды МАРХИ : материалы международной научно-практической конференции, 4-8 апреля 2016 г. : сборник статей / [ред. совет: Д. О. Швидковский (председатель) и др.]. – М. : МАРХИ, 2016. – С. 364-367.
[323] В.Ч. Джонуа – с 1966 года директор комбината подсобных предприятий треста «Пицундастрой»; с 1969 г. – главный инженер СУ-5 Треста «Пицундастрой»; с 1972 г. – зам. директора по эксплуатации и строительству Объединения пансионатов курорта «Пицунда». Источник: Джонуа, В. Ч. Воспоминания длиной в 50 лет [Текст] / В. Ч. Джонуа. – Сухум : РУП «Дом печати», 2017. – на обороте обложки.

воспоминаниям В.Ч. Джонуа) (илл. 7). Перед тем, как подробно рассмотреть реконструкцию самой крепостной стены и прилегающей к Патриаршему собору территории музея под открытым небом, необходимо отметить, что затронутая городская среда и составляющие ее объекты данной части города более поздние – первой половины 1970-х годов, судя по отображению существующих зданий на генплане 1974 года[324] (илл. 8) и по ориентировочным датировкам проводимых реконструкций исторических памятников архитектуры, которые, впрочем, проходили с определенными вольностями. Эти «вольные» допуски при реконструкции, возможно несколько противоречащие Венецианской хартии, в свою очередь, только усилили и развили диалог «старого и нового» в городе. То есть над этой частью работали, судя по имеющимся предварительным данным, другие команды и творческие союзы

Илл. 6. Экспозиционный зал (ныне музей) в башне средневековой крепости. Проектная организация «Грузсоветкурорт» (?). Декоративные решетки на окнах: художник С. Цвижба. Около 1975 г. Фото автора (2016 г.).

[324] Генеральный план курорта Пицунда масштаб 1:2000 (разработан в соответствии с постановлением ЦККП Грузии, Совета министров Грузинской ССР и Президиума ВЦСПС от 31 мая 1974 г. №305 О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству курорта) [Изоматериал] // Из архива директора Объединения пансионатов курорта «Пицунда».

Илл. 7. Кафе «Абаата» в башне средневековой крепости. Проектное бюро организации «Грузкурортторг» (?). Около 1974-1975 г. Фото автора (2016 г.).

архитекторов и художников[325], нежели над основной частью города с конца 1950-х по 1967 год. Однако складывается такое впечатление, что условную «вторую очередь» застройки города выполнили те же авторы из коллектива М.В. Посохина. При этом осуществлялись ли контакты, патронаж или некое консультирование с командой М.В. Посохина остается пока неисследованным вопросом. Но в любом случае первоначальный замысел авторского коллектива под руководством М.В. Посохина настолько повлиял на них, что они продолжили и развили общую концепцию в конце 1960-х (?) – первой половине 1970-х годов по крайней мере в следующих объектах: реконструкция территории вокруг Пицундского собора, а также башен крепостных стен (выставочный зал и кафе «Абаата»), возможно здание ресторана «Золотое руно» (до 1974) (илл. 9), Дом культуры[326] (до 1974) (илл. 16), а также «комбинат бытового обслуживания» (до 1974)[327] на ул. Тополёвая (частично реконструирован в гостиницу между 2012 и 2016 годами).

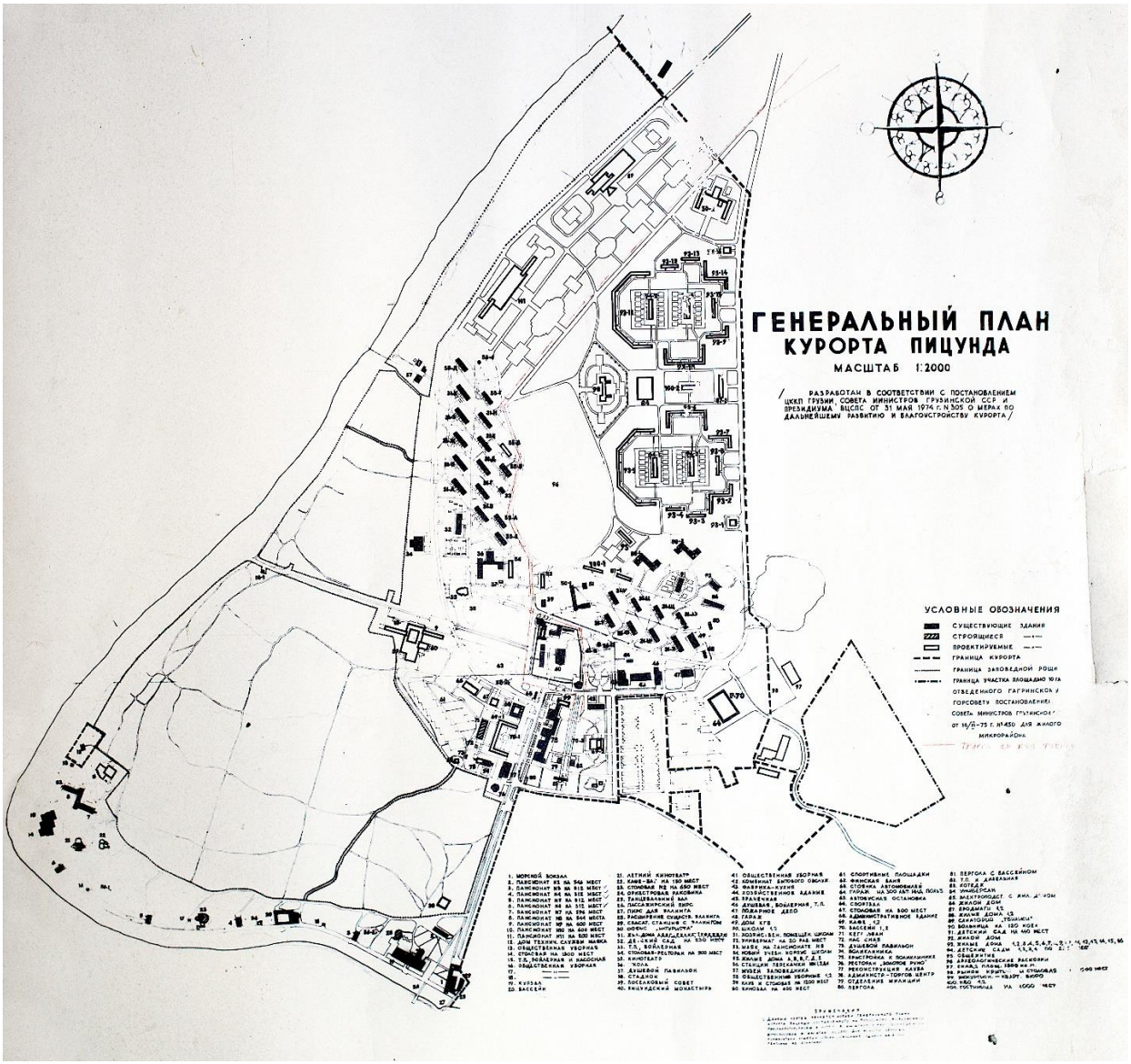
[325] Определение авторов и точных дат проектирования и строительства неатрибуцированных построек всех выше и нижеупомянутых зданий и малых архитектурных форм города Пицунда и его окрестностей требует отдельных дальнейших исследований.

[326] На генеральном плане Пицунды 1974 года обозначен как «Реконструкция клуба». Источник: Генеральный план курорта Пицунда масштаб 1:2000 (разработан в соответствии с постановлением ЦККП Грузии, Совета министров Грузинской ССР и Президиума ВЦСПС от 31 мая 1974 г. №305 О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству курорта) [Изоматериал] // Из архива директора Объединения пансионатов курорта «Пицунда».

[327] Датировки объектов выполнены на основе сравнительного анализа и данных генплана Пицунды первой половины 1960-х годов (Пекарева, Н. А. М. В. Посохин : народный архитектор СССР [Текст] : [Книга-альбом] / Н. А. Пекарева. – М. : Советский художник, 1985. – С. 102.) и генплана 1974 года (см. предыдущую сноску).

Ведь фактически все эти здания встречают гостей города первыми, и прекрасно гармонируют и вписаны в общий ансамбль условной «первой очереди», более того, это одни из лучших произведений архитектуры не только в рамках Пицунды, а шире, по крайней мере, в рамках высших достижений отечественной архитектуры в контексте мировой архитектуры того и последующего времени.

Вернемся к территории музея-заповедника вокруг Пицундского храма, и начнем с реконструированной крепости. Жителей и гостей города каждый раз встречает выставочный зал, который расположился в реконструированной угловой башне средневековой крепости. Реконструкция проведена так, что первоначальный объем оваловидной в плане башни по некой причине (по-видимому из-за нехватки высоты реконструируемой башни для нужд нового здания) был надстроен примерно на полтора-два метра вверх ровно таким же объемом, который практически в точности повторяет очертания плана башни, но с некоторым отступом внутрь. Однако новая форма решена в крайне минималисткой манере, которая проявляется на контрасте с исторической фактурой стен из неотесанных камней. Новая часть выполнена так, что при беглом взгляде не сразу заметна, что обусловлено по-видимому сознательной дематериализацией и визуальным «растворением» новой формы по отношению к исторической. В итоге складывается такое впечатление, что старый объем башни вдруг таким образом «растянули» вверх. Новый



Илл. 8. Генеральный план курорта Пицунда масштаб 1:2000 (разработан в соответствии с постановлением ЦККП Грузии, Совета министров Грузинской ССР и Президиума ВЦСПС от 31 мая 1974 г. №305 О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству курорта) [Изоматериал] // Из архива директора Объединения пансионатов курорта «Пицунда».

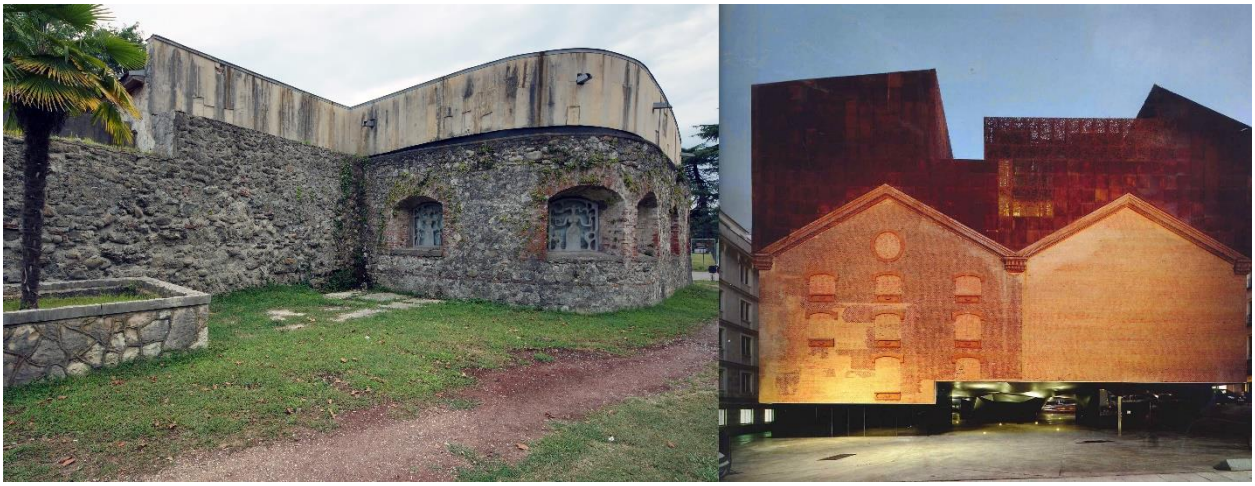
верхний объем, отделанный светлыми гладкими плитами из известняка, в целом по-модернистски простой и абсолютно ровный, отделяется от нижнего узкой подсечкой, выполненной в черном цвете. Естественно черный цвет здесь выбран не случайно. Во-первых, создается впечатление «парения» нового объема над «старым», историческим. Во-вторых, черный шов обозначает «стык пространств и времен» и объединяет два несвойственных друг другу артефактов в единое целое, отождествляясь с неким едва заметным «разломом пространства-времени». Однако наличие крупных окон в башне, выложенных из красного кирпича наводит на мысль, что реконструкция башни имеет крайне вольный и фантазийный характер в этой части. При этом декоративные решетки на

окнах на тему эпоса Нартов выполнены художником С. Цвижба[328]. В этой формотворческой фантазии на тему «средневековой» архитектуры проявляется влияние той линии артефактов «истории», на самом деле скульптур-симулякров начала 1960-х годов, которыми изобилует вся территория пансионата. Данные произведения монументального искусства в общем и не скрывают дату своего происхождения, и по существу являются современной скульптурой по крайней мере для своего времени. Автор данной статьи знаком с версией, что и сами зубцы стен на главных воротах крепости также не являются гарантированно оригинальной реконструкцией, а были выполнены предположительно по соображению аналогии с некоторыми образцами схожих крепостей из соседней Грузии, однако такие возможные допуски кажутся несущественными по сравнению с устройством больших окон в обеих боевых башнях, в одной из которых также располагается кафе «Абаата». Но при всей вольности трактовки исторического материала, данная условная «реконструкция» угловой башни сравнима по методике проектирования с новейшим примером в современной мировой архитектуре, реконструкции здания для CaixaForum 2001-2008 годов архитекторов Жака Херцога и Пьера де Мерона в Мадриде, где формотворческий прием «механического наращивания» аутентичного объема исторического здания по высоте полностью идентичен выставочному залу в Пицунде около 1975 года[329] (Илл. 10).

Илл. 9. Здание ресторана «Золотое руно». Авторы не установлены. До 1974 года. Фото автора (2016 г.).

[328] Джонуа, В. Ч. Воспоминания длиной в 50 лет [Текст] / В. Ч. Джонуа. – Сухум : РУП «Дом печати», 2017. – С. 86-87.

[329] Михейкин, Д.И. Свойства стекла в координатах модернистской эстетики: дематериализация архитектурного пространства. Из отечественного опыта конца 1950 – 1960- годов // Художественные миры XXI века : Пути интеграции архитектуры и арт-практик : Коллективная монография / Автор-составитель и отв. ред. Т.Г. Малинина. – М. : БуксМАрт, 2020. – С. 339-340.



Илл. 10. Сравнение фасадов экспозиционного зала в башне средневековой крепости (реконструкция около 1975 г., фото автора, 2016 г.) и CaixaForum в Мадриде (2001-2008), реконструкция исторического здания), архитекторы Жак Херцог и Пьер де Мерон (фото с официального сайта Herzog & de Meuron).

Необходимо подчеркнуть, что центральная улица Гицба, делая зигзаг вдоль изгиба крепостной стены, становится на ось симметрии центральных ворот крепости. Таким образом, центральная часть Пицунды композиционно развивается вокруг собора и крепости. И здесь открывается третья образная пара «старого и нового»: собор с крепостью и центр города, а также собор с крепостью и прибрежная курортная часть города, так как их связывает по прямой та самая кипарисовая аллея и ее продолжение в озеленении центральной части (ныне ул. Гицба).

Обратимся к территории внутри соборной крепости, которая имеет черты модернизации конца 1960-х (?) – первой половины 1970-х годов. Реставрационные работы и реконструкция исторической зоны с многочисленными артефактами и памятниками истории и архитектуры производились после 1967 года, на что указывают ряд публикаций об археологических исследованиях в Пицунде разных лет[330], а также некоторые другие косвенные факторы, например, дата размещения большого органа в Пицундском храме после его реставрации – в 1975 году[331], что совпадает с датировками В.Ч. Джонуа по реконструкциям и приспособлению крепостных башен. С привнесением органа главный

[330] Бжания, Д. С. Археологические работы Абхазского института [Текст] / Д. С. Бжания, Г. К. Шамба // Кавказ: история, культура, традиции, языки : По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум / Академия наук Абхазии ; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа ; [ред. коллегия: В. Ш. Авидзба – отв. ред. и др.]. – Сухум. : ГПП «Дом печати», 2014. – С. 176.

[331] Pipe organ of Pitsunda [электронный ресурс] : [официальный сайт Государственного концертного зала Пицундского храма]. – Режим доступа: https://pitsundaorgan.webs.com/organ (дата обращения: 12.09.2022).

собор стал концертным залом классической музыки, преобразившись в «храм искусств», что совершенно в духе позитивизма той эпохи. В некотором смысле преданное служение музыке заменило тогда богослужения в соборе, фактически возродив его глубокую культурно-нравственную составляющую. В Пицунде в итоге сложилась очень сильная органная школа в рамках Абхазской государственной филармонии после 1990-х годов в тесной связи с Московской консерваторией на протяжении всего периода существования концертного зала; классические концерты и музыкальные фестивали виртуозов и вокалистов мирового уровня проходят каждый сезон на регулярной основе, что в свою очередь косвенно повлияло на высокую сохранность историко-культурного и архитектурного наследия города после распада СССР. Вся прилегающая территория с середины 1970-х окончательно стала культурным центром и музеем архитектуры и истории под открытым небом, благодаря проведенному искусному благоустройству (Илл. 11). Территорию решили достаточно просто и элегантно в духе своего времени: выявленные памятники просматриваются посреди общего поля с газоном, а направления движения посетителей замостили крупными разноразмерными каменными блоками естественной обработки. Подобные мощения были применены ранее при благоустройстве в центральной части города, а также на прибрежной территории пансионата.

Илл. 11. Благоустройство территории конца 1960-х (?) – первой половины 1970-х годов внутри крепости Пицундского храма (около X века). Фото автора (2016 г.).

Переместимся по ходу движения в самый центр города к противоположной крепостной башне, где расположено кафе «Абаата» (около 1974-1976), архитектура которого не менее оригинальна и в первоначальных формотворческих основах вторит реконструированной башне с выставочным залом, подробно рассмотренной выше. В этой башне также устроены оконные проемы, как и в противоположной, что опять же говорит о крайне вольной трактовке при реконструкции сторожевой башни. По существу, объект представляет собой не реконструкцию в полном смысле этого понятия, а некий собирательный образ «средневековья», отражающий «дух места»; однако по имеющимся косвенным данным контуры обеих башен крепости исторически верные[332]. Внешние пространственные решения здания вытекают из сложносмысловой логики построения внутреннего пространства, которое разворачивается вокруг круглого искусственного водоема. Кровля башни выступает далеко за пределы ее периметра, и достаточно крупные деревянные ребра наклонены к центру башни, образуя округлое отверстие над водоемом, которое в плане повторяет его очертания. Кровлю образуют балки из дерева, которые на самом деле представляют собой металлоконструкции, обшитые деревянной доской, что, естественно, диаметрально противоположно модернисткой логике правдивости и открытости несущей конструкции. Крыша как будто бы вывернута наизнанку, и в философском плане, и с точки зрения формотворческого метода, так как здания представляет собой по существу образ традиционного древнего жилища, характерного и для абхазского народа, с очагом посередине. Однако стихия огня в условном «очаге» заменена на противоположную – стихию воды, а характерный пирамидальный силуэт кровли представлен ровно наоборот с геометрической точки зрения, а именно вывернут внутрь объема. К образу древнего жилища отсылают крупные несущие балки, которые подчеркнуты в композиции и за счет оваловидного периметра плана башни имеют относительно хаотичный композиционный строй, присущий быстро собранному шалашу. Такая интеллектуальная игра с формой и смыслами, с образом «места» явно указывает на смену направленности развития советской архитектуры того времени – от модернизма к глубокой контекстуальности архитектуры, присущей течениям постмодернизма.

[332] Башни изображены в контурах крепостной стены на наиболее раннем из опубликованных генплане Пицунды из книги Н. А. Пекаревой 1985 года, а также на генеральном плане Пицунды от 1974 года. Источники:
1) Пекарева, Н. А. М. В. Посохин : народный архитектор СССР [Текст] : [Книга-альбом] / Н. А. Пекарева. – М. : Советский художник, 1985. – С. 102.
2) Генеральный план курорта Пицунда масштаб 1:2000 (разработан в соответствии с постановлением ЦККП Грузии, Совета министров Грузинской ССР и Президиума ВЦСПС от 31 мая 1974 г. №305 О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству курорта) [Изоматериал] // Из архива директора Объединения пансионатов курорта «Пицунда».

Вернемся к центральным воротам крепости вокруг собора, откуда открывается перспектива на центральную часть города. Еще раз подчеркнем данное обстоятельство: композиционным ядром города является его раннесредневековый исторический центр, который стал в первой половине 1970-х годов культурным кластером: с музеем, концертным залом классической музыки, археологическим музеем под открытым небом, выставочным залом в башне. Слева по ходу центральной улицы Гицба располагается административно-торговый центр (илл. 12, 13), который включает в себя различные магазины, аптеку и прочее. Напротив располагается административное здание дирекции курорта (около 1974 года) (илл. 14, 15). Далее через небольшой сквер за ним следует здание Дома культуры (до 1974 года) (илл. 16). А у самого начала кипарисовой аллеи, ведущей к берегу моря и пансионатам, расположилось здание ресторана «Золотое руно» (до 1974 года) (илл. 9).

Илл. 12. Административно-торговый центр. Архитекторы: М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мндоянц, В.В. Свирский, Ю.В. Попов, инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев, при участии архитекторов: Б.И. Тхор, И.А. Покровский, А.С. Маркова, инженер В.Е. Сно, скульптор А. Ратиани. 1962-1967. Фото автора (2016 г.).

Илл. 13. Внутренний дворик административно-торгового центра. Архитекторы: М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мндоянц, В.В. Свирский, Ю.В. Попов, инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев, при участии архитекторов: Б.И. Тхор, И.А. Покровский, А.С. Маркова, инженер В.Е. Сно, скульптор А. Ратиани. 1962-1967. Фото автора (2012 г.).

Илл. 14. Здание администрации курорта. М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов; инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев; художник З.К. Церетели – руководитель художественно-декоративного оформления, при участии архитектора К.Н. Калелейкиной. Автор контррельефа не установлен. Около 1974 года. Фото автора (2016 г.).

Илл. 15. Холл здания администрации курорта с видом на внутренний дворик. М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов; инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев; художник З.К. Церетели – руководитель художественно-декоративного оформления, при участии архитектора К.Н. Калелейкиной. Около 1974 года. Фото автора (2016 г.).

Идд. 16. Дома культуры. Архитекторы не установлены. До 1974 года. Фото автора (2016 г.).

Административно-торговый центр является первым зданием центральной части и построен к 1967 году (архитекторы: М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мндоянц, В.В. Свирский, Ю.В. Попов, инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев, при участии архитекторов: Б.И. Тхор, И.А. Покровский, А.С. Маркова, инженер В.Е. Сно, скульптор А. Ратиани, 1962-1967). Авторы проекта спроектировали здание в духе своего времени, применив принцип относительно «свободного» плана. Прозрачное одноэтажное здание в плане пронизывают внутренние дворики, ориентированные на центральную улицу. Ризалиты из стекла под единой плоскостью уличного навеса от солнца открывают и растворяют внутреннее пространство во внешнем и наоборот. Текучая среда перетекает из открытых участков пешеходной улицы-площади в интимные озелененные дворики (Илл. 13), где по-видимому сохранилось оригинальное благоустройство достаточно хаотичными дорожками из плит натурального камня, которые своей свободной геометрией в плане вкупе с озеленением являют собой образ «естественности» 1960-х годов. Четыре стеклянных ризалита примыкают к более высокому основному объему здания с глухой стеной сверху и «перфорированным» участком стены почти в уровень сплошного остекления выступающих в плане призм, который представляет собой сборные железобетонные блоки с характерной трапециевидной геометрией окон в каждом изделии. Данные блоки положены зеркально друг к другу по высоте, что еще больше обогащает пластику стены, ассоциирующуюся с рустом в классической архитектуре и далее с более грубой кладкой стен в средневековье. То есть имеет место отдаленно ассоциативная композиционная перекличка с соседствующей крепостной стеной пицундского храма. Данные блоки применены по крайней мере еще в двух зданиях города: крыле курзала пансионата, а также на главном фасаде здания «душевой и бойлерной» (1960-е, название согласно генплану 1974 года) (илл. 17), расположенном на улице Тополёвая между зданием прачечной (1960-е) и пожарным депо (1960-е)[333]. Эти железобетонные блоки с трапециевидными окнами с оригинальной формой и пропорциями могут по праву считаться одной из «визитных карточек» архитектурного облика города.

В здании размещались магазины, почта, АТС, кафе, рабочие комнаты курортного управления и аптека; интерьер последней сохранился практически в оригинальном виде (по состоянию на 2016 год). Со стороны крепостных ворот на основном глухом объеме

[333] Датировка зданий «душевой и бойлерной», прачечной и пожарного депо выполнена на основе генплана 1960-х годов, представленного в книге Н. А. Пекаревой 1985 года, где данные здания графически объединены с основными зданиями пансионата и остального города условной первой очереди строительства. Сравнительный анализ генпланов из различных публикаций о Пицунде показал, что данный генплан самый ранний из опубликованных (имеющихся в распоряжении автора), на что указывает более ранняя планировка центра и геометрия планов зданий. Пекарева, Н. А. М. В. Посохин : народный архитектор СССР [Текст] : [Книга-альбом] / Н. А. Пекарева. – М. : Советский художник, 1985. – С. 102.

«на стене, облицованной экларским камнем, высечен барельеф, символизирующий плодородие (скульптор А. Ратиани)»[334].

Илл. 17. «Душевая и бойлерная» (название согласно генплану 1974 года). М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов и др. 1960-е. Фото автора (2012 г.).

Четырехэтажное здание администрации курорта (основной авторский коллектив, при участии архитектора К.Н. Калелейкиной, около 1974 года)[335] (илл. 14) своими фасадами несколько отличается от административно-торгового центра, напоминая внешне образ ранних вилл Ле Корбюзье, однако по своей структуре здание имеет композиционную связь с П-образными двориками административно-торгового центра, так как имеет атриум с садом и подобным благоустройством (илл. 15), который просматривается и пространственно раскрывается сразу же при входе в общий вестибюль 1 этажа, что по всей видимости не является случайностью. Дело в том, что на генплане

[334] Посохин, М. В. Архитектура курорта Пицунда [Текст] / М. В. Посохин. – М. : Стройиздат, 1974. – С. 131.
[335] Датировка здания выполнена на основе сравнительного анализа и данных опубликованных генпланов Пицунды 1960-х годов из ряда книг, а также генплана 1974 года (см. предыдущие сноски), а также в книге М.В. Посохина 1974 года о данном «административном корпусе» указано, как планирующемся к постройке: «напротив торгового комплекса, на пересечении Пицундского шоссе и кипарисовой аллеи предусмотрено строительство нового административного корпуса […] В разработке проекта участвовала архитектор К.Н. Калелейкина». Отсюда предположим, что К.Н. Калелейкина является одним из основных авторов, так как указанный авторский коллектив является основным для всего курорта в целом. Источник: Посохин, М. В. Архитектура курорта Пицунда [Текст] / М. В. Посохин. – М. : Стройиздат, 1974. – С. 36.

первой половины 1960-х годов[336] на этом месте предусматривалось здание с тремя выступающими объемами в сторону центральной улицы, образующими две ниши в плане, обращенными наружу, что композиционно походило на административно-торговый центр. И по-видимому общие композиционные приемы, заложенные в известный первоначальный генплан, таким образом проявились в архитектуре этого здания, причем в наилучшем виде, что значительно разнообразило застройку центра. В том числе и поэтому все здания в этой части города не похожи друг на друга и имеют крайне оригинальную архитектуру. Решающее значение в облике здания администрации играет монументальный контррельеф[337]. Абрис рельефа вписан в прямоугольник, что вторит простому силуэту всего здания и композиционно стабилизирует главный фасад. Сложный контррельеф отвечает небольшим декоративным включениям и рельефам на тематики народных кавказских эпосов на фасадах административно-торгового центра. В синтезе искусств всецело проявляется образ «старое и новое», присущий всей городской «ткани» Пицунды.

Архитектура Дома культуры (авторы не установлены, до 1974 года) (илл. 16) носит крайне минималистский характер. Главный фасад здания представляет собой совершенно глухую плоскую стену, отделанную плитами из светлого известняка с единственным выступающим объемом второго входа, который так же обращен глухой стеной к улице. Здание имеет черный цоколь, выполненный из натурального камня. Два едва заметных пилона по краям здания решают углы главного и боковых фасадов, которые сформированы композицией строгих проемов с балконом и навесом с массивными глухими парапетами. К входу в здание на главном фасаде ведет пешеходная дорожка из наборных каменных квадратных плит серого цвета, что продолжает общую тему благоустройства курорта. Главный вход ориентирован на основное движение зрителя со стороны крепостных ворот по направлению к пансионатам на берегу.

В целом все здания города – отдельно стоящие, они как будто бы свободно расставлены посреди благоухающей субтропической зелени. Каждое здание с уникальной архитектурой ассоциируется с некой «круглой» современной скульптурой, редко расположенными в парке естественного устройства, которую можно обойти вокруг.

---

[336] Пекарева, Н. А. М. В. Посохин : народный архитектор СССР [Текст] : [Книга-альбом] / Н. А. Пекарева. – М. : Советский художник, 1985. – С. 102.

[337] Скульптора и название работы автору данной статьи пока установить не удалось. В книге М.В. Посохина 1974 года на этот счет указано только следующее: «на фасаде, выходящем на кипарисовую аллею, предусматривается декоративное панно». Источник: Посохин, М. В. Архитектура курорта Пицунда [Текст] / М. В. Посохин. – М. : Стройиздат, 1974. – С. 36.

Примечательная архитектура ресторана «Золотое руно» (авторы не установлены, до 1974 года) (илл. 9) продолжает образную тематику переклички «старого и нового», представляя собой транскрипцию на тему того же древнего традиционного дома, характерного для народов Кавказа. Массивные железобетонные балки, четко разделяющие несущую конструкцию от ограждающей – «кожу и кости» здания –, создают устойчивую ассоциацию со сборным каркасом кочевого жилища с очагом посередине, для которого устраивается отверстие наверху. Подобное отверстие и его образная трактовка присутствует и на завершении общего объема здания. Наверху парит наклонная прямоугольная плоскость, которая декоративно оформлена металлическими пластинами с рельефными узорами традиционного характера. Внутри ресторана имеется внушительный камин, а пол сформирован из огромных каменных блоков, которые выходят за пределы здания в окружающее благоустройство. Рядом со зданием имеется искусственный водоем с фонтанами, и одна из вышеупомянутых наклонных опор начинается прямо из воды.

Архитектура ресторана «Золотое руно» уникальна в своем формообразовании, которое не вписывается в рамки модернизма, и своей контекстуальностью, некоторой сдержанной мимикрией под «старинный» быт и устройство дома носит явный постмодернистский характер. Благодаря новому формообразованию созданная внутри и вокруг этого здания архитектурная среда и атмосфера с особой «аурой» и «духом места» может быть названа проявлением архитектуры постмодернизма. Безусловно, и беспрецедентные архитектурные решения кафе «Абаата», и выставочного зала в крепостной башне продолжают и развивают ту же образную линию, причем каждый из этих трех объектов совершенно по-своему.

Далее, входим на обширную территорию пансионата и по центральной кипарисовой аллее попадаем прямо на берег моря. Аллея пронзает реликтовую сосновую рощу, которая отделяет центральную часть города от пансионатов, и приводит на центральную площадь между курзалом (основной авторский коллектив при участии архитекторов Ю.Н. Семенова, В.А. Щелкановцевой, К.Н. Калелейкиной, инженера В.Е. Сно) (илл. 18) и морским вокзалом. Поодаль пространство площади формирует пластина корпуса «Апсны», поставленная вглубь территории, чтобы не заслонять общую панораму, так как это единственный высотный корпус, который широкой стороной расположен параллельно береговой линии.

Морской вокзал (архитектор Л.Н. Лавренев, инженер В.Д. Жаринов, 1962-1967) представляет собой складчатую волнообразную конструкцию навеса на редких металлических стойках, к которой свободно примыкает остекленный прозрачный объем

зала. Элементы складки выполнены из железобетона и достаточно тонкие, чтобы создавалось впечатление легкости и «парения» архитектурных форм. Помимо конструктивной целесообразности, поэтика морской волны косвенно прослеживается в формообразовании более чем 60-ти метровой складки. Под навесом располагаются столики кафе с видом на живописную бухту. Здание морского вокзала начинает тему открытости и «текучести» архитектурных пространств и так находящихся среди морских просторов, которая преобладает в облике других зданий и захватывает всю прибрежную архитектуру Пицунды.

Илл. 18. Курзал. М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов; инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев; художник З.К. Церетели – руководитель художественно-декоративного оформления, при участии архитекторов Ю.Н. Семенова, В.А. Щелкановцевой, К.Н. Калелейкиной, инженера В.Е. Сно. 1960-1967. Фото автора (2012 г.).

Архитектура остальных зданий курорта, безусловно, яркая и оригинальная, что достаточно подробно описано в книгах М.В. Посохина, хотя некоторые важные нюансы архитектурного облика там не упомянуты, в особенности, существо образной составляющей, что в свою очередь требует отдельного исследования каждого такого уникального здания. Однако в контексте новизны, особо значимой с точки зрения уникальности регенерации и модернизации исторического поселения, необходимо коснуться архитектуры танцевального зала, ансамбля пансионатов в сочетании со старым маяком, а также подчеркнуть следующее, что неоднократно выделял М.В. Посохин: «все эти сооружения [применительно к застройке центральной площади – Д.М.] построены на естественных полянах между вековыми деревьями»[338]. Иными словами, для размещения

[338] Пекарева, Н. А. М. В. Посохин : народный архитектор СССР [Текст] : [Книга-альбом] / Н. А. Пекарева. – М. : Советский художник, 1985. – С. 104.

всех прибрежных зданий курорта искали места, свободные от деревьев, что достаточно беспрецедентно с точки зрения утилитарности того же модернизма. И выбор самого по себе типа высотных башен, кажущийся сейчас очевидностью, был результатом глубокого анализа в том числе и экологии места. «Во избежание повреждения и уничтожения сосен во время строительства все здания основной зоны размещены вблизи моря главным образом на опушке рощи и на свободных от сосен участках. Для обеспечения свободного движения воздуха, необходимого для поддержания воздушного режима в сосновой роще и на пляже, а также для сохранения единства уникальных реликтовых сосен и моря корпуса гостиниц-пансионатов имеют высотную композицию и расположены на значительном расстоянии друг от друга, обращены узкими сторонами объема к морю и не отгораживают его и пляж от рощи»[339]. На самом деле архитектурный облик крайне хрупок и требует бережного отношения, что полностью вскрыла ситуация со штормом 1969 года[340], о которой М.В. Посохин упоминает практически в каждом тексте о Пицунде, что указывает на озабоченность автора и скрытое волнение за «родное детище». Тогда нависла реальная угроза потерять всю концептуальную глубину архитектурного замысла одним только устройством бетонной эспланады по всему периметру береговой линии. В итоге нашлись несравнимо более экономные пространственные решения, исходящие от авторов курорта, которые позволили укрепить берег. И в этом вопросе важную роль на местах сыграл В.Ч. Джонуа[341]. Перед корпусами №5 и №6 появились «естественные» холмы, на которых впоследствии произошел самозасев пицундской сосны, что лишь подчеркнуло образную линию естественности архитектурной среды курорта.

Рассмотрим малоизвестное здание Пицунды – танцевальный зал (архитектор З.Е. Дырмонт (1962-1967) (илл. 19), который расположен за курзалом на второй линии к морю прямо посреди реликтовой рощи и имеет с ним композиционную перекличку. Фотографии и чертежи зала незаслуженно отсутствуют в книге и статьях о Пицунде. Саму по себе динамичную объемно-пространственную композицию зала, округлого, напоминающего улитку в плане, можно охарактеризовать, как некое «завихрение» вокруг одной массивной вертикали у задника сцены. В силу особой конструктивной схемы с одной основной смещенной опорой, а также тонкими металлическими стойками по периметру

[339] Посохин, М. В. Архитектура курорта Пицунда [Текст] / М. В. Посохин. – М. : Стройиздат, 1974. – С. 9

[340] См.: Михейкин, Д. И. Курорт Пицунда и шторм 1969 года: к проблеме сохранения первоначального замысла [Текст] / Д. И. Михейкин // Наука, образование и экспериментальное проектирование : тезисы докладов Международной научно-практической конференции, профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 3-7 апреля 2017 г. : в 2-х т. : Том 2 / Московский архитектурный ин-т (Гос. акад.) ; [ред. совет: Д. О. Швидковский – пред. и др.]. – М. : МАРХИ, 2017. – С. 516-518.

[341] Джонуа, В. Ч. Воспоминания длиной в 50 лет [Текст] / В. Ч. Джонуа. – Сухум : РУП «Дом печати», 2017. – С. 42-47.

самонесущего каркаса витража, совмещенными с импостами сплошного остекления и тем самым визуально скрытыми, удачным образом проявился образ здания, ассоциирующийся с архетипом «мирового древа». Это выявлено именно монументально-художественной компонентой: поверхность опоры покрыта мозаикой на тему охоты среди деревьев. Схематизм и отсылка к первобытному геометрическому орнаменту привносит данный «доисторический» контекст в образность всего здания в целом, тем более что внутренние формы полностью раскрыты и просматриваются снаружи.

Илл. 19. Танцевальный зал. Архитектор З.Е. Дырмонт (а также основной авторский коллектив курорта). 1962-1967. Фото автора (2016 г.).

Стройный ритм башен-гостиниц замыкают два корпуса, находящиеся в неразрывной композиционной и образной связи со старым маяком (илл. 20). В своей книге «Город для человека» М.В. Посохин сделал такую подпись к иллюстрации, где два корпуса становятся «фоном» для истории, которую здесь представляет старинный маяк: «гармоничное сочетание новой застройки с башней старого маяка»[342]. Со старинным маяком перекликается новый маяк с треугольной динамичной формой, расположившийся на крыше одного из корпусов. Взаимодействие, созвучие и взаимопроникновение «старого и нового» в этом ансамбле достигает наивысшего предела.

[342] Посохин, М. В. Город для человека [Текст] / М. В. Посохин. – М. : Прогресс, 1980. – С. 66, 68-69.

Илл. 20. Ансамбль корпусов «Иверия» (ныне «Амзара») и «Маяк», а также старого маяка (М.В. Посохин – руководитель авторского коллектива, А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов; инженеры: С.Я. Школьников, В.С. Николаев; художник З.К. Церетели – руководитель художественно-декоративного оформления, при участии архитекторов С.Ф. Егорова, А.В. Моисеева, В.И. Романова, инженера Т.В. Бильжо, 1962-1967), и скульптура «Медея» Мераба Бердзенишвили. Фото автора (2012 г.).

Глубокая образность танцевального зала, и диалога «времен» корпусов с новым и старым маяком всецело поддерживает и в таких локальных концентрированных очагах раскрывает общую тему «пространственно-временной ткани» всего города, в которой отражена и новая физическая сущность устройства мироздания в контексте фундаментальной науки того времени.

Включив в городскую «ткань» памятники архитектуры различных эпох, а также сформировав архитектурную среду с помощью целенаправленного привнесения симулякров памятников «прошлых времен» – всевозможных объектов малых архитектурных форм и элементов благоустройства городских территорий, в том числе скульптуры и памятников монументального, декоративного и прикладного искусства – авторы курорта, архитекторы и художники, тем самым, ввели помимо трех пространственных координат активную четвертую – время. Что соответствует новейшему в то время пониманию физического устройства пространства как пространства-времени. То есть архитектурная среда ведет активный культурологический «диалог» с окружением и его исторической «массой» в рамках всего региона (то есть всей Грузинской ССР,

административной частью которой была тогда Абхазская АССР), буквально «вплетая» в современность различные исторические факты и мифы абхазского и грузинского эпосов. А пространственный диалог с уникальным природным ландшафтом, который был сохранен практически в первозданном виде в статусе заповедника, лишь усилил эту линию «смешения времен» на фоне непреходящей природной среды, возникшей в доисторический период. Модернизация исторического поселения и уникального вмещающего его в себя ландшафта во всех своих образно-смысловых и технологических проявлениях дала второе дыхание Пицунде и фактически возродила город из небытия. Уникальность опыта состоит еще и в том, что широкому авторскому коллективу удалось сохранить действительные памятники архитектуры и истории, дать им «вторую жизнь», а также и преумножить «дух места» за счет введения особой архитектурно-художественной составляющей общей градостроительной концепции.

В свете бурного развития в настоящее время программ реновации среды жизнедеятельности городов и агломераций Российской Федерации данное исследование уникального советского опыта регенерации и модернизации такого исторического поселения, как город-курорт Пицунда, представляется очень актуальным, интересным и показательным. Нам важна глубина общей идеи и смысловая многослойность выработанной тогда концепции, которая помогает и сегодня Пицунде довольно активно развиваться при бережном сохранении ее неповторимого архитектурно-художественного образа, сложившегося в результате совместной воодушевленной деятельности большого творческого коллектива в конце 1950-х – 1960-е годы. Нельзя не признать этот опыт весьма плодотворным и поучительным для наших сегодняшних проектных поисков и разработок.

ГЛАВА III.3.

ТЕМА ДРУЖЕЛЮБНОГО ГОРОДА И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРХИТЕКТОРА В КОНЦЕПЦИЯХ И ПРАКТИКЕ РИЧАРДА РОДЖЕРСА

«У афинян была клятва для того,
кто собирался стать горожанином.
Он должен был поклясться,
что «я покину город не менее,
но более красивым, чем я его нашёл».
Ричард Роджерс

На протяжении всего XX века происходил интенсивный процесс разрастания городов. Высокие темпы технологической революции и стихийной застройки городских центров привели в последние десятилетия прошлого века к кризисному состоянию крупных городов. В Великобритании этот процесс в значительной мере усугубился с отказом от генерального планирования в эпоху радикальных перемен правительства Тэтчер. Большая заслуга в привлечении общественного внимания к создавшейся ситуации принадлежала английскому архитектору Ричарду Роджерсу. В связи с его уходом из жизни в конце 2021 года в почтенном возрасте 88 лет появилось множество публикаций, в которых он был назван наиболее влиятельным архитектором последних пяти десятилетий, а созданный им стиль хай-тек – последним крупным и наиболее влиятельным стилем XX века. Вместе с тем, представляется, что вклад Ричарда Роджерса в развитие современной архитектуры до сих пор остается недооцененным с точки зрения значимости его теоретических идей и продвижения их на практике в архитектурных сооружениях и масштабных градостроительных проектах. Можно сказать, что творческие идеи Роджерса были синтезом его гораздо более широких интересов в области проблем социальных и политических. Наряду с освоением передовых технологий, новациями в архитектурном формообразовании, не менее, а скорее более значим его вклад в формирование современных принципов урбанизма, осознание в современно мире этической роли профессии архитектора и его ответственности перед обществом. Именно Роджерс, благодаря активной гражданской позиции и публицистической деятельности, стал одним из основных инициаторов ставшего повсеместным сегодня движения «к архитектуре устойчивого развития».

Склонность к теоретизированию проявилась у Роджерса еще в студенческие годы. Уже в самом начале профессиональной деятельности он написал два манифеста, в которых изложил свой критический взгляд на состояние архитектуры и представления о

том, какой она могла бы быть в современном постиндустриальном обществе, где новые технологии должны освободить человека от тяжелого труда и предоставить ему время для развития творческих способностей. В значительной мере он сумел эти идеи реализовать в Центре Помпиду, построив в Париже Центр искусств и досуга, открытый для всех – людей разных возрастов, социальных слоев, вероисповеданий и уровня достатка. Сегодня, с прошествием десятилетий, эти идеи воспринимаются как наивные и утопические, а Центр Помпиду постепенно превратился в рафинированное пространство для туристов с платным входом. Однако, по счастливому стечению обстоятельств, в нем Роджерсу удалось впервые реализовать новые концепции архитектуры эпохи технологической революции и выразить умонастроение молодежи левых взглядов в Европе 1960-70-х годов. Популярные в эти годы идеи о социальном равенстве и справедливости Роджерс, впрочем, разделял до конца своей жизни.

После завершения строительства Центра Помпиду Роджерс, совместно с Марком Гольдшмидтом, Джоном Янгом и Майком Дэвисом, в 1977 году основал Партнерство Ричарда Роджерса (RRP). Эта команда спроектировала грандиозное для своего времени здание штаб-квартиры крупнейшей и старейшей в Великобритании страховой компании Ллойд и несколько других неординарных новаторских сооружений, ощутив себя в процессе работы коллективом единомышленников. Чтобы закрепить общие для команды принципы работы, такие как справедливость, сотрудничество и социальная ответственность, членами партнерства в 1990 году была составлена Конституция, которую, как учредитель компании, подписал Роджерс, и которая продолжает иметь силу в созданной им мастерской до настоящего времени.

Положения этой Конституции представляют особый интерес, поскольку весьма отличны от профессиональных установок других архитектурных компаний. Её текст достаточно компактен и состоит из следующих разделов: цели, принципы, владение акциями и доходы. О цели компании говорится следующее: «Практика архитектуры неотделима от социальных и экономических ценностей людей, которые её осуществляют, а также общества, которое её поддерживает. Каждый из нас несет ответственность и вносит свой вклад в обеспечение устойчивого существования окружающей среды и благополучия общества, для которого мы работаем, способствуя успеху нашей команды. С этой целью мы соглашаемся с тем, что право собственности на Практику полностью передаётся благотворительному фонду, чтобы гарантировать, что вся основная стоимость предприятия и ежегодные дивиденды или пожертвования будут направлены на благотворительные цели и что с отказом от частной собственности сотрудников на акции

компании – исключается их передача и наследование».[343] Наряду с главным положением о высокой степени социальной ответственности, в Конституции обозначены такие принципы работы компании, как прагматизм, изобретательность, научный подход и продуманность решений для создания «эффектной и впечатляющей архитектуры». Наряду с перечисленными принципами «эта архитектура, дополненная экологическими характеристиками и технологиями, интегрированными в ткань здания, должна способствовать гуманизации городов и быть ориентированной на достижение целей природосбережения и устойчивого развития»[344]

Конституция компании предполагает принятие в свои ряды новых сотрудников лишь с условием, что они полностью разделяют и подписывают её положения. В ней также говорится, что работа в компании не является самоцелью и что сбалансированная жизнь сотрудников должна включать в себя отдых и время для размышлений. Девиз компании – «наслаждаться процессом работы и создавать архитектуру высочайшего качества при поддержке профессионального менеджмента, поощряя при этом творческий подход и четкость принятия решений». Как следует из отчётов на сайте компании, в ней продолжает поддерживаться дух коллективизма, регулярно проводятся совместные поездки и спортивные мероприятия. Примечательно, что по существующим правилам доход соучредителей и директоров проектов не должен превышать более, чем в шесть раз доходы рядового сотрудника компании.

Талантливые архитекторы Грэм Стирк и Иван Харбор, которые разделяли и продвигали идеи и принципы, прописанные в конституции компании, начали работу в RRP с середины 1980-х годов. Со временем они стали директорами коллективов и главными разработчиками проектов. Три работы этих архитекторов были награждены наиболее престижной в Великобритании премией Стирлинга. В 2007 году практика стала называться Rogers Stirk Harbour+Partners (RSH+P), что отразило важный вклад этих архитекторов в общие достижения коллектива. После ухода Роджерса компания в 2022 году утвердила своим названием RSHP, оставив в аббревиатуре имя основателя (илл.1).

Тема города и необходимости ощущения его дружелюбности по отношению к жителям, всегда оставалась для Роджерса важной. В реальной практике с проблемами

[343] Constitution – Practice- RSHP. URL: https:// https://rshp.com/practice/constitution/ (дата обращения: 10.09.2022)
[344] Rogers Stirk Harbour + Partners becomes RSHP. URL: https:// https:/rshp.com/news/rogers-stirk-harbour-partners-becomes-rshp/ (дата обращения: 11.09.2022)

Илл. 1. Ричард Роджерс, Грэм Стирк и Иван Харбор.

застройки городского центра команда RRP столкнулась в процессе проектирования и строительства здания Ллойд, которое растянулось на восемь лет с 1978 по 1986 годы (илл.2,3). Огромное по масштабам здание нужно было вписать в затесненный участок лондонского Сити. С этого времени проблема городского центра с плотной застройкой, состоящей в основном из офисных зданий, в котором не остаётся места для рядовых жителей, заняла в творчестве Роджерса особое место.

Свои детские годы он провел во Флоренции, которая в его мироощущении олицетворяла собой образец именно такого дружелюбного города. В своих лекциях он говорил: «Города создаются людьми, которые в них живут, а не самими зданиями, и для горожан важна именно жизнь между зданиями».[345] Смелые и радикальные по замыслу проектные предложения Партнерства Роджерса 1980-х годов по благоустройству центра Лондона и реновации заброшенных территорий имели громкий резонанс, но подверглись критике и были охарактеризованы городскими властями как нереализуемые. Так не получили поддержки его крупномасштабные проекты по реконструкции участка в центре города у здания Национальной галереи и площади Патерностер, которые могли бы разгрузить от транспортных потоков городской центр и предоставить жителям пешеходные зоны. Также были отвергнуты проекты с крытыми общественными пространствами на южном берегу Темзы, куда он предлагал перекинуть из центра горда оригинальный пешеходный мости и тем самым оживить этот депрессивный район города. Проектное предложение по реконструкции и благоустройству центра Лондона было представлено им в масштабном макете «Лондон, каким бы он мог быть».

[345] YouTube канал: UNSW Built Environment. The 2010 Utzon Lecture Series. Lord Richard Rogers: Architecture and the Compact City. URL: https://www. Youtube.com/watch?v=u VN3WIKIU (дата обращения:18.09.2022)

Илл. 2. Генплан участка со зданием Ллойд. Лондон. Арх.RRP, 1978 г.

Илл. 3. Здание Ллойд. Лондон. Арх. RRP, 1986 г.

Своё виденье проблемы кризисного состояния современных мегаполисов Роджерс пытался изложить в многочисленных лекциях, а позднее в книге, опубликованной в 1990 году, под названием «Архитектура. Современный взгляд», которая была воспринята многими критиками манифестом в будущее.[346] В 1995 году Роджерс стал первым архитектором, приглашенным на радиовещание Би-би-си для чтения серии лекций под названием « Города для маленькой планеты», посвященных проблеме социального неравенства и подчас катастрофических условий жизни обитателей городов. В своих лекциях он призывал традиционными возможностями архитектуры реформировать современное общество, основывающееся на жадности и наживе, и перенаправить огромные частные капиталы и военные отчисления на гуманные цели справедливого мироустройства. Он был одним из первых, кто поднимал проблему нерационального использования ресурсов планеты и предлагал возможные пути исправления сложившейся ситуации. Позднее на материалах этих лекций под тем же названием была издана книга, которая имела огромный резонанс и была переведена на множество языков мира, а её автор получил титул архитектора - миссионера.[347]

Такая активная гражданская и профессиональная позиция способствовала тому, что в 1998 году Роджерс был назначен председателем Целевой группы правительства Великобритании по городскому развитию. Эта группа должна была изучить состояние английских городов, потенциал для их возрождения и возможность в течение последующих 25 лет обеспечить жителей страны четырьмя миллионами новых домов. Исследования группы, состоящей из специалистов самого широкого профиля, показали, что 60% нового жилья должно быть построено на землях с уже существующей застройкой. В качестве особенно актуальной рассматривалась проблема низкобюджетного и социального жилья для малоимущих. Отчеты по результатам работы группы с рекомендациями относительно инструментов реализации разработанных планов широко обсуждались и были опубликованы в 1999 году в книге «На пути к городскому Ренессансу». Основная идея городского Ренессанса предполагала полицентричность и компактность городов, реновацию пришедших в упадок территорий и сохранение вокруг городов зелёных зон.[348] В качестве оптимальной модели предлагался принцип организации крупных городов как конгломератов, состоящих из ряда самодостаточных

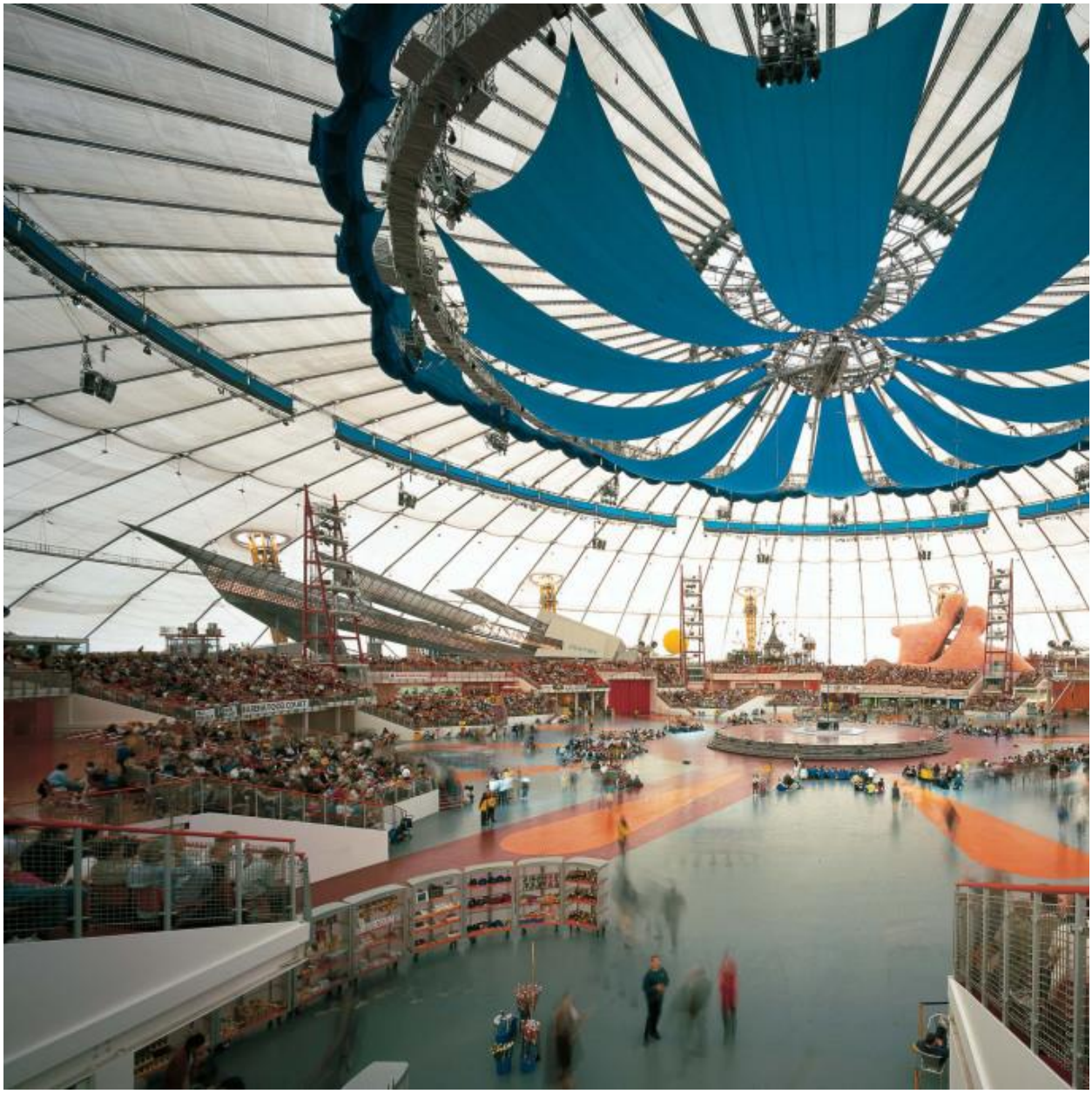
[346] Rogers R. Architecture. A modern view. London: Thames and Hudson, 1990.
[347] Rogers R., Gumuchdjian Ph. Cities for a small planet. London: Faber and Faber, 1997.
6 Architecture: Richard Rogers/Virtual Design Festival/ Dezeen. URL:https://www.youtube.com/watch?v=CR0yCgoCgik. (дата обращения 12.08.2022)

городов-спутников, где люди, не затрачивая время и ресурсы на переезды, могли бы работать, учиться, покупать для себя всё необходимое, отдыхать и развлекаться. В таких компактных образованиях с крупными и небольшими зданиями, предполагающими смешанный тип владения (социальный и частный), облегчаются контакты и формирование со временем гражданского общества. Все эти принципы, которые Роджерсу приходилось в те годы доказывать, стали сегодня общепризнанными. Так называемый Компендиум городского дизайна, подготовленный целевой группой к 2000 году, был написан простым языком, богато иллюстрирован и предназначался для управляющих проектами, инвесторов и для всех привлеченных и заинтересованных лиц в качестве рекомендаций, которые необходимо соблюдать в процессе проектирования.

С 2001 по 2008 год Роджерс был приглашенным главным советником по архитектуре и градостроительству мэра Лондона Кена Ливингстона. В этой роли он сформировал Отдел архитектуры и урбанизма для разработки генерального плана развития Лондона.

Многолетние усилия Роджерса по ревитализации заброшенных территорий Лондона и созданию новых общественных городских пространств начиная с 2000-х годов стали постепенно реализовываться. Идея площади, можно сказать, была страстью всей его жизни. Купол Миллениум, возведенный на южном берегу Темзы на месте бывших промзон к празднованию начала нового тысячелетия, представлял собой своего рода городскую площадь – гигантское крытое пространство диаметром 320 и высотой 50 метров. Он предполагал проведение самых разных мероприятий, поскольку на площади 100 000 квадратных метров могут одновременно разместиться зоны для различных видов представлений, спортивных соревнований, а также торговли и отдыха (илл.4,5).

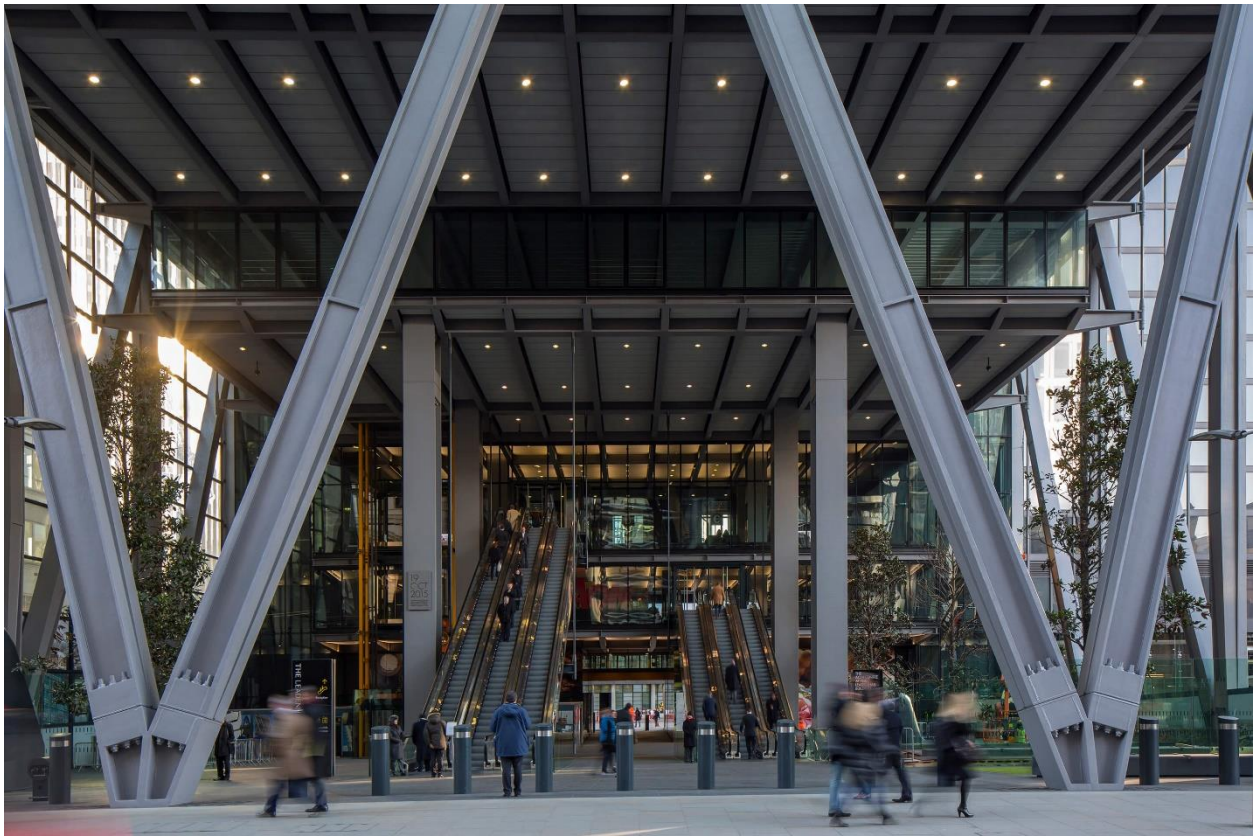
Илл. 4. Купол тысячелетия. Лондон. Арх. RSH+P, 1999 г.



Илл. 5. Интерьер Купол тысячелетия. Лондон. Арх. RSH+P, 1999 г.

Спроектированный под началом Грэма Стирка не далеко от здания Ллойд офисный небоскрёб Лиденхолл 122, был завершен в 2014 году (илл.6,7). Чтобы выкроить в сильно затесненном районе Сити место для нового общественного пространства, сорока восьми этажный небоскреб был поднят на мощных опорах на высоту семи этажей. Таким образом в центре старого города появилась новая крытая городская площадь. Эту актуальную для дождливого Лондона идею Роджерс пытался осуществить в различных своих проектах долгие годы. С озелененной и благоустроенной площади у подножья небоскреба по одним эскалаторам возможно подняться в расположенные на галереях магазины и кафе, а по другим – в офисы на верхних этажах.

Илл. 6. Вид на здание Лиденхолл. Лондон. Арх. RSH+P, 2014 г.



Илл. 7. Площадь под зданием Лиденхолл. Лондон. Арх. RSH+P, 2014 г.

Илл. 8. Панорама лондонского Сити со зданием Лиденхолл.

Само здание было тщательно прорисовано таким образом, чтобы скошенный с одной стороны фасад не перекрывал вид на городской силуэт с доминантой Собора Святого Павла. Здание Лиденхолл, которое получило множество наград, в том числе национальную премию RIBA, стало визитной карточкой компании RSH+P, поскольку проектная мастерская теперь занимает в нем один из этажей (илл.8,9,10).

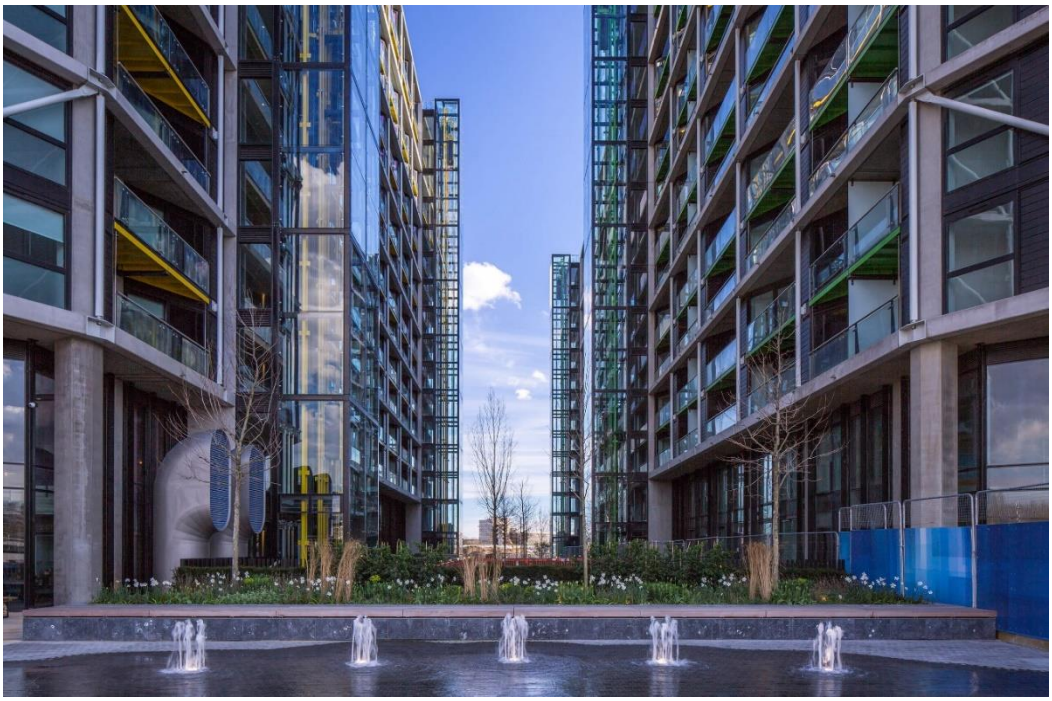
Илл. 9. Вид на город из рабочих помещений компании “RSH+P” в здании Лиденхолл. Арх. RSH+P, 2014 г.

Илл. 10. Интерьеры офиса “RSH+P” в здании Лиденхолл. Арх. RSH+P, 2014 г.

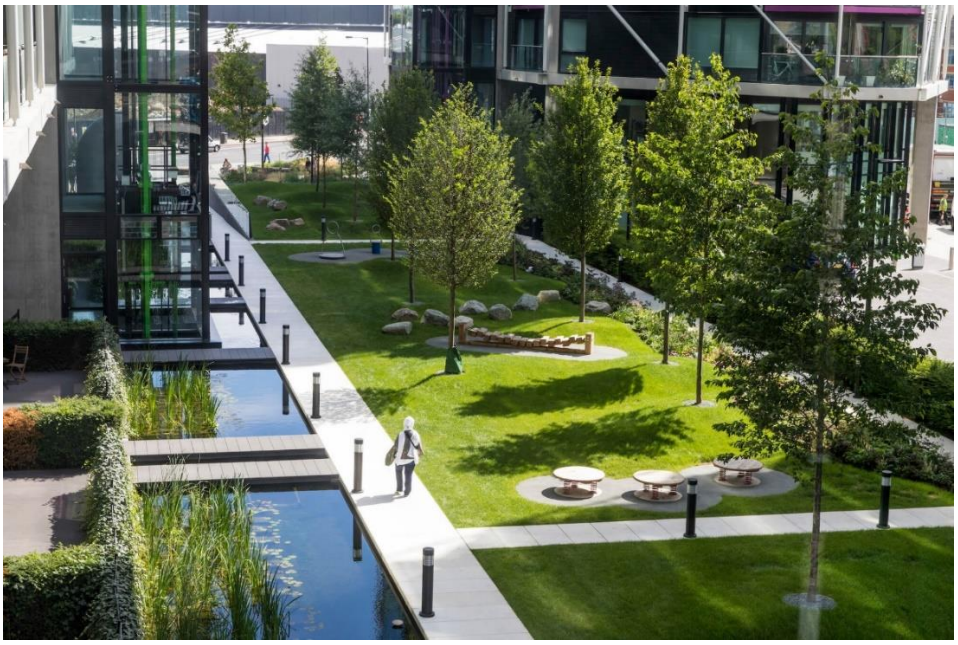
Илл. 11. Вид из жилого комплекса Нео-Бэнксайд на собор Св. Павла. Лондон. Арх. RSH+P, 2012 г.

В соответствии с разработанным планом развития Лондона, на южном берегу Темзы командой Грэма Стирка были запроектированы и построены новые жилые микрорайоны. В 2012 году – комплекс Нео Бэнксайд, расположенный на берегу реки недалеко от моста Искусств Нормана Фостера и галереи Тэйт Модерн - прямо по оси с

собором Святого Павла. Новый комплекс, состоящий из четырех шестиугольных в плане зданий и высотой от 12 до 24 этажей, оживил этот депрессивный прежде район, создал комфортную прогулочную зону и стал контрастным фоном достойного уровня для исторической панорамы на противоположном берегу реки (илл.11).



Илл. 12. Благоустройство с фонтанами в комплексе Риверлайт. Лондон. Арх. RSH+P, 2016 г.



Илл. 13. Ландшафтный дизайн в комплексе Риверлайт. Лондон. Арх. RSH+P, 2016 г.

Илл. 14. Жилая ячейка Homeshell во дворе Королевской Академии художеств. Лондон. Арх. RSH+P, 2013 г.

В 20016-м – на месте заброшенной промышленной зоны южного берега Темзы было завершено строительство более крупного комплекса – Риверлайт, рассчитанного на жителей разного возраста и достатка. Он состоит из шести зданий высотой от 12 до 20 этажей, что придает панораме, открывающейся с противоположного берега, живописный силуэт. Комплекс хорошо озеленён и полностью благоустроен. Он включает в себя подземную парковку, ясли, рестораны, бары, продовольственный магазин и другие торговые помещения. Здания ориентированы таким образом, чтобы солнечный свет проникал в глубь комплекса. Вдоль берега устроен променад, а ландшафтный дизайн создает привлекательные общественные зоны для жителей (илл.12,13).

Другим важным направлением в деятельности компании RSH+P, ориентированным на решение в короткие сроки кризисной жилищной проблемы Лондона, стали разработки командой Ивана Харбора систем модульных жилых ячеек. Принцип сборки на месте домов из модулей заводского изготовления опробован и используется в разных странах и в различных вариантах уже достаточно долгое время. Главным достоинством этого метода домостроения является экономичность, быстрота возведения и сокращение объёмов работ на строительной площадке, что особенно актуально при реконструкции

внутригородских

Илл. 15. Монтаж модулей Y:cube в г. Митчмен. Большой Лондон. Арх. RSH+P, 2015 г.

Илл. 16. Временное жильё PLACE/Ladywell. г. Льюишем. Большой Лондон. Арх. RSH+P, 2020 г.

кварталов. Новым в разработках RSH+P стало качество этих модулей, которое достигается с привлечением передовах технологий. Ограждающие панели для жилых ячеек изготавливаются с применением современных тепло-, влаго- и шумоизоляционных материалов. Специально были разработаны стыковочные узлы, обеспечивающие надежность и прочность при сборке, а также различные варианты облицовочных полимерных материалов для гармоничного существования в различном средовом контексте. Продуманные технологии изготовления модулей делает их производство доступным и экономичным для возведения в короткие сроки низкобюджетного жилья. Большое внимание при этом разработчиками уделялось экологической безопасности, соответствию параметрам «устойчивого развития» и эстетической привлекательности жилых единиц.

В 2013 году, когда отмечалось восьмидесятилетие Ричарда Роджерса, в Королевской Академии художеств была открыта ретроспективная выставка его работ под названием «Inside-Out» – «Изнутри - наружу» или «Наизнанку». В качестве наиболее значимого для своей компании символа, во дворе комплекса Академии Роджерс поставил куб – жилую ячейку, разработанную RSH+P для социального жилья под названием Homeshell (илл.14). Целью установки этого привлекающего внимание арт объекта было желание Роджерса инициировать общественные дискуссии по поводу эффективности синтеза архитектурных и строительных новаций для решения актуальной для Лондона жилищной проблемы. Достаточно вариативная для компоновки и экономичная система жилых ячеек предлагалась в качестве индивидуального жилья для бездомных и проживающих в общежитиях людей, а также как вариант доступного жилья для малообеспеченных семей и низкобюджетных объектов инфраструктуры. Трехэтажное здание ярко зеленого и красного цвета было доставлено в разобранном виде на одном грузовике, а его сборка на месте заняла всего 24 часа. Система Homeshell может быть адаптирована для любого места и особенно целесообразна для развития труднодоступных и заброшенных городских участков. Шестиэтажные 24-квартирные дома на основе этой системы можно возвести менее чем за месяц, а гибкая система планировки позволяет использовать её для различных типов зданий, от малоэтажных и многоквартирных домов, до школ, заводов и медицинских центров. Конструкция позволяет архитекторам создавать интерьеры с высокими угловыми окнами, которые пропускают больше света и за счет этого воспринимаются более просторными. Поскольку все внутренние стены не являются несущими, планировку можно легко изменить в соответствии с потребностями жильцов, а ячейки композиционно объединить в кластеры. Панели могут быть

облицованы различными способами, что делает возможным органично вписать новые здания в существующую застройку и средовой контекст.

Илл. 17. Коммуникационные балконы со входами в квартиры корпуса Парк-вью. Большой Лондон. Арх. RSH+P, 2021 г.

Ещё одна разработка команды Харбора - жилые единицы Y: cube. Это инновационное экономичное решение предлагает сборку временного жилья из деревянных модулей. Старейшая и крупнейшая в мире молодежная благотворительная организация YMCA спонсировала разработку автономного и доступного начального жилья для молодых людей, которые пока не могут позволить себе индивидуальное жильё или платить за него высокую арендную плату. Комплекс из 36 квартир был построен в 2015 году в жилом районе города Митчмен, входящего в агломерацию Большого Лондона (илл.15).

Илл. 18. Интерьер типовой квартиры корпуса Парк-вью. Большой Лондон. Арх. RSH+P, 2021 г.

PLACE/Ladywell спроектированный RSH+P – пример временного посёлка, построенного на месте снесенного развлекательного центра в местечке Ледивелл. Он был заказан Советом Льюишема, административного района на юго-востоке Лондона, одного из самых молодых и этнически разнообразных районов города. Эти модульные дома с привлекательным дизайном в условиях жилищного кризиса предлагаются в качестве практичного решения для временного переселения людей на период строительства новых зданий. Когда на этом месте все будет готово для планируемой постоянной застройки, их можно будет разобрать и использовать при необходимости на другом участке (илл.16).

В конце 2021 года в городе Ромфорд, входящем в агломерацию Восточного Лондона, был сдан в эксплуатацию жилой корпус под названием Park-view (Парк-вью). Полностью готовое для проживания муниципальное жильё является одновременно экономичным и достаточно высококачественным, в чем проявилось мастерство разработчиков RSH+P. Элегантные интерьеры с мебелью и встроенным кухонным оборудованием предназначены для переселения одиноких людей из общежития. По

отзывам новоселов, это жильё дает им не только новое качество, но и новые стимулы жизни (илл.17,18).

Особое внимание при разработке сборных домов было уделено их экологической эффективности. В 2022 году девять таунхаузов с нулевым выбросом углерода были построены в Кардифе. Эти низкобюджетные семейные дома с двумя спальнями были возведены в короткий срок на заброшенном участке городского пригорода в рамках местной флагманской программы «Инновационное жилье». При изготовлении готовых блоков приоритет был отдан использованию экологически чистых материалов. Система структурных кассетных панелей Insulshell (внутренняя оболочка**)** является инновационной, энергоэффективной, адаптируемой, простой и очень низкотехнологичной в плане организации процесса производства. Как отмечают заказчики в лице представителей местного муниципалитета, преимущество панелей в том, что они легкие, огнестойкие и водонепроницаемые, а также устойчивы к природным катаклизмам. Запатентованная система стыков обеспечивает высокий уровень звуко- и теплоизоляции и позволяет жильцам значительно снизить расходы на потребляемую электроэнергию. Механическая вентиляция с системой рекуперации тепла и продуманная естественная вентиляция обеспечивают круглогодичный комфорт в помещениях. Для обеспечения энергией дома используют установленные на крыше солнечные панели и тепловые насосы вместо газа. На основании полученных объективных данных, энергии, вырабатываемой солнечными панелями, оказалось более, чем достаточно для работы отопления, горячего водоснабжения, освещения и вентиляции в этих домах. Система панелей Insulshell, рассчитанная на срок службы более 60 лет, была одобрена Национальным советом по домостроению Великобритании и по своим технологическим и эстетическим параметрам стала новым эталоном для муниципального жилья в Великобритании (илл. 19). Новые ориентиры для команды Ивана Харбора – реализация идей многоэтажных капсульных зданий, предложенных в 1970-х годах в качестве футуристических фантазий аркигрэмовцем Питером Куком.

Разработанные в компании RSH+P концепции модульного домостроения по принципу «подключи и используй», предназначенные для социального и доступного жилья, в реальной практике показали свою эффективность по сравнению с традиционными методами строительства. Высокая степень энергоэффективности, экономичность, простота технологии производства и короткие сроки возведения – все это, по мнению команды разработчиков RSH+P, которую возглавляет Иван Харбор, должно способствовать реализации актуальной для Лондона программы строительства

социального жилья. В настоящее время жилищный кризис отмечается как в Великобритании, так и во многих странах мира. Согласно статистике, каждый четвертый человек в мире имеет некачественное жилье, а кто то его не имеет совсем. Тенденция дальнейшего развития человечества такова, что к 2050 году две трети мирового населения будут жить в уже существующих городах. Это делает еще более насущной потребность выработки инновационного проектного мышления и эффективных строительных технологий для модернизации и ревитализации городов с разработкой новых концепций доступного жилья. Одной из новых актуальных проблем в условиях быстро меняющегося мира сегодня становится разработка методов строительства зданий (в том числе жилых), предполагающих возможность их дальнейшей адаптации для повторного использования в целях экономии истощающихся ресурсов планеты.

Сегодня в профессиональном сознании архитекторов в качестве важных и непременных повсеместно утвердились такие понятия, предложенные Ричардом Роджерсом, как «город для людей», «городские общественные пространства», «доступное жильё», «архитектура устойчивого развития», «перспективная адаптация». То, что они стали рассматриваться в качестве естественных аспектов проектирования, стало результатом многолетней и целеустремленной работы Роджерса и его единомышленников – команды RSH+P. По словам Грэма Стирка : «Уникальность личности Роджерса состоит в его неизменной приверженности теме гуманизации городов, в интересе к разноплановым концепциям урбанизма и политическим механизмам, которые могли бы улучшить города и окружающую среду».[349]

Одной из последних работ компании RSH+P, вызвавшей общественный резонанс, стал проект реконструкции участка со старой застройкой в одном из центральных районов Лондона. На основании проведенного опроса лондонцев, проект RSH+P реконструкции ратуши Хаммерсмит и расположенного рядом общежития для маломобильных людей, стал победителем конкурса «Лучшее новое здание Лондона 2020». Этот новаторский проект, разрабатывался совместно с членами Совета по строительству района Хаммерсмит и представителями жильцов-инвалидов. Он предполагает создание нового высококачественного общедоступного многофункционального комплекса с площадью-атриумом в старом районе города и, как было задумано, станет координационным центром для проживающего в нем сообщества (илл. 20,21).

[349] Architects and creatives remember “superstar” architect Richard Rogers/ URL: https://www.dezeen.com/2021/12/20/richard-rogers-tributes/ (дата обращения: 15.09.2022).

Илл. 19. Таунхаузы, построенные по системе Insulshell. Кардиф. Великобритания. Арх. RSH+P, 2022 г.

Илл. 20. Проект реконструкции района Хаммерсмит. Лондон. Арх. RSH+P, 2020 г.

Илл. 21. Проект крытой площади в общественном комплексе района Хаммерсмит. Лондон. Арх. RSH+P, 2020 г.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ АРХИТЕКТУРЫ

ГЛАВА IV.1.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ МАСШТАБНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ПРИАНГАРЬЯ

В начале XXI века на территории Центральной Сибири продолжилось осуществление крупных инвестиционных проектов, в частности, возобновилось строительство Богучанской ГЭС (вывод гидроэлектростанции на полную мощность состоялся в июле 2015 года после наполнения водохранилища до проектной отметки). В прилегающих к ней районах ведутся работы по освоению нефтегазовых месторождений, в марте 2019 года запущена в полную эксплуатацию первая серия Богучанского алюминиевого завода, в будущем планируется строительство Нижнебогучанской гидроэлектростанции на Ангаре. Реализация этих планов влечет за собой не только значительные природопреобразующие мероприятия, но и создает реальную угрозу утраты памятников истории и культуры, в том числе объектов архитектурного наследия. Например, в зоне затопления Богучанского водохранилища на территории Кежемского района Красноярского края оказались практически все прибрежные населенные пункты. Под водой скрылись древнейшие очаги русского освоения Приангарья, вместе с которыми (только по официальным данным) исчезли почти полторы сотни уже принятых под государственную охрану и вновь выявленных объектов историко-культурного и археологического наследия.

Актуальность рассматриваемых вопросов определяется необходимостью всестороннего научного анализа назревших проблем архитектурно-градостроительной деятельности в исторически сложившихся регионах Сибири. Приангарье относится к наиболее значительным восточным территориям страны, где своеобразие народного зодчества представлено объектами, несущими в себе черты издревле выработанных типов крестьянских строений: жилых домов, хозяйственных построек, инженерных сооружений и зданий культового назначения, имеющих научную и историко-архитектурную ценность.

Под воздействием нового этапа индустриализации с каждым годом количество объектов архитектурного наследия в регионе неуклонно сокращается. Проведенные экспедиционные обследования показали, что в Ангарском крае сконцентрирован богатейший материал для изучения народной архитектуры, традиции которой сохраняли и развивали русские старожилы – потомки людей, пришедших почти четыреста лет тому назад на новые для них земли Сибири[350].

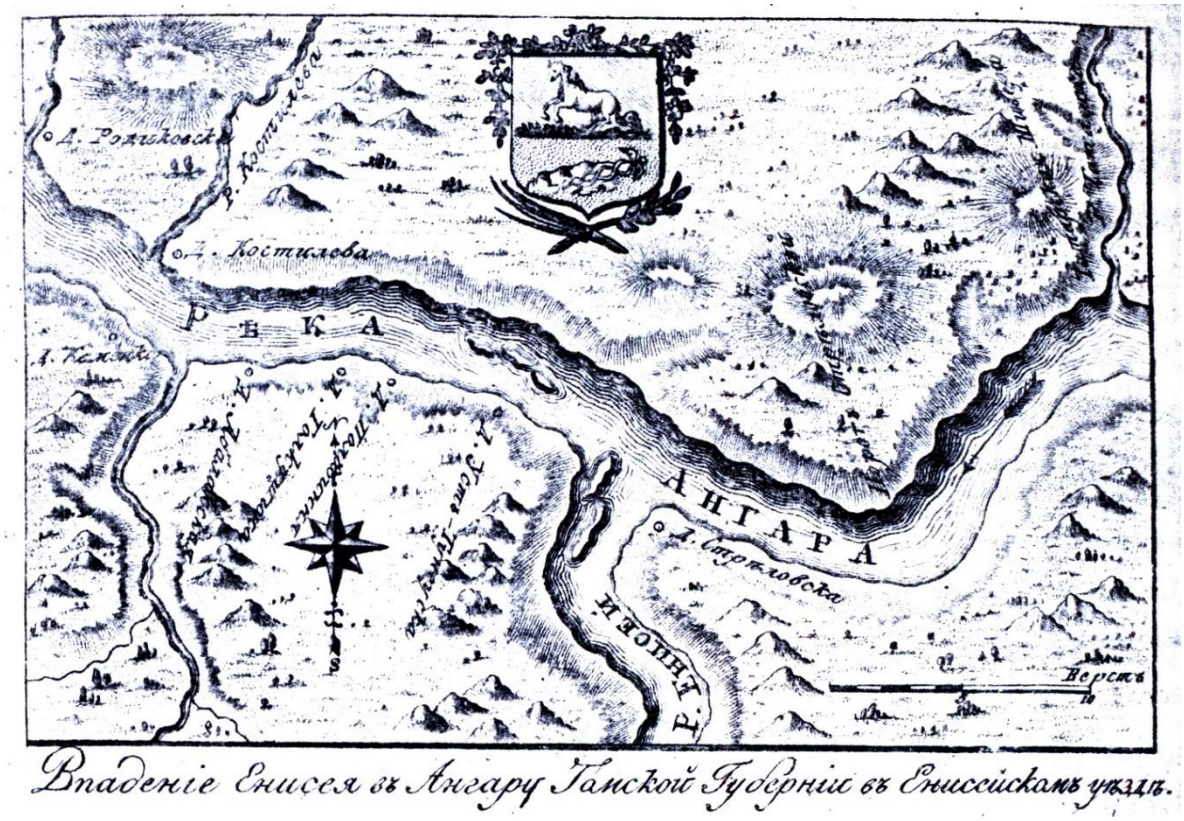
Основными объектами, требующими пристального внимания исследователей и широкой общественности, являются крестьянские селения и усадьбы, жилые, хозяйственные и культовые постройки, появившиеся в XVII – начале XX века. В этот период сложились общие и специфические принципы и приемы расселения, планировки и застройки ангарских селений, типы построек, архитектурные формы как синтез общероссийских и региональных традиций. Это значительный исторический пласт уходящего и уже во многом ушедшего от нас безвозвратно замечательного архитектурного наследия, создававшегося стараниями русских первопроходцев и поселенцев на берегах могучей сибирской реки Ангары, поначалу называвшейся Верхней Тунгуской. Издавна это были места обитания тунгусов – в среднем и нижнем течении реки – и бурят – в верхнем. Ангара – бурятский гидроним. Русские поселились здесь в XVII–XVIII веках, когда эта река служила основной транспортной магистралью, соединявшей Центральную Сибирь с Восточной.

Главным на Енисее поначалу являлся основанный в 1619 году Енисейский острог, ставший довольно крупным городом. От него пошло продвижение русских по Верхней Тунгуске – Ангаре, где были построены в 1628 году Рыбинский, в 1630 – Илимский, на следующий год Братский, а в 1661 году Иркутский остроги. Наименование Братского острога происходит от бурят – «братских людей», как их именовали в русских документах. Иркутск вблизи истока реки из священного озера Байкал стал опорным городом, закрепившим господство России в Восточной Сибири (рис. 1).

Стоит обратить внимание на примечательный исторический факт: в силу могучего течения Ангару – Верхнюю Тунгуску считали в старину великой рекой, текущей до самого Северного Ледовитого океана, а меньший по масштабу Енисей – лишь ее левым притоком (рис. 2).

[350] Царёв В. В., Царёв В. И. Архитектурное наследие Приангарья : монография / В. В. Царёв, В. И. Царёв; Сиб. федер. ун-т, Ин-т архитектуры и дизайна. – Красноярск : СФУ, 2022. – 388 с.

Илл. 1. Верхняя Тунгуска (Ангара) на рукописной карте Сибири
круга С. У. Ремезова. Около 1718 г. Фрагмент. ГИМ. Отд. картографии



Илл. 2. Карта «Впадение Енисея в Ангару Томской губернии в Енисейском уезде». Фрагмент. 1798 г.[351]

[351] Семивский Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было всем известно / [Коллеж. советник Семивский]. — СПб.: Воен. тип. Гл. Штаба Его Имп. Вел., 1817. — 230, 186, X, [19] с., примечания X.

В XIX веке роль речных путей резко ослабла в связи с прокладкой южнее сухопутного Сибирского тракта, а потом и железной дороги. Енисейск и система связанных с ним прибрежных острогов, сел и деревень потеряли свое исключительное транзитное значение. На пересечении Енисея с этим трактом пошел в рост Красноярск. И тем не менее, жизнь по берегам Ангары не затухла. Люди успели обжиться здесь. Отдаленность от основных транспортных путей и торгово-экономических центров, окраинное (периферийное) положение в административных территориях способствовало формированию на землях нижнего и среднего Приангарья компактной группы русского старожильческого населения, сохранявшего на протяжении длительного периода специфические черты и традиции архитектурно-планировочной организации селений.

Наблюдалась ассимиляция русских переселенцев с коренными народами, принявшими православие. Стали заключаться смешанные браки. Появились обрусевшие тунгусы, по достоинству оценившие зимовку в срубной избе, а летом все же предпочитавшие продолжать жить в своих традиционных урасах. Нечто подобное происходило и с бурятами, перенявшими со временем русские имена и обычаи. Сведения, приведенные в работах исследователей ангарских районов начала XX века, раскрывают некоторые особенности закрепления русских людей в сибирских землях, их взаимоотношения с коренным населением: «Чунари представляют собой также коренных старожилов, но оригинальные условия существования в замкнутом крае и самое происхождение их от смеси русских с местными аборигенами – тунгусами наложили на них своеобразный отпечаток. Чуна заселялась русскими не путем переселенческих партий более или менее крупных размеров, а отдельными пионерами частью с Ангары, частью неизвестно откуда, которые селились среди коренного тунгусского населения и, постепенно перемешавшись с ним, образовали тип современного чунаря. Эта помесь сказалась как на физическом типе населения, так на его быте и на хозяйстве. Так, например, чунари живут в небольших поселках по всему течению Чуны в домах, правда, примитивных, но определенно русского образца, и в то же время на пашнях и на охоте строят из лиственничной коры тунгусского образца чум, хотя более небрежно сделанный. К одежде, русской в основе, примешивается ряд тунгусских частей; так, например, обувь – бахилы на мягкой подошве шьются совершенно так же, как тунгусские»[352].

[352] Воробьев Н. И. Рыболовство на реке Чуне (приток Ангары) / Н. И. Воробьев, препод. Казанск. гос. ун-та. – Красноярск: [б.и.], 1926 (Красн. гос. типо-лит.). – 40 с., 1 л. карт. – (Научно-промысловые исследования Сибири. Серия А / РСФСР. Наркомзем. Сибирская ихтиологическая лаборатория / под ред. зав. лабораторией А. И. Березовского. Вып. I), с. 10.

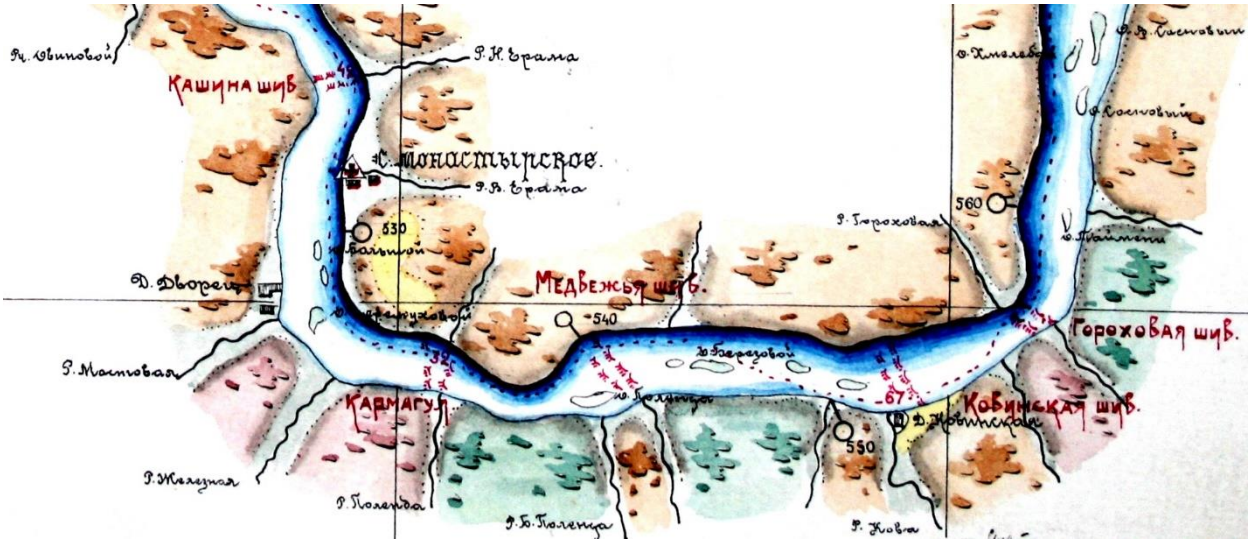
Большое значение в достижении мирного сосуществования разных этносов играла подвижническая деятельность христианских миссионеров. В архивных документах приводятся исторические данные о строительстве в острогах, селах и деревнях по берегам Ангары многих часовен и церквей, а также монастырей. Обращает на себя внимание такой знаменательный факт, как пожертвование одним знатным крещеным тунгусом не только средств на строительство монастыря, но и самой земли, находившейся в его наследственной родовой собственности. Этот показательный пример заимствован из исторической летописи основания Кашиношиверского Спасского монастыря на берегах Верхней Тунгуски (Ангары) в XVII веке. Первый земельный надел Спасская пустынь получила от принятого в нее «старцом ясашного тунгуса Мультуго Ломова лапкагирского роду именем руским Ивашко», который передал под строительство часовни часть «прародителной своей земли»[353]. В настоящее время это один из полузабытых и малоизвестных исчезнувших сибирских монастырей. Однако анализ выявленных авторами архивных документов раскрывает его значительную роль в освоении Енисейско-Ангарского водного пути в первые столетия продвижения русских землепроходцев по Сибири. В первоисточниках показана деятельность монастыря как важного населенного пункта для продовольственного обеспечения отрядов служилых и торговых людей, перемещавшихся по главной транспортной коммуникации XVII–XVIII веков – Верхней Тунгуске (Ангаре). В исторических материалах отражено значение Кашиношиверского монастыря как духовного очага православия в формировавшейся сети русских старожильческих селений Сибири (рис. 3).

Первоочередное внимание исследователи сибирских земель всегда уделяли скрупулезному выявлению изменявшегося и пополнявшегося с течением времени перечня населенных мест и, конечно же, определению их расположения на берегах и островах Ангары и некоторых ее притоков. Результаты этой работы впечатляют.

Например, в 1887–1889 годах были проведены исследования всего русла Ангары с целью определения практических мероприятий, которые могли бы способствовать улучшению судоходства по порожистой реке[354]. Начальником исследовательской партии стал инженер М. Чернцов, под руководством которого был составлен комплект подробных графических материалов, в том числе общая «Карта реки Ангары» (рис. 4).

[353] Царёв В. В., Царёв В. И. Кашиношиверский монастырь в Приангарье: этапы и особенности формирования // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С. Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова, 2020. — Т. XV. — С. 149–157.

[354] Краткое описание исследования реки Ангары, произведенного Ангарскою описною партиею в 1887–1889 годах под начальством инженера М. Чернцова. – СПб.: Стат. отд. М-ва путей сообщения, 1894. – 72 с.



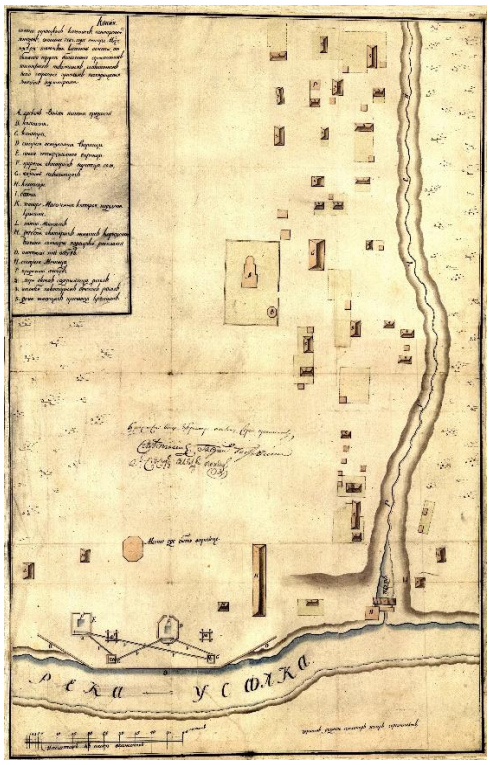
Илл. 3. Село Монастырское (Кашиношиверское) на «Карте бассейна реки Ангары с указанием фарватера и затруднительных участков для судоходства.
Копия с работ инженера М. Чернцова. Чертил Л. А. Сыдинский»[355]

Илл. 4. «Карта р. Ангары. По данным исследований Ангарской описной партии, произведенным в 1888 и 1889 гг. под руководством инженера М. Чернцова»[356]

[355] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 481. Карта бассейна реки Ангары с указанием фарватера и затруднительных участков судоходства. Без даты. 18 л., л. 7.
[356] Карта р. Ангары. По данным исследований Ангарской описной партии, произведенным в 1888 и 1889 гг. под руководством инженера М. Чернцова. – URL: https://nature.baikal.ru/phs/norm/89/89852.jpg?1453342330 (дата обращения: 15.06.2022).

Во второй половине XIX века на берегах Ангары (от устья до озера Байкал) находился 231 населенный пункт, из них было два города Балаганск и Иркутск, сел – 32, деревень – 169, выселок – 4, одно зимовье, Вознесенский монастырь, фабрично-заводских производств – 3 и 19 улусов бурят. Все они размещались относительно равномерно по обоим берегам реки. Следует отметить размещение 36 островных деревень, которые группировались главным образом в верховьях Ангары.

Особую ценность представляют выявленные в архивах и музеях ситуационные чертежи. По ним можно судить не только о самих деревнях и селах, но и об окружавших и кормивших их землях – пашнях, пастбищах, покосах, охотничьих и промысловых угодьях. В источниках упоминаются заимки, зимовья, слободы, солеварни, водяные мельницы, «железные заводы». Создается вполне достоверная и очень волнующая картина органического встраивания в огромное природное, таежное пространство более или менее освоенных и окультуренных человеком ландшафтов. В Российском государственном архиве древних актов сохранился редкий чертеж селения при Троицком солеваренном заводе, находившемся в Нижнем Приангарье (рис. 5).



Илл. «Копия с плана Троицких казенных соловаренных заводов, сочинена 1783 года генваря месяца по указу Тоболской казенной полаты тоболского первого баталиона сержантом Тимофеем Никулиным с показанием всего строения при оном находящегося»[357]

[357] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 160. Д. 920. Кн. 4424. План Троицкого солеваренного завода на р. Усолке. 1783 г.. Л. 83.

Анализ плана показал, что солеваренное производство, основанное енисейскими жителями на притоках нижней Ангары в первой половине XVII века, перешло под государственный контроль во второй половине следующего столетия. На правом берегу реки Усолки (приток Ангары) изображены производственные строения: рассольные колодцы, варницы, соляные амбары. В устье ручья, впадающего с правой стороны в реку, показана водяная мельница, плотина которой образует пруд. Дома крестьян, живших при заводе, свободно стоят в основном вдоль правого берега ручья, в незначительном отдалении от заводской территории. В центральной части селения изображена церковь во имя Иоанна Предтечи. Рассматриваемый план наглядно показывает, что в селениях Приангарья свободная застройка дворовых участков преобладала вплоть до конца XVIII века, причем хозяйственные постройки занимали мало места, а большую часть двора отводили, вероятно, под огороды.

К этому добавляются сведения о том, как людям приходилось отыскивать пригодные для поселений места, порой менять их в связи с разрушительными подтоплениями и обрушениями, всячески приспосабливаться к суровым природно-климатическим условиям и защищаться от них. В 1675 году русский посланник Николай Спафарий в описании своего путешествия через Сибирь в Китай отметил от устья Тунгуски (Ангары) и до ее истока из озера Байкал 77 русских селений[358]. Об активном крестьянском продвижении вдоль Верхней Тунгуски (Ангары) и причинах относительно быстрой смены местоположения некоторых селений автор описания сообщает на примере деревни Плеханова, находившейся недалеко от устья реки: «А ныне та деревня стоит пуста, для того что в той деревне хлеб стал мало родиться. А стоит деревня на красном месте, на горах великих»[359]. О незначительных размерах первых ангарских селений можно судить по описанию наиболее крупного из них – погоста Рыбного: «А в нем церковь, а жилых дворов с 6. А тот погост стоит на горе каменной»[360].

Важна констатация того факта, что предпочтение отдавалось освоению северного, правого берега Ангары, имевшего солнечную экспозицию. Дома ставились здесь своими передами не только к улице, но и к воде. Левобережные же селения поворачивались к Ангаре задами, несмотря на весьма почтительное и благоговейное отношение к этой реке.

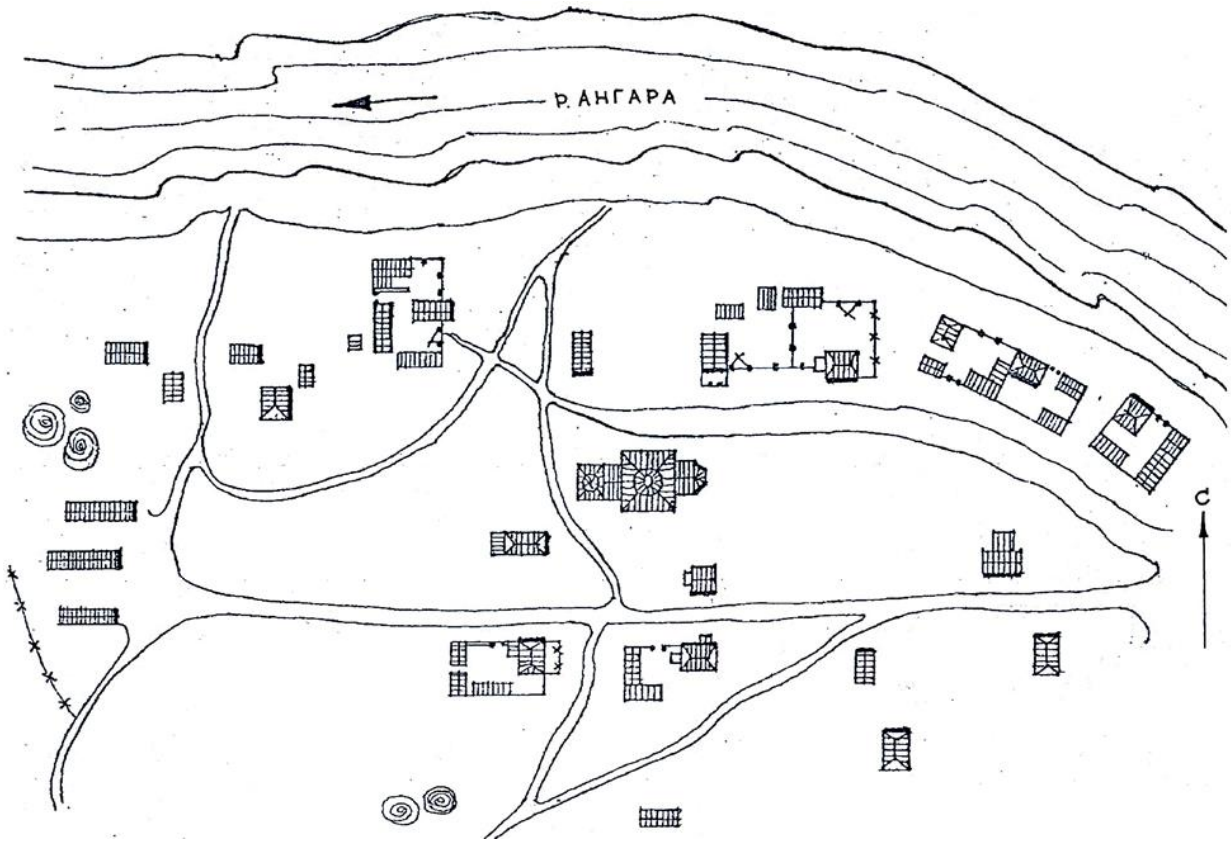
[358] Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. X. Вып. 1. – СПб., 1882. – С. 30–193.
[359] Там же. С. 91.
[360] Там же. С. 92.

Обобщение выявленных исторических сведений об особенностях формирования ангарских селений и сопоставление их с материалами натурных исследований позволяют проследить процесс зарождения и преобразования их планировки и застройки. Первые поселенцы ставили свои дома так, чтобы быть, прежде всего, ближе к воде. Это определяло прибрежно-линейную планировку большинства ангарских старожильческих селений. Одновременно развивалась и ранняя форма их плана – свободная. Постепенно двух-трехдворные деревни разрастались и образовывали гнездовую (кучевую) планировку. Располагаясь около рек, на островах и проезжих дорогах, гнездовые деревни органически сливались с окружающей природой, приспосабливались к рельефу местности. Река, как водная магистраль, как существенный фактор хозяйственной деятельности и, наконец, как важнейший дополнительный источник продуктов питания, становилась организующим началом в планировке селений. В XIX веке, когда жизнь сельских поселенцев все в большей степени начала подвергаться регламентации официальными властями, возник новый тип планировки – уличная двухсторонняя, а затем и квартальная. Однако селения, которые переживали развитие, почти все сохранили старое ядро застройки в прибрежной зоне. Так формировался смешанный тип планировочной структуры. Создавались поселения с довольно правильной планировкой и рядовой застройкой. Но встречались и такие деревни, где порядок расположения строений улавливался с трудом. Отмечавший это современник находил объяснение тому в царившей здесь полной свободе, пользуясь которой каждый домовладелец волен был ставить свою избу так, как ему заблагорассудится. Однако нельзя сказать, что в этом не было смысла. Нам очень важно понять и по достоинству оценить суть данного явления – свободной планировки, столь характерной для Древней Руси.

Ангарские поселения имели разные степени регулярности не только в силу приверженности их жителей к тем или иным культурным традициям, но и потому, что среди них были деревни, куда отправляли ссыльных, и более редкие поселки, где жили служащие, надзирающие за ними. Отправлявшиеся на поселение ссыльные могли привносить различные новшества в архитектуру своих домов и дворов. Такой путь развития народного русского зодчества – целая тема, заслуживающая специального изучения.

В островных селах и деревнях иногда складывался тип поселения, который можно назвать кольцевым, или круговым. Процесс его формирования объясняется, во-первых, более ранним образованием конечной структуры расселения (из-за ограниченности места, не имевшего возможности для дальнейшего развития); во-вторых, очевидной

необходимостью выделения своего центра формирования в условиях относительной изоляции от остальной части суши. Вместо изолированности внешней здесь была более сильная сплоченность внутри коллектива, символизирующая приобщенность к единому центру (рис. 6).



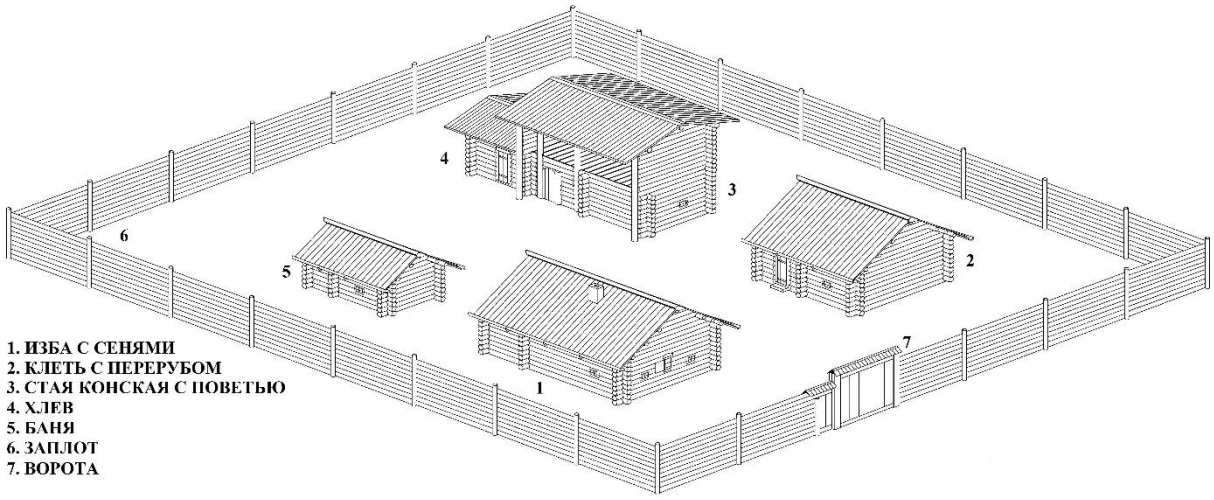
Илл. 6. Схема планировки островной деревни Селенгино Кежемского района Красноярского края[361]

Огромный интерес представляют и сами усадьбы с их жилыми избами, клетями, сенями, крытыми и открытыми дворами, амбарами, хлевами, банями, тынами, воротами и прочими деревянными сооружениями, включая элементы благоустройства и замощения улиц и дворов. Проведенный анализ историко-архитектурных материалов позволил выявить на территории Приангарья существование разных типов домов, обращавшихся на улицу чаще всего короткими торцевыми фасадами, но иногда и боковыми – длинными. Это можно считать свидетельством проникновения сюда строительных традиций разных

[361] Архитектурно-этнографический музей в г. Кодинске. Обследование памятников архитектуры Кежемского района Красноярского края. Научный отчёт. Т. 2. Кн. 1. «Спецпроектреставрация». – М., 1985. – 45 с.

регионов России. Но преобладающим на первом этапе, несомненно, был поток переселенцев из северных губерний.

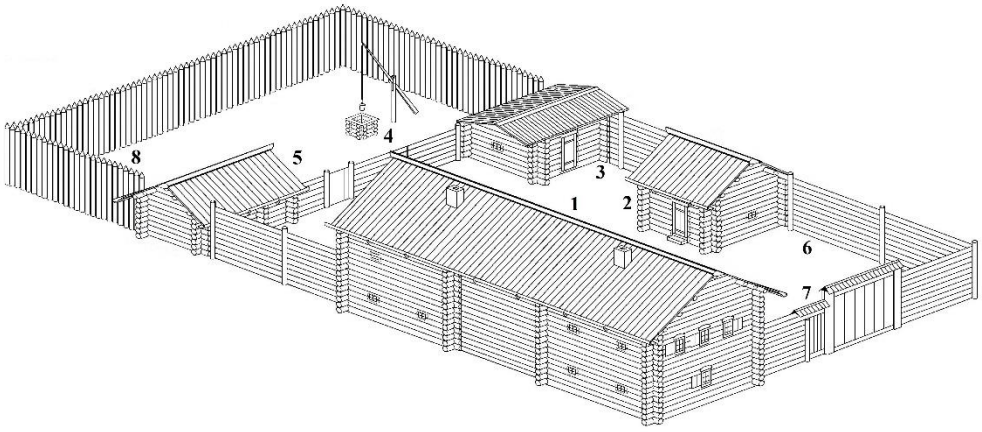
Поначалу они довольствовались скромными избами-четырехстенками, к которым пристраивались менее капитальные холодные сени. Со временем стало появляться все больше трехчастных домов на относительно высоких подклетах, состоявших из отапливаемой зимней избы, летней клети без печи или горницы и сеней между ними. Таким образом, с самого начала русской колонизации под влиянием местных условий жилые и хозяйственные постройки начали приобретать специфические черты, основанные на элементах северорусского деревянного зодчества, способствовавших формированию определенного типа сибирского народного жилища (рис. 7).



Илл. 7. Застройка двора в ангарских селениях XVII века.
Графическая реконструкция авторов

В XVIII веке основными структурными ячейками селений являлись дворовые участки, площади которых имели довольно значительные размеры (от 600 до 1500 кв. м). Этому способствовало наличие свободных земель в новых городских и земледельческих селениях.

Значительную часть площади дворовых мест стали занимать огороды, которые располагались, как правило, за жилыми и надворными постройками, завершая общую территорию хозяйственного комплекса (рис. 8).



Илл. 8. Застройка двора в селениях Енисейского уезда XVIII века.
Графическая реконструкция авторов

Находятся данные о строительстве в этих краях и больших домов-шестистенков с крестообразно расположенными внутренними стенами. Такие дома получались широкими, в идеале квадратными в плане. При этом в народе они именовались «круглыми». Их было принято покрывать кровлей на четыре ската – «колпаком». Общий, неизбежно поверхностный взгляд на всю эту систему расселения по берегам Ангары создает впечатление, будто бы здесь, в сибирской глуши, жили в трудах и лишениях малоимущие, но выносливые, закаленные и суровые люди. Однако, более внимательный архитектурный анализ показывает, что дома этих людей бывали и весьма добротными, большими и приветливыми, обильно украшенными деревянной резьбой и красочными росписями. На рубеже XIX–XX веков большой круглый дом, нередко в два этажа, становится показателем зажиточности сельского населения (рис. 9).

Илл. 9. Нижнее Приангарье. Село Богучаны. Дом-«круглый» и постройки богатого хозяйства.
Фотография А. П. Ермолаева. 1911 г. Красноярский краевой краеведческий музей

Природные условия, сами масштабы окружающего пространства способствовали в этих местах успешным промыслам, животноводству и земледелию. Родившиеся и выросшие здесь молодые поколения подхватывали эстафету у старших и упорно и преемственно развивали свои наследственные хозяйства.

Надо иметь ввиду, что в царской России были политические ссыльные из числа дворян и разночинцев, отправлявшиеся в Сибирь, но, как правило, не укоренявшиеся там, а возвращавшиеся по истечении срока в свои города. Простые разбойники и уголовники тоже вряд ли могли стать на поселениях успешными крестьянами. А вот староверы и сектанты разных согласий вполне подходили для этого. Известно, что против них возбуждались дела по линии Синода и что их ссылали в Сибирь целыми общинами.

Наверное, именно этой категории людей была во многом обязана своим обустройством и процветанием территория Приангарья. В архивных документах приводятся исторические свидетельства о поселениях на рассматриваемой территории беглых старообрядцев. Бежали от властей за Урал старообрядцы на раннем этапе заселения русскими Сибири, в XVII – начале XVIII века. Этот известный факт дает основание полагать, что многие, если не все первые ангарские поселения принадлежали противникам никонианских реформ. Тем более, что казаки – первопроходцы являлись в большинстве своем тоже староверами. Другое дело, что это не афишировалось.

Статистические данные, собранные в исследовании, определенно указывают на то, что многие деревни в этих краях, несмотря на многокилометровую разобщенность, не имели даже часовен. В них существовали лишь «молитвенные дома». Церкви зафиксированы, главным образом, в селах и монастырях. И то про некоторые из них написано: «по чьему разрешению поставлена неизвестно». Это подкрепляет наше предположение о том, что здесь жили старообрядцы, отчасти скрывавшие свое вероисповедание от официальных властей. И еще здесь жили новообращенные буряты и тунгусы, которые тоже скрывали от властей сохранявшиеся у них традиции языческих культов и шаманизма. Даже в начале XX века исследователи указывали на то, что «шаманы у населения пользуются несомненно большим авторитетом, чем православное духовенство, и чунари некоторые сами шаманят, хотя все православные и официально это всегда подчеркивают»[362].

[362] Воробьев Н. И. Рыболовство на реке Чуне (приток Ангары) / Н. И. Воробьев, препод. Казанск. гос. ун-та. — Красноярск: [б.и.], 1926 (Красн. гос. типо-лит.). – 40 с., 1 л. карт. – (Научно-промысловые исследования Сибири. Серия А / РСФСР. Наркомзем. Сибирская ихтиологическая лаборатория / под ред. зав. лабораторией А. И. Березовского. Вып. I)., с. 10.

Впрочем, большой остров на Ангаре открыто именовался «Шаманским», а деревня на нем – «Нижней Шаманкой». Значит, была где-то и «Верхняя Шаманка». Зафиксированы в тех же краях и речка Шаманка, и Шаманский порог. Как видно, местность эта хранила память о большом культовом центре древних народов Сибири.

Можно было бы подумать, что староверы в своих постройках строго следовали образцам древнерусского зодчества. Однако, это не совсем так. Они склонны были воспроизводить аскетичные архитектурные формы, хотя могли придавать им и большую пластическую выразительность, как это видим мы на Русском Севере. В данном случае, на Ангаре, они соглашались на возведение храмов и по новым, классицистическим образцовым проектам, насаждавшимся Синодом. Впрочем, согласие их на то не требовалось. Империя вела свою унифицирующую конфессиональную политику, с которой приходилось считаться.

Возможно, самые непримиримые поборники старой веры принимали решения о переходе на другие, более уединенные места, в глубину тайги, а то и в другие страны, но многие, несомненно оставались на этих землях, ставших для них родиной. В эпоху капитализма из староверов, как известно, выросли крупные российские предприниматели. Надо полагать, что и в Приангарье происходил процесс роста успешных крестьянских хозяйств. Об этом свидетельствуют приводимые в архивных документах данные о больших богатых домах. Хозяевами их были наверняка люди разного происхождения. Но все они относились к местным старожилам. Поэтому и поселения, о которых идет речь в исследовании, в целом стало принято называть старожильческими.

Но вот, для России настали бурные революционные времена. Пали не только старые монархические порядки, но и молодые буржуазные. Поддержавшие, было, революцию старообрядцы, попали в число преследуемых капиталистов и кулаков. Тогда началось разорение и Приангарья. Отдаленность этих земель, правда, смягчала остроту политической ситуации. Здешним старожилам могло казаться, что со временем все нормализуется.

Потом была Великая Отечественная война, резко активизировавшая индустриальное развитие тыла. Наверняка район Приангарья потерял многих своих крестьян, погибших на фронте или пополнивших ряды заводских рабочих. Но и это он смог бы пережить и выправиться со временем, если бы только не возникшие вдруг грандиозные планы развития сибирской гидроэнергетики в связке с крупной химической, алюминиевой, горнорудной и прочей промышленностью.

Первый проект каскада ангарских ГЭС появился в 1947 году. В 1960-е годы были сооружены Иркутская, Братская и Усть-Илимская гидро-электростанции с их обширными водохранилищами, стершими с лица земли массу исторических поселений. В 1974 году начались работы по созданию четвертой – Богучанской ГЭС. Эти работы, однако, затянулись на сорок лет. Причиной тому стали протестные выступления, прежде всего, защитников природы, экологов, а также поборников сохранения историко-культурного наследия, авторитетных ученых и писателей. Здесь уместно вспомнить размышления сибирского писателя В. Г. Распутина: «Вот так худо-бедно и жила деревня, держась своего места на яру у левого берега, встречая и провожая годы, как воду, по которой сносились с другими поселениями и возле которой извечно кормились. И как нет, казалось, конца и края бегущей воде, нет и веку деревне: уходили на погост одни, нарождались другие, заваливались старые постройки, рубились новые. Так и жила деревня, перемогая любые времена и напасти, триста с лишним годов, за кои на верхнем мысу намыло, поди, с полверсты земли, пока не грянул однажды слух, что дальше деревне не живать, не бывать. Ниже по Ангаре строят плотину для электростанции, вода по реке и речкам поднимется и разольется, затопит многие земли и в том числе в первую очередь, конечно, Матёру. Если даже поставить друг на дружку пять таких островов, все равно затопит с макушкой, и места потом не показать, где там селились люди. Придется переезжать. Непросто было поверить, что так оно и будет на самом деле, что край света, которым пугали темный народ, теперь для деревни действительно близок»[363].

Начавшаяся «перестройка», казалось, положит конец подобного рода хищническому природопользованию. Тогда на высшем уровне было решено отказаться от проектов переброски части воды северных рек в южные засушливые республики. И в целом категорическому осуждению подвергся чудовищный сталинский план преобразования природы. Однако, прошло время, и к осуществлению проекта Богучанской ГЭС вернулись. В 2012–2014 годах она была введена в эксплуатацию, а с 2015 года заработала на полную мощность.

На этом современная история индустриального покорения Ангары, увы, отнюдь не закончилась. В настоящее время идет подготовка реализации проекта пятого элемента каскада – Нижнебогучанской ГЭС. Следом намечено строительство еще двух электростанций и плотин с обширными водохранилищами перед ними.

На первых этапах гидротехнических преобразований местности археологами, историками и архитекторами в экстренном, но все же плановом порядке проводились

[363] Распутин В. Г. Прощание с Матёрой: повести. – Красноярск: Кн. изд-во, 1983. – 592 с., с. 15.

широкомасштабные обследования обрекавшихся на затопление территорий. Это позволило выявить множество культурных ценностей и спасти некоторые из них путем перенесения в специально созданные в безопасных местах музейные комплексы. Например, чтобы сохранить древнее самобытное зодчество Приангарского края, часть дворов с хозяйственными постройками перевезли в музей под открытым небом, созданный в 1966 году на берегу Иркутского водохранилища (ныне – архитектурно-этнографический музей «Тальцы»). В 1979 году в городе Братске создан музей «Ангарская деревня». Во второй половине 1980-х годов специалистами московского института «Спецпроектреставрация» были проведены исследования старожильческих селений в зоне затопления Богучанской ГЭС и разработан проект архитектурно-этнографического музея, который предполагалось разместить на берегу Ангары вблизи нового города Кодинска[364].

Однако последовавшие в стране социальные изменения не позволили достроить в те годы гидроэлектростанцию и воплотить в жизнь замыслы архитекторов-реставраторов о музее народного зодчества, которые были забыты более чем на два десятилетия. Пусть эти музеи служат вечным напоминанием о такой «прогрессивной» модернизации среды, которая повлекла за собой уничтожение ее жизнедеятельности. Напоминанием и укором тем, от кого зависело принятие принципиальных решений.

Сейчас ситуация сложилась совершенно иная: крупные корпорации напористо идут к достижению своих баснословных экономических выгод, а защита историко-культурного и природного наследия региона находится в заведомо проигрышном положении, так как не обеспечена в должной мере ни административными, ни экономическими ресурсами. На новом этапе индустриализации региона власти и инвесторы даже не ставят вопрос о сохранении исторических объектов, а проектировщики выдают скромные рекомендации о том, что «инвентаризация объектов культурного наследия и их распределение по ведомствам различного уровня должны быть проведены в рамках специализированной работы»[365]. Игнорирование результатов историко-архитектурных исследований в районах Нижнего Приангарья позволяет некоторым «экспертам» делать необоснованные выводы об отсутствии ценных признаков среди сохранившихся объектов крестьянской архитектуры.

---

[364] Архитектурно-этнографический музей в г. Кодинске. Проект генерального плана музея. Пояснительная записка к эскизному проекту генерального плана архитектурно-этнографического музея зоны затопления Богучанской ГЭС в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края. Научно-проектная документация. Т. 3. Кн. 3. «Спецпроектреставрация». – М., 1987. – 37 с.

[365] Схема территориального планирования промышленного района Нижнее Приангарье. Т. 1. Потенциал комплексного развития территории. Ч. 1. Материалы по обоснованию проекта. ФГУП РосНИПИ Урбанистики. – СПб., 2011. – 232 с., с. 99.

Почему в наше время происходит такое? Очевидно, потому, что у предпринимателей и чиновников нет настоящего осознания той уникальной и невосстановимой ценности, которой обладают приносимые в жертву гидротехническим сооружениям поселения и культурные ландшафты. Их отличает высокомерный взгляд на деревенские строения, сильно обветшавшие к настоящему времени, а то и покинутые хозяевами, отдавшими предпочтение городскому образу жизни. Им кажется, что все стОящее уже выявили и перенесли в музеи, а то, что осталось, не заслуживает внимания. Им невдомек, насколько сильно возрос и продолжает возрастать в последнее время общественный интерес к истории, культуре и отнюдь не только знаковым, но и рядовым, совсем скромным памятникам старины.

Леонардо да Винчи в свое время высказал глубочайшую мысль: «Великая любовь порождается великим знанием». Действительно, как можно ценить и любить то, о чем имеешь поверхностное, туманное представление?

Не зная по-настоящему наследия Приангарья, легко можно пережить его уничтожение. Ничего не стоит принять решение о затоплении огромных территорий с их первобытными стоянками, священными урочищами, могилами и кочевьями аборигенов, старожильческими поселениями, церквями и монастырями, а заодно и со звериными норами и тропами, берлогами и логовами, птичьими гнездами и самими вековечными деревьями, рощами и борами, густыми чащами и светлыми полянами, холмами и болотами, реками и озерами, каменистыми обрывами и заливными лугами… А нам останется с сожалением вспоминать укоризненные слова Валентина Распутина: «Что должен чувствовать человек, ради которого жили многие поколения? Ничего он не чувствует. Ничего не понимает. И ведет он себя так, будто с него с первого и началась жизнь и им она навсегда закончится»[366]. Эти выстраданные писателем жгучие фразы не могут оставить равнодушным никого, кто их прочтет с должным вниманием.

Вот, для чего нужны и важны исследования подобных уголков нашей страны! Они призваны просветить читателей и пробудить в них интерес к уникальной территории Приангарья, дать им необходимые знания, а в конечном итоге – привить любовь к этой богатой земле и обильной воде, чарующим пейзажам и остающимся еще здесь следам многих трудов человеческих. Когда это произойдет, тогда, несомненно, изменится к лучшему отношение к проблемам сохранения и регенерации наследия, а преобразовательная деятельность войдет в рамки допустимого. Опыт проведения таких исследований стоило бы распространить и на другие местности и регионы. Ведь они тоже

[366] Распутин В. Г. Прощание с Матёрой: повести. – Красноярск: Кн. изд-во, 1983. – 592 с., с. 142.

нуждаются в выявлении, изучении и сохранении своего историко-культурного и природного наследия, являющегося неотъемлемой частью общенационального достояния Российской Федерации.

ГЛАВА IV.2.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУРОРТНОЙ СРЕДЫ КИСЛОВОДСКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Рассматривать курортную среду Кисловодска вне общих проблем прославленной здравницы представляется ныне невозможным. Здесь важно напомнить, что весь регион Кавказских Минеральных Вод (далее КМВ, Кавминводы), как неповторимый курортный комплекс России, сложился в основных чертах в XX веке. Но на всем протяжении истории этой местности осуществлялась государственная забота о благоустройстве каждого из курортов, (Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и Железноводска), начиная с X1X века[367]. Привлекательные бальнеологическими особенностями курортные «группы» поселений, упомянутые выше (получившие в разное время статус городов), превращались в крупные оздоровительные центры страны, именуемые в дальнейшем городами-курортами КМВ. Их 200-летие было торжественно отмечено в 2003 году[368]. Все они с их окрестностями, образуют уникальный особо охраняемый регион южной части России. Специалисты отмечают, что по качеству и составу климатобальнеологических ресурсов этот регион не имеет себе равных во всей Евразии.

Учитывая рекреационную и курортологическую важность рассматриваемой территории, в продолжение более ранних распоряжений, новым Указом Президента Российской Федерации от 27 марта 1992 г. и соответствующим постановлением Правительства, всему району Кавминвод (вместе с городами и поселками и окружающей их местностью) - общей площадью в 5828 кв. км., придан статус особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации[369]. В соответствии с современным административно-территориальным делением территории, основная часть охраняемого региона с городами-курортами относится к Ставропольскому краю РФ, юго-восточная - к Кабардино-Балкарской республике и юго-западная - к Карачаево-Черкесской.

---

[367] Краснокутская Л.И., Михайленко В.И.. Управление курортами Кавминвод (1803-2003). Страницы российской истории. Научное издание. Пятигорск. 2004.

[368] Краснокутская Л.И., Михайленко В.И.. Управление курортами Кавминвод (1803-2003). Страницы российской истории. Научное издание. Пятигорск. 2004.
Кавказские Минеральные воды. К 200-летию основания // Памятники Отечества, №49, М., 2001.
Кавказские минеральные воды. К 200-летнему Юбилею. 1803 – 2003. // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 2, 2003.

[369] Краснокутская Л.И., Михайленко В.И.. Управление курортами Кавминвод (1803-2003). Страницы российской истории. Научное издание. Пятигорск. 2004. С.79-80.

Рассматриваемые курорты обладали, и ныне еще обладают значительными ресурсами и возможностями. Имеются данные, что если в 1985 г. на отдыхе и лечении на КМВ побывало около 1 млн. человек, то в 90 годы их численность снизилась, а в дальнейшем это число стало резко возрастать. При этом, общая тенденция к наращиванию «мощностей» (количества койко-мест и т.п.) начинает тяготеть к гипертрофии уже в последней трети XX в. Эта тенденция оказалась чреватой последствиями с негативными отклонениями. Связано это, прежде всего с тем, что стремление определенных ведомств и властных хозяйственно-управленческих структур максимально удовлетворять возрастающие потребности не только санаторного хозяйства, но и городского, все более расширяющегося, приводили, как не раз отмечалось, к определенному истощению и загрязнению окружающей среды[370]. Ввиду рассматриваемых опасений сошлемся на упомянутый Указ, в котором четко выделена цель Постановления: сохранение природных свойств курортов Кавминвод с их «уникальными лечебными и оздоровительными факторами, историко-архитектурным и культурным обликом»[371]. Данная формулировка крайне важна и на новом этапе развития рассматриваемых курортов. Она особенно актуальна, на мой взгляд, применительно к дальнейшему формированию, а точнее к упорядочиванию градостроительной структуры Кисловодска, хозяйственная деятельность которого на современном этапе оказалась не адекватно выраженной. Воздействие этой деятельности, особенно строительной, сказывается на ухудшении курортной среды, снижая и качество здравоохранных мероприятий на курорте.

Следовало бы подчеркнуть, что отличительное отношение к Кисловодску вызвано особенностями его неповторимого климата, контрастно выделяющему данный курорт на фоне других здравниц рассматриваемого региона. На климатические особенности Кисловодска обращали внимание различные специалисты и представители различных сословий еще в X1X веке. К 100-летнему юбилею Кавминвод (к 1903 году) бывший врач Управления КВМ В.В. Святловский издал целую книгу, посвященную полюбившемуся ему региону. Касаясь Кисловодска он даже привел слова госпожи Фрейнгант: «это в о л ш е б н а я (выделено мной – С.М.) страна, где сама природа обладает особенными свойствами, здесь вдыхаешь веселость, удовольствие, счастье, все заставляет веселиться: прекрасный вид, холодные ванны, которые возрождают, кислая вода, кипящая вода и пьянящая, всегда ясное небо, чистый и живой воздух и, наконец, общество, единственная

[370] Кавказские Минеральные Воды. Под ред. докт. мед. н. Н.Г. Кривобокова. М., 1994. С.201 и др.
[371] Кавказские Минеральные Воды. Под ред. докт. мед. н. Н.Г. Кривобокова. М., 1994. С.202.

цель которого наслаждение»[372]. Здесь важно осознавать, что под словами «чистый и живой воздух» следует понимать не спертый, непригодный для курорта воздух, а подвижный с характерным дуновением кисловодский воздух, спускающийся с альпийских склонов окрестностей Кисловодска и отличавшийся особенной свежестью. Именно поэтому за этим курортом закрепилось такое емкое и действительно содержательное определение как «Волшебный Кисловодск», которое произносили еще в Х1Х веке. Именно благодаря упомянутым выше особенностям Кисловодска в объемном издании федерального уровня, посвященном 200-летию Кавминвод, составленном из отдельных частей по каждому из курортов, книга, раскрывающая особенности Кисловодска, вышла под названиям «Волшебный Кисловодск»[373].

Развивая тему раскрытия особенностей курорта Кисловодск, невозможно не коснуться жгучих вопросов его существования на современном этапе. Многолетние исследования проблем курорта и его среды показывают, что р а з в и т и е, ориентированное только на прирост «количества», когда в отчетах управленцев властвует «цифра» (отражающая количество приезжих, - было столько, а стало больше (причем из года в год!), затушевывает проблему качества (особенно в перспективе). Рассматриваемая тенденция приводила и продолжает приводить не просто к обострению противоречий, к истощению ресурсов, но и к деградации культуры курортного строительства, с трудом раскрываемой в публикациях[374].

Исследования архитектуроведческого характера показывают, что любые мероприятия, направленные на воссоздание приемлемой курортной среды, в которой реализовывался бы принцип баланса природных данных (еще полностью не утраченных) и человеческой деятельности, требуют соответствующего подхода к регулированию курортного хозяйства в целом. Дальнейшее развитие курортной среды должно реализовываться с учетом воздействий богатейшего архитектурного наследия, как дореволюционного, так и советского периодов. Господствующая недооценка особенностей сложившейся курортной архитектуры Кисловодска сказалась на безответственной череде сносов старинных, представляющих интерес построек, осуществляемых и в прошлом, и в настоящем. Именно с этим связаны рецидивы их

[372] Святловский В.В. К 100-летнему юбилею Кавказских минеральных вод. Екатеринославль, 1898. С.203.
[373] Кавказские минеральные воды. К 200-летнему Юбилею. 1803 – 2003. // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 2, 2003.
[374] Кислицин В. Как расти курорту? // Кавказская здравница. №80, 1987; Мартиросов П. Курорт Кисловодск – угрозы существования мировой здравницы. // Огни КВМ, 2011, №33, с. 7.

грубых перестроек[375], попытки внедрения чрезмерных модернизаций, огульно осуществляемых на протяжении нескольких десятков лет с превышениями допустимых параметров и прочих установленных ограничений. Эта же тенденция в недооценках роли наследия сказалась и на реконструкциях ряда важных участков не только в черте города, но и самой курортной зоне, например, вблизи курортного парка[376].

Затрагивая тему «качество среды», тем более в исторических городах, следовало бы признать, что здесь имеется определенное число серьезных публикаций. Некоторые среди них важны и применительно к раскрытию и осознанию проблем «курортной среды». Приведем, к примеру, некоторые суждения бывшего главного архитектора Москвы и Президента РААСН А.В. Кузьмина относительно того, какими идеями должны руководствоваться проектировщики при попытках встраиваться в исторически значимые пространства: «…главное – ничего не навязывать. Важно изучить историю места: без понимания прошлого не сделать шаг вперед. Чего сейчас не хватает, так это именно таких знаний… Проект всегда должен начинаться с «литературы места» - с досконального изучения его исторической ценности, культурного прошлого, традиций и легенд. Нас губит желание сделать лучше там, где уже хорошо…»[377]. И возникает тут же вопрос: а какой такой субъект располагает управленцами и проектировщиками, которые бы серьезно изучали историю места, ее особенности и набирались бы терпения, чтобы все предлагаемое «переварить» и осмыслить. На мой взгляд, с этим у нас все плохо. Именно поэтому в одной из своих публикаций я осмелился заявить, что необходим тотальный ВСЕОБУЧ, т.е. - всем без исключения, чтобы как то сдвинуть рассматриваемые проблемы с мертвой точки[378]. Чтобы в обществе появился некий консенсус на многие важные вопросы и заработали бы активно подлинно общественные организации для всеобщего блага.

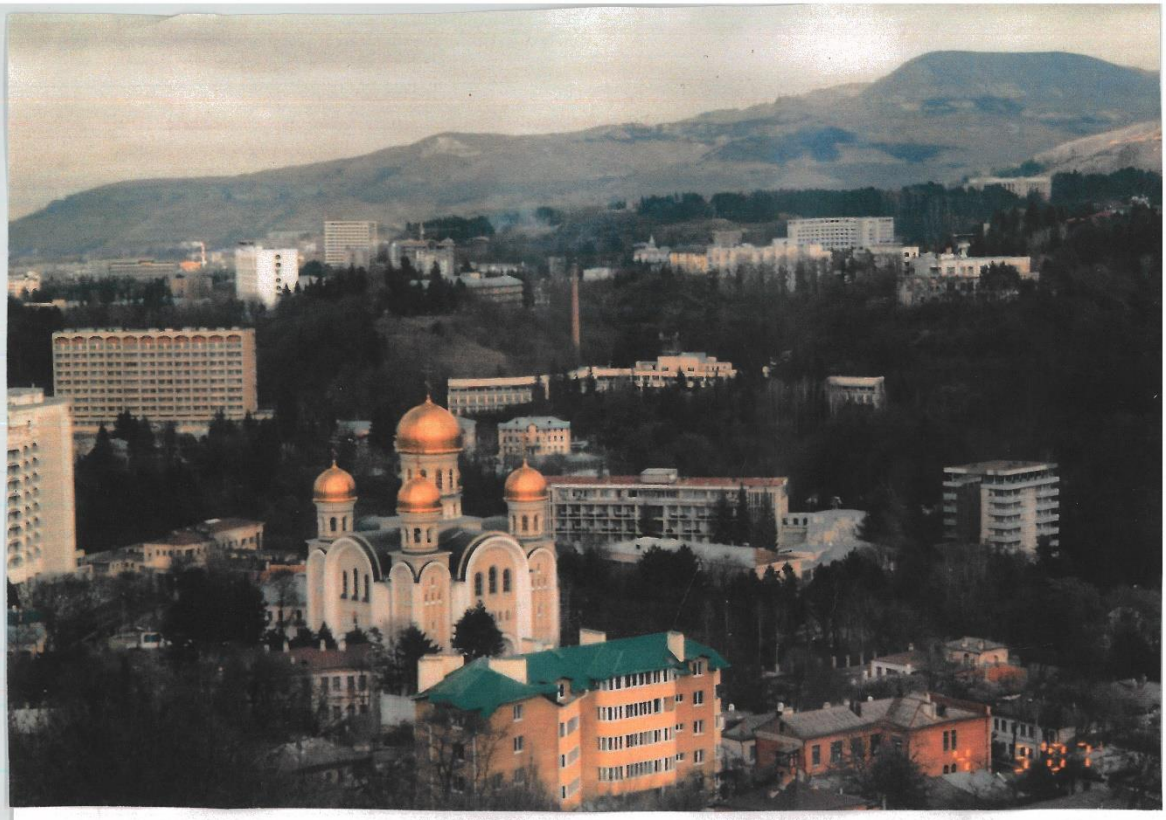
---

[375] Маилов С.А. Об особенностях освоения архитектурного наследия на примере городов-курортов Кавказских Минеральных Вод. // Градостроительные проблемы охраны наследия. Сборник научных трудов под ред. Э.А. Шевченко (вып. 2), НИИТИАГ. М., 2013 / WW ZOCHIY 21 VEK.

[376] Маилов С.А. Архитектура «Санатория – Отель «Кисловодск»: Проблемы сохранения памятника 1934 г. в Кисловодске. М.. 2022.

[377] Как управлять глобальным городом? Монолог президента \ Актуальное интервью. // URBAN magazine. // 02, 2015, с. 3-13.

[378] Маилов С.А. Проблемы освоения архитектуры как феномена деятельности в условиях современной цивилизации. // Научный альманах Центрального Черноземья. №1, 2021, с. 3-6.



1. Панорама южной части города-курорта Кисловодск с возведенными зданиями повышенной этажности в последней четверти XX века (фото С.А. Маилова)

2. Реклама на застройку современного Кисловодска многоэтажным жилым комплексом.

Приведу и такие примеры, когда, скажем, «средовой подход» применительно к архитектурной деятельности сыграл положительную роль. Как пишет другой известный московский архитектор, академик РААСН А.А. Скокан, положительная роль этого подхода состояла, например, в том, что вводились «средовые характеристики», которые стали учитываться «при проектировании». Что эти характеристики стали влиять «на отношение согласующих инстанций к рассматриваемому проекту»[379]. Однако, в ходе дальнейших своих рассуждений (теоретически выверенных применительно к тем ситуациям, которые рассматриваются) было показано, что даже при значительных утратах подлинных частей исторической застройки и попытках сохранения ее фрагментов всплывают барьеры со стороны коммерческой целесообразности, преодолеть которые часто никому не удается[380]. И ларчик здесь раскрывается сполна, когда четко указывается, что у «каждого серьезного «проекта» есть значительный «согласовательный» бюджет» - то здесь уже «можно не сомневаться, кто выиграет в споре»[381]. – А спор между охранителями исторических ценностей и инвесторами оказывается нередко просто «трагическим»[382].

Недостаточно развитые взгляды на сохранение курортов на современном этапе связаны, прежде всего, с пренебрежительным отношением к урокам истории строительства курортов. Эти взгляды легко вступают в противоречие с принципами, заложенными в Положении об «особо охраняемом эколого-курортном регионе. Вместе с тем, как показывают наши исследования, любая деятельность в пределах региона: особенно строительная, связанная то ли с отдельным объектом, то ли с комплексом, должна в большей степени учитывать значение фактора преемственности в развитии курортов. Того фактора, значение которого должно стать определяющим в формировании новых подходов к любым видам деятельности: пространственно-планировочным, архитектурно-объемным, композиционным, ландшафтным, реконструктивным и др.[383].

Наиболее существенные нарекания вызывают подходы к возведению зданий повышенной этажности. Возведенные в последние два десятилетия громоздкие

---

[379] Скокан А.А. Проблемы средового подхода в современной московской архитектуре. // Архитектура и строительство Москвы. № 2-3, с. 26-32. С.27.

[380] Скокан А.А. Проблемы средового подхода в современной московской архитектуре. // Архитектура и строительство Москвы. № 2-3, с. 26-32. С.31.

[381] Скокан А.А. Проблемы средового подхода в современной московской архитектуре. // Архитектура и строительство Москвы. № 2-3, с. 26-32. С.31.

[382] Скокан А.А. Проблемы средового подхода в современной московской архитектуре. // Архитектура и строительство Москвы. № 2-3, с. 26-32. С.29.

[383] Маилов С.А. Архитектура «Санатория – Отель «Кисловодск»: Проблемы сохранения памятника 1934 г. в Кисловодске. М.. 2022; Маилов С.А. Ландшафтно-пространственные и историко-архитектурные особенности Кисловодска. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. Под ред. И. А. Бондаренко. Вып. 1, М., НИИТАГ/РААСН. С. 317-326.

сооружения разрушают не только визуальные связи панорамного характера, необходимые при раскрытии многих ключевых, зафиксированных фотокамерами картин курорта, обогащающих его восприятие[384], но также и в физическом отношении, образуя недопустимый заслон движению воздушных масс при характерных для Кисловодска слабых ветрах. Так, например, два – три подобных строения, возведенных на возвышенности по отношению к центральной городской площади (Октябрьской) и от неподалеку расположенного Курортного бульвара, в летний период времени создают невероятный дискомфорт с учетом той загазованности, которая вызвана интенсивным движением автотранспорта. Рассматриваемый дискомфорт зафиксирован не только моими личными проверками и наблюдениями, но отражен был однажды и в публикации одного из центральных журналов[385]. Заслоны, вызванные громоздкими сооружениями, появлялись и раньше, в последней четверти XX века. Характерен также и другой случай, когда одним дерзким приемом привязки на известном участке местности удлиненных корпусов новых санаториев (в Ребровой балке), выстраиваемых поперек этой балки, в которой любое дуновение ветерка, особенно в ее низинах должно было бы относиться к фактору лечебно-профилактическому. Однако этим фактором пренебрегли в ущерб корпусам других санаториев, расположенных по рельефу ниже. Тем самым пренебрегли элементарной этикой - «не навреди». Этикой, которой необходимо руководствоваться при любой деятельности, и не только в пределах курорта.

Другой вид модернизации курортной среды, воспроизводимой в последние 2-3 года, связан с попытками облагородить общие пространства курортной зоны, превращая газоны улиц или проспектов в новые каскадные лестницы с большим числом каменных ограждений. Не менее сомнительна и «перелицовка» проезжей части (необходимая транспорту) Ленинского проспекта в каменные бульвары. Во всех этих мероприятиях положительно только одно: это стремление увеличить число пешеходных зон. Однако, вместо того, чтобы поручить проектирование рассматриваемых курортных зон местным архитекторам, в большей мере знающим особенности Кисловодска, бывший руководитель города возложил сложные задачи рассматриваемого проектирования на чужаков, на так называемых специалистов отдаленных городов. В результате мы получили такое нагромождение каменных форм (облицованных отполированным темно-красным гранитом), как, например, на проспекте Дзержинского,

[384] Градостроительство России середины Х1Х – начала XX века. Города и новые типы поселений. Книга вторая. Под общ. ред. Е.И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
[385] Курортные сюрпризы // Наука и жизнь, № 11, 2015. С. 76, 77.

что даже намеренное благодушие не способно будет сдержать критику в адрес осуществленной реконструкции важного участка рассматриваемого проспекта. Вместо существовавшего газона шириною метров под 25 с обычным тротуаром и наличием небольшого числа лестниц с огороженным цветником, выстроено 7 подпорных стен по склону крутого рельефа, ограждающих сплошные марши лестниц и потоки воды между ними. И как тут не отметить, что вся эта какофония форм выстраивается вдоль памятников архитектуры, старинных построек дореволюционного Кисловодска (бывших двух-трехэтажных дач), в которых расположены ныне кабинеты служб одного из центральных санаториев курорта.

Рис. 3. Виды на благоустройство средней части проспекта Дзержинского в курортной зоне к началу XXI века

В соответствии с рассмотренными в данной главе положениями предпринимается попытка глубже раскрыть (опираясь на известные данные) некие «механизмы», которые

способствовали бы более выверенным подходам по дальнейшему формированию своеобразия города-курорта как составной части остальных здравниц в пределах КМВ. Напомним в этой связи, что все поселения данного региона сложились как курорты еще в

4. Каскадная лестница у начала пр. Дзержинского в Кисловодске, возведенная во втор. пол. 30 гг. (вверху); и новая каскадная лестница, возникшая в 2021 г. на противоположном склоне пр. Дзержинского.

дореволюционный период и продолжили свое бурное развитие в XX веке. Подошло время, когда появляется настоятельная необходимость уделить большее внимание тем

признакам и характерным их чертам, благодаря которым в прошлом шел процесс благотворного воздействия на кристаллизацию облика курортов. Как показали длительные наблюдения, образ курортов формировался десятилетиями, «прессуя» определенные исторические напластования. Тем не менее, формирование курортов протекало, к счастью, прежде всего, под «прикрытием» природных факторов, той самой природы, в которую они вписывались, но которую и нещадно эксплуатировали. Иными словами, - под воздействием той самой хрупкой природной среды, которая на современном этапе развития цивилизации вызывает все возрастающие опасения со стороны значительного числа специалистов (если брать в целом): экологов, геофизиков, курортологов, бальнеологов, медицинских работников, а теперь еще и архитектуроведов[386].

Современная ситуация с проблемой анализа данных требует постоянно напоминать, что природные особенности Кавминвод и его ландшафт относили к числу уникальнейших на нашей планете. В результате человеческой деятельности регион превратился не просто в антропогенный (как обычно), а в исторически значимый курортный феномен. Рассматриваемые курорты вне их архитектурно организованных ландшафтов уже не мыслимы. Вместе с тем, нас должен настораживать тот факт, что баланс природного и рукотворного достиг на Кавминводах критического состояния, внушающего серьезные опасения в виду дальнейшего развития всего региона. Именно поэтому сложившееся положение вещей требует проявления большей ответственности, пока существующая тенденциями хаотичности не подвела нас к последней черте, за которой начинается необратимый процесс деградации курортов, стирания их неповторимого своеобразия и общепризнанных достоинств.

Каждый из городов-курортов Кавказских Минеральных Вод и впредь должен определяться исключительно сферой государственных интересов, особенной специализацией, обладать оригинальными лечебно-бальнеологическими свойствами своих здравниц, которые должны развиваться на базе строго-научных комплексных разработок, ориентированных на лечение и выздоровление граждан, приезжающих на курорт. Этому должны способствовать соответствующие мероприятия по сохранению их ярко выраженного историко-архитектурного наследия, притягивающего культурного

[386] Кавказские Минеральные Воды. Под ред. докт. мед. н. Н.Г. Кривобокова. М., 1994; Кислицин В. Как расти курорту? // Кавказская здравница. №80, 1987; Мартиросов П. Курорт Кисловодск – угрозы существования мировой здравницы. // Огни КВМ, 2011, №33, с. 7.

человека богатством состава курортной среды. А общее же состояние градостроения как единого организма должно быть в большей степени раскрыто для всего народа, включая местных жителей. И чем глубже и разностороннее будет развита тематика особенностей Кавказских Минеральных Вод, тем отчетливее и яснее предстанут перед нами перспективы развития курортов в будущем.

К сожалению, подавляющая часть изданий, посвященная КМВ, ориентирована на курортника-курсовочника или туриста, потребности которого ограничены довольно узкими интересами. Публикаций, затрагивающих более сложные вопросы современных курортов, как городов со своей спецификой, явно недостаточно. На этом фоне выделяется капитальный труд НИИТИАГ РААСН, подготовленный под руководством академика РААСН Е.И.Кириченко, «Градостроительство России середины Х1Х - начала ХХ века. Города и новые типы поселений»[387]. Здесь на высоком фундаментальном уровне впервые комплексно раскрыты основные черты первоначального формирования отечественных курортов, в том числе и на Кавминводах.

Представляют интерес также те небольшие исследования, которые наряду с раскрытием природных богатств КМВ, их подземных «кладовых» и лечебных свойств курортов региона, поднимают и вопросы охраны этих богатств. «Любые изменения состояния хрупкой системы,» - заключает одно из них, - «вызванные природными силами, например, землетрясением, засухой, паводками или деятельностью человека, неизбежно сказываются на состоянии подземных вод»[388]. Речь идет о судьбе знаменитых минеральных источников, на которых строился и продолжает базироваться весь процесс бальнеологии рассматриваемых курортов. Однако, не пора ли ставить вопрос острее: в какой степени хозяйственная и бытовая деятельность человека в современных условиях его местного существования в масштабе всех поселений региона влияет на качество окружающей среды и на состояние искомых источников. Все эти и подобные экологические вопросы, как и вопросы курортологии должны быть напрямую связаны с проблемами регулирования роста и реконструкции городов, развития их пригородов, поселков и других населенных мест рассматриваемого курортного региона.

Сильно разросшийся современный Пятигорск слился с большим поселком Горячеводский и другими поселениями к югу и к северу. Он приблизился новыми районами к горе Бештау, за которой расположен другой курорт – Железноводск.

---

[387] Кириченко Е.И. Курорты Кавказа. // Градостроительство России... Указ.соч. С. 261-286.
[388] Кавказские Минеральные воды. К 200-летию основания // Памятники Отечества, №49, М., 2001. С.15 и др.

Приблизился чрезмерно Пятигорск и к Ессентукам в западном направлении. В формировании исторического Пятигорска исключительную роль играли и играют природные доминанты. Его планировочные особенности, несмотря на известную регулярность, подчинены рельефу. Гора Машук пока еще гордо высится над всем городом, над многими его районами и историческим курортным центром. Она не только ориентир, но и символ курорта. Всматриваясь в одну из старинных открыток с видом на достопримечательность Пятигорска, убеждаешься в том, что роль столь важного градоформирующего компонента в былые времена осознавалась сполна. Гора Машук как природная объемно-пространственная доминанта в формировании данного курорта должна и впредь сохранять свое значение: она должна сохранять свой первоначальный облик, т.е. оставаться не застроенной как по ее поверхности, так и пространственно с учетом основных направлений ее обзора, - раскрывающихся взору различных городских перспектив.

Разросся также и Ессентуки. Он расширился, а слившись с поселком «Белый уголь», стал приближаться и к Кисловодску[389]. Чтобы не превратиться в обычный средний город и не затмить общей застройкой роль курорта, необходимо сдерживать натиск «новостроя» по всем направлениям, и, в особенности на его историческое ядро вместе с курортным парком и памятниками архитектуры. Разработанная и научно обоснованная регламентация застройки городов-курортов должна реализовываться с большей ответственностью, всемерно учитывать значимость и роль ценнейших природных компонентов прославленных Кавминвод.

И как тут не высказаться вновь о Кисловодске и не вспомнить былое, когда при въезде и выезде из него по железной дороге, ты мог засечь яркий свет «Кольцо горы». Ныне все тщетно, не увидеть больше из окна поезда «Кольцо гору» со сверкающим при закате солнца большим сквозным отверстием в скальном выступе Боргустанского хребта. Все застроено. В результате плохо продуманных решений нивелируется застройка исторического Кисловодска с раскрывающимися некогда его панорамами[390], вписанного не только в склоны активного и весьма разнообразного рельефа, но и в распластанный равнинный район с одноэтажным историческим поселением у въезда в город с его

[389] Маилов С.А. Об особенностях освоения архитектурного наследия на примере городов-курортов Кавказских Минеральных Вод. // Градостроительные проблемы охраны наследия. Сборник научных трудов под ред. Э.А. Шевченко (вып. 2), НИИТИАГ. М., 2013 / WW ZOCHIY 21 VEK. С.143-144.

[390] Кириченко Е.И. Курорты Кавказа. // Градостроительство России…, указ соч. С. 261-286; Маилов С.А. Роль панорам и визуальных связей в формировании особенностей Кисловодска. // КМВ экспресс , 2019, №25. С.13.

широкой панорамой, раскрывающейся на белоснежную вершину Эльбруса. Ныне весь въезд в Кисловодск хаотически застроен всевозможными строениями.

В условиях опасности деградации существующего природно-градостроительного комплекса, объединяющего уникальный природный ландшафт Кавказских Минеральных Вод и города-курорты в единой целое, представляется важным на всех этапах его раскрытия и попыток реконструкций возвращаться к анализу рассматриваемого феномена с позиций тех значений и мотиваций, которые ставились во главу угла при первоначальном освоении данного региона.

Казалось бы, что вся имеющаяся в нашем распоряжении картография с планами городов-курортов, нанизанных на одну железнодорожную ветвь, подводит нас к одному, на мой взгляд, опрометчиво высказанному положению относительно всего региона, как бы заглядывая в его будущее, что «Кавминводы – это единая агломерация, и решать всю совокупность возникающих здесь проблем можно только в комплексе»[391]. На это следовало бы ответить следующим образом: многое здесь на курортах действительно надо решать только в комплексе, но, никак не связывая отдельные курорты в одну общую для них агломерацию. Это только их уничтожит, нивелируя все их отличия и достоинства. Города курорты прославленного края, развиваясь, не должны превращаться в агломерацию с их «инертными» массивами чужеродных по отношению к курортам градостроительных структур.

ГЛАВА IV.3.

[391] Боглачев С.В. Кавказские Минеральные Воды в исторических очерках. Пятигорск, 2012.

О СТОЛКНОВЕНИИ ЗАЩИТНИКОВ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ С ТРАДИЦИЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДЫ

До сих пор не вполне ясны причины возникновения острой конфликтной ситуации между защитниками архитектурного наследия и сторонниками модернизации городов. И те, и другие апеллируют к историческому опыту. Действительно, была традиция поддержания преемственности, но известна и другая традиция, согласно которой уничтожать старое и создавать на его месте новое считалось делом нужным и прогрессивным. Возникает парадоксальный вывод о том, что охрана наследия требует разрушения одного из устоев традиционной культуры. В данном разделе исследования предлагается рассматривать обозначенную проблему, исходя из признания исторически беспрецедентной новизны сложившейся культурной парадигмы. Анализ отношения к сбережению и обновлению старых построек и планировок в исторической ретроспективе приводит автора к заключению о том, что в Новое и Новейшее время новаторские устремления стали чрезмерными, агрессивными, сокрушительно-революционными. Сегодня настало время отказа от радикального обновления исторического наследия, признанного невозобновляемым культурным ресурсом. Архитектурные новации обязаны быть априори деликатными по отношению к нему и иметь пространственную обособленность. Только при таком условии становится возможным возвращение к умеренной, естественной и жизнеспособной концепции устойчивого, бесконфликтного развития среды жизнедеятельности.

Борьба за сохранение архитектурного наследия создала парадигму жесткого противостояния между защитниками памятников истории и культуры и теми, кто занят созданием новостроек. Складывается впечатление, будто в старину людей отличала консервативная бережливость, а теперь – безоглядная расточительность и жажда новаций. На самом же деле, стремление к обновлению существовало испокон веков. Мало того, при ближайшем рассмотрении становится ясно, что сторонники решительной модернизации исторических поселений уверенно следуют давней традиции, согласно которой создавать новое на месте старого считается делом полезным. Отсюда вытекает парадоксальный вывод о том, что охрана наследия требует разрушения одного из устоев традиционной культуры.

Столкновение противоборствующих сторон нередко объясняется принципиальным расхождением понятий культура и цивилизация. Считается, что культурные люди обременены знаниями о прошлом и озабочены консервацией музейных ценностей, а энергичные прагматики малокультурны, зато хорошо встроены в цивилизационный процесс, имеющий априори прогрессивное значение.

Настоящее исследование преследует цель проверить основательность таких взглядов на происходящее применительно к сферам охраны наследия и проектирования новых архитектурных объектов. Исходная позиция автора заключается в том, что цивилизация – это порождение культуры и она не может существовать без культурного содержания, без исторического наследия и высокого гуманитарного целеполагания[392]. При этом на сегодня разлад между разными сферами деятельности, специальностями и стремлениями очевиден, и его необходимо преодолевать. Для этого представляется полезным заострить внимание на общей логике формирования, развития и трансформации архитектурно-планировочных традиций, в которых с течением времени была нарушена внутренняя сбалансированность. Начнем с охранительного тренда, затем рассмотрим тренд модернизационный, достигший апогея в XX веке, и закончим некоторыми признаками примирения противоположностей, дающими надежду на нормализацию ситуации в обозримой перспективе.

Сохранение наследия

История архитектуры содержит немало примеров бережного отношения к постройкам предков. Очевидно, они ранжировались по значимости и срокам существования. Люди могли легко расставаться с второстепенными ветшающими строениями, но всячески поддерживали первостепенные, набиравшие со временем все больший авторитет и мистическую силу. Понятно, что ключевыми объектами в этом отношении были культовые.

Занимаясь изучением языческой магии, Дж.Фрезер выделил два основных вида ее практики, которые он назвал «контагиозной» и «имитативной» или «подражательной»[393]. Такая дефиниция хорошо проясняет исходную мотивацию сохранения важнейших реликвий и возводившихся над ними архитектурных сооружений, служивших, по сути дела, монументальными реликвариями. Первый вид магии особенно интересен тем, что требовал оберегать подлинность самой материи существующего объекта, получившего

[392] Архитектура и культура России в историческом взаимодействии / отв.ред. – сост. И.А.Бондаренко. СПб.: Коло, 2019. С.11-14.
[393] Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1986. С.19.

статус священного, а второй – поддерживать формальное сходство нового с почитаемым старым.

Склонность к сохранению архитектурного наследия объяснялась и типичной для традиционного общества подозрительностью ко всему необычному, неведомому, исходящему откуда-то извне. Господство родовых отношений предопределяло приверженность к образцам, доставшимся от предков и овеянным их авторитетом. Люди предпочитали жить по старине, дабы не отрываться от своей земли, могил сородичей, намоленных мест. Хотя бывали случаи и совершенно сознательного уничтожения построек, в которых завелась нечистая сила и происходят несчастья[394]. Уничтожались или радикально преобразовывались и святыни народов, покоренных завоевателями. Людям приходилось мигрировать, начинать жизнь заново на новых местах. Но они всегда старались воспроизвести на чужбине родную обстановку, формируя, тем самым, стойкие признаки этнической самоидентификации. Впрочем, им приходилось и подлаживаться к новым условиям, и перенимать господствующие вкусы.

Наступление Нового времени принято связывать с раскрепощением от средневековых традиций, свободомыслием и научным прогрессом. Однако, надо напомнить, что стержнем эпохи, начиная с итальянского Ренессанса, было открытие красоты и величия архитектуры Древнего Рима, затем Греции. Началось увлеченное изучение и творческое воспроизведение античных памятников. Оно продолжилось и в эпоху барокко, и в эпоху классицизма, и в эпоху эклектики. Недаром некоторые авторы распространяют на все эти эпохи понятие «архитектура историзма»[395]. Перечисленные стили, конечно, имеют свои отличительные особенности, но общим для них был пафос приобщения к «золотому веку» архитектуры – по принципу вышеупомянутой «имитативной» магии. При этом оставался действенным и принцип «контагиозной» магии – в отношении зафиксированных и законсервированных остатков подлинных архитектурных шедевров.

Потребность в отыскании, изучении и коллекционировании памятников архитектуры и других видов искусств и ремесел заметно возросла с наступлением эпохи романтизма, совпавшей с расцветом разного рода стилизаций. В XIX веке прекратило свое существование множество исторических зданий, но вместе с тем, стало проявляться настойчивое желание сохранить чуть ли не все архитектурно-художественные ценности, накопленные человечеством, в том числе, в далеких экзотических странах и у

[394] Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Книга, 1989. С.113-117.
[395] Иконников А.В. Историзм в архитектуре. М.: Стройиздат, 1997.

первобытных народов. Сохранить хотя бы в рисунках и книгах для того, чтобы питать ими современную культуру и опираться на них в творческих исканиях, которые должны быть преемственными по отношению к наследию прошлого.

Но этот тренд развития оказался не единственным. Занятия эклектикой породили такое вольное экспериментаторство с формами и стилями, которое привело к постановке амбициозной задачи создать принципиально новый стиль - такой, какого еще не бывало в истории. И он возник – сгенерирован, будто бы в лаборатории алхимика. Сегодня мы восхищаемся этим стилем, называя его по-русски модерном, однако, многие современники не желали останавливаться на достигнутом и грезили революцией – как социальной, так и эстетической. Наследие для них стало обузой[396]. Отсюда проистекают наши большие трудности с охраной памятников архитектуры.

Модернизация наследия

Хотя архитектура сопротивлялась течению времени, она, все же, создавалась на земле и всегда так или иначе встраивалась в природное окружение, обладавшее изменчивостью. Весьма последовательно она встраивалась и в систему родовых, общинных и государственных отношений, стабильность которых тоже была не абсолютной. Поэтому совершенно естественными были и ветшание, и разрушение, и перестройки зданий. Однако, в условиях господства традиционной культуры модернизация архитектуры, как и всех сфер жизни, имела, по преимуществу, размеренный циклический характер. На смену отжившему свой век закономерно приходило новое. Но это новое было не новаторским, а традиционным, то есть новым лишь физически, а по идее все тем же, только переродившимся, «омоложенным»[397].

Широко известен японский пример воспроизведения через каждые двадцать лет в новых материалах, но прежних формах святилища в Исэ. А в одном из русских источников говорится о том, что обрушившиеся на деревню беды были вызваны исчерпанием срока ее жизни[398]. Истлевание бревен, также как и пожирание их огнем, воспринималось смиренно, можно сказать, философски, ибо всему на этом свете приходит конец.

Впрочем, хороший хозяин считал своим долгом не попустительствовать стихиям, а противостоять им. В этом отношении весьма знаменательно поучение Домостроя о том,

[396] Ле Корбюзье. Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1977. С13.
[397] Бондаренко И.А. Об уместности и умеренности архитектурных новаций // ACADEMIA. Архитектура и строительство. 2020. №1. С.8-12.
[398] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С.154.

что надо постоянно заботиться о поддержании порядка и чистоты в доме, и тогда он будет жить «всегды … внове», то есть обладать качеством неизменной новизны, вечной молодости, свойственной раю (!)[399]. Таким образом, в средневековом источнике мы встречаем установку, по сути дела, на реставрацию, даже музеефикацию полезных построек во имя их долговечности.

Сравнение ухоженного жилища с раем знаменательно еще и тем, что формирует настрой на всемерное улучшение имеющегося. Этот настрой неприемлем для современной научной реставрации, но он играл важную роль в прошлом, когда преобладало религиозное и мифологическое сознание. Лучезарные образы иного, нетленного мира воодушевляли людей, как на героические подвиги, так и на высокое богодухновенное творчество.

Выход за пределы обычного, порождение совершенно новой, невиданной архитектуры – это тоже предусматривалось традицией применительно к моментам позитивных исторических сдвигов. Только позволялось такое не каждому и не всегда. Кроме того, следует различать появление желаемых, предвкушаемых архитектурных новаций и чуждых, огорчительных и унизительных, вызванных завоеваниями и бедствиями. В любом случае простым людям приходилось адаптироваться к нововведениям, подчиняясь власти первых лиц – вождей, князей, царей, первосвященников. Ход истории можно представить себе в виде череды пиков, когда рождались новые архитектурные образцы, от которых ниспадали линии более или менее скромных массовых подражаний.

Эпохальную модернизацию языческой культуры, а с ней и архитектуры, произвело распространение монотеистических религий. Сам образ христианского храма изначально обладал принципиальной новизной, ибо исходил «не от мира сего». Но он очень быстро укоренился на местах, превратившись в их ключевой и неотъемлемый символ.

С утверждением христианского мировоззрения стали ослабевать архаические представления о вечном круговороте жизни. Произошло некое ментальное выпрямление линии исторического развития с его эсхатологическими ожиданиями конца света и преображения мира. Этим можно объяснить рождение совершенного нового архитектурного явления в средневековой Европе – готики. Только зачарованные античностью деятели Ренессанса и Просвещения могли упрекать готических зодчих в принадлежности к варварам – готам.

[399] Домострой / сост., вступ.ст., перевод и коммент. В.В.Колесова. М.: Сов. Россия. 1990. С.68, 80.

И на Руси, поверившей в свою богоизбранность, возник сильный творческий порыв, породивший очень самобытные архитектурные образы. К сожалению, саморазвитию русской архитектуры был положен конец в XVIII веке.

Нам важно отметить ту смелость, с которой действовали «просвещенные» короли и императоры, убежденные в том, что они как посланники небес ведут свои народы к свету и всеобщему благоденствию. Их настойчивыми усилиями множество глубоких жизненных традиций было отвергнуто, причислено к разряду темных суеверий и насильственно заменено на нечто совершенно новое, заставляющее людей менять свой привычный образ поведения, а также мыслей, чувств и желаний. Тотальная перепланировка и «перелицовка» городов Российской империи – наглядный пример беспощадного уничтожения средневекового наследия во имя торжества цивилизации европейского образца.

Культ новаторства

Просвещенный абсолютизм не смог в полной мере воплотить в реальности свои умозрительные идеалы. Но он сформировал тренд, нацеленный на активные преобразования существующего во имя лучшего будущего. Этот тренд был подхвачен буржуазией, когда началось бурное развитие капитализма, программно связанного с промышленной революцией и научно-техническим прогрессом. Многим стало казаться, что настала эра такого ускоренного производства материальных благ, которое автоматически приведет к формированию глобальной общечеловеческой цивилизации, освобожденной от пороков прошлого. Поэтому начал утверждаться приоритет создания экономического и технократического «базиса» для его социально-культурной «надстройки», что стало оправданием производства ради производства и предпринимательства ради обогащения.

Нигилистическое отношение к культурному наследию, как чему-то обременительному, тормозящему прогресс человечества, сильно повлияло на формирование общественного сознания XX века. Октябрь 1917 года в России стал считаться точкой отсчета новой эры. Все прошлое отошло к области предистории, потерявшей значение. Эту революционную парадигму чуть смягчила, но не отменила сталинская политика обращения к лучшим культурным достижениям прежних веков. Государственными приоритетами остались индустриализация, коллективизация, электрификация, рационализация, новаторство.

Левое движение в искусстве получило распространение во всем мире. Его главным отличительным признаком стала считаться новизна, оригинальность, не обремененная зависимостью от исторических образцов. Что это за явление с традиционной точки зрения? - Нигилизм, ниспровержение авторитетов, отречение от предков, добровольное изгойство. Такие оценки уже давались, но их недостаточно. Я бы констатировал превышение меры допустимого в отношении воспроизведения традиционной системы обновления жизни. И в отношении узурпации полномочий на это массами рядовых архитекторов, рвущихся к славе. Результат – профанация сакраментального. Она прикрывается прагматическими и псевдодемократическими лозунгами, санкционирующими девальвацию культурных ценностей[400]. У нас на это работала еще и пропаганда атеизма.

Предвижу возражения поборников придания авангардному искусству статуса элитной, высокоинтеллектуальной деятельности, что имеет определенный смысл в силу отторжения этого искусства простыми людьми. Отвечу так: да, такой высокий статус предполагает отрыв от сферы профанного, однако, добиться попадания в сферу сакрального без широкого общественного признания невозможно. Проще оказаться в области инфернального.

Отказ от строительства принципиально новых социально-экономических отношений в нашей стране помог реабилитации историко-культурного наследия. Значительно возросла забота о сохранении и реставрации памятников архитектуры. Возродился и метод подражаний архитектурным образцам прошлого. Много стало говориться о необходимости ценить, поддерживать и возрождать признаки своеобразия исторических поселений[401]. Вместе с тем, приоритет научно-технического прогресса остался неоспоримым. Наследие истории у нас позади, в культурном багаже, стремимся же мы непременно вперед - в неизведанное будущее, где еще нет никакой культуры. Культ новаторства не потерял своего очарования. И он остался по природе своей абстрактным, а потому интернациональным. Это хорошо видно на примере московской программы реновации жилого фонда, направленной на снос и радикальную перестройку целых районов с ориентацией на неоавангардные международные образцы[402]. Хотя слово

[400] Птичникова Г.А. Прагматизация архитектурной профессии в условиях современного проектного рынка // Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком / Сост., отв.ред. И.А.Добрицына. М.: ЛЕНАНД, 2013. С.290-304.

[401] Нащокина М.В. Проблемы сохранения малых городов Центральной России// Архитектура и культура России в историческом взаимодействии / отв.ред. – сост. И.А.Бондаренко. СПб.: Коло, 2019. С.338-350.

[402] Irina Kukina. Urban Environment Renovation: A Shift in Professional Focus // Proceedings of the 3nd International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (AHTI 2021). Advances in Social

реновация подразумевает возрождение, регенерацию того, что было на этих местах прежде.

Примирение современности с историей

Набравшую силу тенденциозную традицию агрессивной модернизации среды следует признать несостоятельной. Под ней уже давно нет идеологических оснований, свойственных самодержавию, лишилась она и ореола романтики научно-технического прогресса. Стало ясно, что нельзя допускать модернизацию ради модернизации или ради одних только денег. Строительный комплекс не должен саморазвиваться без высокой гуманистической цели. Конечно, невозможно отрицать пользу перспективных научно-технологических разработок, так же, как и творческих поисков в сфере архитектурного формообразования. Они должны продолжаться, но только не в ущерб ценному наследию. В этой связи стоит напомнить мудрую русскую поговорку: «от добра добра не ищут». Не надо модернизировать то, что и так прекрасно выглядит, сложилось веками и дорого не только специалистам, но и обывателям.

В памятниках архитектуры, как во всяких ценных произведениях искусства, важно беречь подлинность. Это давно осмыслено и зафиксировано в Венецианской хартии. Следовательно, исторические здания надо защищать не только от внутренних чужеродных инъекций, но и от внешней агрессии вновь возникающего окружения. Иными словами, надо стараться оставлять их в покое - с тем, чтобы они могли хранить и излучать свою собственную, исконную «ауру». Нельзя грубо заигрывать с наследием и заставлять его «жить» по навязанным правилам. Именно этому учит логика традиционной культуры: молодые должны относиться с почтением к старшим. Накопилось множество примеров проявления противоположной логики, но это вовсе не значит, что так будет всегда. Должно придти время возвращения к нормальному порядку вещей. Об этом говорят некоторые исследования и проектные предложения последних лет, нацеленные на выработку наиболее убедительных подходов к решению проблемы сбалансированного, взаимоуважительного и бесконфликтного взаимодействия разновременных и разнохарактерных элементов городской, пригородной и сельской среды[403].

Обнадеживает тот факт, что размываются границы и общепринятые критерии самого понятия современности. Этому способствует ускорение и расширение потоков

Science, Education and Humanities Research. Paris: Atlantis Press, 2021. P. 429–434. DOI: https://doi.org/10.2991/assehr.k.211125.199

[403] Бондаренко И.А. Бесконфликтное соседство // Градостроительство. М.: РААСН, 2013, № 5. С. 43-45.

информации, сближающих страны, континенты, их достопримечательности и культурное наследие разных жанров и эпох. Утратила свою силу былая погоня за сменой вкусов и мод. Теперь каждый волен выбирать то, что ему по-душе и что лучше сообразуется с ситуацией. Совершенно разные художественные манеры и стили мирно уживаются, сосуществуют, что позволяет им не исчезать по прошествии периода или сезона, а сохраняться, бесконечно наслаиваясь друг на друга. Авангардное искусство не смогло победить и заместить собой классическое. В ряде случаев произошло их более или менее удачное соединение, но еще более показательно независимое существование того и другого. Без уступок и компромиссов. И без навязываемой сверху иерархичности.

Историю нельзя идеализировать. Не на всякий образец и не на всякую традицию стоит опираться. Времена меняются и порождают не только позитивные, но и негативные явления. Возобладавший в недавнем прошлом культ новаторских преобразований действительности сегодня наносит очевидный ущерб нашим усилиям, направляющимся на гуманизацию среды обитания и достижение устойчивости процесса развития. На самом деле, тренд перманентного архитектурного новаторства давно исчерпал себя, поскольку композиционные приемы модернизма были банально растиражированы и дискредитированы. Теперь архитекторов должна беспокоить не столько новизна, сколько индивидуальная выразительность и уместность их произведений.

Защитников архитектурно-градостроительного наследия следует считать не ретроградами, занимающимися бессмысленным сопротивлением прогрессивному ходу истории, а борцами за правое дело, «благородными революционерами», отвергающими порочную традицию, точнее, нездоровый нарост, появившийся в последние века на древнейшей общечеловеческой традиции обновления жизни и превратившийся в «маркер антикультуры». Это становится все более ясным для многих. Ведь даже представителям того лагеря деловых людей, с которым приходится сражаться поборникам сохранения наследия, стало казаться недопустимым повторение так лихо звучавших в недавнем прошлом заявлений такого рода: «мы уничтожаем отжившее, чтобы оно не мешало строить новый мир». Никто не хочет прослыть бескультурным вандалом.

Отсюда вытекает отрадный вывод о том, что традиция обновления исторической среды возвращается в свое более умеренное состояние. Это означает повышение авторитета значительных произведений архитектуры, заслуживающих оберегания от вмешательства, как внутри, так и снаружи. Можно прогнозировать повышение роли и фоновой застройки, и охранных, и буферных зон, защищающих разнокачественные

постройки от нежелательных столкновений. Новостройки при этом могут проектироваться оригинальными, но только при условии достаточного пространственного обособления, исключающего функциональную и визуальную агрессию. Уважение суверенитета – залог добрососедства.

Улавливание и осмысление таких позитивных ментальных сдвигов обнадеживает, невзирая на то, что многое еще движется по инерции. И это должно придавать силы тем, кто остро переживает за судьбу архитектурного и градостроительного наследия, видя в нем невозобновляемый ресурс материальной и духовной культуры человечества.

ГЛАВА IV.4.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДЫ

Выбор темы, вынесенной в заглавие данной главы, обусловлен неубедительностью настойчивых призывов не допускать музеефикации и, тем самым, «выпадения» памятников архитектуры из среды современного города, который якобы все время должен жить, развиваться, модернизироваться, идя в ногу со временем. Впервые я наткнулся на такие призывы еще в аспирантские годы, прочитав программный текст уважаемого А.В.Иконникова в известной книге «Памятники архитектуры в структуре городов СССР»[404]. Мной было сделано тогда множество карандашных пометок в тех местах, с которыми никак не хотелось соглашаться. В дальнейшем мне доводилось заниматься этой темой неоднократно. Хотя альтернативные суждения оставались без особого внимания, я всегда помнил, что «вода камень точит». Теперь же хочу аргументировать свою позицию вновь и с учетом новых наработок.

Чем чреват указанный градостроительный, ансамблевый подход к работе с памятниками зодчества? В лучшем случае - выставлением их напоказ в достаточно нейтральном современном окружении, как это было сделано в Китай-городе у стен гостиницы Россия или у подножия многоэтажки в начале Калининского проспекта. Более новый и совершенно неприемлемый, на мой взгляд, пример – создание агрессивно-сверкающего задника для старообрядческого храма у Белорусского вокзала. Хорошо видно, что и церкви Анны «что в углу» стало гораздо хуже на фоне теперешнего концертного зала в Зарядье.

Прецеденты подобного рода возникали и в эпоху классицизма. Сохранение средневековой церкви Ильи Пророка на трапециевидной площади в Ярославле считается большой удачей тех, кто перепланировал город на регулярной основе. Да, памятник уцелел и стал выразительной архитектурной доминантой, но как же ему неуютно на этом плац-параде в точке схождения прямолинейных лучей! Гораздо хуже дело обстояло с теми древнерусскими храмами, которые ни что же сумняшеся перелицовывали и

[404] *Иконников А.В.*. Старое и новое в системе города (Глава 1) // Памятники архитектуры в структуре городов СССР. М.: Стройиздат, 1978. С. 7-44.

перестраивали во имя стилистического соответствия изменившемуся окружению. Вспомним, хотя бы, Казанский собор на Красной площади. Слава Богу, с храмом Покрова на Рву такого не сотворили! В эпоху эклектики вопрос сочетания зданий разной архитектуры стал решаться легче, однако, подавление памятников новыми громоздкими объемами, возводимыми по-соседству, и их переделки в угоду новым вкусам и изменившимся ситуациям продолжились.

В XX веке реализовывалась уже вполне сложившаяся, стойкая и все более напористая традиция проведения активных преобразований рядовой городской застройки при игнорировании, а то и уничтожении памятников архитектуры – под предлогом повышения функциональных и эстетических качеств среды. К сожалению, эта традиция кажется многим «деловым людям» полезной и прогрессивной до сих пор, из-за чего чинятся препятствия постановке на охрану вновь выявленных объектов, обладающих историко-культурной ценностью, сокращаются ранее установленные охранные зоны, теряют свой статус некоторые признанные памятники архитектуры.

А иногда возникают и такие удручающие прецеденты, как воссоздание Успенского собора Ярославля в увеличенных размерах, оправдание чему нашли в изменившейся градостроительной ситуации! В качестве рецензента по этому вопросу на специальном заседании РААСН и САР в 2008 году я призвал не грешить против истины и не нарушать традиционную масштабную субординацию русских храмов во главе с Успенским в Московском Кремле. Об ошибочности и нелегитимности проекта высказалось тогда большинство присутствующих, но реализация его на средства заинтересованного инвестора была-таки завершена[405].

В связи с данным инцидентом хочу заметить, что выступаю также и против попыток сделать вновь строящиеся церкви архитектурными доминантами районов многоэтажной индустриальной застройки, поскольку это порождает гигантоманию и хаос в храмовом зодчестве. Лучше создавать духовные центры в отрешении, в посильной визуальной изоляции от столь чужеродного и агрессивного окружения.

Вышесказанное выявляет причины, по которым защитникам наследия так трудно сегодня бороться со сторонниками модернизации городов: ведь те убеждены, что «делают как лучше» и что многовековой историко-архитектурный и градостроительный опыт на их стороне.

[405] Каким быть Успенскому собору? / Северный край. 27.11.2008;
Продолжение строительства Успенского собора в Ярославле – под вопросом // ИА REGNUM. 25.11.2008.

На самом деле, исторический опыт был очень разным, отнюдь не только революционным. Его более пристальное изучение делает очевидной некорректность многих вмешательств в жизнь ценных памятников старины[406]. Но это еще не все. Есть признаки беспрецедентного повышения в последние десятилетия интереса к историческому прошлому. Нарастает понимание того, что наследие является совершенно уникальным и невозобновляемым культурным ресурсом человечества. Такого не бывало никогда. Это воодушевляет, но и выдвигает новые непростые задачи.

Далее я постараюсь изложить свои соображения по поводу того, каким образом памятникам архитектуры подобает взаимодействовать с городской средой.

С точки зрения большинства авторов современных научно-проектных разработок приоритетным является создание интересных средовых эффектов от того или иного сочетания разновременных построек. На этой почве рождаются новейшие концепции «симбиоза»[407], «гибридизации»[408], «художественной интеграции»[409] подлинных элементов наследия со всевозможными «симулякрами», «инсталляциями» и «инновациями». Получается занимательно, тем более, в контексте рассуждений об особом «субъектно-объектном» понимании существа «средового подхода»[410].

Однако, историкам архитектуры и реставраторам хочется достойно представить уцелевшие архитектурные объекты в их подлинном виде. При таком подходе выстраивается совершенно иная логика средоформирования. И эта логика имеет под собой глубокие культурные основания.

Смею утверждать, что у каждого значительного произведения архитектуры есть право на самостоятельность, а значит, на определенную независимость от окружения, на то, чтобы его оставили в покое, позволили «жить своей жизнью» и излучать свою собственную «ауру». Прежде всего, это относится к христианским храмам, которые по самой своей изначальной идее должны были быть «не от мира сего». Другое дело, что

---

[406] Бондаренко И.А. Отношение к архитектурным новациям в русской традиционной культуре // Архитектурное наследство. Вып. 72. СПб.: Коло, 2020. С.5-12.

[407] Вавилонская Т.В. Симбиотические модели устоǐчивого развития архитектурно-историческоǐ среды Самарского Поволжья / Т.В. Вавилонская // Промышленное и гражданское строительство. – 2015. – No11. – С.46-51.

[408] Кияненко К.В. Конгломераты, комплексы, гибриды: паттерны многофункциональности в жилище // Жилищные стратегии. – 2018. – т.5. - №2. – С.119-136.

[409] Дуцев М.В. Пространственные связи. Художественная интеграция в городскоǐ среде // Теория и история архитектуры. Вып.1. XI Иконниковские чтения. Материалы научноǐ конференции. Отв.ред. И.А.Добрицына. М.: НИИТИАГ, СПб.: Коло, 2020. Электронное издание.

[410] Высоковский А.А. Визуальные образы городской среды. – М.: Локус Станди, 2008; Кияненко К.В. «Средовизация» архитектуры: истоки в социальном проектировании и проектном активизме // Архитектура и строительство России. – 2021. – No2(238). – С. 21-28.

мирские постройки ориентировались на них, формируя более или менее адекватный архитектурный контекст. Дворцы правителей, замки и городские укрепления тоже не подлаживались к городской среде, а доминировали и предопределяли ее формирование.

Теперь же памятные здания зачастую «слепливаются» в эклектические конгломераты и пребывают в состоянии «порабощения» чужеродными архитектурно-планировочными решениями. Что происходит с ними с точки зрения традиционной системы ценностей? – Насильственная, унизительная трансформация в угоду сменившимся бесцеремонным хозяевам. Обыватели и туристы могут увлекаться и очаровываться столь насыщенной многообразной средой, где находятся в тесном соприкосновении артефакты самого разного происхождения. Особенно, если это соприкосновение эффектно срежиссировано именитыми архитекторами и дизайнерами[411]. Но такая среда не способствует, а препятствует настоящему восприятию и памятников архитектуры, и самой истории.

Думаю, что пора поставить вопрос о пересмотре закосневшего понятия «исторически сложившаяся городская среда». Если только это не полностью сохранившаяся уникальная часть старого города, достойная самой настоящей музеефикации, которая, кстати, не препятствует нормальной эксплуатации. Обычную разновременную, разнокачественную среду не нужно считать окончательно сложившейся, «спекшейся» намертво. Наоборот, надо стараться расслаивать ее и проникать, по мере возможности, в глубину временных напластований, раскрывая отразившиеся в ней самые разные перипетии исторического процесса. Как хорошо, когда памятники зодчества создают ощущение отрыва от настоящего! Они и должны захватывать нас и уводить в прошлое – далекое или близкое. Вот, почему им требуется достаточная обособленность. Лучше всего, когда есть возможность создать хотя бы небольшие буферные зоны между разнородными архитектурными объектами. Тогда появляются относительно автономные пространственные локусы – каждый со своими археологическими слоями, специфическим колоритом, настроением, благоустройством, поддерживающим «дух» места и времени[412].

Отказываясь от навязчивого модернистского требования приводить городскую застройку к планировочному, композиционному и масштабному единству, мы сможем реабилитировать индивидуальную, «штучную» работу с архитектурными формами. А это чрезвычайно важно для достижения высокого качества и реставрации памятников, и

[411] Горячева А.В. Архитектурная реставрация в Италии в 1990 – 2000-х гг. Автореф. дисс. канд. арх. М.: МАРХИ, 2017. С.14-16.
[412] Антонова Н.Е. «Дух места» как предмет охраны // Academia. Архитектура и строительство. – №1. – 2015. С.30-38.

реконструкции фоновой застройки, и нового строительства. Именно «штучный» подход к проектированию по большей части частновладельческих, да и казенных построек обеспечивал в прошлом формирование такой городской ткани, которая обладала неповторимостью, многосоставностью и одухотворенностью, даже при соблюдении жестких градостроительных и стилистических регламентов. Вот, почему я считаю полезным сосредоточиться на каждой «вещи в себе», не укрепляя, а наоборот, ослабляя архитектурно-пространственные связи между составляющими элементами среды, «разрыхляя» эту среду, дабы высвободить скованную в ней жизненную энергию.

В связи с этим следует вспомнить о том, как Т.Ф.Саваренская противопоставила, по-крупному, «индуктивный» и «дедуктивный» подходы к проектированию городов[413]. Первый имел традиционную основу, уходящую вглубь веков, а второй стал преобладающим в эпоху Просвещения, в Новое и Новейшее время. Проектирование «от общего к частному» свойственно концепции модернизма, с которой пора расстаться. Настало время реабилитации ее противоположности. Хотя во всем, конечно, требуется соблюдать чувство меры.

Бестактной мне представляется постановка вопроса об активном вовлечении наследия в современную жизнь. В противовес этому предлагаю кардинально изменить отношение к самому понятию современности, ибо многое из того, что создано в прошлом, живет с нами, актуально сегодня. Иными словами, временные границы современности расширяются и размываются у нас на глазах и с нашим участием. Если так, то от архитекторов требуется не «заигрывание» с памятниками, а помощь в приобщении к ним, в интеллектуальном и эмоциональном улавливании их сути и погружении вместе с ними в былое. Музеефикация оказывается предпочтительнее модернизации. Также как исполнение классической музыки без ее осовременивания.

Отсюда следует вывод о том, что приоритет должен отдаваться такой реставрации, которая основана на максимально глубоких научных изысканиях. Только достоверные знания способны пробудить и воспитать настоящий интерес к архитектурному наследию и у специалистов, и у широких слоев населения. Эпатажные творческие «инсталляции», нарочито перемешивающие традиции с новациями, достоверное с фантазийным, могут устраиваться на сценах театров, но не в городской обстановке, где протекает реальная

[413] Владимиров В.В., Саваренская Т.Ф., Смоляр И.М. Градостроительство как система научных знаний. Труды Российской академии архитектуры и строительных наук. Серия «Теоретические основы градостроительства». М.: УРСС, 1999. С. 81-85.

человеческая жизнь. Кстати, и театральные эксперименты последних десятилетий во многом исчерпали себя, показав, что у любого новаторства есть границы допустимого.

Венецианская хартия продолжает сохранять авторитет как документ, ставящий во главу угла заботу о научной ценности памятника архитектуры. Консервация, конечно, предпочтительнее реставрации с точки зрения интересов науки будущего. Однако, недаром эту хартию нередко обходят: ведь людям требуются и целостные реставрации, и домысливания, и воссоздания архитектурных утрат. Ясно, почему французы приняли решение восстановить Нотр-Дам со всеми романтическими дополнениями Виолле-ле-Дюка. Понятны аргументы и наших церковных иерархов, радеющих за создание впечатления благолепия отреставрированных храмов, монастырей и подворий. Солидаризуюсь по этому вопросу с Т.Н.Вятчаниной[414]. А.С.Щенков недаром поставил недавно вопрос о важности сохранения и поддержания самого образа исторического здания[415].

А вот пример строительства храма на месте разрушенного в советское время собора Рождественского монастыря во Владимире надо признать неудачным. Конечно, следовало воссоздать известные формы снесенного в советское время домонгольского памятника архитектуры, почти тождественного Дмитровскому собору. Якобы очень правдивый и принципиальный тезис о том, что нельзя вводить в заблуждение людей, создавая копии, не обладает достаточной убедительностью. Его породил и держал некоторое время на плаву упрощенный материалистический взгляд на историю как на линейный необратимый процесс, устремленный в светлое будущее из мрака отмирающего и безвозвратно исчезающего прошлого. Теперь появились совершенно иные взгляды и интересы. Теперь мы гораздо лучше ощущаем потребность в приобщении к былому, в умозрительном перемещении во времени и усвоении ценностей далеких культур. Поэтому выстраивание «диалогов» между настоящим и прошлым, казавшееся абсолютно необходимым, потеряло свое фундаментальное значение и обернулось лишь навязчивым постмодернистским художественным приемом. Хотя у него остаются еще авторитетные приверженцы[416].

Никак нельзя запретить реставраторам работать по аналогиям, а значит, и выдвигать рискованные гипотезы, и создавать на свой страх и риск архитектурные

[414] Вятчанина Т.Н. Воссоздание исторических сооружений в контексте отечественного архитектурно-реставрационного опыта последних трех десятилетий. Доклад на международной научной конференции «Архитектура: наследие, традиции и новации». М.: НИИТИАГ, 2022.
[415] Щенков А.С. Архитектурный образ реконструируемых исторических объектов. Доклад на международной научной конференции «Архитектура: наследие, традиции и новации». М.: НИИТИАГ, 2022.
[416] Горячева А.В. Архитектурная реставрация в Италии в 1990 – 2000-х гг. Автореф. дисс. канд. арх. М.: МАРХИ, 2017. С. 11-12.

стилизации. Дело в том, что сам предмет охраны может быть отнесен не только к частностям, как это отмечает А.С.Щенков, но и к общей композиции памятника, его стилистике, образной выразительности - некогда прекрасной, но, волею судеб, испорченной и разрушенной. Тогда встает вопрос о частичном и даже полном создании «новодела» или, как любил выражаться А.В.Савин, «о повторном строительстве». С.О.Хан-Магомедов тоже призывал легче относиться к «новоделам», исходя из того, что культурную ценность могут представлять не столько материальные остатки памятника, сколько былая красота и оригинальность его линий и форм.

Понятно, что нельзя выдавать подделку за оригинал. Но совершенно необязательно создавать для этого бросающиеся в глаза различия между историческими и современными строениями и их элементами. Часто это вызывает раздражение, поскольку препятствует созданию настроя на восприятие памятника. Стилистические контрасты не вредят делу тогда, когда разновременные и разнохарактерные объекты имеют пространственную обособленность и образную самодостаточность. Иначе эти объекты попросту мешают друг другу.

В этой связи вспоминается призыв К.С.Носова не допускать таких подделок, которые будут в дальнейшем вводить в заблуждение ученых и реставраторов. В частности, он говорит о том, что новую кладку лучше выполнять не на известковом, а на цементном растворе[417]. Считаю, что в данном случае он переусердствовал. Не только специалистам, но и неспециалистам вовсе не безразличен заполнитель швов между кирпичами, если нет штукатурного покрытия. Мало того, само умение воспроизводить во всех деталях старинную строительную технологию представляет собой немалую культурную ценность. Поэтому я выступаю и за добротные подделки, коль скоро они бывают нужны для создания требуемых ощущений. Только при строжайшем условии: все они должны быть тщательно задокументированы – в интересах специалистов будущего.

В заключение надо заметить, что высказанные соображения ведут не к усложнению, а к облегчению решения многих вопросов и реставрации памятников, и реконструкции их архитектурного окружения. По-моему, нужно поменьше заниматься архитектурными привязками и прикомпоновками. Пусть прожившие долгую жизнь солидные сооружения выделяются, пусть сохраняют патину времени и поздние наслоения, но только не губительные для них, а имеющие истинную культурную

[417] Носов К.С. Проблемы реставрации каменно-кирпичных памятников оборонного зодчества // Электронная публикация тезисов научной конференции VI Хан-Магомедовские чтения, 14 марта 2022 г. Организатор – НИИТИАГ. www.archi.ru

ценность. Негоже старым памятникам слишком «молодиться» и подстраиваться под новомодных соседей, которым надлежит знать свое место и соблюдать почтительную дистанцию. Это так просто понять применительно к этикетности общественных отношений. А эти отношения надо бы распространить и на архитектуру.

ГЛАВА IV.5.

МОДЕРНИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА – В ДИАЛОГЕ С ИДЕНТИЧНОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ НИЖНЕГО НОВГОРОДА)

Состоявшееся в 2021 году празднование 800-летия Нижнего Новгорода, сопровождавшееся комплексом мероприятий по модернизации среды города, подтолкнуло к рассмотрению ряда городских пространств, имеющих особое значение для организации функциональных процессов, формирования образа и самосознания жителей города. Основная повестка реализуется в формате муниципального проекта «Среда-800» под кураторством губернатора области, главным модератором выступает Институт развития городской среды Нижегородской области (ИРГСНО)[418]. Действительно, внимание к городской среде стало одновременно и следствием внедрения государственных программ, инициатив областного и городского правительства, ИРГСНО, Нижегородской организации Союза архитекторов, с участием Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, различных проектных бюро, общественных организаций, не равнодушных граждан.

Интеграция устремлений (совместных и нет), не свободна от противоречий, но обращена к проблеме среды и обусловлена городом, где всем этим интересам и начинаниям суждено встречаться и уживаться. Наиболее заметные преобразования коснулись, в первую очередь, центральных мест Нижнего Новгорода (Кремль, Александровский сад, Почаинский бульвар, ул. Большая Покровская, набережная Федоровского, Нижне-Волжская набережная, Стрелка Волги и Оки). В ходе рассуждений мы обратимся к анализу ряда модернизированных пространств согласно авторской оптике художественной интеграции в аспекте идентичности, при этом, стараясь избегать исключительно «туристических маршрутов», объединяя знаковые точки притяжения и повседневные сценарии. Обращаем внимание, что в нашем поле зрения окажутся некие промежуточные результаты глобальных изменений в контексте целостного образа города, что отодвигает на второй план вопросы авторства и многие прагматические моменты.

[418] Стратегия развития городской среды Нижнего Новгорода / официальный сайт: https://sreda800.ru/

Несмотря на конкретику, отчасти приземленность, рассматриваемых средовых примеров, исследование обращается к проблеме идентичности в особом расширительном ракурсе, свободном от однозначных критических оценок и позволяющем увидеть, в первую очередь, многомерность, своего рода, многоосновность данного понятия, касающегося далеко не только исторического наследия. Предложенную философию взгляда определяют, как минимум, два основания. Первое заключается в широте самого понятия, по природе, зависящей от контекста восприятия. Второе – в характере рассматриваемых преобразований, которые в известной степени свободны от обязательного, хоть и ожидаемого наследования сложившихся мотивов. При этом поставленная исследовательская задача двойственна: оценить потенциал обновленных общественно-рекреационных пространств города, одновременно предложив некий новый алгоритм оценки как таковой, основанный на привлечении ряда ключевых понятий, ранее не в полной мере используемых в анализе качества и жизнеспособности городской среды.

Очевидно, что временная дистанция, позволяющая объективно взглянуть на пространства, обновленные к 800-летию города (или чуть позднее), крайне незначительна. Повод для происходящего понятен, как и сами механизмы реализации. Также нет нужды лишний раз акцентировать те безусловные критерии, которым выбранные примеры успешно отвечают: социальная активация места, комфорт для разных групп пользователей, актуализированное функциональное наполнение, современный дизайн – то, что эти важные позиции вынесены за скобки, можно посчитать, своего рода достижением, зрелостью профессиональной отечественной культуры. При всей значимости указанных позиций, вероятно, все же существуют более общие и, в то же время, сущностные измерения. Обозначим ряд искомых понятий, концепций, феноменов, помогающих увидеть истинный уровень жизнеспособности и целостности решений в далекой перспективе:

- художественная интеграция;
- аура или атмосфера;
- витальность и «витализация»;
- театральность и театрализация;
- природа и органические закономерности;
- проблема реальности и реальностей;
- коммуникация и перформативность;
- интегративная идентичность.

Явления и концепции во многом всеохватные, межсистемные, вечные, адресующие не только к человеческой природе, но и к философии жизни вообще, к цивилизационным законам – ко всему «Космосу», его скрытым смыслам и механизмах, которые можем только предчувствовать или предвидеть. В этом плане, перечисленные измерения показывают, насколько раскрываются интегративные качества модернизированной среды, обращенные одновременно к исторической правде, художественной состоятельности и к личности автора или адресата непосредственно. В свою очередь, мера идентичности обнаруживается в каждой из позиций, что позволяет оценить взаимосвязанный средовой потенциал – возможность тонкой со-настройки пространства и человека. Совокупность перечисленных понятий формирует альтернативный критерий осмысления архитектурной среды, целостное средовое чувство в пространстве, времени и во внутреннем движении мыслей и эмоций человека как необходимый «инструмент» профессиональной творческой деятельности архитектора и дизайнера.

Предлагаемые к рассмотрению понятия или меры искомой средовой целостности интересны не только своим многоаспектным содержанием, но и своими обоюдными пересечениями, прорастаниями одного в другое, образующими некую единую логику ума и чувства. Так, характерными особенностями предлагаемой оптики являются своего рода взаимные стыковки, смысловые и ассоциативные «узлы», связывающие используемые основания в единый «пучок», а также обязательный учет индивидуального, личного опыта «наблюдателя». Потенциальная вариативность последнего играет свою роль, делая мотив идентичности переходящим, блуждающим, но при этом необходимым! Следует также заметить, что не всегда идентичное продлевается стараниями профессионала или пользователя – механизмы сохранения следов прошлого, духа и «духов» места куда сложнее и удивительнее для человека, на что полезно обратить внимание.

Природа и органические закономерности

Начинаем с природно-органического начала как с первоистока, наиболее естественного мотива, пожалуй, определяющего идентичность Нижнего. В более широком смысле органические качества несут совокупность ресурсов мысли, мотивов образного и концептуального плана:

- естественное начало и его символика;
- тяга к первоистоку, бегство от цивилизации;
- круговорот энергии, цикличность;
- метаморфозы, метаморфируемая форма;

– развивающаяся структура.

Движение, заложенное в природных алгоритмах, побуждает задуматься об изменчивости и отсутствии затвердевших форм в мироздании. Не случайно, создатель наиболее альтернативной и, на первый взгляд, умозрительной теории К. Малевич декларировал: «Супрематизм очень похож на природу. Это такие же элементы, такой же организм или система построения элементов с выработанными отношениями одного элемента к другому»[419]. Признание, еще раз доказывающее силу природы как структурного, мировоззренческого и концептуального ресурса. Впрочем, известный Отдел органической культуры ГИНХУКА под руководством М. Матюшина экспериментально апробировал возможности «расширенного смотрения», взаимосвязь цвета, звука и формы под углом человеческих психофизических возможностей. Органический авангард развивался наравне с «формальным», по-своему проявляясь в творчестве П. Филонова, К. Петрова-Водкина, А. Древина, В. Ермолаевой и многих других.

Во многом именно этот «живой» заряд побудил к интерпретации постулатов Малевича позднее, его наследниками из среды художественного андеграунда: П. Кондратьевым, В. Стерлиговым, Т. Глебовой. Перечисленные авторы добавляли новый прибавочный элемент – обязательное духовное измерение формы. Их стараниями новаторство стало более соизмеряться с контекстом человеческой жизни и притяжением Вечности. Новое не обязательно разрушает, а мыслится в сотворчестве с космосом, дополняет новыми смыслами и их взаимосвязями. «Не авангард, но органическое прорастание живых ветвей на древе Вечной жизни – вот смысл творчества… Вот новый зовет авангарда: не ломай – метаморфируй»[420], – призывал создатель авторского супрематического канона «иератур» М. Шварцман. Сегодня трансформации профессионального вектора жизнестроения очевидны: некогда авангардный пафос эко-ориентированной архитектуры меняется на некий знак экономии созданной человеком художественной выразительности в пользу ценности настоящей природы и ее компонентов: материала, света, воды, зелени, ветра…

Помимо указанного выше природа обладает безоговорочной и самой истинной правдой – убедительностью «первой» реальности, доверие к которой не может быть поставлено под сомнение. С этим связаны постоянные обращения к природному началу как к камертону и мерилу ценностей, укорененных в самом творении.

---

[419] Цит. по: Добрицына И.А. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с. С. 118.
[420] Русский музей представляет: Михаил Шварцман / Альманах. Вып. 111 СПб.: Palace Editions, 2005.

Оппозиция естественного и искусственного постоянно сопровождает творчество и вообще деятельность человека, что специфическим образом проявлено в искусстве созидания пространства жизнедеятельности. Получается, что автор и пользователь постоянно стремятся к максимальной органичности любой даже технической составляющей своего творения или окружения. Органика природы выступает в роли концептуального ориентира, а ее процессы переходят в проектные алгоритмы.

В аспекте среды, пожалуй, еще более существенным видится обновленный режим доверия к природе в русле феноменологической традиции и философии онтологического равенства всего сущего. Вхождение всех актантов на равных правах, без авторитарного человеческого взгляда пока представляется утопией, но обещает сущностный поворот в средоформировании.

Аура и атмосфера

К ключевым метафорам преодоления превосходства физического измерения, безусловно, относятся понятия ауры и атмосферы, ориентирующие на энергию произведения и на ощущения человека одновременно. Более всего известны размышления об ауре В. Беньямина, который провел границу между рукотворным, обладающим этим качеством, и растиражированным, аналоговым, «машинным», не имеющим данного свойства по природе. Сегодня, конечно, можно усомниться в однозначности такого разделения, так как искусства фотографии, книжной (тиражной) графики, даже многие образцы цифрового искусства несут очевидный заряд выразительности и силы подлинного воздействия на своего адресата. Вероятно, рукотворное как принцип, вследствие перманентной технической революции, также расширил свои пределы, отчасти включив в свою орбиту и новые технические инструменты.

Еще одна важная позиция в вопросе ауры принадлежит нашему современнику, искусствоведу О.А. Кривцуну[421], акцентирующему пластическое начало произведения искусства, его «излучение», завораживающее зрителя. При этом речь идет не только о «лучах» самой художественной фактуры, запечатленной энергии мазка (например, в импрессионизме), но и об образном строе, о выразительности конфликта или силе диссонанса (экспрессионизм или абстрактный экспрессионизм).

Для нашей темы важны обе позиции, в сконцентрированном виде указывающие на некое сильное воздействие на воспринимающего человека, причем, продолженное во

[421] Художественная аура: истоки, восприятие, мифология / Ответственный редактор О.А. Кривцун. – М.: Индрик, 2011. – 560 с.

времени, когда впечатливший образ живет в воспоминаниях, обрастает персональными смыслами, передается по цепочке социальной коммуникации. Насколько средовое произведение может ответить такому запросу? Пожалуй, что в самой высшей степени – за счет целого спектра пространственных и временных контекстов, количества участников и адресатов с их собственными «ментальными картами» того или иного места. Такое продление за пределы физической реальности в области метафизического мира, сопровождающееся адресованностью лично каждому, мыслится наиболее ценным ресурсом ауратического измерения среды.

Обоснованность человеческого, персонализированного измерения ауры подводит к закономерному вопросу об «участии» пространства и архитектора, о возможностях применения описанной логики в профессиональной деятельности. Ключом к ответу может послужить близкое понятие атмосферы, уже введенное в круг используемых терминов, например, архитектором П. Цумтором («Thinking Architecture», 1998»). Цумтор представляет атмосферу как синтез ощущений от естественных сред и стихий, фактуры и свойств используемых материалов, звучания пространства, различного рода населяющих интерьер объектов, любимых хозяевами, и наделяет этот комплекс чувств не меньшим значением, чем функцию или форму. В его во многом феноменологической логике сильны органические привязки, позволяющие говорить о едином «теле архитектуры», с которым взаимодействует человек, словно погружаясь в атмосферу.

Перекликающиеся тезисы находим у философа Г. Бёме[422], который объясняет своё понятие через возможность оказаться «в атмосфере» чего-либо. В этом плане атмосфера мыслится более материально, чем аура. Однако понятия во многом синонимичны, что подтверждают и мысли Бёме. Размышляя о возможности такого продолженного действия художественного явления, он приходит к выразительному термину «экстазы вещи», означающему особый заряд, заложенный в материале. Представляется, что данная образная трактовка может быть взята на вооружении, применительно к архитектурному пространству и прозвучать как «экстазы места» или «средовые экстазы». Такое концентрированное чувственное содержание будет полезно увидеть в аспекте витального.

Витальность и «витализация»

[422] Бёме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «METAMODERN». URL: http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/ (дата обращения: 01.11.2022)

Витальные свойства и явления характеризуются сильным жизненным началом, противостоящим смерти. В архитектуре может быть найден ряд подходов к вопросам витальности, в том числе, и самый прямой, граничащий с определенной тавтологией. Ведь создаваемое зодчим средовое окружение всегда (за исключением мизерного процента случаев) предназначено для человека и его деятельности, даже мемориальное пространство предполагает воспринимающего живого человека. Казалось бы, не обладать этим качеством может только часть технических сооружений и, в известной степени, «фантомная» виртуальная архитектура (последняя все же бывает витальна как искусство, может иметь серьезную вдохновляющую силу). Исходя из затруднений в оценке применимости разбираемого качества только с позиции участия человека, расширим вектора поиска средовой витальности.

1. Новая жизнь исконных мест. Живое начало в среде.
2. Востребованность людьми. Вдохновение к жизни.
3. Наполненность внутренним содержанием, личными переживаниями.

Именно такое движение от ожидаемого и во многом поверхностного понимания витального пространства как социально наполненного – к живому по духу месту – позволяет объемно оценить витальность и связать со всем кругом разбираемых понятий: органических, феноменологических, эмоционально-художественных.

Однако в самом простом понимании архитектурно-художественная витальная сила может быть понята и применена как максимальная энергия, эмоция, выраженная в произведении – первый тезис. Такой взгляд – своего рода калька из искусствоведения (вспомним О.А. Кривцуна), рассматривающего особую пластическую выразительность, самостоятельную ценность живописной фактуры, как, например, в открытиях импрессионизма. В этом плане предполагаемый экстремальный заряд близок к догадке о средовом «экстазе», что, с одной стороны, развивает весьма продуктивную тему эмоций и настроения в архитектуре. Эмоциональность архитектурной среды, некое обострение чувств представляет ресурс на сегодняшний день не до конца раскрытый и не вполне изученный, пограничный психологическим исследованиям. С другой стороны, в обозначенном векторе есть явные парадоксы и риски, связанные с уже успевшим устареть «вау-эфектом» и синдромом, так называемой, иконической архитектуры. Оказывается, что художественная провокация имеет ограниченный срок жизни и порой не столь глубокий смысл. Вот почему такой «энергийный» ракурс должен иметь свою точную меру в контексте и адресность в восприятии.

Второй тезис ориентирует нас в сторону реальной жизни пространства, но уже с учетом вышесказанного. Активация городской среды занимает умы теоретиков и практиков не одно десятилетие, включая опыт ситуационистов, приверженцев психогеографии, всей современной урбанистики. В большинстве случаев мы обнаруживаем здесь важный поворот в сторону индивидуального прочтения, персональной «ментальной карты» архитектурного ландшафта. «Тонкая настройка» или «сонастройка» (с пользователем) пространства предполагает наличие «тела» и «души», т.е. живого в самой архитектуре. Актуальность этой метафоры подтверждают «одушевленные» и «телесные» архитектурные практики П. Цумтора и С. Холла, наделяющих свои объекты феноменальным и сверхфеноменальным измерениями.

Каждодневное проживание средовых образов становится приоритетом новой глокальной стратегии проектирования на стыке глобального потребительского мира и признания локальных ценностей. Вместе с этим, в такой программной ценности сопричастности жизни прослеживается влияние органических подходов и проявление феномена перформативности – включенности форм архитектуры в круг метаморфоз природы. Может ли ветшающая или вовсе исчезнувшая среда транслировать витальные качества?

Возможности живых реальностей архитектурной среды после частичной или полной утраты материального носителя формирует третий тезис «жизнь после…». Не удивительно, что подлинные артефакты, события и следы истории, запечатленные в материале, могут сообщать более концентрированный заряд витального, чем многие сегодняшние новоделы, словно сохраняя и транслируя живое начало ушедшего. Концепция живой и достоверной истории притягательна в формате осмысленного и одухотворенного потребления. Вероятно, такие сочетания прежде сложно совместимых понятий могут настораживать, но в гибридах – во многом суть актуальной культуры человека. Высокое и приземленное находят точку соприкосновения и примирения через историю, давая импульс в будущее: совмещение и переплетение многих реальностей, интегральная энергия множества «жизней».

Наконец, наиболее полярное проявление витального, также находящееся в ареале заявленного тезиса, укореняется в памяти и в ментальном пространстве человека, предполагая длительное присутствие жизненной силы среды, энергии и отголосков «прошлых жизней», когда вещественного памятника более не существует. Витальные свойства «переживают» и возможно превосходят конкретную среду обитания, распространяются и закрепляются в последующей истории психологически,

символически и ритуально. И здесь мы уже обращаемся к чувственной «настройке» человека, его живому воображению и склонности к наделению среды человеческими свойствами – к потенциалу «средовой эмпатии».

Художественная интеграция и движение к целостности

Художественная интеграция[423] предложена именно в русле авторской концепции как возможность наращивания максимального числа связей в процессе проектирования и в дальнейшем сосуществовании архитектурного объекта или пространства и всего средового окружения, включая социальные и иные контексты. Речь идет не просто об идее синтеза искусств, которая дополняется новыми творческими формами, а о стратегии более широкой, тотальной связанности и взаимной выраженности всего актуального поля контекстов, тенденций, явлений культуры. В данном ключе не вполне обязательным является традиционная трактовка «художественного», т.е. исключительно образного начала, которое может быть расширено и дополнено понятием «целостность» в смысле достижения определенного уровня соответствия части целому.

Согласно предложенной логике, более совершенным и уместным считаем то средовое произведение, в котором будет достигнута согласованность индивидуальной концепции и всего концептуального поля, новации и контекста, конкретной формы, авторского пластического языка и мировых стилевых тенденций. Учитывая смелые актуальные трансформации пластического начала, такие конвенции не всегда достижимы, что делает, пожалуй, именно художественное измерение местом возможного примирения и продуктивного диалога.

В целях осуществления искомой связи либо оценки ее состоятельности предложена система, объединяющая три поля интеграции:

- пространственно-временное поле контекстов;
- поле синтеза и взаимодействия искусств (художественное);
- персонально-личностное поле.

Подвижность, «мерцательность» сегодняшних значений обусловили применение именно полевой логики построения интеграционной модели, в которой указанные

[423] Дуцев М. В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре. Н. Новгород : Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2014. 358 с. : ил.

положения становятся важными, но не обязательными, полюсами притяжения в каждом конкретном средовом случае.

Театральность и театрализация

Театр – это уже, возможно, отчасти устаревшая метафора, но в этой традиционности – своя ценность! Действительно, жизнь города сегодня характеризуют, скорее, кинематографические или клиповые черты, а то и свойства компьютерной игры. В этом ряду «театральное» выглядит анахронизмом и даже чем-то более правдивым и реалистичным. Таковы парадоксы истории культуры и цивилизации. И все же с некоторой долей условности все эти проявления объединяет некая повышенная репрезентативность, ощущение смены ролей и декораций, предвидение «сценариев». Именно такой набор качеств позволяет увидеть город как театр или как сцену, каждый момент времени готовую к новому спектаклю.

Театрализованную событийность можно, в свою очередь, также трактовать по-разному: от пророческих и достаточно едких предсказаний Ги Дебора (или же Рема Колхаса[424]) до примиряющей философии приверженцев феноменологии и перформативности. Другими словами, театр либо встроен в стратегию потребления, либо сопровождает сознание человека, а возможно, и что-то вне человеческого опыта. Представляется, что архитектура в этом вопросе может предложить свою «альтернативу»: театральность – как неотъемлемое пространственное качество среды города, проявленное помимо социальных или психологических институтов. Не случайно Ю.П. Волчок акцентировал понятие «городской амфитеатр»[425], идущее из глубины истории.

Органическая концепция, в свою очередь, также соприкасается с театральным, пожалуй, по двум основным мотивам. Во-первых, она привносит ту естественность, которую так ищет наш современник вообще и современный театр, в частности. На сцене мы все чаще встречаем документальное повествование, прямую речь автора или непрофессиональных актеров со своими реальными сюжетами. Прямой аналогии в архитектуре вряд ли найти, но близкие процессы явно прослеживаются – хотя бы в наполнении городских пространств определенным самоорганизующимся содержанием. Другое, более прямое влияние естественной идеи представлено «театром стихий», когда рукотворное уступает место силам природы.

---

[424] Колхас Р. Гигантизм, или проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство / Р. Колхас ; пер.: Визель М., Ситар С., Бабицкая В. М.: ООО «Арт Гид», 2015. 84 с.

[425] Волчок Ю.П. Городской амфитеатр в Москве в эпоху Н.М. Карамзина // Художественная культура. 2020. № 1 (32). С. 127–142.

Оценивая сказанное выше, становится видна тенденция к отходу от декоративного, обманного «барочного» театра в сторону доверительной, исповедальной формы театральности. Ресурс такого внутреннего театра, соотнесенного с окружением и крепко с ним связанного посредством памяти, ассоциаций, знаков и личных ориентиров, описал А. Росси в авторской концепции «Научного театрика». С этой позиции театр – самая искренняя лаборатория творчества, «неоконченная пьеса», основными действующими лицами которой становятся архитектурные формы и их пространственные и смысловые связи. По сравнению с фальсификацией и притворством архитектурных иллюзий, здесь рождается человекомерный, личный, «добрый театр» автора или адресата.

Безусловно, обозначенный индивидуальный ракурс ведет к проблематике умножения реальностей и возможности их коммуникации в среде города. Диалог предполагает «равноправие» участников, что в одинаковой степени правомочно, как для пользователей среды, так и для ее проявлений – ее идентичностей. Первое предполагает соучастие и сотворчество, продуктивные межсистемные взаимодействия. Второе – скорее аллегория, подчеркивающая подвижность значений даже в вопросе контекста.

Коммуникация и перформативность

Важным пунктом в разговоре о ключевых моментах пространственно-временного творчества заслуженно выступает динамическая коммуникативность, готовность к диалогу, включенность в коммуникацию. Это привычно притягательное понятие (хотя бы с легкой руки М. Бахтина[426]) может быть адресовано как к одушевленному участнику средовых событий (архитектору или пользователю среды), так и к самому пространству и формирующим его материальным носителям. Кстати, добавленная сюда категория времени задает особый нерв любому средовому процессу, создавая некий исторический объем, где человек уже выступает как минимум в трех лицах: нашего предшественника, современника или потомка…

У любого диалога есть обязательные черты, к которым, прежде всего, отнесем разницу позиций его участников и их относительное равноправие. Во всяком случае, об этих свойствах желательно помнить даже, когда «голоса» еле слышны. Так, в новом урбанизированном укладе так сладко обнаружить шепот истории, а в качественно сохраненном аутентичном месте иной раз уместно встретить грамотные и деликатные высказывания актуального плана – от технических до художественно-концептуальных.

[426] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Заметим, что такой «говорящий» город заведомо живой и сам словно одушевленный, наравне с нами. Безусловно, с метафорой сообщения связано постмодернистское прочтение пространства как постоянного и смыслопорождающего нарратива, пульсирующего семантического поля. Концепция такого «литературного» города отсылает нас, скорее, не к диалогу, а к кодированию и шифрованию, предполагающим эрудицию адресата.

Перформативные свойства, напротив, высвечивают включенность среды в неминуемый и естественный ход времени, не предполагая обязательной содержательной основы. При этом коммуникация несет расширительный режим взаимодействия с вечным: среда или объект в процессе становления, формирование пространства как акт созидания, включенность в процессы наполнения пользователями, а также обратные явления ветшания – вплоть до исчезновения или забвения. Самоопределение человека в кругу данных вопросов зачастую становится маркером его ответственности перед своими действиями в пространстве – перед его прошлым, настоящим и будущим.

Интегральная (динамическая) идентичность. Реальное и реальности

Тема сбережения идентичности в отношении средового окружения является одной из самых противоречивых, а порой и полярных. Базовая сложность возникает как раз в достижении консенсуса и в определении шкалы ценностей. К примеру, внутри историко-культурной меры идентичного открывается не один слой по периодам и их значимости или уместности включения в сегодняшний контекст. К этому следует добавить еще далеко не одно измерение, относящееся к той или иной части носителей памяти, пользователей, культуры, религии и прочего. Возникает потребность в таких понятиях, как своего рода «дрейфующая идентичность» и «открытая форма» идентичности, в которых могут быть задействованы следующие факторы:

- информация – люди, факты, события;
- образы истории, метафоры;
- поведенческие алгоритмы;
- пространство воображения.

Вместе с этим, логика поиска подходов к идентификации может быть дополнена связкой «история – миф – личная история», показывающей вариативность «подлинного». Настоящее, сущностное здесь может переходить из реально случившегося в область художественного вымысла, легенды, интерпретации. Сквозной ракурс, пронизывающий каждую составляющую, открывается архетипическими мотивами идентичности, общими

для разных этносов. В предложенной точке зрения вновь поднимается проблема реальности: просматриваются контуры множества историй и множества реальностей.

Амбивалентность реальности – достаточно привычный парадокс, сопутствующий всей истории человечества, присутствует и в теоретической плоскости. Помимо очевидного деления на внешнее и внутреннее, каждый раз затрудняющего выбор единственно верного решения, существует множество носителей этих свойств, находящихся в самых разных положениях во времени и пространстве, вступающих в непрогнозируемые взаимоотношения между собой, что делает систему практически не определимой. Однако ракурс проблемы реальности может быть развернут в более простой и при этом важной плоскости – в вопросе понимания пользователем среды в полноте ее объема, а также прочтения «послания» авторов этой среды. Обратное также правомерно – возможность услышать и увидеть человека (и не только человека) за границами формальных, семантических или логистических задач. Порой непонимание в том или ином случае ведет к отторжению архитектурной среды.

В качестве гипотезы выхода из такого кризиса коммуникации видится ресурс дополнительного, переходного элемента или агента, предполагающего «пограничные» или «стыковочные» реальности. Возможности введения данного «посредника» наиболее просто пока представить на уровне вр*е*менной архитектурно-художественной среды или незначительных по масштабу, не столь травматичных для контекста средовых объектов. Однако в качестве буфера может выступить и концептуальный или языковой ресурс, воспринимаемый всеми сторонами средового полилога. Основаниями для этого могут послужить местные легенды или архетипические образы, эмоционально выразительные пластические мотивы, знаково-символьные элементы. Часть городской архитектуры может примерить на себя такую роль, выступить коммуникативным средовым началом, воздерживаясь от прямолинейных или наивно поверхностных решений.

Возвращаясь к теме исторической идентичности в разрезе многоликой реальности, вспомним, что любой город и его пространства являются носителями мифов. Городская мифология – понятие, возможно, более социальное или ментальное, чем архитектурное. И все же мифологическое поле города определяет точки идентичности – общие и личные, которые задают матрицу идентификации среды. Для нашей темы важны те и другие, вернее, совмещение образуемых ими «решеток», их наложение и места пересечения, а также содержательная характеристика. Таким способом сам город может быть поименован в зависимости от выбора оптики взгляда исследователя: город-спектакль, город-музей, город-процесс, город-собеседник, город-миф… Далее мы обратимся к

вариантам воплощения идентичного в увязке с обозначенными положениями на примерах недавнего обновления общественных пространств Нижнего Новгорода.

В поиске идентичности Нижнего Новгорода

В самом ожидаемом виде идентичность Нижнего Новгорода раскрывается рядом позиций: Река – Гора – Стрелка – Ярмарка – производства (Автозавод, Сормово…). Эти очевидные, несколько упрощенные маркеры, тем не менее, указывают на некие сильные ресурсы, безошибочно считываемые любым пользователем или зрителем. Отметим, что мероприятия по модернизации коснулись, в первую очередь, канонических мест и видов.

Вероятно, любое место, будь то поселение либо иное пространство, крайне заманчиво разбирать с позиции идентичности – сюда вплетаются факты, судьбы, события. Нижний богат в обозначенном плане, однако, один фактор ценен особо – это то, что принято называть ландшафтом, конкретнее – выраженным рельефом, поднимающимся над реками. Но можно охарактеризовать эту особенность чуть более многословно, поэтично и, тем самым, думается, точнее. Очаровывает не сухой факт наличия «горы» и «реки», а постоянный диалог этих феноменов, в которой вовлечены и рукотворная среда, сам житель, любой человек. В этом плане, полезно акцентировать изначально сильное, словно предзаданное феноменологическое измерение Нижнего Новгорода, куда включены сопутствующие мотивы поэзии, перформативности[427], ритуальности (М.Р. Невлютов). Городские ритуалы на самом простом, бытовом уровне предполагают вечерние прогулки по набережным, открывая феноменальные возможности для созерцания. Следует признать, что на примере Нижнего еще раз акцентируется естественная красота и соприродность исторического города – его рельеф, «прозрачность» и проницаемость, дерево, как живое, так и использованное в строительстве.

«Живая» история. Праздничное и повседневное

Кремль по праву является «отправной точкой» ментальной карты города и квинтэссенцией исконной нижегородской идентичности. Чудо кремля – в его живописном расположении на рельефе по вертикальной координате, позволяющем ощущать простор, находясь преимущественно внутри замкнутого контура (рис. 1). Мемориальные атрибуты дополняются видами на пойменные луга за Волгой, совмещая нормативно-торжественное и естественно-свободное, вечное и земное, формируя ритуальность с большой степенью

[427] Невлютов М.Р. Перформативность архитектуры // Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик : коллективная монография / авт.-сост. и отв. ред. Т.Г. Малинина. М.: БуксМАрт, 2020. 500 с. : ил. С. 216–225.

свободы выбора – опять же благодаря природной компоненте. Вполне оправдано, что созерцание далей, заката – вовсе не рекламный бренд, а доступный каждому путь достижения эмоционального и эстетического Абсолюта. Имея настолько сильный ресурс, данное место практически не допускает кардинальных вмешательств. При реконструкции оказались востребованы простые решения – сделать доступным и комфортным возможность созерцания, так как именно здесь гора и река ведут свой магический диалог. Организованные места отдыха логично дополнили променады набережных, где картины далей воспринимаются преимущественно в движении.

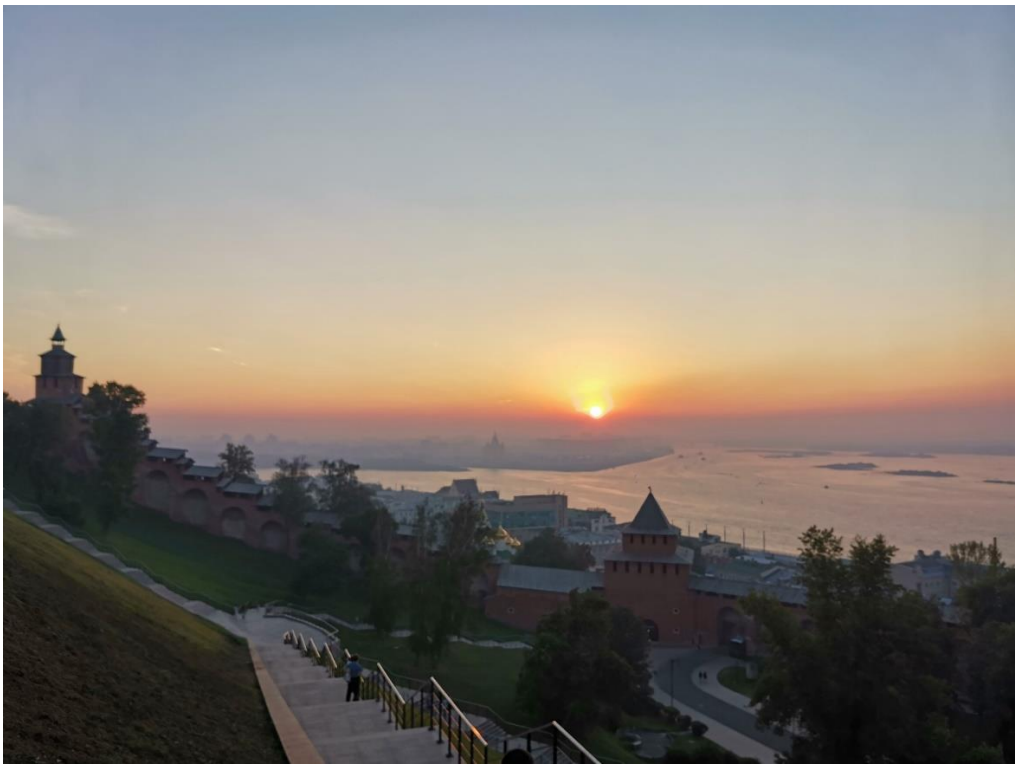


Рис. 1. Кремль и Стрелка. Классика нижегородской идентичности
(Фото М.В. Дуцева, 2022)

Александровский сад (инж. П.Д. Готман, садовник Пельцель, 1834–1840 гг.), актуальная концепция разработана бюро WOWHAUS, по праву является носителем ряда ключевых средовых качеств, среди которых преемственность, театральность, граничность, востребованность публикой. Он был основан в 1835 году и назван в честь Александры Федоровны, супруги императора Николая I. На сегодняшний день Александровский сад относится к ОКН областного значения.

На этом террасированном склоне, непосредственно примыкающем к Кремлю, формирующем «базу» для исторического центра при взгляде с воды, сошлись многие главные характеристики городского ландшафта: природность, живописность, раскрытие

видов и доступность места для посещения. Рекреационная территория изначально, несмотря на статус, лишена прямолинейной парадности благодаря крутому рельефу. Однако положение в городе обусловливает проведение здесь различных публичных мероприятий. Сад характеризуется диалогом природы и человека, что определяет особое ощущение «граничности» или пограничной среды, в которой связываются воедино исторические, органические и социальные контексты. Продолжая «городской амфитеатр», здесь открываются виды с разного уровня. Однако театральность укоренена здесь по традиции гораздо глубже: городской променад, массовые праздники, салют, фестивали.

Зрелищность органична для этого места. С 1958 года на одной из террас располагалась открытая эстрада «Раковина» (арх. В.Н. Рымаренко, проектный институт «Гипрогорьковстрой», позднее «Горьковгражданпроект»)[428]. Символично, что заказчиком постройки была Горьковская государственная филармония, а идея возведения сооружения принадлежала ее директору Л.М. Гельфонду. Таким образом, появление первого по сути современного «арт-объекта» на этом месте было инициировано государственной властью для реализации официальной культурной программы – концертов над Волгой (рис. 2). Эстрада сгорела, долгое время, на протяжении десятилетий площадка пустовала, но в канун нынешнего юбилея «ракушка» была восстановлена в приближенных к прежним формах. Кстати, это также показательно – то, что окончательный выбор варианта (а их было много, весьма далеких от оригинала) пришелся на воссоздание былого легендарного образа, запечатленного в памяти нижегородцев. «Воссозданная» форма несколько отличается от оригинальной по пропорциям и имеет дополнительную аранжировку декоративной деревянной конструкцией – модная дань эко ориентированному стилю места (рис. 3). Ансамбль концертной площадки при этом получился по духу скорее минималистским, соединив традицию и чистую созерцательность пространства.

[428] Гельфонд А.Л. Страницы культурной жизни города 1930–50-х гг. // Нижегородский музей. 2009. № 17. С. 104–115.

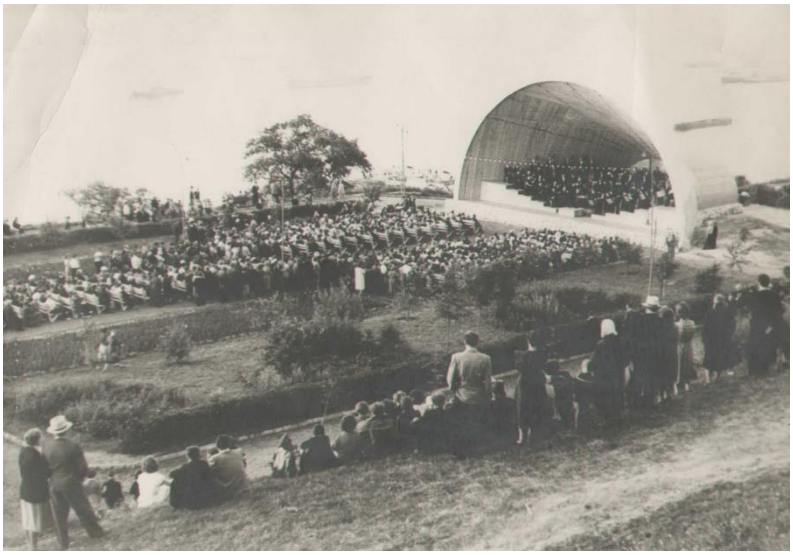


Рис. 2. Александровский сад. Открытая эстрада «Раковина». Арх. В.Н. Рымаренко, проектный институт «Гипрогорьковстрой», 1958 (фото из архива А.Л. Гельфонд)

Рис. 3. Александровский сад. Новая открытая эстрада. Арх. бюро WOWHAUS, 2021 (фото М.В. Дуцева, 2022)

Тема трансформации и пересмотра идентичности сада во многом связана с жизнью объектов-павильонов. Так, другую примечательную конструкцию, теневой навес «Облако» (арх. В.В. Баулина. 1966 г.) постигла грустная судьба (рис. 4). Навес сменил новый павильон, продолживший иную идентичность – образ геодезического купола – формы также снесенного кафе, которое располагалось на верхней отметке набережной. Получилось, что идентичный, узнаваемый пространственный сюжет словно перекочевал на другое место, «переехал» в пределах ста метров. Не скроем, что утрата аутентичных вещей (в описанном случае сразу двух) разочаровывает, при том, что они обе относились к периоду модернизма. С другой стороны, обнаруживается упрямый факт прорастания обозначенной эстетики вопреки модернизации – своего рода мерцание следов советского периода с его художественной, конструктивной и социальной правдой. Сегодня процесс обновления продолжается – совсем недавно пришла очередь некогда знаменитого модернистского кафе «Чайка» (ресторан-бар «Тиффани» в последние годы)…

Рис. 4. Александровский сад. Теневой навес «Облако». Арх. В.В. Баулина. 1966

Историческое место по-прежнему ждет и открыто экспериментам. Не случайно здесь дважды проходил архитектурный фестиваль «О’город», оставивший в наследство некоторые самые стойкие, востребованные и полюбившиеся арт-объекты. Концептуальные сооружения имеют ограниченный функциональный ресурс, но сами по себе выступают фактом творческого высказывания авторов, предлагая обновленную версию архитектурно-художественной коммуникативной реальности.

Ощущение театра, безусловно, усиливается вечерней подсветкой, превращающей строения и деревья в нарядные декорации для городского досуга (рис. 5). Примечательно, что такой «не естественный» мотив укоренился в качестве генетического кода места наравне с ведущим естественным, соединившись в неразрывное целое в сознании горожанина. Верхневолжскую набережную, венчающую Александровский сад, сложно представить без вечернего светового «спектакля».

Рис. 5. Александровский сад. Вечерняя театральность (фото М.В. Дуцева, 2022)

Соотнесенность ценности публичного и индивидуального, доступного и скрытого, очевидного и тайного сопутствует разбираемой теме повсеместно, и иной раз может завести в неразрешимый тупик. Сокровенное предполагает подлинность как редкое и максимально хрупкое качество, которое, в свою очередь, может легко ускользнуть даже при грамотной музеефикации. Однако в самых многолюдных, посещаемых туристами общественных пространствах мы всегда будем сталкиваться скорее с популярным прочтением любого исторического сюжета, не претендуя на глубину смысла или чувства. Так, ряд мероприятий на центральной улице Большая Покровская по своему воздействию ближе к аттракциону, к примеру, фрагменты рельс и условный трамвай, всегда оккупированный детьми, или треугольный в плане «раскоп» с булыжной мостовой у здания Законодательного собрания (рис. 6). В том и другом случае идентичность представляет сплав конкретной исторической правды и обобщенной памяти, игры или даже заигрывания с пользователем, что служит их привлекательности и витальной силе.

Рис. 6. Улица Большая Покровская. Образы истории.
Концепция КБ Стрелка, С. Горшунов (Фото М.В. Дуцева, 2022)
Рис. 6.1. Памятник первым в России линиям пассажирского трамвая, которые открылись в Нижнем Новгороде в 1896 г. Работы вела фирма «Р.К. фон Гартман и К⁰»

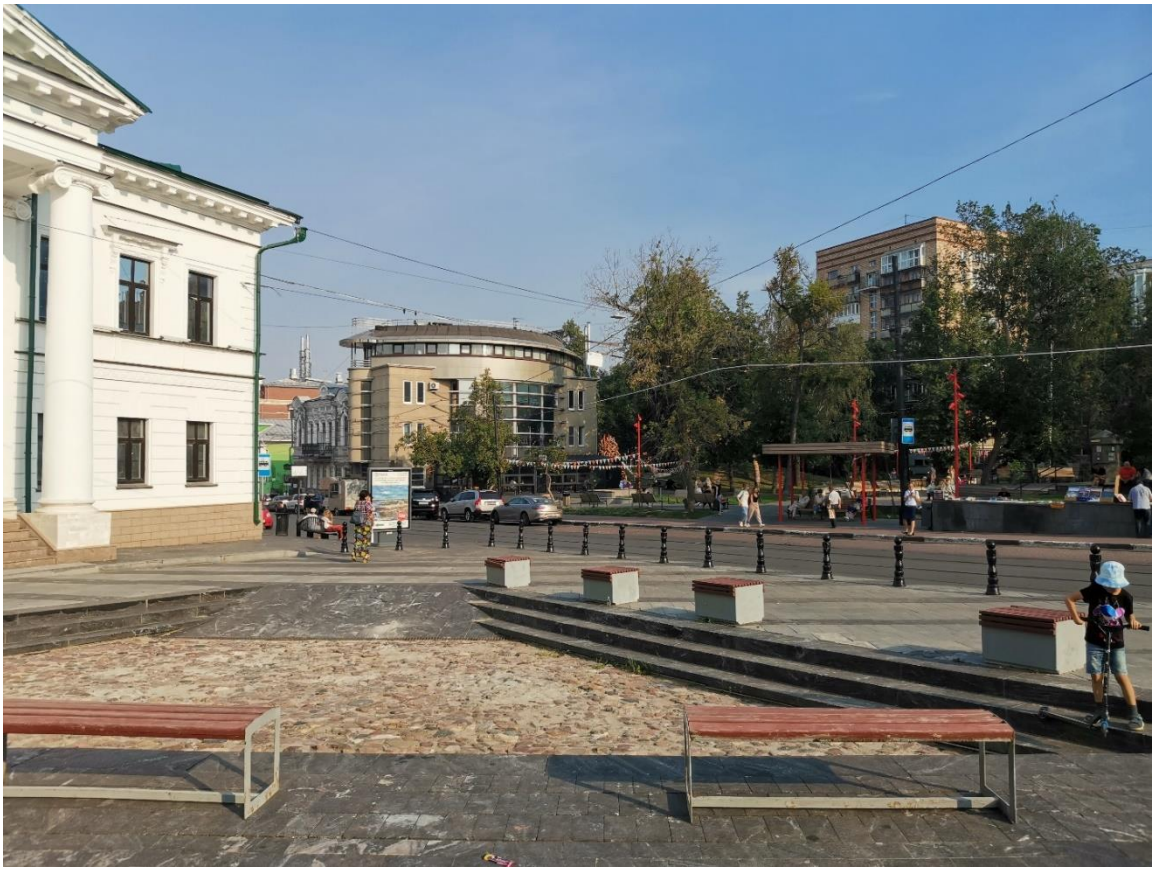


Рис. 6.2. Фрагмент булыжной мостовой XIX в.

Иначе мотив памяти проявлен в более камерных пространствах. Сквер на Ковалихе (по ул. Ковалихинская), как он часто зовется в обиходе, расположен в непосредственной близости от усадьбы, где родился Алеша Пешков. Уточним сразу, что это не тот знаменитый Дом деда Каширина, в котором будущий писатель провел детство, а просто место его предполагаемого рождения и пребывания в период младенчества. В любом случае, Максим Горький – в прямом смысле Гений этого места, как и всего города. В рамках модернизации в скверике были не только разбиты детские площадки, но и увековечена память о писателе в виде городской скульптуры без постамента, появились информационные таблички, а также проходит открытая фотовыставка о литературной жизни города того времени (рис. 7). Таким образом, камерный сквер с повседневным пользовательским режимом обрел определенную доступную литературную идентичность, в данном случае, вполне уместную. Правда, иные оттенки памяти места никак не проявлены, например, исконная традиция поселения кузнецов вдоль речки в овраге, что и определило в свое время название улицы...

Рис. 7. Сквер на ул. Ковалихинская. Максим Горький (фото М.В. Дуцева, 2022)

«Притяжение» воды

«*Между домом детства и домом смерти, домом спектакля и домом работы находится дом повседневной жизни…*»[429]

Альдо Росси, «Научная автобиография»

Водная или речная идентичность – ожидаемый лейтмотив волжских городов и шире: город на реке – известный архетип. Для города это и судоходство (перемещение пассажиров, грузов, постоянная судоходная активность), и существенный, ведущий компонент стиля жизни и имиджа. И все же в Нижнем потенциал рек, при всей безусловной востребованности, остается не до конца раскрытым, что следует из недостаточного для горожан непосредственного физического общения с водой. Наличие пляжей не снимает данного противоречия чисто количественно, что порождает эффект столь естественного и манящего, но запретного удовольствия. Не случайно, в рамках преобразований магия воды, ее постоянное притяжение, реализованное достаточно

[429] Росси А. Научная автобиография / Пер. с ит. Голубцова А. М.: Strelka Press, 2015. С. 96

распространённым сегодня универсальным способом – в виде сухих фонтанов, стали развитием городской идентичности. Еще одна водная тема, связанная с флотом и плавательными средствами, в первую очередь, с именем выдающегося конструктора судов на подводных крыльях и на воздушной подушке Р. Алексеева, пока явно в тени.

На площади Октябрьской фонтан обусловил активный центр притяжения в летний период, причем, возник он на месте демонтированного советского фонтана. Актуальное решение делает воду легко доступной (рис. 8). Предыдущее – дополняло модернистскую стилистику типового советского здания Дома политического просвещения (в народе «Политпроса»). Сегодня здание, ныне концертный зал «Юпитер», к счастью, сохранено и удачно реконструировано, но старый фонтан ушел вместе со своим характерным силуэтом и цветной керамикой дна (она иссякла еще до демонтажа). Ностальгия, безусловно, присутствует, но такова стихия воды! Примечательно, что эта площадь по своей природе во многом формируется и живет по закону водной стихии – она крайне расплывчата по конфигурации, в нее «заплывают» архитектурные объемы разных функций, габаритов, стилей. Течение времени, текучесть предпочтений, стечение людей...

Идентичность претерпевает метаморфозы в витальном измерении социальной наполненности среды – жизнь в городе становится более раскрепощенной, допускает проявление вольности поведения и «не городской» его характер (самозабвенное массовое купание в фонтане в центре города). Последнее в определенном смысле ново и не случайно отмечается многими, например, замечается художниками. Так, в культурном центре «Рекорд» в конце августа 2022 прошла художественная выставка, собравшая образное видение того, что появилось в год 800-летия, как преобразился город вокруг этой даты (рис. 9). Показательно, что некий темпераментный, экспрессивный, яркий образ города, не очевидный ранее (и точно не характерный для советского города Горький), предстал в большинстве произведений, причем, не только в содержательном плане, но и в пластическом строе – как подсознательное проявление витальных метаморфоз.

Рис. 8. Площадь Октябрьская. Сухой поющий фонтан перед концертным залом «Юпитер» (бывш. Дом политпросвещения), 2021 (фото М.В. Дуцева, 2022)

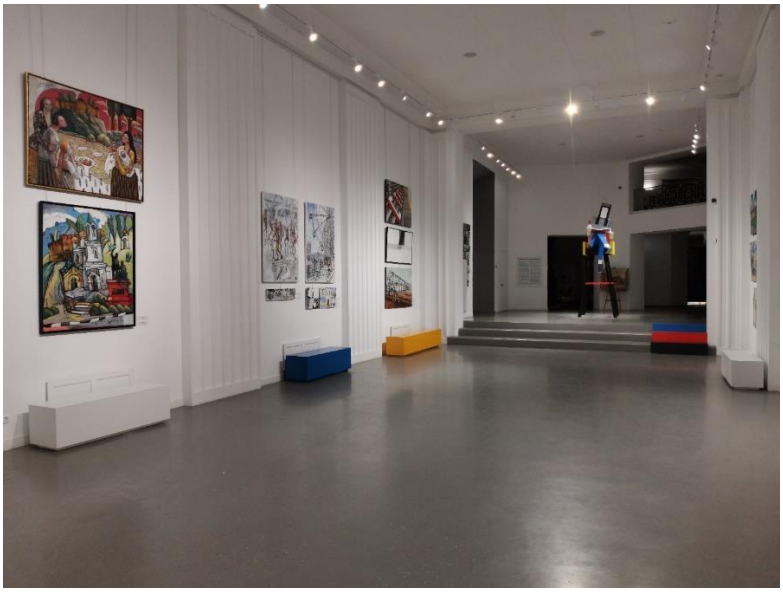


Рис. 9. Центр культуры «Рекорд». Выставочный проект «Нижний Новгород. Детали. Продолжение». Кураторы: галерея искусств «Луна», 2022
(фото М.В. Дуцева, 2022)

Надежды и сомнения. Вместо выводов

Безусловно, работой с описанными пространствами не исчерпываются вопросы сохранения городской идентичности, тем более, как было сказано во вступлении, ценные памятники всерьез не затрагивались. И все же проведенный анализ подсказывает некоторые ответы, относительно того, как мыслит сегодня проектировщик общественное пространство с историей, как оно может быть реализовано и принято публикой. Из подходов, которые хочется поприветствовать, явно выделяются социальный и эко ориентированный. Они же включаются в общую стратегию идентичности, так как

формируют пространства рекреации, активно наполняемые людьми, что свойственно, например, характеру «ярмарочного города». При этом явно прослеживается принцип «не навреди», что более чем уместно в ценном окружении. Также позитивно следует оценить общий тон высказываний, уровень вкуса и архитектурного такта, проявленный в выборе материала, цвета, приемов подсветки. Все это позволяет воспринимать сделанное одновременно современно и в меру контекстуально.

Однако заданный отсчет ценности и ценностей среды, скорее, общий, условный, существующий в круге универсальных категорий. Понять это можно двояко. С одной стороны, обнаруживается определенная однотипность в приемах, в используемом оборудовании, а также явные модные средовые элементы, применяемые повсеместно (сухие фонтаны, качели, сиденья). Происходит явное нивелирование индивидуального, рукотворного, стихийного. Засилье дизайна в силе погасить личные точки идентичности, свести на нет привычные ритуалы, рассеять ауру места. Работа с нематериальными сторонами среды требует тонкой настройки – как пространства, так и самих инструментов проектирования, интегрированного средового чувства. Насколько обновленные пространства сохраняют возможность для реализации индивидуальной истории, для прямого соучастия или самовыражения? Признаем, что «инструмента», обеспечивающего гарантированную личную вовлеченность каждого, сегодня не существует…

Таким образом, в логике предъявленных в данной главе рассуждений не имеет смысла ставить точку. Промежуточным выводом может стать уверенность в пользе разветвленной системы критериев идентичности среды, стремление к расширению круга понятий и наращиванию связей, необходимости их многократного осмысления и переосмысления. Вместе с этим, признаем, что тема таит в себе множество «неудобных вопросов», в том числе, и привносящих некие сомнения в стройность теорий. Например, сам принцип диалога (это слово не случайно помещено в название главы) смещает акцент с безусловного наследования средовых качеств в сторону их трансформации, дополнения, а, возможно, и «спора» с ними.

Находясь именно в диалогических отношениях с идентичностью, модернизированная среда предлагает свои «аргументы», подчас, лежащие в неожиданной плоскости. Взаимодействуя с неповторимым, уникальным характером места, каждый обнаруживает свою индивидуальную правду и вектор ее развития. Учитывая количества ментальных слоев и контекстов, интересов, сообществ, возрастов, личностей, наш современник оказывается перед проблемой выбора и нахождения места своему личному миру, самоидентификации в окружающей среде.

В завершении главы следует все же поприветствовать описанные преобразования – и в плане развития города, и в ключе поднятой серьезной темы для рефлексии. Весомым критерием стал отклик горожан (и приезжих), в большинстве случаев, позитивный, их искренняя гражданская включенность в вечный многомерный диалог, который, к сожалению, часто остается прерогативой узкой профессиональной среды. Сегодня эмоции и реакции жителей подтвердили обнадеживающий вектор междисциплинарной коммуникации в свете обновления городского образа – интегративного ресурса художественной стороны профессии.

ГЛАВА IV.6.

ПОТРЕБНОСТЬ В РЕВИЗИИ МОДЕРНИСТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕЛОСТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Нельзя не видеть противоречий между современной градостроительной практикой и стереотипными представлениями о том, как должно достигаться объемно-планировочное и архитектурно-стилистическое единство поселения. Города, отождествляемые теперь со своими округами, стремительно расширяются, вбирая в себя множество самых разных по происхождению и формам селитебных, промышленных, рекреационных, заповедных зон. Но при этом продолжает звучать настойчивое требование придавать им связность, компактность и целостность[430]. Сохраняется популярность уподобления города живому организму, все части которого выполняют свои функции и не могут существовать в отрыве друг от друга и общего[431]. С этой точки зрения реальное состояние дел в градостроительстве огорчает, а выход из положения видится, по-преимуществу, в ужесточении политики централизованного градорегулирования, опирающегося на постулаты, по-существу, все той же модернистской концепции.

Целью данного раздела исследования является критический анализ причин сложившейся ситуации и поиск теоретических оснований для выхода из нее. Автор предлагает пересмотреть отношение к проблеме целостности города и поставить во главу угла задачу достижения не абсолютной, а относительной гармонии во взаимоотношениях между его разнородными элементами, нуждающимися в достаточных степенях автономии.

Градостроительные постулаты модернизма продолжают сохранять свою актуальность, по-видимому, в силу того, что в их основе лежит наследие классики. В самом деле, несмотря на революционность, «Современное движение» XX века нацеливалось на тотальное архитектурно-пространственное преобразование реальной действительности по тем самым законам абсолютной гармонии, которые были за несколько веков до того подняты на щит мыслителями Ренессанса и Просвещения.

---

[430] Владимиров В.В., Саваренская Т.Ф., Смоляр И.М. Градостроительство как система научных знаний. Труды Российской академии архитектуры и строительных наук. Серия «Теоретические основы градостроительства». М.: УРСС, 1999. С.81-85.
[431] Райт Ф.-Л. Будущее архитектуры. Пер.с англ. М.: Госстройиздат, 1960. С.33.

Проекты удобных и светлых, геометрически упорядоченных городов будущего программно противопоставлялись сумбурной картине перегруженных и дискомфортных поселений капиталистического и средневекового прошлого. Но ведь градостроительное искусство Нового времени тоже противопоставлялось тому, что сложилось, во-многом стихийно, ранее. В стилистическом отношении ордерная архитектура была чужда модернистской, однако, в градостроительном – принципиально близка. Об этом свидетельствует, прежде всего, приверженность к регулярной планировке, наглядно демонстрирующей полное подчинение обширных пространств разуму и воле человека.

Одним из принципов градостроительства модернизма было четкое функциональное зонирование территорий. Сейчас от этого отказались и стали предпочитать полифункциональность, многослойную сложность городской структуры. Это надо заметить, чтобы избежать упреков в смешении модернизма с постмодернизмом. Конечно, время идет и все меняется. Однако, пока что остается в силе наиболее существенный признак современного градостроительства – планирование и проектирование от общего к частному, с приоритетом заботы о композиции крупных объемно-пространственных образований и всего города в целом.

Это тот подход, который Т.Ф.Саваренская называла «дедуктивным». Он восторжествовал в эпоху Просвещения благодаря авторитету французского математика и философа Рене Декарта[432]. Но истоки его обнаруживаются в регулярном градостроительстве Античности. Знаменательно, что авторам европейских архитектурных трактатов XV-XVIII веков пришлась по душе восходящая к Витрувию мысль о подобии города зданию и, наоборот, здания - городу[433]. Тогда же на вооружение была взята и другая многозначительная сентенция, приписываемая Протагору: «Человек – мера всех вещей». Она легла в основу развития антропоцентрического взгляда на мир, который свойственен и нашему времени. Если город строится как одно большое здание, предназначенное для человека, то он должен иметь архитектурное единство, даже при использовании разных композиционно-стилистических приемов. В реальности все оказывается сложнее, но в «чистой» теории – именно так.

Ренессансно-барочно-классицистический градостроительный идеал оказывается совпадающим с модернистским в своей основной максималистской интенции. Четкая объемно-планировочная структура города заставляет каждый его элемент выполнять

[432] Саваренская Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVII-XIX веков. Эстетические и теоретические предпосылки. М.: Стройиздат, 1987. С.65-128.
[433] Палладио Андреа. Четыре книги об архитектуре. В 2-х томах. / Пер. И.В.Жолтовского. Под общей ред. А.Г.Габричевского. М.: ВАА, 1936. С.48.

общие требования, соблюдать дисциплину, выстраиваться «по стойке смирно» на предопределенных красных линиях. Отклонения от такого порядка объясняются обстоятельствами случайного исторического происхождения. Правда, архитекторы иногда специально придают сложность организации пространств – во имя выразительности, но всегда стараются внимательно отрисовать такие участки, считая недопустимым попустительствовать хаосу. Все нацелены на создание коллективными усилиями хорошо выстроенного, завершенного произведения градостроительного искусства.

Можно констатировать нарастание стремления профессионалов получить полную власть над проектированием, строительством и функционированием городов. Однако, плоды такой тотальной запрограммированности градоформирования разочаровывают и вызывают беспокойство. В этом отношении представляется оправданной и даже необходимой та критика, которой подвергает наследие модернизма Никас Салингарос со своими единомышленниками[434]. Проблема заключается не только в отмечаемой им агрессии «геометрического фундаментализма», свойственного модернизму. Тяга к формалистическому абстракционизму превращает архитектуру в прикладную, вспомогательную дисциплину по обустройству и лишь поверхностному оформлению среды жизнедеятельности человека. В самом деле, на наших глазах ослабевает и теряется фундаментальное значение произведений архитектуры, каждое из которых раньше имело свой собственный характер, свой масштаб, свой смысл и образ. Вот, почему многие обеспокоены возрастанием роли промышленного дизайна, который начал активно замещать искусство архитектуры[435].

Обозначенная проблема обнаруживает свою особую остроту в сфере охраны историко-культурного наследия. Считается, что памятники архитектуры должны встраиваться в контекст современного города, чтобы продолжать «жить» в нем, а не превращаться в «омертвевшие» музейные экспонаты. На деле это порождает противоположный эффект: исторические здания «осовременяваются», теряя немалую долю своего неповторимого обаяния, своей самодостаточности, самобытности. В более выигрышном положении оказываются как раз музеефицированные объекты, строго охраняемые и стоящие особняком.

---

[434] Michael W. Mehaffy & Salingaros, N.A. (2002) “Geometrical Fundamentalism”, Plan Net Online Architectural Resources, reprinted as Chapter 9 of Nikos A. Salingaros (2006) A Theory of Architecture, Umbau-Verlag, Solingen, Germany. / пер. Н.Тулаевой. http://urbanist.by/geometrical_Fundamentalism-2

[435] Раппапорт А.Г. Архитектура и миф // Вопросы теории архитектуры. Архитектура и культура России в XXI веке / под ред. И.А.Азизян. М.: ЛИБРОКОМ. 2009. С.427-465. С.434-435.

Настоящие произведения архитектуры, не только покрытые патиной старины, но и созданные недавно, требуют уважительного к себе отношения. Кстати, на них распространяется закон об авторском праве, хотя фактически о нем предпочитают забывать в угоду интересам пользователей. Восхищаться прекрасной архитектурой и оберегать ее становится все труднее. Во многом это объясняется тем, что возобладал взгляд на город как общественное достояние. К каждому строению предъявляются требования вписываться в панорамы и перспективы улиц и площадей, насыщать их нужными функциями, всемерно отвечать сиюминутным интересам города и горожан. Размежевание территорий с установкой оград вызывает возмущение. При этом творческие инициативы жителей почти не выходят теперь за пределы квартир. Все внешнее пространство находится в распоряжении властей и бизнеса. Могут ли городские здания и комплексы при таких условиях оставаться самими собой? Ясно, что не могут: им надлежит подлаживаться к ситуации, мимикрировать и терпеть происходящее вокруг, включая рекламные экраны и шумные празднества с лазерными шоу, бесцеремонно проецируемыми на их стены.

Тем не менее, охарактеризованная ситуация оценивается зачастую положительно. Контекстуально-средовой подход к проектированию кажется единственно верным и продуктивным, поскольку позволяет архитектору «держать руку на пульсе» и выстраивать, «вылепливать» из множества элементов слаженное целое. Эстетика постмодернизма привела на смену лапидарному схематизму многообразие архитектурной пластики, но не ослабила, а усилила тягу к достижению эффекта ее композиционной целостности и хорошо отрежиссированной театральности[436].

Анализ происходящего в соотнесении с далеким и недавним историческим опытом архитектурно-градостроительной деятельности приводит к заключению о том, что существующий тренд развития профессии не может привести нас к осуществлению мечты. Надо осознать тот факт, что идеал абсолютной гармонии недостижим в земной преходящей действительности. Следует отдать себе отчет и в том, что город не может быть настоящим подобием целостного живого организма. На самом деле, город – лишь вместилище для зданий и сооружений, используемых людьми. В этом отношении убедительнее выглядит сравнение его с природным ландшафтом, лесом, населенным множеством самодостаточных живых организмов.

[436] Дуцев М.В. Пространственные связи. Художественная интеграция в городской среде // Теория и история архитектуры. Вып.1. XI Иконниковские чтения. Материалы научной конференции. Отв.ред. И.А.Добрицына. М.: НИИТИАГ, СПб.: Коло, 2020. Электронное издание.

Слово «вместилище» хорошо подходит для определения типичного средневекового города, наполненного довольно «рыхлой» дворовой застройкой. В средневековых и более древних градостроительных традициях заключалась своя логика, отвечавшая стойким патриархально-общинным отношениям. Люди жили семейными кланами, соседствами, посадскими и сельскими «мирами», имевшими пространственную обособленность. Каждое значительное здание виделось им подобием целой вселенной. Отсюда – замкнутость в себе, разнокачественность, разномасштабность построек, создававших в увязке с рельефом местности бесконечно живописную архитектурно-природную среду. В такой среде был свой порядок, своя ясная субординация в отношении распределения мест и величия тех или иных строений. Можно сказать, что архитектура тогда следовала традиционному социальному этикету.

Нам сегодня явно недостает этикетности, чинности, уважительности и в сфере общественных отношений, и в архитектуре. Новые агрессивные многоэтажные корпуса вырастают зачастую там, где им не место, втискиваются в существующую застройку, бесцеремонно заслоняя и подавляя ее. Иногда навязчиво «заигрывая» с ее архитектурными формами и заставляя откликаться на это, дабы изобразить композиционное единение. Разве в приличном обществе допустимо такое?

Для устранения бестактностей и диссонансов в городской среде требуется не полицейский контроль и не абсолютная власть демиурга, заставляющая всех и вся приходить к безропотному единению, а деликатная забота о размежевании и достаточном обособлении чуждых друг другу объектов, имеющих исконное право на суверенитет. Еще в 1976 году В.Л.Глазычев сформулировал важнейшую для нас задачу - уйти от волюнтаристского, «произвольно-проектного подхода к ткани города»[437]. То есть, от игнорирования природного и культурного достояния самой конкретной территории, сложившейся на ней застройки и, соответственно, интересов старожилов. Поощряемое сегодня «комплексное развитие территорий», сопряженное с их «зачисткой», представляется вариацией на тему модернистского целеполагания и потому должно быть признано явлением ошибочным.

Как хорошо, когда в большом городе находятся уютные дворики, тихие закоулки, «Богом забытые» урочища и естественные ландшафты! Не надо искать формулу оптимально комфортной среды. Среда должна быть разной, как подчеркивал Президент

[437] Глазычев В.Л. Город людей // Вопросы теории архитектуры: тезисы лекций для семинаров повышения квалификации архитекторов. М.: МАРХИ, 1976. С.83.

РААСН А.В.Кузьмин[438]. Цельность инфраструктурного «каркаса», стандартизация городского благоустройства, обеспечение равной доступности пространственных локусов – все эти стереотипные требования следует пересмотреть и заменить гораздо более мягкими, многообразными по масштабам и формам, пригодными для поддержания в каждом случае своей, подобающей меры изолированности и взаимосвязанности. Только так может создаваться бесконфликтная, дружественная, благоприятная для жизнедеятельности архитектурно-пространственная среда[439].

Такие мои соображения находят подкрепление в исследованиях эконом-географического масштаба. Вот знаменательная цитата из статьи В.Л.Каганского: это будет «пространством автономных районирований, взаимоучитывающих друг друга … сама форма пространства полноценного культурного ландшафта допускает совмещение в нем многих разнородных и трудносовместимых компонентов, но только если каждому из них отведено собственное пространство и наличествуют широкие спектры переходных зон»[440].

Ревизия модернистских представлений о целостности города нужна для того, чтобы отказаться от навязчивых, но несбыточных стремлений к созданию полностью завершенного, закономерно слаженного во всех своих частях и безукоризненно работающего подобия «часового механизма» или «машины для жилья». Как люди не должны быть «винтиками», так и здания, и отдельные пространственные анклавы города не должны терять свою самостоятельность, лишаться своего «я» в структуре целого. Возрождение высокого искусства архитектуры невозможно без реабилитации традиционного «штучного» подхода к проектированию каждого объекта. Это вовсе не означает, что все здания должны становиться шедеврами. Многие из них могут быть совсем скромными и обычными, но – прекрасными в своей уместности. При таком подходе город начнет вновь формироваться не столько «дедуктивным», сколько «индуктивным» путем[441], плодотворность которого подтверждается привлекательностью многосоставной частновладельческой застройки исторических городов.

---

[438] Кузьмин А.В. Среда жизнедеятельности – национальный приоритет России. Формирование и реализация. Доклад на Общем собрании РААСН. М., 2015. http://www.raasn.ru/upload/iblock/756/Доклад А.В.Кузьмина.pdf

[439] Бондаренко И.А. Бесконфликтное соседство // Градостроительство. № 6 (28). М.: РААСН, 2013. С.43-45.

[440] Каганский В.Л. Постмодерн. Культурный ландшафт. Россия // Проект Россия. 2010. 55 Жилье. I. С.197-200. С.200.

[441] Владимиров В.В., Саваренская Т.Ф., Смоляр И.М. Градостроительство как система научных знаний. Труды Российской академии архитектуры и строительных наук. Серия «Теоретические основы градостроительства». М.: УРСС, 1999. С.79-81.

Это позволяет сделать вывод о том, что современному городу противопоказано «замоноличиваться» в одно архитектурно-планировочное целое, так же как и растекаться непрерывным «масляным пятном» на огромные территории[442]. По своей структуре он должен походить на хорошую агломерацию, включающую своих полноправных участников на добровольных договорных началах. Для достижения устойчивого «мирного сосуществования» автономных градообразований необходимо признавать незыблемость их территориальных границ. И не надо стремиться к такой незыблемой целостности, которая кажется найденной и установленной кем-то раз навсегда. Гораздо полезнее для города представляется следование давней традиции выстраивания порядка относительного, предполагающего растянутое во времени постепенное, посильное и, тем самым, реалистическое развитие и совершенствование жизненной среды.

[442] Селар Питер. Города выходят из своих границ. Пер.с англ. –М.: Госстройиздат, 1962.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом работы нашего научного коллектива за 2022 год стало выполнение запланированной совокупности исследований по теме, охватывающих в той или иной мере отечественный и мировой опыт архитектурно-градостроительной деятельности, начиная с древности и заканчивая настоящим временем. В первой части книги рассмотрены истоки наиболее устойчивых традиций освоения и преобразования человеком естественной среды обитания. Во второй – раскрываются основополагающие принципы формирования уникальной пространственности Санкт-Петербурга; характеризуется имперская идеология и политика структуризации системы городского расселения, а также реальная практика перепланировки уездных городов Казанской губернии на регулярной основе, сталкивавшаяся со многими трудностями и вынуждавшая приходить к компромиссным решениям. Третья часть содержит результаты исследования более или менее радикальных преобразований в теории и практике архитектуры и градостроительства XX века. Рассмотрен советский опыт модернизации традиционного городского квартала. Проведено всестороннее исследование комплексной реконструкции среды древнего абхазского поселения Пицунды, преобразованного в конце 1950-х - 1960-е годы в курорт международного класса. Весьма поучительным стало рассмотрение идейно-теоретического и творческого вклада Ричарда Роджерса в развитие современной мировой архитектуры и урбанистики. В четвертой части книги сконцентрированы результаты критического анализа тех перемен, которые происходят в наше время на давно обжитых и особо ценных территориях Приангарья, подвергающихся все новым и новым угрозам затопления, а также в знаменитой санаторно-курортной среде Кавказских Минеральных Вод, где допускается немало ошибок при активном новом строительстве. Далее исследуется злободневный вопрос о противостоянии защитников архитектурного наследия и сторонников модернизации городской среды; обосновывается потребность в устранении или хотя бы смягчении конфликтов между памятниками зодчества и их окружением; детально разбирается и оценивается с научной точки зрения большая концептуальная и практическая работа последнего времени по реновации знаковых общественных пространств Нижнего Новгорода. Завершает книгу текст, обосновывающий необходимость в скорейшей ревизии устаревших, но все еще действенных модернистских взглядов на проблему целостности городской среды.

Общие выводы можно сгруппировать по проблемам, рассмотренным так или иначе во всех частях и главах книги.

Первая проблема – вмешательство строительной деятельности в естественные ландшафты и саму биосферу Земли. Экскурс в те отдаленные времена, когда только зарождалось зодчество, позволил сделать вывод о том, что свойственное пантеизму обожествление природы вызывало не только робость человека перед ее могуществом, но и оправданную потребность в преобразовании тех диких ландшафтов, которые представлялись испорченными силами зла. Таким образом, зарождение и развитие строительного искусства мотивировалось необходимостью благоустраивать и модернизировать естественную среду обитания, причем, не столько из утилитарных соображений, сколько во имя благородного служения божествам света, дарующим жизнь на земле. Человек изначально настраивался на содействие циклам возрождения, омоложения и позитивного преображения мира. Хотя ему приходилось воздавать дань уважения и циклам неизбежного старения и умирания, в силу чего исходящие от него модернизационные инициативы долгое время оставались умеренными.

При основании Санкт-Петербурга природный фактор сыграл важнейшую роль в деле формирования его уникальной градостроительной структуры - распластанной, широко раскрытой на водные глади и ко всем сторонам горизонта. Низменный ландшафт дельты Невы лег в основу самого художественного образа новой имперской столицы, которая стала принадлежностью не только России, но и всего европейского мира. Отмеченное в первой главе целенаправленное «сотворчество» человека и природы проявилось здесь с особой эмоциональной силой и выразительностью.

Дальнейший ход развития архитектуры и градостроительства показал безудержное возрастание властных амбиций первых лиц государства, которые возложили на себя миссию великих преобразователей огромной территории Российской империи. Выполненные исследования свидетельствуют о том, что привнесенные из Европы умозрительные идеалы равномерной системы расселения и правильно распланированных городов во многом удалось реализовать, хотя и с немалыми трудностями, издержками и ошибками. Напористая программа насаждения архитектурно-планировочной регулярности со временем была смягчена в угоду интересам частной жизни на местах.

Имперская модернизация среды жизнедеятельности уступила место стихийному процессу роста и трансформации городов в эпоху капиталистической индустриализации. В этом процессе проявлялись совершенно естественные закономерности, однако, баланс между природным и антропогенным началами был резко нарушен. Причем, второе – антропогенное - переродилось в техногенное, жестоко подавляющее не только природу, но и самого человека.

XX век прошел под знаком безапелляционной рационализации и оптимизации архитектурно-градостроительной деятельности в интересах государства и социума. В борьбе с устрашающими проявлениями хаоса набрала небывалую мощь планомерная работа по обузданию и подчинению воле человека всего земного и околоземного пространства. Эпиграфом к ней можно считать крылатую фразу И.Ф.Мичурина: «Мы не должны ждать милости у природы. Взять ее – наша задача». Сотворчество с природой обернулось ее порабощением.

Однако, и в технократически-атеистическом обществе создавались образцы альтернативной городу привольной садово-парковой и благоустроенной лесной среды для санаториев и элитных дачных поселков. Это заставляет сосредоточиться на **второй проблеме** – размежевания и взаимодействия городской, пригородной, сельской и межселенной - чисто природной среды. Проведенные исследования показали, что исторический процесс развития архитектуры и градостроительства вел к обострению контраста между сферами естественного и искусственного. Архитектура способствовала все большему самоутверждению человека на земле. Однако, пришло время, когда маятник качнулся в противоположную сторону. Города стали создавать гнетущую атмосферу «каменных джунглей». В качестве прекрасной альтернативы им была выдвинута идея «города-сада». Интересны приведенные в книге сведения о том, какое большое внимание в первые десятилетия XX века уделялось созданию не только городских парков, но и садово-огородных хозяйств в непосредственной близости от городов и даже в их черте, где сохранялось еще много частной усадебной застройки. Однако, от дезурбанистической концепции в СССР отказались принципиально, а идея самоуправляемого города-сада была сведена к озеленению общественных пространств казенного многоэтажного города. Вместе с тем, как показало проведенное исследование, в конце 1920-х – начале 1930-х годов была осуществлена кардинальная модернизация традиционного городского квартала, который стал крупнее, просторнее и полноценнее в функциональном отношении. Таким способом решалась задача создания среды, достойной жителей «социалистического города». Следующим шагом в развитии той же идеи было формирование концепции микрорайона, получившей широкую реализацию во второй половине XX века.

Вопреки благим намерениям и лозунгам, грубый прагматический подход к преобразованию естественных ландшафтов до сих пор сказывается на судьбе знаменитой всесоюзной здравницы – Кавминводы. Грустно наблюдать, как продолжает перегружаться тяжеловесными чужеродными корпусами уникальная архитектурно-природная среда

Кисловодска, Ессентуков, Железноводска, Пятигорска. Но в книге приводится и гораздо более страшный пример - тотальная модернизация обживавшейся веками природной среды Приангарья. В погоне за сверхприбылью здесь приносятся в жертву многочисленные памятники истории и культуры заодно с величественными сибирскими ландшафтами. Анализ этого примера убеждает в необходимости скорейшей выработки такой теории единения человека и природы, которая, восстанавливая преемственные связи с жизнеспособными традициями, была бы способна противостоять безоглядному и губительному волюнтаризму технократии и бизнеса.

Третья проблема, рассмотрение которой проходит красной нитью через всю работу, - соотнесение модернизации архитектурно-пространственной среды с сохранением историко-культурного наследия. Представленные в книге исследования реконструктивных проектов и свершений XVIII – XIX веков позволяют сделать заключение о том, что политика радикального обновления планировки и застройки запущенных и ветшавших средневековых городов не может оцениваться нами столь позитивно, сколь хотели бы того власти в свое время. Нельзя не сожалеть о безвозвратной утрате массы самобытных произведений деревянного зодчества, от которых не осталось и следа. Невозможно не признать ценности живописной планировки средневековых городов, всегда органично враставших в неповторимый природный рельеф местности. Детальное изучение вопроса на материале уездных городов Казанской губернии сделало очевидным тот факт, что насаждение регулярности наносило ущерб старожилам и наталкивалось на их посильное сопротивление. Ломка вековых устоев общинной жизни оборачивалась такой модернизацией всей среды, которая далеко не всегда и не во всем может быть отнесена к разряду позитивных и прогрессивных явлений. Хотя многое получилось и приятным, и красивым, и достойным восхищения потомков.

Хорошо проясняет этот вопрос сопоставление тотальных преобразований Российской империи с фрагментарными нововведениями в городах Западной Европы, где до сих пор сохранились большие пласты готического и романского архитектурного и градостроительного наследия. Вместе с тем, распространившийся в XX столетии в той же Европе и по всему миру архитектурный модернизм проявлял гораздо большую, чем классицизм, враждебность в отношении исторических городов и сел. В XX веке многим казалось, что жить так – по средневековому – больше нельзя. Поэтому даже в тех проектах, где поддерживалась связь с местными традициями, превалировали конструктивные и стилистические новации. Однако, сегодня мы знаем, как прекрасны и

удобны могут быть подлинные старинные здания, лишь укрепленные, отреставрированные и оснащенные новым инженерным оборудованием.

О многом заставляет задуматься представленный в книге анализ массированной архитектурно-художественной модернизации исторического поселения Пицунды. Для 60-х годов XX века эта работа была несомненным творческим достижением, шагом вперед по сравнению с преобладавшим тогда лапидарным утилитаризмом в планировке и застройке городов при небрежении к историко-культурному наследию. Здесь удалось создать нечто интересное, синтетическое, многозначительное. Но с сегодняшних позиций все это не может не восприниматься критически. Нам теперь совершенно ясно, что так вольно относиться к уникальным памятникам архитектуры, восходящих к Раннему Средневековью, просто недопустимо. Шокирует и основной композиционный прием построения курортного комплекса, а именно: демонстративное выстраивание однотипных модернистских башен вдоль живописного морского берега, к тому же, поросшего с незапамятных времен чудесными реликтовыми соснами. Нынешнее законодательство, конечно, не позволило бы сделать ничего подобного. Да и у самих архитекторов за прошедшие полвека сильно изменилось отношение к наследию, контексту и гению места.

Поучителен в этом отношении предпоследний раздел исследования, посвященный осмыслению реконструктивных мероприятий, осуществленных в Нижнем Новгороде к его 800-летию. Подытоживая наблюдения и теоретические рефлексии автора, можно констатировать наличие весьма позитивных тенденций в сфере творческой работы с исторически сложившейся городской средой. Хотя недостает еще заботы о поддержании и регенерации подлинных, особо ценных ландшафтных, планировочных и архитектурно-стилистических признаков неповторимой индивидуальности города. Многое делается в угоду вкусам усредненного обывателя. Напрашивается вывод о том, что во главу такого рода городских программ реновации или модернизации среды должны ставиться со всей строгостью самые высокие научные и культурно-просветительские цели.

Четвертая проблема касается дробления и единения объемно-пространственной среды. Архитектору свойственно стремление к созданию целостных структур и композиций. Королевские и царские архитекторы получали такие задачи и полномочия, что казалось, будто-бы они, словно боги, способны преобразить и осчастливить своим искусством целые города, страны и континенты. Удивительно, что в Новейшее, революционное время настрой на это не ослаб, а даже вырос, несмотря на провозглашение демократических свобод. В книге содержатся специальные главы, раскрывающие коллизию соотношения частного и общего в формировании и модернизации среды.

Обосновывается тезис о том, что секрет обаяния исторически сложившейся застройки городов заключался в индуктивном способе ее формирования, основанном на индивидуальном, «штучном» подходе к проектированию каждого здания. Возрождение этого подхода требуют сегодня, прежде всего, памятники архитектуры, заслужившие право «жить своей жизнью», в достаточном обособлении от чужеродного современного окружения.

На самом деле, не только признанным памятникам, но и всем полноценным произведениям архитектуры противопоказано слепливаться в эклектические конгломераты и оказываться в состоянии порабощения внешними агрессивными по отношению к ним архитектурно-планировочными приемами. Надо осознать ценность пространственно-временной неоднородности городской среды. Признавая практическую недостижимость в преходящей действительности идеала абсолютной гармонии, следует больше заботиться о выстраивании гармонии относительной, позволяющей и совсем скромным строениям быть прекрасными в своей уместности. А чтобы обуздать хаотичность больших городских конгломератов, их надо признать не едиными архитектурно-планировочными «организмами», а вместилищами множества таких «организмов», которым требуются условия для достаточно автономного и бесконфликтного сосуществования.

Пятая проблема вызвана существенными разночтениями в понимании социальной и культурной миссии архитектуры. Надо ли стремиться к экспрессивной красоте или изысканной гармонии, затрачивая на это большие ресурсы? Не будет ли более справедливым решение насущных задач жизнеобеспечения без лишних архитектурных изысков? Советской архитектуре пришлось претерпеть переориентацию такого рода, когда на государственном уровне была провозглашена борьба с украшательством. Одна из глав настоящей книги посвящена английскому архитектору Ричарду Роджерсу, который всю жизнь отстаивал левые (лейбористские) позиции и призывал ставить во главу угла градостроительных реконструкций социальные проблемы. Ему принадлежит знаменитый лозунг: «Больше этики, меньше эстетики!», а также влиятельная концепция «Дружелюбного города». В то же время, он был лидером ярчайшего стилистического течения, получившего наименование «Хай-тек». Изысканная техницистская эстетика его построек носит неоавангардный характер и продолжает, тем самым, то революционное направление развития мировой архитектуры, которое считалось прогрессивным, социально ориентированным, но на практике было вовсе не дружелюбно в отношении исторических городов, да и самих людей.

Проведенный нами анализ приводит к выводу о том, что любая архитектура – и традиционная, и новаторская – должна быть этичной и дружелюбной по отношению не только к пользователям, но и к своему окружению, то есть, к улице, кварталу, городу, всему поселению и ландшафту. Нам оказывает медвежью услугу потребительское понимание старого лозунга: «Все на благо человеку!». Пришло время отказаться от чрезмерного эгоцентризма. Проектируя здания, города, системы расселения, обустраивая обширные территории, необходимо научиться вновь, как было в давние времена, проявлять должное почтение к месту нашего общего обитания – планете Земля.

Сделанные выводы носят промежуточный характер. В 2023 году предстоит завершить начатые исследования и подготовить сводный отчет, уточняющий и обобщающий высказанные ранее соображения, касающиеся импульсов, интенций и механизмов трансформации и обновления архитектурно-пространственной среды. А в конечном итоге у нас должны появиться обоснованные выводы и предложения, нацеленные на совершенствование теории и творческой практики модернизации среды жизнедеятельности человека и общества средствами архитектуры и градостроительного искусства.

Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Книга 2. *Коллективная монография. Отв.ред.-сост. И.А.Бондаренко*

М.: Архи.ру – СПб.: Коло, 2023 – 296 с.

Оригинал-макет Т.Ю.Чепчуговой